

Это цифровая копия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных полках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие засиси, существующие в оригинальном издании, как наиминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредиринали некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заирсы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.

Мы разработали иrogramму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заирсы.

Не отиравляйте в систему Google автоматические заирсы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оптического распознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.

В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доилнительные материалы ири иомощи иrogramмы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.

Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих определить, можно ли в определенном случае исиользовать определенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск и этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

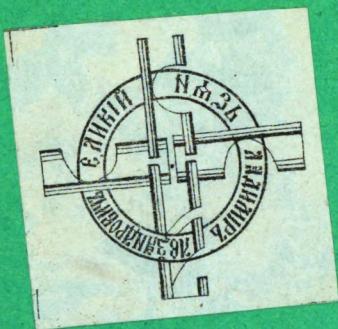
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ,

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ,

ВЛАДИМИРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ,

Комитета Карамзинской Библиотеки

усерднейшее и признательнейшее приношение.

Not in
2-20-35 V
n. #

Not in
L C
3/21/31
186

СИМБИРСКІЙ ЮБІЛЕЙ НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА КАРАМЗИНА.

1 ДЕКАБРЯ 1766—1866 ГОДА.

Въ пользу Карамзинской стипендіи при Симбирской гимназіи.

СИМБИРСКЪ.

Печатано въ губернской типографії.

1867.

S. A. Karamzin
98 - 1105

Simeonovsk
Digitized by Google

Печатать доъявляется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ цензуру узаконенное число экземпляровъ. Казань 20 Февраля 1867 г.

Отдѣльный Цензоръ *I. Готвальдъ.*

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

R

L

П о т о м с т в у

СЛАВНАГО ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИСТОРИОГРАФА,

СИМБИРСКАГО УРОЖЕНЦА И ДВОРЯНИНА,

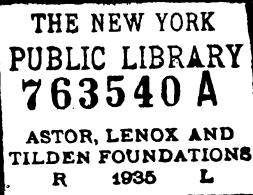
НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА

КАРАМЗИНА.

Съ чувствомъ глубокаго уваженія

ПОСВЯЩАЕТЬ

Комитетъ Карамзинской общественной библіотеки
въ г. Симбирскъ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Комитетъ Карамзинской библіотеки съ издаваемымъ отъ него съ описаниемъ столѣтняго юбилея, празднованнаго въ Симбирскѣ 1-го и 2-го декабря 1866 года въ честь симбирскаго уроженца и дворянина Н. М. Карамзина, желалъ соединить все, чѣмъ Симбирскъ нераздѣльно связанъ съ именемъ Карамзина. Съ этой цѣлію комитетъ въ настоящемъ своемъ изданіи предлагаетъ благосклонному вниманію просвѣщенной публики: 1, описание столѣтняго Карамзинскаго юбилея, празднованнаго въ Симбирскѣ, съ приложениемъ всѣхъ литературныхъ статей, читанныхъ на юбилеѣ и описание предварительныхъ приготовленій къ юбилею, сдѣланныхъ Комитетомъ; 2, описание открытия въ Симбирскѣ памятника Н. М. Карамзину и бывшаго по сому случаю торжества; 3, подробную исторію Карамзинской общественной библіотеки въ г. Симбирскѣ.

Karamzin JAN 18 1935

17/18 May

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I.

Юбилейное празднование столетной годовщины дня рождения Н. М. Карамзина, бывшее въ Симбирскѣ 1-го и 2-го декабря 1866 г. Учит. Симб. Гимназ. А. И. Виноградова	стр. 7.
„Тому сто летъ“..... Стихотв. Ен. Вяземскаго	31.

Статьи, читанные на юбилей.

а., Біографический очеркъ Н. М. Карамзина и развитіе его литературной дѣятельности. Профес. Казан. Унив. Н. Н. Булича	37.
б., На объявление памятника Н. М. Карамзину. Стих. Н. М. Языкова	144.
в., На столѣтій Симбирскій юбилей Н. М. Карамзина. Стих. Д. П. Озновишина	150.
г., Памяти Н. М. Карамзина. Стихотв. воспит. Симб. гимназии Соловеева	157.
д., Мѣніе Русского гражданина. Н. М. Карамзина .	153.
е., О любви къ отечеству и народной гордости. Его же .	158.
ж., Отрывокъ изъ сочиненія: о воспитаніи „дворянствъ.“ Его же	161.
з., Письмо Попеч. Каз. учеб. округа П. Д. Шестакова	162.
и., Предварительные приготовленія къ юбилею, сдѣланныя комитетомъ Карамзинской библиотеки.	163.

II.

Записка объ открытии памятника въ Симбирскѣ Н. М. Карамзину и	169.
Историческое похвальное слово Карамзину, произнесенное по случаю слушаю академикомъ М. П. Погодинымъ.	180.

III.

Исторія Карамзинской общественной библиотеки въ г. Симбирскѣ и	221.
Отчетъ о состояніи библиотеки, читанный на юбилеѣ	256.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Списки всѣхъ мѣстъ и лицъ, сдѣлавшихъ денежныя пожертвованія на Карамзинскую библиотеку	стр. 264.
--	-----------

II.

ЮБИЛЕЙНОЕ ПРАЗДНОВАНИЕ СТОЛЪТНІЙ ГОДОВЩИНЫ

ДНЯ РОЖДЕНИЯ

НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА

КАРАМЗИНА,

БЫВШЕЕ ВЪ СИМБИРСКЪ 4-ГО И 2-ГО ДЕКАБРЯ 1866 ГОДА.

Въ Симбирскѣ еще въ первой половинѣ 1865 года задумали праздновать столѣтнюю годовщину дня рождения знаменитаго уроженца симбирской губерніи, славнаго отечественнаго исторіографа, Николая Михайловича Карамзина. Мысль объ этомъ юбилейномъ празднованіи возникла сначала между членами комитета Карамзинской публичной библіотеки, и, принявъ ее къ сердцу, они позаботились о томъ, чтобы на родинѣ Карамзина достойнымъ образомъ былъ отпразднованъ юбилей въ честь его славнаго имени. Отъ нихъ пошла она въ общество и народъ, потому что комитетъ, глубоко почитая великія заслуги Карамзина предъ отечествомъ, желалъ придать празднику въ честь его имени болѣе торжественности и привлечь къ нему по возможности общее вниманіе и сочувствіе. Не равнодушно было общество къ прекрасной мысли комитета, и, принявъ на себя заботы объ устройствѣ праздника, онъ благовременно сдѣлалъ надлежащія приготовленія. Желая ознаменовать юбилейный праздникъ въ честь Карамзина дѣломъ, достойнымъ его памяти, комитетъ употребилъ дѣятельныя мѣри къ тому, чтобы къ этому славному времени возстановить и открыть въ Сим-

бирскѣ погибшую отъ пожаровъ 1864 г. Карамзинскую библіотеку на прежнихъ основаніяхъ и надлежащимъ образомъ упрочить ея существованіе. Съ Высочайшаго разрѣшенія, по случаю наступленія столѣтнаго юбилея дня рождения Карамзина, комитетъ открылъ по всей имперіи подписку на составленіе неприкосновен-наго запаснаго капитала Карамзинской библіотеки, необходимаго для прочнаго обезпеченія ея существованія на будущее время, и ко дню юбилейному имъ получено было уже нѣсколько пожертвованій съ разныхъ концовъ Россіи. Праздникъ въ честь Карамзина, уроженца Симбирской губерніи, по мнѣнію комитета, имѣя важное значеніе для всей Россіи, былъ особенно близокъ и дорогъ для симбирянъ; по этому комитетъ, позаботился дать ему по возможно-сти достойную и блестящую обстановку. Онъ пригласилъ украсить своимъ присутствіемъ юбилейное торжество въ честь Карамзина въ Симбирскѣ сыновей его, изъ которыхъ Александръ Николаевичъ, живущій не подалеку отъ Симбирской губерніи, въ своемъ имѣніи Макателемъ, Арзамасскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, удо-стоилъ этой части симбирское общество. Кроме того комитетомъ къ торжеству первого числа декабря въ Симбирскѣ приглашены были: академикъ М. П. Погодинъ, который при торжествѣ открытия въ Симбирскѣ монумента Карамзину говорилъ по-хвальное слово въ честь Карамзина, Попечитель Казанскаго учеб-наго округа П. Д. Шестаковъ и проректоръ Казанскаго униве-ритета Н. Н. Буличъ, изъ которыхъ академикъ Погодинъ и Попечитель Казанскаго учебнаго округа не могли однако быть въ Симбирскѣ. Такимъ образомъ вслѣдствіе приготовленій комитета, обращавшихъ на себя общее вниманіе, мысль объ юбилейномъ то-ржествѣ въ честь Карамзина въ Симбирскѣ становилась болѣе и болѣе достояніемъ общества и предметомъ живаго интереса для низшихъ классовъ народа. Покрайней мѣрѣ въ Симбирскѣ гораздо ранѣе первого числа декабря 1866 г. въ народѣ и обществѣ были толки о предстоящемъ празднествѣ въ память великаго уро-женца Симбирской губерніи Николая Михайловича Карамзина.

Вотъ наступилъ велиcantный и знаменательный для Симбирска день первого декабря 1866 г., и его вмѣстѣ съ слѣдующимъ днемъ симбиряне почтили блистательнымъ общеноароднымъ праздникомъ, память о которомъ надолго сохранится въ Симбирскѣ. 1-го дека-бря уже въ 9 часовъ утра, лишь только раздался благовѣсть бо-льшаго соборнаго колокола, замѣтно было въ городѣ особенное движеніе. На площади, находящейся между домами градскаго об-

щества и гимназіи, оградою Спасскаго монастыря и развалинами губернаторскаго дома, которую иногда въ Симбирскѣ не безъ основанія называютъ Карамзинскою, толцілся народъ, съ любопытствомъ разсматривая приготовленія къ иллюминації, предполагавшейся вчѣромъ того дня. Толкуя о значеніи настоящаго празднства, народъ простодушно, но знаменательно называлъ его *имянинами* покойнаго Карамзина, и вмѣстѣ съ нимъ считалъ имяниницею въ этотъ день и Кліо, возвышающуюся на гранитномъ пьедесталѣ Карамзинскаго памятника. Въ тоже время со всѣхъ концовъ города сѣшили въ кафедральный соборъ слушать заупокойную литургію по Николаѣ Михайловичѣ Карамзинѣ. Ее совершалъ преосвященный Евгений, епископъ Симбирскій и Сызранскій, и храмъ Божій полонъ былъ молящимися о памяти Карамзина.

Всльдъ за литургіею соборнѣй совершена была преосвященнымъ вселенская панихида, которая въ тотъ день была совершаема по всемѣстно въ Россіи въ память Карамзина. Мысль о томъ, что въ одно и тоже время молятся въ церкви о Карамзинѣ въ разныхъ краяхъ нашего отечества всѣ, почитающіе его память и любящіе отечество и просвѣщеніе, придавала Богослуженію, сопровождаемому воспоминаніями объ усопшемъ, характеръ высоко-торжественный и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко-трогательный. Наставленія Церкви о суетѣ земнаго величія и ничтожествѣ благъ мірскихъ, ея напоминанія о жизни безконечной за гробомъ и священный призывъ молиться о Н. М. Карамзинѣ возносили душу горѣ, къ небу, наполняя ее страхомъ Божіимъ. Еѣ благоговѣйной молитвѣ предъ престоломъ Божіимъ и вообще къ высокимъ чувствамъ располагала предстоящихъ въ храмѣ самая мысль о значеніи церковнаго празднованія. Всѣ собирались сюда для того, чтобы предъ Отцемъ Небеснымъ помянуть труды и подвиги Н. М. Карамзина для пользы и славы нашего Отечества, чтобы такимъ образомъ память его стала священою для потомства; для того, чтобы възблагодарить Всевышняго, что Онъ посылаетъ нашему народу для его чести и славы мудрыхъ благодѣтелей и наставниковъ и ихъ благодѣянія и заслуги вызываетъ на память въ потомствѣ для общаго назиданія; наконецъ для того, чтобы вознести теплныя молитвы къ тому же милосердому Господу объ упокоеніи доблестно подвизавшагося ради земнаго отечества въ обителяхъ отечества небеснаго. Словомъ благоговѣйное почитаніе памяти Карамзина и глубокое чувство признательности къ его заслугамъ предъ Отечествомъ привлекли сюда собравшихся. И вспомнивъ его безукори-

значенную жизнь, достойную подражания въ преданности Царю, въ любви къ Отечеству, къ наукѣ и просвѣщенію, сполна посвященную странѣ родной, представляя себѣ его высокій и нравственный характеръ и честная гражданская убѣжденія, они не могли также забыть, что Николай Михайловичъ былъ симбирянинъ по происхожденію, что его дѣтство прошло въ Симбирскѣ или по близости Симбирска, о которомъ любилъ онъ вспоминать, какъ о родномъ сердцу краѣ, что такимъ образомъ симбиряне съ большою любовью и горячностію должны хранить о немъ память, драгоценную для всѣхъ русскихъ. И невольно съ любовью взоры каждого останавливались на сыне Карамзина Александре Николаевичѣ, бывшемъ также въ церкви при совершении заупокойной литургіи и панихиды по великому отцѣ своемъ. И горяча была молитва о Николаѣ Михайловичѣ всѣхъ симбирянъ, будто родной семьей собравшихся въ церковь вмѣстѣ съ его сыномъ помянуть его предъ престоломъ Божіимъ. Во время служенія панихиды, которое такъ способно потрясти душу, у нѣкоторыхъ изъ предстоящихъ невольно на глазахъ навертывались слезы, и отъ избытка сердца, полного благоговѣйныхъ чувствъ, вслѣдъ за служителями Церкви многіе вслухъ повторили молитву о рабѣ Божіемъ Николаѣ, о еже прости-тия ему всякому прегрѣшенію, вольному же и не вольному, и упокоитися въ мѣстѣ злачнѣ и покойнѣ, идѣже праведніи упокоевают-ся, идѣже нѣсть болѣнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная..... Вообщѣ глубокое и живое воспоминаніе сохранится въ сердцахъ симбирянъ о Церковномъ Богослуженіи первого декабря, посвященномъ памяти Николая Михайловича Карамзина, и пусть оно останется для нихъ на долго дорогимъ, святымъ; душу возвышающимъ воспоминаніемъ.

По окончаніи Богослуженія въ соборѣ Преосвященный епископъ съ духовенствомъ, изыравляющій должность губернатора П. П. Косяковскій, Предсѣдатель комитета Карамзинской библіотеки А. П. Языковъ, вмѣстѣ съ членами комитета, земство, дворянство, ученое сословіе и многіе изъ чиновниковъ и горожанъ отирались во вновь отстроенный послѣ пожара домъ дворянскаго собранія. Здѣсь, въ залѣ Карамзинской библіотеки, преосвященный отслужилъ благодарственный молебенъ Господу Силь послучаю возстановленія Карамзинской библіотеки, которое Комитетъ библіотеки заранѣ положилъ праздновать вмѣстѣ съ юбилеемъ Николаю Михайловичу Карамзину, въ память котораго и была она воздвигнута симбирскимъ дворянствомъ. По совершении молебна, Предсѣдатель

комитета Карамзинской библиотеки прочиталъ предъ многочисленной публикой краткій историческій отчетъ объ ея состояніи, содержаніе котораго представляло для нея предметъ живѣшаго интереса и сочувствія. Въ послѣдней части отчета изображено, какимъ образомъ, послѣ уничтоженія Карамзинской библиотеки отъ симбирскихъ пожаровъ въ 1864 году, совершено не легкое и общагоуваженія достойное дѣло возстановленія ея на прежнихъ основаніяхъ, по мысли и стараніямъ Комитета библиотеки, при Высочайшемъ вниманіи покойнаго Государя Наслѣдника Николая Александровича и Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича, благодаря по жертвованіямъ, присланнымъ съ разныхъ концовъ Россіи, отъ лицъ отдѣльныхъ и обществъ, преимущественно ученыхъ, а также со стороны членовъ комитета, особенно А. М. Языкова, и при просьбѣ, щенномъ содѣйствіи симбирскаго дворянства, которое дало для библиотеки приличное помѣщеніе съ отопленіемъ и прислугою. Завѣчительныя слова отчета: „Комитетъ съ своей стороны дѣлаетъ все, что можетъ содѣйствовать процвѣтанію Карамзинской библиотеки“ и пр. были приняты публикой съ чувствами искренней признательности иуваженія къ усердію Комитета въ общеполезномъ дѣлѣ устройства Карамзинской библиотеки, которая и были выражены Предсѣдателю комитета. Въ отчетѣ между прочимъ было упомянуто, въ общему удовольствію публики, что на торжество столѣтняго юбилея дня рождения Николая Михайловича Карамзина, по приглашенію Комитета, прибылъ въ Симбирскъ и сынъ покойнаго исторіографа Александръ Николаевичъ Карамзинъ, и что вечеромъ того дня празднующимъ память славнаго юбиляра доставить удовольствіе слышать свое сочиненіе о виновникѣ торжества проректоръ Казанскаго университета Н. Н. Буличъ, прибывшій въ Симбирскъ по приглашенію Комитета.

Въ два часа по полудни, въ малой залѣ дома дворянскаго собранія былъ приготовленъ обѣденный столъ, къ которому Комитетомъ библиотеки приглашены были почетные гости: Преосвященный Евгений, епископъ Симбирскій и Сызранскій, г. исправляющій должность Губернатора, Губернскій Предводитель дворянства, проректоръ Казанскаго университета Буличъ и другія почетныя лица. Въ обѣдѣ принимало участіе все симбирское общество по подпискѣ, въ которой приглашены были Комитетомъ всѣ почитатели памяти Карамзина безъ различія сословій и званій. Обѣдъ былъ великолѣпный, и въ многочисленномъ собраніи присутствующихъ, въ вотор-

ромъ было до 150 человѣкъ, замѣтно было общее одушевленіе. Всѣ собравшіеся, не смотря на разнохарактерный составъ свой относительно происхожденія и званія, одушевлены были одною мыслью о высокихъ заслугахъ предъ Отечествомъ славнаго юбиляра, великаго уроженца Симбирской губерніи, и однимъ стремленіемъ почтить его память достойнымъ образомъ на его родинѣ, въ то время, когда празднуется ее вся Россія. Въ виду всѣхъ присутствующихъ, за почетнымъ столомъ, рядомъ съ Преосвященнымъ, сидѣлъ сынъ покойнаго исторіографа Александръ Николаевичъ Карамзинъ, и симбирское общество съ восторгомъ смотрѣло на живую связь свою съ зиамонитымъ покойникомъ. Зала кромѣ портрета ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА украшена была двумя портретами Николая Михайловича Карамзина. Оркестръ музыки и хоръ пѣвчихъ превосходнымъ пѣніемъ и игрой дополняли блестящую обстановку обѣда, который на долго будетъ памятенъ для симбирцевъ по своему особенному для нихъ значенію и своему чисто-общественному характеру. За обѣдомъ Предсѣдателемъ Комитета Карамзинской библіотеки провозглашены были сначала тосты за ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, за ГОСУДАРЫНЮ ИМПЕРАТРИЦУ, Августѣйшихъ новобрачныхъ и всего Царствующаго Дома, которые были сопровождаемы громкими „ура“ и народнымъ гимномъ. Потомъ провозглашенъ былъ тостъ въ честь памяти славнаго юбиляра, знаменитаго Исторіографа Россійскаго Государства, уроженца Симбирской губерніи Николая Михайловича Карамзина. Съ живѣйшимъ восторгомъ, полнымъ благоговѣйнаго уваженія и глубокой признательности къ памяти Карамзина, былъ принять пубlicoю этотъ тостъ, и въ слѣдъ за нимъ, какъ бы угадавъ общее желаніе присутствующихъ, Губернскій Предводитель дворянства Александръ Ивановичъ Ермоловъ предложилъ тостъ за оставшееся въ живыхъ семейство Карамзина и за его присутствующаго представителя Александра Николаевича Карамзина. Тостъ былъ предложенъ въ слѣдующихъ словахъ: „Прошу позволенія сказать нѣсколько словъ. Нестану говорить о дѣятельности Николая Михайловича Карамзина. Я позволю себѣ вспомнить о немъ, какъ о нашемъ дворянинѣ, какъ объ истинномъ патріотѣ, уважаемомъ двумя Императорами и современнымъ ему обществомъ за его безкорыстную любовь къ Россіи и за его правду. Желая, чтобы каждый изъ насъ слѣдовалъ его путемъ, подражая ему въ прѣданности и любви къ Отечеству и Государю, считаю долгомъ почтить его память торжественнымъ выражениемъ уваженія къ

его дѣтіемъ и предлагаю Вамъ, мил. гг., тостъ за оставшееся въ живыхъ семейство Карамзина и за присутствующаго здѣсь представителя его Александра Николаевича Карамзина.“ Послѣдній отвѣчалъ на этотъ тостъ слѣдующей рѣчью, произнесенной съ истиннымъ одушевленiemъ: „Мил. гг.! Та страна достойна производить великихъ людей, которая умѣеть цѣнить ихъ гenій и заслуги. Поистинѣ такая страна есть Симбирскъ, давшій Россіи Николая Михайловича Карамзина, И. В. И. Дмитрева, Николая Михайловича Языкова. Симбирское дворянство всегда горячо цѣнило геній и заслуги своего соотечественника, котораго нынѣ чествуетъ память, и котораго я имѣю счастье быть сыномъ. Было недавно время, когда въ нашей столичной таѣ называемой бельетристикѣ была въ большомъ ходу выставка преибраженія къ ученымъ и словеснымъ знаменитостямъ предшествовавшаго поколѣнія; въ особенности было модно между такими бельетристами заявлять неуваженіе къ трудамъ русскаго исторіографа. Но Симбирскъ судилъ эти труды не съ чужаго голоса, а собственнымъ, просвѣщеннымъ сужденiemъ, и въ это самое время онъ особенно чествовалъ память своего великаго соотечественника. Ни одинъ образованный русскій не можетъ не воздать чести и славы Симбирску, колыбели и высокому цѣнителю генія и талантовъ. Но какъ выразить Вамъ, милостивые государи, тѣ горячія чувства, которыми исполнены къ Симбирску сердца наши-дѣтей Карамзина?! Позвольте же отъ преисполненнаго сердца предложить вамъ тостъ за духовное и вещественное процвѣтаніе нашего роднаго Симбирска, за здравіе его высокопросвѣщенного дворянства, за здравіе всѣхъ симбирскихъ людей.“ Громкое, долго не умолкавшее ура было краснорѣчивымъ отвѣтомъ со стороны симбирцевъ Александру Николаевичу, успѣвшему до глубины души растрогать ихъ своею задушевною рѣчью. За тѣмъ послѣдовали тосты: предложенный г. исправляющимъ должность губернатора П. П. Ко-саговскимъ за здоровье Комитета Карамзинской библіотеки, потомъ за здоровье присутствующихъ почетныхъ гостей, за процвѣтаніе учесныхъ обществъ и за всѣхъ ревнителей просвѣщенія, содѣйствовавшихъ возстановленію библіотеки и за здоровье всѣхъ присутствующихъ. Обѣдъ кончился въ 5 часу вечера. И такъ какъ въ нашемъ отечествѣ издавна заведено, чтобы всякое общественное торжество ознаменовано было какимъ либо добрымъ дѣломъ; то по окончаніи обѣда открыта была подписка на пожертвованія въ пользу учрежденія при Симбирской гимназіи сти-

пенди съ именемъ Карамзина, Высочайше разрѣщенная по Симбирской губерніи, и немедленно собрано было пожертвованій на прекрасное дѣло болѣе 200 рублей серебромъ.

Вечеромъ около 7 часовъ были великолѣпно иллюминованы зданіе гимназіи и домъ дворянскаго собранія. Народъ густыми толпами прогуливался по Карамзинской площади, простодушно выражая свое сочувствіе къ празднику въ честь славнаго земляка своего, знаменитаго уроженца симбирской губерніи. Особенное его вниманіе привлекало къ себѣ монументъ Карамзину. Заинтересованный воспоминаніями о виновникѣ общаго празднества въ Симбирскѣ, народъ разсмотривалъ его съ живѣйшимъ любопытствомъ; но, въ сожалѣнію, Муза исторіи, Кліо, возвышающаяся на гранитномъ пьедесталѣ, хотя при блескѣ иллюминаціи и казалась ему величавой въ этотъ знаменательный для Симбирска день, все таки оставалась по прежнему для него недоступной пониманію, равно какъ оставался таинственнымъ и непонятнымъ и смыслъ фигуръ и изображеній, вылитыхъ на боковыхъ сторонахъ барельефа. Неудовлетворенные въ своемъ благородномъ стремлѣніи къ любознательности, такъ достойномъ вниманія на этотъ разъ, жители Симбирска скоро уходили отъ монумента къ гимназіи, иные склонивъ шапки и отдавъ поклонъ предъ освѣщеннымъ бюстомъ Карамзина, вылитымъ на лицовой сторонѣ барельефа. Тамъ все было такъ свѣтло, радостно, торжественно, и вмѣстѣ такъ доступно смыслу и чувству народа! Лицевая сторона гимназии вся была иллюминирована со вкусомъ, и въ срединѣ зданія, надъ параднымъ крыльцомъ, въ блескѣ и сияніи красовался большой щитъ, безкорыстно приготовленный учителемъ рисованія въ гимназіи г. Двининомъ. По срединѣ щитъ былъ увѣнчанъ вензелемъ Николая Михайловича. Любаясь имъ, горожане съ удовольствиемъ и одобрениемъ читали на немъ надпись золотыми буквами: „гимназія Карамзину.“ Всѣмъ понятно было, почему гимназія позаботилась привлечь себѣ общее вниманіе въ своемъ праздничномъ нарядѣ. Праздніе въ честь Карамзина было празднѣ въ честь науки и любви къ просвѣщенію въ нашемъ отечествѣ; слѣдовательно гимназія должна была принять въ немъ самое живое участіе. Кроме того развалины неподалеку находящагося губернаторскаго дома всѣмъ напоминали о прошломъ несчастіи, постигшемъ Симбирскъ и гимназію, которая теперь красовалась уже на мѣстѣ жалкаго пепелища, какъ бы торжествуя вмѣстѣ съ городомъ и свое недавнѣе возстановленіе. И легко, и отрадно и весело становилось у всѣхъ на душѣ при взгляде на праздничный

видъ гимназіи и вообще Симбирска, который въ ѿтотъ памятный для него день впервые послѣ пожаровъ торжественно сбросилъ съ себя трауръ долговременный общей печали! И если кому изъ горожанъ невольно приходили на память впечатлѣнія Симбирскихъ пожаровъ съ ихъ поразительными ужасами и чрезвычайными несчастіями; то немогли онъ подѣйствовать возмущающимъ образомъ на сердце, у всѣхъ открытое для радости въ минуты общаго празднства. На-противъ праздничный видъ города, при распорядительности начальства быстро возстановляющагося въ своей прежней красѣ, приводилъ въ восхищеніе, которое не давало при себѣ мѣста мрачнымъ воспоминаніямъ, и, подъ вліяніемъ восторга, въ разнообразномъ говорѣ народа, вслухъ высказывались знаменательныя рѣчи: „пора Симбирску и попраздновать! И Симбирску пришло время ликоватъ!“..... Отъ гимназіи симбиряне толпами стремились на общее торжество и ликованье къ дому Дворянскаго Собрания. Блескъ и великолѣпіемъ своимъ онъ поражалъ общее вниманіе; не по-скучился Комитетъ, чтобы придать большиe пышности торжеству дворянства и города въ честь знаменитаго симбирскаго дворачи-на. Но если толпу народа привлекали сюда великолѣпіе внутренняго освѣщенія и блескъ иллюминациі, то образованная часть симбирянъ спѣшила сюда по другимъ, болѣе благороднымъ побужденіямъ. Комитетъ Карамзинской библіотеки заранѣе объявилъ печатно, что въ 7 часовъ вечера 1-го декабря, въ такъ называемой малой залѣ Дворянскаго Собрания устраивается въ честь памяти Карамзина литературное чтеніе, къ которому приглашаются безплатно почитатели Карамзина и любители просвѣщенія. И со-бралось ихъ сюда такъ много, что рѣшительно недоставало уже мѣста поѣтителямъ, несмотря на довольно обширный объемъ залы. Собраніе представляло публику самую различную по составу: въ немъ присутствовали и Начальство вмѣстѣ съ главными чиновни-ками губерніи, и высшее общество Симбирска, представители зем-ства изъ всѣхъ уѣздовъ; тамъ же были многіе изъ дворянства и духовенства, изъ городскаго сословія, изъ чиновниковъ, разныхъ вѣдомствъ, изъ среды учителей и учениковъ и гимназій, и семи-наріи, и другихъ училищъ. Словомъ, при первомъ взглядѣ на со-бравшуюся здѣсь публику, представлявшую цвѣтъ и лучшую часть симбирскаго народонаселенія, ясно было, что Симбирскъ здѣсь осо-бенно, въ домѣ Дворянскаго Собрания, торжествуетъ столѣтнюю годовщину дня рожденія великаго уроженца симбирской губерніи, и что это торжество вызвало самое искреннее и сердечное участіе

очень многихъ представителей всѣхъ классовъ народонаселенія.

Вечеръ литературный, послѣ концерта, великолѣпно пропѣтаго хоромъ пѣвчихъ, начался чтеніемъ Н. Н. Булича, проректора Казанскаго университета. Публика встрѣтила профессора, лишь только взошелъ онъ на кафедру, громкими рукоплесканіями. Авторъ началъ свою рѣчь [краткимъ предисловиемъ, въ которомъ указавъ на важное значеніе для всей Россіи юбилейнаго торжества въ честь Карамзина, особенно выяснилъ его исключительный характеръ и интересъ по отношенію къ симбирскимъ уроженцамъ. Публика съ восторгомъ слушала краснорѣчивыя и лестныя для нея слова профессора: „Русь не бѣдна людьми, дѣлающими честь ей; но Карамзинъ первый писатель ея, удостоившійся публичнаго торжественнаго поминанія черезъ сто лѣтъ въ день его рожденія. Симбирскъ опередилъ всѣ другіе русскіе города въ этомъ отношеніи; на его долю выпало счастіе первому изъ русскихъ городовъ почтить память своего великаго одногорожанина, человѣка мысли и слова, родившагося и выросшаго въ немъ. Здѣсь, на его родинѣ, праздникъ Карамзина получаетъ иное, сердечное, близкое душѣ всѣхъ пріисуществующихъ значеніе. Въ рядахъ слушателей сидѣть сынъ Карамзина, въ которомъ симбирское общество за пѣсоколько часовъ передъ симъ такъ единодушно и восторженно привѣтствовало живую связь свою съ великимъ покойникомъ. Таланты и слава Карамзина, его сочиненія, его высокія гражданскія убѣжденія составляютъ достояніе всего нашего отечества. Вѣрный сынъ Россіи долженъ молиться на его могилѣ, по выраженію поэта, чтобы пробудились въ немъ силы духовныя, силы для дѣлъ добра и пользы странѣ родной. Но Карамзинъ, какъ человѣкъ, принадлежитъ прежде всего Симбирску. Въ сердцахъ симбирскихъ уроженцевъ память о немъ должна жить теплѣе и сердечнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и симбирскій праздникъ-воспоминаніе человѣка и симбирскаго уроженца.“ Потомъ авторъ выразилъ, что согласно съ характеромъ симбирскаго праздника, онъ намѣренъ предложить публикѣ по похвальнуру рѣчь о Карамзинѣ, не нуждающемся ни въ чьихъ похвалахъ, и не обстоятельный разборъ его литературныхъ и научныхъ заслугъ, но поминая близость человѣка-Карамзина къ благородной и признательной почвѣ, его вскормившей, желалъ бы представить ей великаго соуроженца такимъ, каковъ онъ былъ въ то время, когда работалъ для настоящаго и будущаго, когда билось и волновалось его сердце. „Образъ Карамзи-

иа, прибавилъ онъ, невольно влечеть къ себѣ душу по той удивительной гармоніи, какую представляетъ онъ, какъ человѣкъ и писатель. Его сердце и умъ, таланты и жизнь никогда не расходились между собою, и достоинство писателя сливалось въ немъ съ достоинствомъ гражданина. Эта внутренняя гармонія человѣческихъ свойствъ и авторскихъ талантовъ Карамзина оставляетъ отрадное чувство въ душѣ, послѣ пребыванія въ честномъ мірѣ созданныхъ имъ образовъ и глубоко прочувствованныхъ убѣжденій. Карамзинъ лучше всякаго говоритъ самъ за себя, и такъ естественно является желаніе видѣть его здѣсь въ краскахъ времени, въ живыхъ изліяніяхъ его таланта и сердца, желаніе оживить на праздникъ его родины, ему посвященному, воспоминаніе о немъ, какъ о человѣкѣ и о его великомъ дѣлѣ, къ несчастію забывающемъ въ смѣнѣ быстро идущихъ другъ за другомъ русскихъ поколѣній, но незабвенномъ для мысли, славы и счастія нашей родины.“ Это краснорѣчивое вступленіе, произнесенное съ живостію и пріятностію, такъ свойственною рѣчи автора, привлекло къ ней общее вниманіе и расположение, и заинтересованная публика съ увлечениемъ выслушала первую главу его обширного сочиненія. Въ ней авторъ, удовлетворяя любознательности публики, изложилъ сначала свѣдѣнія о мѣстѣ и времени рожденія Карамзина и о родѣ Карамзинихъ, а потомъ съ особыеннымъ вниманіемъ остановился на отчетливомъ изображеніи дѣтства Николая Михайловича и первыхъ впечатлѣній его жизни, проведенной то въ Симбирскѣ, то въ симбирской деревнѣ. Заговорить о дѣтствѣ Карамзина и объ отношеніи его къ Симбирску значило затронуть предметъ въ высшей степени интересный для симбирской публики, большинство которой неимѣло отчетливыхъ свѣдѣній о томъ, и авторъ съ успѣхомъ удовлетворилъ благородной потребности своихъ слушателей. Въ живомъ и одушевленномъ разсказѣ, основанномъ на тщательномъ разборѣ извѣстныхъ историколитературныхъ данныхъ, онъ выяснилъ передъ ними блѣдные образы отца и матери Карамзина съ ихъ первоначальнымъ вліяніемъ на душевное его развитіе; изложивъ потомъ свѣдѣнія о первоначальномъ обученіи Карамзина, подъ руководствомъ сельского дѣячка, „славнѣйшаго грамотѣя въ околотѣ“, и подъ руководствомъ иностранцевъ-губернеровъ въ Симбирскѣ, онъ вывелъ и объяснилъ изображеніе самимъ Карамзиномъ наглядные типы представителей стариинаго провинціального дворянства русскаго, отъ которыхъ Карамзинъ набирался въ дѣтствѣ духу русскаго и благородной дворянской гордости, отли-

чавшійся сознаніемъ собственного достоинства и презрѣніемъ въ подлости и дѣламъ презрительнымъ; ярко намѣтиль далѣе полные широкой жизни образы природы, окружавшей дѣтство Карамзина въ Симбирскѣ, или въ деревнѣ, которые оказали на его впечатлительную душу могущественное вліяніе, и которые стали его дорогими воспоминаніями въ послѣдующей жизни; указалъ также на сильное вліяніе чтенія современныхъ романовъ на воображеніе и чувство Карамзина и проч. Послѣдняя часть главы заключаетъ въ себѣ отчетливый разсказъ объ учениіи и воспитаніи Карамзина въ Москвѣ въ пансионѣ, замѣчательного профессора Московскаго университета Шадена, прибывшаго изъ Германіи въ Москву для образования молодыхъ русскихъ поколѣній. По справедливому мнѣнію автора, пансионъ Шадена имѣлъ гораздо болѣе могущественное и плодотворное вліяніе на умственное и нравственное развитіе Карамзина, не напрасно сохранившаго о немъ самое иѣжное и пріятное воспоминаніе. „Изъ него онъ вышелъ прямо въ жизнь и прінесъ съ собою въ нее, вмѣстѣ съ сложившимися убѣженіями, которыя навсегда опредѣлили его литературную дѣятельность, и положительная свѣдѣнія, необходимыя для нея.... Знакомство съ новыми языками, подъ вліяніемъ и при совѣтахъ воспитателя, доставило Карамзину средства для обширнаго образовательнаго чтенія, особенно нѣмецкихъ авторовъ, и дало ему возможность очень скоро явиться печатнымъ переводчикомъ съ нѣмецкаго.“ Авторъ кончилъ чтеніе первой главы своего сочиненія, и оно вызвало общія, долго не прекращавшіяся рукоплесканія, которыя показали, съ какимъ живымъ интересомъ слушала его многочисленная аудиторія. Вскорѣ послѣ чтенія профессора Булича, когда оркестръ музыки исполнилъ увертюру изъ оперы Моцарта, членъ комитета Карамзинской библіотеки Н. А. Gonчаровъ съ глубокимъ чувствомъ произнесъ передъ публикой „Стихи на объявленіе памятника исторіографу Николаю Михайловичу Карамзину,“ сочиненіе даровитаго нашего поэта пушкинского времени Н. М. Языкова, которое было читано въ тотъ же день при торжествѣ юбилейномъ и въ другихъ краяхъ нашего отечества. Это прекрасное произведеніе покойнаго поэта, подобно Карамзину, бывшаго тоже уроженцемъ симбирской губерніи, произвело сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ, и напомнило многимъ изъ нихъ о другомъ славномъ торжествѣ Симбирска, торжествѣ открытия памятника Карамзину въ 1845 г., по поводу которого и было написано поэтомъ. Слушатели увлечены были чарующей силой поэтическаго творчества,

и глубоко напечатились въ ихъ памяти и сердцѣ правдивыя слова поэта о Карамзинѣ:

„Онъ памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный,
Достойный праведныхъ похвалъ,
И краше, чѣмъ кумиръ, иль столбъ каменосѣчный,
И тверже, чѣмъ литой металъ!

Сказаныя праотцевъ судилъ онъ не лукаво,
Онъ прямодушно понималъ
Родную нашу Русь,—и совершилъ со славой
Великій подвигъ: написалъ
Для насы онъ книгу книгъ,—и ясною картиной
Въ ней обновилась старина.

Безсмертенъ Карамзинъ! Его бытописанья
Не позабудеть русскій міръ! Etc. etc.

Вслѣдъ за художественнымъ произведеніемъ Языкова, въ которомъ онъ такъ хорошо объяснилъ чрезвычайно высокое значеніе для Россіи литературного и исторического труда Карамзина и въ бѣгломъ, но поэтическомъ очеркѣ, представилъ живые образы и картины государственной жизни нашего отечества, начертанныя мастерской кистью автора „Исторіи Государства Россійскаго“, симбирскимъ писателемъ Д. П. Ознобишинымъ произнесено было собственное стихотвореніе, приготовленное на случай юбилейнаго торжества въ честь памяти Карамзина. Публика, находившаяся еще подъ вліяніемъ очарованья, произведенаго поэтическими рукоплесканіями. Всѣхъ сильно интересовало, что скажетъ симбирянамъ, по случаю высокаго праздника, особенно знаменательнаго для Симбирска, авторъ, имъ современный, симбирскій же уроженецъ. Онъ напомнилъ имъ сначала, къ общему удовольствію, другое, славное для Симбирска, время, когда, по его выраженію,

Торжественно приволжская страна,
Свой памятникъ въ Симбирскѣ открывала
Россіи даръ—въ хвалу Карамзина!”

Потомъ объяснивъ смыслъ и характеръ настоящаго торжества въ Симбирскѣ, онъ обратилъ вниманіе своихъ слушателей на случившіяся въ незначительный промежутокъ времени, между прошлымъ и настоящимъ Симбирскимъ празднествомъ, события, чрезвычайно

*

важный для Симбирска и для всей Россіи, выраживъ сожалѣніе, что нѣтъ въ живыхъ Карамзина, который съумѣлъ бы изобразить ихъ сообразно съ ихъ высокимъ значеніемъ. Несмотря на свою скромность, авторъ успѣлъ однако расшевелить сердца симбирянъ, напомнивъ имъ о приснопамятномъ для Симбирска посѣщеніи его покойнымъ ГОСУДАРЕМЪ НАСЛѢДНИКОМЪ, заговоривъ потомъ о пожарахъ симбирскихъ и послѣдовавшихъ за ними пожертвованіяхъ всей Россіи, и въ особенности чрезвычайныхъ милостяхъ Царя, вызвавшихъ родной ихъ городъ изъ ничожества къ новой жизни. Въ сжатыхъ и сильныхъ выраженіяхъ очертилъ онъ потомъ преобразованія, которыми возсоздаетъ и обновляетъ наше отечество, къ его счастію, нашъ обожаемый Царь, послѣ чего вспомнивъ нечестивое, всю Россію поразившее ужасомъ, покушеніе злодѣя на цареубійство, авторъ прекрасными, полными для русскихъ глубокаго смысла и правды стихами:

„Могъ извергъ быть въ средѣ лишь супостата;

Но русскимъ, нѣть! . . . онъ русскимъ быть не могъ!“

произвѣль такое сильное впечатлѣніе на своихъ слушателей, что они долго не могли сдержать порывовъ своего патріотического чувства, разрѣшившагося громомъ рукоплесканій. Чтеніе было прервано на нѣсколько минутъ, и авторъ съ наслажденіемъ могъ видѣть, съ какимъ горячимъ чувствомъ всѣ принали его правдивыя слова о злодѣѣ, бывшія краснорѣчивымъ выраженіемъ общей мысли и чувства не только всѣхъ присутствовавшихъ, но и всего русскаго народа. За симъ авторъ, кратко изобразивъ восторгъ всего русскаго народа при вѣсти о чудесномъ спасеніи Царя, и указавъ потомъ на общую радость Россіи въ настоящее время по поводу бракосочетанія ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА, заключилъ свое стихотвореніе слѣдующими прекрасными стихами, выражающими глубокое благоговѣніе къ священной памяти Карамзина.

„Столѣтіе протекло! . . . Безмолвенъ знаменитый,

Нашъ русскій Златоустъ, обворожившій слухъ!

Но вѣщій гласъ его, творенъя—незабыты:

Въ нихъ слово искренно, въ нихъ слышенъ русскій духъ!

Народной славѣ онъ сочувствовалъ сердечно,

И вознесеть его прославленный народъ,

И будетъ жить его въ Россіи имя вѣчно,

Доколь въ сердцахъ любовь къ отечеству живетъ!“

Въ заключеніе литературнаго вечера профессоръ Буличъ прочиталъ предъ публикой вторую главу своего замѣчательнаго сочи-

иенія о Карамзинѣ. Изложивъ въ ней краткія свѣдѣнія о военной службѣ Карамзина въ Петербургѣ, по выходѣ его изъ пансиона Шадена, о началѣ его знакомства съ Ив. Ив. Дмитріевымъ, которое скоро перешло въ задушевную дружбу и было поводомъ къ первымъ литературнымъ опытамъ Карамзина, о возвращеніи послѣдняго на родину, по выходѣ въ отставку, по домашнимъ обстоятельствамъ, и свѣтской его жизни въ Симбирскѣ до тѣхъ поръ, пока симбирскій помѣщикъ Ив. Петровичъ Тургеневъ не увезъ его оттуда въ Москву, авторъ въ живомъ и обстоятельномъ очеркѣ изобразилъ потомъ общество Новикова, въ которое ввелъ тамъ Тургеневъ молодаго Карамзина, и въ которомъ послѣдній провелъ четыре года, на глазахъ лучшихъ людей времени, въ сознательныхъ трудахъ, направленыхъ къ благу человѣчества и къ распространенію просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ, въ переводахъ замѣчательнѣйшихъ тогда произведеній западныхъ литераторовъ и подъ вліяніемъ пылкой, молодой дружбы съ Петровымъ и другими членами новиковскаго общества. „Здѣсь, по мнѣнію автора, разнообразнымъ трудомъ и упражненiemъ не только развился авторскій талантъ Карамзина, но и воспиталось его сердце, раскрылось его чувство къ воспріятію самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній.“ „Здѣсь была превосходная школа для его таланта, сердца, ума. Она воспитала въ немъ ту пламенную любовь къ человѣчеству, которая такъ изобильно разсѣяна въ его сочиненіяхъ, ту чистоту стремленій, которая потомъ дала ему силы посвятить себя самоотверженно и вполнѣ великому труду послѣдняго периода его литературной дѣятельности, ту вѣру въ будущее, съ которой только и можно создать на землѣ что либо великое, и ту глубокую нѣжность характера, которая такъ привязывала къ нему людей и сдѣлала его средоточіемъ самаго свѣтлаго кружка нашей литературы.“ Разсмотрѣвъ потомъ литературныя произведенія первой молодости Карамзина, созрѣвшія подъ вліяніемъ богатыхъ умственныхъ впечатлѣній во время пребыванія его въ Москвѣ среди новиковскаго общества, и обративъ вниманіе на тотъ замѣчательный фактъ, что Карамзинъ, не смотря на тѣсную связь съ новиковскимъ обществомъ и уваженіе къ нему, не поддался однако его вредному вліянію, не увлекся безцѣльными мистическими стремленіями масонства, авторъ заключилъ членіе второй главы слѣдующими замѣчательными словами: „пребываніе Карамзина въ обществѣ московскихъ масоновъ воспитало его мысль, дало ей широкую основу, наполнило ее любовью къ общечеловѣческому, съ которой только и

могло было приступить къ положительному изученію отечественнаго, по знаменитому выраженію Карамзина: „Все народное ничто предъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не славяна-ми.“ Единодушныя выраженія одобренія и удовольствія публики, сопровождавшія чтеніе профессора Булича, были наконецъ заключены торжественнымъ пѣснѣмъ пароднаго гимна, которое исполнилъ оркестръ музыки вмѣстѣ съ хоромъ архіерейскихъ пѣвчихъ. Было около одиннадцати часовъ, и расходившаяся по домамъ публика, передавая взаимно впечатлѣнія вечера, съ удивленіемъ замѣчала, что время прошло такъ незамѣтно и пріятно, между тѣмъ какъ прежде литературные вечера въ Симбирскѣ обыкновенно тянулись такъ вяло, наводя скучу и утомленіе на присутствующихъ.

Вечеромъ первого декабря не кончилось юбилейное празднованіе памяти Карамзина въ Симбирскѣ; симбирияне ее почтили еще вечернимъ торжествомъ 2-го декабря, устройство котораго, главнымъ образомъ, принадлежало гимназіи. Симбирская гимназія вообще отнеслась съ живѣйшимъ сочувствіемъ къ юбилейному торжеству въ честь Карамзина, мысль о которомъ возникла при ней очень рано. Педагогическій совѣтъ Симбирской Гимназіи, желая ознаменовать память Н. М. Карамзина и почтить день его юбилея 1-го декабря 1866 г., 12-го Іюня 1865 г., ходатайствовалъ объ открытии по Симбирской губерніи подписки на пожертвованія для учрежденія стипендіи въ пользу одного изъ бѣднѣйшихъ воспитанниковъ Симбирской гимназіи, отличного по успѣхамъ и желающаго продолжать курсъ наукъ въ университетѣ, и, на основаніи такого ходатайства, ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ Высочайше разрѣшена, въ 6-й день Августа 1865 года, по Симбирской губерніи подписка на учрежденіе при Симбирской гимназіи стипендіи въ память юбилея Н. М. Карамзина. По этой подпискѣ поступило во первыхъ отъ Гг. директора, инспектора, преподавателей и чиновниковъ Симбирской гимназіи 141 р. 30^{1/2} к. с. а потомъ отъ чиновниковъ и преподавателей уѣздныхъ училищъ Симбирской губерніи 21 р. 34 к. с.; сверхъ того, какъ выше упомянуто, начальство гимназіи открыло эту подписку на обѣдъ 1-го декабря, и по ней собрано было болѣе 200 р. сер. Впрочемъ не только совѣтъ и начальство гимназіи обнаружили живое участіе къ юбилейному торжеству въ честь Карамзина, но и воспитанники, ревностными стараніями и добровольнымъ пожертвованіемъ которыхъ, разрѣшеннымъ начальствомъ, гимназія много была обязана своей великолѣпной иллюминацией 1-го декабря и менѣе блестящей иллюминацией 2-го декабря.

Вечернее торжество 2-го декабря, посвященное памяти Карамзина, происходило въ той же залѣ дворянскаго собранія, гдѣ къ семи часамъ вечера собралась не менѣе многочисленная публика, нежели наканунѣ, несмотря на то, что всѣмъ было известно, что оркестръ музыки не будетъ. Всѣхъ сильно заинтересовало чтеніе сочиненія профессора Булича, неконченное на канунѣ, и сверхъ того публикѣ показались интересными и другія части печатной программы 2-го вечера, и онъ удался самымъ блестящимъ образомъ. Достопамятный этотъ вечеръ, послѣ концерта, пропѣтаго хоромъ гимназическихъ пѣвчихъ, открыть былъ предсѣдателемъ комитета Карамзинской библіотеки Языковымъ, который сначала прочиталъ присланныя изъ Петербурга отъ 30 ноября и запоздавшія въ Симбирскъ, по случаю временнаго поврежденія телеграфныхъ сообщеній, слѣдующія телеграммы отъ Министра Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА графа Адлерберга и отъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія графа Толстаго: 1., отъ 30 Ноября. „Симбирскъ. Директору комитета по управлению Карамзинской библіотеки Языкову. ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА, въ память по-коинаго исторіографа Карамзина празднуемой завтрашняго числа столѣтній годовщины отъ его рождения, изволили пожаловать въ пользу имени его библіотеки: ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ 2000 и ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА 1000 р.; деньги препрѣвождаются къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія для доставленія къ Вамъ. Графъ В. Адлербергъ.“ 2., отъ 30 ноября „Симбирскъ. Попечителю Карамзинской библіотеки Языкову. ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА по случаю юбилея Карамзина изволила пожаловать Карамзинской библіотекѣ 1000 р. Министръ графъ Толстой.“ Надо было видѣть, чтобы судить о впечатлѣніи, произведенномъ этими телеграммами на всѣхъ присутствующихъ, которые тотчасъ же всѣ поднялись съ мѣстъ своихъ, и, по общему ихъ желанію, хоромъ пѣвчихъ два раза пропѣть былъ народный гимнъ. Это были минуты высокаго торжества и глубокаго восторга для симбирянъ, незабвенныя для нихъ минуты! Симбиряне до глубины души были тронуты Высочайшимъ вниманіемъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ къ памяти славнаго ихъ соуроженца Карамзина и къ ихъ юбилейному празднованію на его родинѣ, и съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія и вѣрно-подданнической преданности приняли они драгоценныя дары Царскіе въ пользу симбирской общественной библіотеки, посвященной имени Карамзина. И

осчастливленные Августейшимъ вниманиемъ и дарами Ихъ ВЕЛИЧЕСТВЪ, отъ избытка сердца, переполненного чувствомъ благодарности, они въ эти минуты вознесли къ Всевышнему молитву о Царѣ и Царствующемъ Домѣ, вспоминая и всѣ милости Царскія, которыми такъ щедро осыпать былъ Симбирскъ въ послѣднее время послѣ пожаровъ 1864 г., и горяча, и пламенна была молитва ихъ предъ Царемъ Небеснымъ! . . . Чрезъ нѣсколько времени предсѣдателемъ комитета Карамзинской библіотеки прочитаны были также телеграммы, посланныя отъ Казанскаго и Киевскаго университетовъ, отъ Тобольской гимназіи, отъ заслуженнаго профессора Дерптскаго Университета г. Казберга, съ выраженіями привѣта родинѣ Карамзина и поздравленій съ празднуемымъ въ честь его юбилеемъ. Публика съ восторгомъ выслушавъ эти телеграммы, не замедлила съ своей стороны отвѣтить телеграммами, съ выраженіями искренней признательности за привѣтъ родинѣ Карамзина и поздравленія съ торжествомъ, общимъ всей Россіи. Къ сожалѣнію, 2-го ч. декабря не были еще получены поздравительныя телеграммы въ Симбирскѣ изъ стѣнъ старѣшаго изъ русскихъ университетовъ, Московскаго университета, и также отъ Новороссійскаго университета и Одесскихъ гимназій, запоздавшихъ по случаю временнаго поврежденія телеграфныхъ сообщеній. Всльдѣ за чтеніемъ телеграммъ, инспекторомъ гимназіи В. А. Ауновскимъ прочтено было письмо г. Понечителя Казанскаго Учебнаго Округа П. Д. Шестакова къ г. предсѣдателю комитета Карамзинской библіотеки, посланное въ отвѣтъ на сдѣланное ему отъ комитета приглашеніе прибыть въ Симбирскъ къ юбилейному торжеству. Съ живѣйшимъ интересомъ выслушано было это замѣчательное письмо Понечителя Казанскаго учебнаго округа, и чтеніе его сопровождалось общими рукоплесканіями публики, которая выразила такимъ образомъ, что она вполнѣ раздѣляетъ взглядъ отсутствующаго автора на воспитательное значеніе для учащагося юношества юбилейнаго праздника въ честь Карамзина, и глубоко сочувствуетъ его желанію, чтобы въ нашемъ молодомъ поколѣніи проявѣтало истинное просвѣщеніе, такъ высоко цѣнимое Карамзінымъ, и чтобы въ немъ развивалась любовь къ серьезному научному труду, „который, по его краснорѣчивому выраженію, и будетъ для него спасительнымъ противоядіемъ противъ всѣхъ современныхъ бредней растлѣннаго ума.“ За тѣмъ профессоръ Буличъ, встрѣченный единодушными выраженіями общаго интереса въ отношении къ его сочиненію, началъ читать 3-ю главу своего био-

графического очерка Н. М Карамзина. Здѣсь авторъ, послѣ обстоятельного разсказа о заграничномъ путешествіи Карамзина и его впечатлѣніяхъ, такъ важныхъ для его духовнаго развитія и послѣдующей литературной дѣятельности, сообщивъ свѣдѣнія о знакомствѣ его съ знаменитостями русской литературы того времени въ Петербургѣ и въ Москвѣ, въ живомъ отчетливомъ и интересномъ очеркѣ изобразилъ развитіе литературной дѣятельности Карамзина, которой онъ, немедленно по возвращеніи на родину, исключительно посвятилъ всего себя, первый изъ авторовъ русскихъ признавъ литературное дѣло не только важнымъ и серьезнymъ занятіемъ, но и призваніемъ всей своей жизни. Тщательно разсматривая особенно самостоятельные произведения Карамзина, помѣщенный въ издаваемыхъ имъ журналахъ и сборникахъ, въ связи съ обстоятельствами его жизни, насколько это возможно, и въ связи со временемъ, къ которому они имѣли близкое отношеніе, авторъ съ особеннымъ вниманіемъ слѣдить здѣсь за развитіемъ идей и литературныхъ воззрѣній Карамзина, объясненія ихъ несомнѣнное образовательное значеніе для русского общества того времени. Въ концѣ главы, представляющей очень много интереса по своему содержанію, авторъ изобразилъ перемѣну, постепенно происшедшую въ міросозерцаніи Карамзина, вслѣдствіе которой, отрѣшалась отъ своихъ прежнихъ общечеловѣческихъ идеаловъ для идеаловъ народныхъ и пріобрѣтая съ теченіемъ времени болѣе и болѣе высокое уваженіе къ русской старинѣ и къ исторіи родинѣ, онъ наконецъ вполнѣ отдался историческому изученію отечества, и для того навсегда оставилъ свою литературную и журнальную дѣятельность, которая продолжалась 13 лѣтъ, къ славѣ талантливаго автора и къ благу и наслажденію общества, его искренцо и полюбившаго. Вслѣдъ за чтеніемъ профессора Булича, послѣ концерта, прошѣтаго хоромъ семинарскихъ пѣвчихъ, воспитанникъ Симбирской гимназіи Соболевъ произнесъ наизусть свое стихотвореніе, посвященное памяти Карамзина, къ общему удовольствію присутствующихъ, изъ которыхъ многіе уже слышали нѣкоторыя его стихотворенія, читанныя имъ на актѣ Симбирской гимназіи того же года. Публика нашла интереснымъ и дѣльнымъ стихотвореніе молодаго автора, подающаго большія надежды на свои дарованія, и наградила его громкими рукоплесканіями. Интересъ и одушевлѣніе публики не ослабѣвали и должны были еще возрасти и усилиться до высшей степени при чтеніи собственныхъ сочиненій юбиляра, которое объщано было программой вечера. Всѣ присутствующіе,

подъ вліяніемъ сильныхъ и разнообразныхъ впечатлѣній всего юбілейного празднества, настроенные къ воспоминаніямъ о его виновничь, чувствовали, можно сказать, жажду слышать собственныхъ рѣчи покойного, который такъ очаровали современное ему общество. Вотъ почему единодушными выраженіями общаго восторга встрѣчено было чтеніе изъ сочиненій Карамзина. Сначала прочитано было его знаменитое „Миѳніе русскаго гражданина“, послѣ краткаго къ нему предисловія, въ которомъ читавшій объяснилъ поводъ къ его составленію. Впечатлѣніе, произведенное этимъ достопамятнымъ „Миѳніемъ“, было потрясающее, и вызванное имъ патріотическое чувство симбирянъ блистательно обнаружилось въ живѣвшихъ выраженіяхъ признательности къ высокому гражданскому подвигу покойного автора и общаго сочувствія къ его глубоко-народнымъ политическимъ убѣжденіямъ. Потомъ воспитанниками 5-го класса гимназіи Лохтинымъ и Мотовиловымъ съ одушевленіемъ и искусствомъ произнесены были наизусть отрывки изъ разсужденія Карамзина: „О любви къ отечеству и народной гордости“ и изъ сочиненія его „О воспитанії.“ Впрочемъ не декламація молодыхъ ораторовъ, впервые явившихся предъ такимъ многочисленнымъ и торжественнымъ собраніемъ, была для него предметомъ главнаго интереса, но самая рѣчь Карамзина, такъ близкая и дорогая сердцу русскихъ, любящихъ отчество и его славу. Всѣ очарованы были этой краснорѣчивой рѣчью покойного автора юбіляра, и, подъ вліяніемъ обаянія, воображенію и чувству внимательныхъ слушателей невольно представлялся величавый и прекрасный образъ Карамзина, ярко и живо отпечатлѣвшійся въ его произведеніяхъ. Публика глубоко погружена была въ благоговѣйныя воспоминанія и представленія о Карамзинѣ!.... Такое душевное настроеніе присутствующихъ поддержано было послѣдовавшимъ потомъ чтеніемъ профессора Булича. Въ четвертой и послѣдней главѣ своего біографическаго очерка онъ живо изобразилъ послѣдній замѣчательный періодъ жизни Карамзина и великие труды его надъ „Исторіей Государства Россійскаго.“ „Потомству приходится удивляться, говорить здѣсь краснорѣчивый профессоръ, съ какимъ неизмѣннымъ терпѣніемъ и твердостю воли исторіографъ боролся, особенно въ началѣ, съ безчисленными препятствіями, которая зависѣли отъ жалкаго состоянія науки русской исторіи въ то время. Вся сила души Карамзина нужна была для того, чтобы не пасть и побѣдить препятствія. Раздумье, грусть и сомнѣніе часто находили на него, какъ на живаго человѣка, тѣмъ болѣе, что исто-

рія была дѣломъ не одного ума его, но и души и сердца. Не разъ жалуется онъ на свои болѣзни, на семейныя потери, на печаль отъ этихъ потерь, которая лишаетъ его спокойствія, тогда какъ трудъ столь необъятный требуетъ спокойствія и здоровья. Не разъ и самое содержаніе первыхъ вѣковъ Русской Исторіи своимъ безплоднымъ характеромъ заставляетъ Карамзина задумываться. Оставивъ за собою дичь и пустыни, говорить онъ, вижу впереди прекрасное и великое. Боюсь, чтобы я, какъ старый Моисей, не умеръ прежде, нежели войду туда. Доказательствомъ тяжелыхъ усилий Карамзина овладѣть неразработаннымъ матеріаломъ Русской Исторіи можетъ служить переписка его съ разными лицами; она исключительно посвящена предмету, его занимавшему. Не только единственное мое дѣло, но и главное удовольствіе мое есть Исторія, пишетъ онъ къ Муравьеву. Думаю, что Богъ поможетъ мнѣ совершить начатое не къ стыду вѣка. Разсмотрѣвъ потомъ сердечные отношенія Карамзина къ его многотруднымъ работамъ надъ исторіей, при содѣйствіи друзей, особенно М. Н. Муравьева, пока не вошелъ онъ въ близкое знакомство съ Великой Княгиней Екатериной Павловной, а чрезъ нее съ Августѣйшимъ Братомъ Ея Императоромъ Александромъ, авторъ остановилъ вниманіе своихъ слушателей на поданной Карамзінъ въ Апрѣль 1811 г. Императору „запискѣ о древней и новой Россіи,“ представляющей въ высшей степени замѣчательное произведеніе послѣдняго периода его литературной дѣятельности, при чемъ выяснилъ ея содержаніе и значеніе по отношенію къ тому времени и указалъ на гражданское достоинство этого литературнаго дѣла Карамзина. Разсказавъ послѣ того о дальнѣйшихъ занятіяхъ Карамзина исторіей, о томъ, какъ Карамзинъѣздилъ въ Петербургъ, „съ запасомъ терпѣнія, увиличенія и нищеты духа“ и представилъ Государю первые 8 томовъ исторіи, какой неслыханный успѣхъ имѣла его „Исторія Государства Россійскаго, несмотря на нелѣные толки о ней невѣжественнаго общества того времени, авторъ, въ общемъ очеркѣ опредѣляя историко-литературное значеніе великаго созданія Карамзина, выразилъ сожалѣніе, что „не было времени Исторіи Карамзина получить то значеніе, которое принадлежитъ ей по историческому праву и по достоинству,“ что „русскія поколѣнія не успѣли воспитаться на историческомъ трудѣ Карамзина, въ чемъ онъ невиноватъ.“ Но прежде всего-продолжалъ профессоръ-отадимъ справедливость Карамзину за его громадное, неутомимое трудолюбіе, крупицами ко-

тораго жили многіе изъ его неизвестныхъ наследниковъ. Исторія Карамзина есть памятникъ его эпохи и результатъ тяжелыхъ усилий страны во время двѣнадцатаго года. Весь пыль тогдашняго патріотизма, вся справедливая гордость русскаго человѣка, послѣ освобожденія и умиротворенія Европы силою русскою, все обожаніе народа къ Царю-Агамемнону, перешли въ душу Карамзина и вылились въ его Исторіи. Считая исторію „священною книгою народовъ,“ не смотря на то, что онъ давно побѣдилъ въ себѣ космополитическая убѣжденія, Карамзинъ все таки ищетъ въ явтописахъ Россіи достоинства общаго, которое было уже завоевано русскими въ современной Исторіи, и хочетъ доказать, что „нѣкоторые случаи, картины, характеры нашей исторіи любопытны не менѣе древнихъ;“ онъ ищетъ въ русской исторіи мыслей для прагматика, красотъ для живописца. Онъ старается оправдать въ ней скучное и утомительное. Что иное, какъ не глубокая любовь къ странѣ своей создали этотъ взглядъ Карамзина, и желаніе, въ виду современной славы Россіи, написать достойную времени исторію, доказавъ, что и прошедшее Руси не безцѣльно и ничтожно, а исполнено глубокаго содержанія не для однихъ Русскихъ. Изъ этого убѣжденія Карамзина можно объяснить и его художественность, видную въ желаніи дать рельефъ тѣямъ прошлаго и сдѣлать изъ нихъ оживленныя фигуры, отсюда и краски Карамзинскаго слога. Глубокою искренностью звучать послѣднія, заключительныя слова его введенія: „Мы одно любимъ, одного желаемъ: любимъ Отечество, желаемъ ему благо-дѣствія еще болѣе, нежели славы; желаемъ, да не измѣнится никогда твердое основаніе нашего величія; да правила мудраго Самодержавія и Святой Вѣры болѣе и болѣе укрѣпляютъ союзъ частей; да цвѣтетъ Россія.... по крайней мѣрѣ долго, долго, если на землѣ нѣть ничего бессмертнаго, кромѣ души человѣческой!.. Ни кто не заподозритъ въ Карамзинѣ этой искренней любви къ родинѣ, и въ устахъ его она была не фразою оды, а сознательнымъ чувствомъ гражданина, созрѣвшимъ въ медленномъ и упорномъ изученіи бытоописаній Россіи.“ Опредѣливъ такимъ образомъ характеръ и достоинство великаго труда исторіографа, авторъ изобразилъ далѣе развитіе и характеръ дружественныхъ отношеній между Карамзиномъ и Императоромъ Александромъ и Императрицею Елизаветою Алексѣевной, причемъ указалъ и на другихъ близкихъ знакомыхъ и друзей Карамзина въ послѣдніе годы его жизни въ Петербургѣ. Краснорѣчивымъ

и полнымъ сердечной теплоты описаніемъ послѣднихъ лѣтъ и дней жизни исторіографа, съ отраднымъ миромъ въ душѣ отходящаго въ вѣчность, авторъ закончилъ свой замѣчательный біографический очеркъ Карамзина, своимъ богатымъ содержаніемъ и литературнымъ изложеніемъ сильно заинтересовавшій многочисленныхъ его слушателей, которые и выразили полное свое удовольствіе и признательность къ его труду громкими рукоплесканіями, долго не прекращавшимися. Въ заключеніе вечера хоръ семинарскихъ и гимназическихъ пѣвчихъ пропѣлъ: „Слава въ вышнихъ Богу,“ и этимъ концертомъ заключилось юбилейное празднество въ честь Карамзина, полное живыхъ и богатыхъ впечатлѣній, давшее такъ много пищи и наслажденія уму и сердцу симбирянъ, дорогое по своему особенному для нихъ значенію и незабвенное по Высочайшему къ нему вниманію.

ТОМУ СТО ЛѢТЪ.

Тому сто лѣтъ, подъ тихимъ кровомъ
Богобоязненной семьи,
Гдѣ чистымъ дѣломъ, чистымъ словомъ
Хранилась заповѣдь любви:
Въ краю, гдѣ Волгой плодородной
Поятся нивы и луга,
Гдѣ жизнью бодрой и народной
Кипятъ рѣка и берега,

* * *

Тому сто лѣтъ, зимой суровой,
Младенецъ, Божья благодать,
Младенецъ, въ жизнь пришелецъ новой
Утѣшилъ страждущую мать.
Любаясь имъ она гордилась,
Заботъ и благъ въ немъ зря залогъ,
О немъ и о себѣ молилася,
Чтобъ ихъ другъ другу Богъ сберегъ.

Но жизнь и вся земная радость,
 Всё твънъ, неуловимый паръ:
 Въ чемъ предвкушаемъ счастья сладость,
 Въ томъ часто намъ грозитъ ударъ.
 Была молитва завѣщаньемъ
 Передъ разлукой роковой,
 Любви привѣтомъ и прощаньемъ
 Съ новорожденнымъ сиротой.

* * *

Ещё молитвы, сердцу милой,
 Мать не успѣла досказать,
 А смерти Ангелъ чернокрылой
 Клалъ на уста ея печать.
 Гробъ рядомъ съ юной колыбелью
 И съ гранью жизни жизни даль:
 И въ домъ попутчицей веселью
 Вонла семейная печаль.

* * *

Но нѣжной матери моленье
 Угодный небу єшимъ:
 Мать замѣнило провидѣнье;
 Не погодамъ, а почасамъ,
 Младенецъ, отрокъ благодушный
 И подросталъ и расцвѣталъ,
 И втайнѣ матери послушный
 Рѣчамъ загробнымъ онъ внималъ.

* * *

Ужъ раннимъ пламенемъ горѣли
 Робёнка чуткіе глаза,
 Пытливо вдалъ они смотрѣли,
 Въ нихъ вздохновенная слеза
 Свѣтлѣлась чувствомъ многодумнымъ
 Предъ блескомъ утреннихъ небесъ,
 Или, когда подъ вѣтромъ шумнымъ
 Тревожно пѣлъ и плакалъ лѣсь.

Всё что быть можетъ мысли пищей,
 Или потребностью души,
 Все съ каждымъ днемъ яснѣй и чище,
 Еще въ пророческой тиши,
 Еще невѣдомо для свѣта
 Рѣ немъ развивалось красотой;
 И проблескъ тихаго разсвѣта
 Быть дня прекраснаго зарей.

* * *

За утромъ дѣтскихъ обаяній
 Настала зрѣлости пора:
 Съ умомъ алкающимъ познаній,
 Съ душою жаждущей добра,
 Вступилъ онъ въ жизнъ, какъ въ бой воитель,
 Какъ труженикъ любящій трудъ,
 Служенья чистаго служителъ,
 Избранный промысломъ сосудъ.

* * *

Сперва, попыткою искусства,
 На новый ладъ настроивъ рѣчъ,
 Успѣлъ онъ мысль свою и чувства
 Прозрачной прелестью облечь.
 Россія рѣчью сей плѣнилась,
 И съ новой грамотой въ рукѣ,
 Читать и мыслить пріучилась
 На Карамзинскомъ языкѣ.

* * *

Понятъямъ міръ открылъ онъ новый,
 Пустилъ ихъ въ общий оборотъ,
 Снялъ съ рѣчи тяжкія оковы
 И слову русскому далъ ходъ.
 Не смѣйтесь надъ блѣдной Лизой,
 Младой красавицей, въ тѣ дни:
 Окутавшись забвенья ризой
 Всѣмъ намъ она еще сродни.

Всё шире, глубже и просторней,
 Онъ мирный подвигъ совершалъ:
 И все теплѣй, все благотворнѣй
 Лучи онъ свѣта проливалъ.
 Казалось новый воздухъ вѣяль
 На вновь раскрытыя бразды:
 И все что онъ съ любовью сѣялъ
 Несло сторичные плоды.

* * *

Намъ предковъ воскресилъ онъ лица,
 Ихъ образъ въ насъ запечатлѣль:
 И каждая его страница
 Зерцало древнихъ дней и дѣлъ.
 Своей живительной рукою
 Сбытій нить связалъ онъ вновь,
 Сроднилъ нась съ русской семьею
 И пробудилъ онъ къ ней любовь.

* * *

Въ иномъ художественный пламень,
 Но малъ запасъ рабочихъ силъ:
 Здѣсь зодцій самъ за камнемъ камень
 Въ свой исполинскій трудъ вносилъ.
 Воздвигъ онъ храмъ сей величавый,
 Прекрасный стройностью частей,
 Сей памятникъ и русской славы,
 И славы собственной своей.

* * *

Любви къ трудамъ, къ добру къ природѣ
 Въ своихъ твореньяхъ учить онъ;
 Онъ учить въ нравственной свободѣ
 Блюсти общественный законъ;
 Отечеству быть вѣрнымъ сыномъ
 И человѣчество любить,
 Стоять за правду гражданиномъ
 И вмѣстѣ человѣкомъ быть.

Нѣтъ тѣни въ немъ противорѣчья:
 Гдѣ авторъ тамъ и жизнь сама:
 Тажъ теплота добросердечья
 И трезвость свѣтлаго ума.
 Предъ нимъ одна была дорога,
 Проселковъ не искалъ ни въ чёмъ:
 Онъ чистотой души и слога
 Быль, есть и будеть образцомъ.

* * *

Съ покорностию благоговѣйной
 Ко тому, кѣмъ призванъ къ бытію,
 Любилъ онъ свой очагъ семейный,
 Всѣхъ ближнихъ какъ свою семью.
 На горе братьевъ, на ихъ радость,
 И на закатѣ позднихъ лѣтъ,
 Какъ и въ довѣрчивую младость,
 Въ созвучномъ сердцѣ быль отвѣтъ.

* * *

И славы онъ извѣдалъ чары
 И ласку и пріязнь Царей,
 Судьбы дары, судьбы удары;
 Но въ мирѣ съ совѣстью своей
 Не зналъ онъ ропота въ печали,
 Ни счастья суетныхъ тревогъ;
 И жизни чистыя скрижали
 На Божій Судъ принесть онъ могъ.

* * *

Нашъ праздникъ надъ минувшимъ тризна,
 Но мыслию жизни онъ согрѣтъ:
 На немъ сочувствуетъ отчизна
 Тому, что было за сто лѣтъ.
 Въ своей отвагѣ разнородной,
 Какъ ни забывчивы умы,
 Здѣсь благодарности народной,
 Здѣсь гласъ потомства слышимъ мы

*

И въ день сей памятный межъ днями,
Столетняго преданья день,
Не носится ль еще надъ нами
Россию любящая тѣнь?
Не онъ ли самъ, роднымъ влеченьемъ
Возставъ изъ гроба, въ этотъ часъ,
Благословляеть съ умиленьемъ
И слово русское и насы?

Князь Вяземскій.

С.-Петербургъ.
1866 г.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ

Н. М. КАРАМЗИНА

и

РАЗВИТИЕ ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

Н. Булгака.

ЧИТАНО НА РОДИНѢ КАРАМЗИНА, ВЪ СИМБИРСКѢ, НА ЮБИЛЕЙНЫХЪ ВЕЧЕРАХЪ ВЪ ПАМЯТЬ ПЕРВОЙ СТОЛЪТНІИ ГОДОВЩИНЫ ДНЯ ЕГО РОЖДЕНИЯ,
1 И 2 ДЕКАБРЯ 1866 ГОДА.

Mm. Гъ!

Праздникъ настоящаго дня въ честь великаго русскаго писателя, вызвавшій такое теплое и сердечное участіе всѣхъ присутствующихъ здѣсь,—принадлежитъ всей Россіи и дай Богъ, чтобы сознательный и нравственный смыслъ его вошелъ въ исторію нашего отечества. Молодость нашей умственной жизни, недавнее значеніе мысли и науки въ нашемъ общественномъ развитіи сказывается въ томъ обстоятельствѣ, что праздникъ этотъ только *первая* въ отечествѣ нашемъ столътнія годовщина дня рождения великаго писателя, отдавшаго трудъ своей мысли и литературные таланты на пользу своей родинѣ. Русь не бѣдна людьми, дѣлающими честь ей, но Карамзинъ первый писатель ея, удостоившійся публично торжественнаго поминанія черезъ сто лѣть въ день его рождения. Симбирскъ опередилъ всѣ другіе, русскіе города въ этомъ отношеніи; на его долю выпало счастіе первому изъ русскихъ городовъ почтить память своего великаго одно-горожанина, человѣка мысли и слова, родившагося и выросшаго въ немъ. Здѣсь, на его родинѣ, праздникъ Карамзина получаетъ иное, сердечное, близкое душѣ всѣхъ присутствующихъ значеніе. Въ рядахъ слу-

шателей сидѣть сынъ Карамзина, въ которомъ симбирское общество за нѣсколько часовъ передъ симъ такъ единодушно и восторженно привѣтствовало живую связь свою съ великимъ покойникомъ. Таланты и слава Карамзина, его сочиненія, его высокія гражданскія убѣжденія составляютъ достояніе всего нашего отечества. Вѣрный сынъ Россіи долженъ молиться на его могилѣ, по выраженію поэта, чтобы пробудились въ немъ силы духовныя, силы для дѣлъ добра и пользы странѣ родной. Но Карамзинъ, какъ человѣкъ, принадлежитъ прежде всего Симбирску. Въ сердцахъ симбирскихъ уроженцевъ память о немъ должна жить теплѣе и сердечнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было и симбирскій празднікъ — воспоминаніе человѣка и симбирского уроженца.

Удостоенный чести приглашенія отъ комитета Карамзинской библиотеки читать публично на родинѣ Карамзина о его заслугахъ, я считаю себя глубоко счастливымъ, что мое имя соединится съ этимъ симбирскимъ празднікомъ. Его особеный характеръ я желалъ бы придать и моимъ словамъ о Карамзинѣ. Это не похвальная рѣчь: Карамзинъ не нуждается ни въ чьихъ похвалахъ; это не обстоятельный разборъ его литературныхъ и научныхъ заслугъ. Онъ увлекъ бы насъ далеко изъ нашего свѣтлого праздника въ неизбѣжно сухія критическія подробности. Поминая близость человѣка — Карамзина къ благородной и признательной почвѣ, его вскоромившей, я бы желалъ представить здѣсь нашего великаго соуроженца такимъ, каковъ онъ былъ въ то время, когда работалъ для настоящаго и будущаго, когда билось и волновалось его сердце. Образъ Карамзина невольно влечетъ къ себѣ душу по той удивительной гармоніи, какую представляетъ онъ, какъ человѣкъ и писатель. Его сердце и умъ, таланты и жизнь никогда не расходились между собою и достоинство писателя сливалось въ немъ съ достоинствомъ гражданина. Эта внутренняя гармонія человѣческихъ свойствъ и авторскихъ талантовъ Карамзина оставляетъ отрадное чувство въ душѣ, послѣ пребыванія въ честномъ мірѣ созданныхъ имъ образовъ и глубоко прочувствованныхъ убѣждений. Карамзинъ лучше всякаго всегда говорить самъ за себя и такъ естественно является желаніе видѣть его талантъ и сердце, желаніе оживить на праздникѣ его родины, ему посвященному, воспоминаніе о немъ, какъ о человѣкѣ и о его великомъ дѣлѣ, къ несчастію забываемомъ въ смѣнѣ быстро идущихъ другъ за другомъ русскихъ поколѣній, но незабвенномъ для мысли, для славы и счастія нашей родины.

II.

Дѣтство и первыя впечатлѣнія въ симбирской деревнѣ.—Ученіе и воспитаніе въ Москвѣ (1766—1782).

При внимательномъ взглѣдѣ на подробную карту Симбирской губерніи, между славянскими, татарскими и мордовскими названіями ея городовъ, сель и деревень, мы встрѣтимъ несолько сель съ именами, давно знакомыми намъ въ исторіи литературы и просвѣщенія нашего отечества. Таковы: Аксаково, Языково, Загоскино, Тургенево и Карамзино. Послѣднее ⁽¹⁾, по всей вѣроятности, на сколько допускаютъ соображенія немногочисленныхъ печатныхъ источниковъ для біографіи Карамзина, было гнѣздомъ дворянскаго рода Карамзинихъ, хотя литературный представитель этого рода родился не въ Карамзинѣ, Симбирской губерніи и уѣзда, а въ сель Михайловскомъ, Преображенское тоже, нынѣшней Самарской губерніи, Бузулукскаго уѣзда. Въ эпоху же рожденія исторіографа деревня, гдѣ онъ родился, по тогдашнему административному дѣленію, принадлежала къ Самарскому уѣзду, Симбирской провинціи, Казанской губерніи и Астраханской епархіи. Такимъ образомъ вся приволжская страна, начиная съ Казани, можетъ считать его своимъ, по мѣсту рожденія ⁽²⁾.

(1) Село Знаменское Карамзино тоже (121 д.) Симбирской губерніи, Симбирского уѣзда, принадлежитъ теперь Владимиру и Ольгѣ Ниротморцевымъ. См. Приложенія къ трудамъ редакціонныхъ комиссій для составленія положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости. Спб. 1860. Т. III. Симбирская губернія.

(2) Оно принадлежитъ теперь племяннику исторіографа Николаю Федоровичу Карамзину (346 д.) См. Приложенія къ трудамъ и пр. Т. III Самарская губернія и замѣтку г. Ивлентьевы въ Москвитинѣ 1852 г. Т. III. Отд. VII. Стр. 146. Ср. также Москвитин. 1846 г. № 4, отд. III, стр. 115, гдѣ свѣдѣнія о сель Михайловскомъ, какъ родинѣ Карамзина, основываются на свидѣтельствѣ родного брата его, Александра Михайловича, тогда (въ 1846 г.) еще бывшаго въ живыхъ. О тогдашнемъ, при рожденіи Карамзина, опредѣленіи мѣстности его родины см. Миллеръ: Ежемѣсячные сочиненія, 1757 г. Январь и Апрель.

Родъ Карамзинъ не встрѣчается ни на страницахъ „Исторіи Государства Россійскаго“, этого главнаго историческаго свидѣтельства объ аристократизмѣ дворянскихъ фамилій нашихъ, ни въ актахъ, изданныхъ археографической комиссіей, ни въ гербовникахъ временъ Екатерины II, и только самъ исторіографъ далъ ему прочное значеніе. По семейному преданію, переданному Карамзинъ сыновьямъ своимъ, родъ Карамзинъ, подобно нѣкоторымъ другимъ дворянскимъ семействамъ восточной Россіи, былъ татарскаго происхожденія. Родоначальникомъ назвалъ онъ какого-то татарина, по прозванию Кара-Мурза или *Черный Мурза* (³). Черная кровь татарина не сказалась однажды въ потомкахъ его: кромѣ одного, всѣ братья исторіографа и онъ самъ отличались бѣлизною (⁴), хотя нельзѧ не видѣть, судя по портретамъ, въ лицѣ Карамзина, слѣдовъ восточного типа. Для этого татарскаго происхожденія Карамзинъ, кромѣ однако вѣроятности филологической, нѣть прямыхъ доказательствъ въ актахъ. Только въ 1799 году Карамзинъ, всегда уважавшій дворянское происхожденіе и достоинство, вѣроятно по соглашенію съ братьями, сталъ хлопотать о своей родословной въ Москвѣ. Онъ искалъ своихъ предковъ и немогъ найти родоначальника, какого-то Симеона. Желая представить въ герольдію гербъ рода, онъ просилъ старшаго брата своего приномнити, не слыхалъ ли онъ отъ отца: изъ какихъ фигуръ состоялъ этотъ гербъ. Не раньше 1800 года Императоромъ Павломъ былъ утвержденъ этотъ гербъ и родъ Карамзинъ включенъ въ дворянскую книгу (⁵). Все это не свидѣтельствуетъ о древности рода.

Около времени рожденія исторіографа родъ этотъ спокойно жилъ въ своемъ симбирскомъ гнѣздѣ, собирая доходы съ родового имѣнія и весело проживая ихъ по зимамъ въ Симбирскѣ, извѣстномъ прежде свою ширококою помѣщичею жизнью. О другихъ интересахъ жизни этого рода-- мало свѣдѣній. Въ началѣ второй половины XVIII столѣтія не много было образованныхъ людей между помѣщиками, особенно средней руки, въ восточномъ краю Россіи,

(³) Старчевскій: Николай Михайловичъ Карамзинъ. Спб. 1849 г., стр. 8 Погодинъ: „Дѣтство, и воспитаніе и первые литературные опыты Карамзина“. Утро, Сборникъ. М. 1866. Стр. 2. Здѣсь упоминается, что Кара-Мурзы были пожалованы земли въ Нижегородской губерніи.

(⁴) Письмо Натальи Ивановны Дмитріевой къ Погодину. Москвит. 1846. № 4. Стр. 116.

(⁵) Переписка съ братомъ Василемъ Михайловичемъ. См. Атеней 1858 г. № 19 стр. 198, 199 и 201.

но молодая литература русская и особенно переводная уже проникала въ глупъ провинцій, не отнимая значенія у старинныхъ религіозныхъ сочиненій, переходившихъ наслѣдственно отъ отца къ сыну⁽⁶⁾. Читать любили многіе и при незначительномъ количествѣ материала для чтенія, послѣднее имѣло больше чѣмъ теперь образовательной силы. Неизвѣстно однакожъ былъ ли отецъ Карамзина столько же начитанъ, какъ отецъ Дмитріева.

Подобно другимъ сибирскимъ фамиліямъ, подобно Багровымъ-Аксаковымъ, Бахметевымъ, Неплюевымъ и Карамзинамъ отличались практическимъ тактомъ и умѣньемъ пріобрѣтать земли. Соблазненные легкостью пріобрѣтенія и дешевизною дѣственныхъ башкирскихъ земель, они явились цивилизаторами Оренбургскаго края, переселяли крестьянъ изъ старыхъ родовыхъ деревень, гдѣ становилось тѣсно отъ увеличивающагося населенія, отъ черезполосицы, вслѣдствіе дробленія имѣній и подымали нетронутыя нови, дававшія долго неслыханные урожаи. Впослѣдствіи времени патріархальность пріобрѣтенія земель отъ башкирцевъ послужила источникомъ долгихъ и утомительныхъ тяжбъ⁽⁷⁾, которая давали доходы бывшимъ чиновникамъ межевой канцеляріи; Карамзинамъ, подобно Аксаковымъ, досталась на долю подобная тяжба о башкирскихъ земляхъ, которая кончилась лѣтъ чрезъ пятьдесятъ⁽⁸⁾. Эта колонизация въ Оренбургскій край и была причиной того, что Карамзинъ родился не въ сибирскомъ гнѣздѣ, а въ заволжской степи, въ *новой* деревнѣ, куда отецъ его пріѣзжалъ на время похозяйничать и поохотиться.

По странной ошибкѣ исторіографа въ его автобіографической замѣткѣ, сдѣланной имъ въ началѣ литературной дѣятельности и опровергаемой другимъ собственнымъ его показаніемъ, 1765 годъ долго считали годомъ рожденія Карамзина, находя что-то мистическое въ совпаденіи въ одинъ годъ и смерти Ломносова и рожденія Карамзина, этиль двухъ литературныхъ вождей нашихъ. Подобно году рожденія, и самое мѣсто рожденія, опредѣлялось не точно. Въ короткихъ біографіяхъ Карамзина, согласно его собственной запискѣ, постоянно указывалось на Сибирскую губернію, какъ на его родину. Болѣе положительныхъ

(6) И. И. Дмитріевъ, старшій своего родственника Карамзина четырьмя годами, оставилъ свѣдѣнія объ отцовской библіотекѣ. См. Взглядъ на мою жизнь М. 1866. Стр. 19.

(7) Аксаковъ С. Т. Семейная хроника и воспоминанія. М. 1856. Стр. 11.

(8) Переписка Н. М. Карамзина съ братомъ. Атенеи. 1858 г. № 19, стр. 201.

свидѣтельствъ существуетъ однажды за деревню или село Михайловку, которую Карамзинъ называетъ въ письмахъ къ старшему брату то заволжской, то бузулукской, то оренбургской деревней. Отецъ Карамзина былъ отставной капитанъ Михаиль Егоровичъ, служившій въ Оренбургѣ при Неплюевѣ, безъ всякаго сомнѣнія простой русской помѣщикъ стараго времени, весь преданный хозяйственнымъ заботамъ, охотѣ и воспитанію дѣтей по долгому, на сколько позволяли деревенскія средства. Онъ былъ женатъ два раза и отъ первой жены его, Катерины Петровны Пазухиной было три сына: Василій, старшій братъ, Николай второй и Федоръ, а кроме ихъ дочь Екатерина, вышедшая замужъ за казанскаго помѣщика Чебоксарскаго уѣзда С. С. Кушникова, адъютанта Суворовскаго и впослѣдствіи временнаго правителя въ Молдавіи и Валахіи. Отъ втораго брака съ Авдотьей Гавриловной Дмитревой, родной теткой извѣстнаго писателя и министра юстиціи при Александрѣ I, И. И. Дмитрева, у Карамзина были еще братъ Александръ и сестра Мареа, вышедшая замужъ за симбирскаго помѣщика Философова. Карамзинъ вспоминаетъ еще въ письмахъ къ брату родную тетку свою Пелагею Егоровну, умершую въ 1805 году; была ли она замужемъ, намъ неизвѣстно. И старшіе и младшіе братья и сестры Карамзина пережили его. Съ старшимъ братомъ своимъ, Васильемъ Михайловичемъ, живущимъ постоянно въ Симбирской губерніи, Карамзинъ велъ длившуюся до самой смерти его переписку (¹⁰). Она служитъ свидѣтельствомъ самого дружескаго чувства между братьями. Не ограничиваясь передачею въ ней брату подробностей о своихъ дѣлахъ и семействѣ, о своихъ планахъ и намѣреніяхъ касательно материальнаго устройства жизни, Карамзинъ передаетъ въ ней почти весь ходъ великаго труда своего „Исторіи Государства Россійскаго“, которому онъ отдалъ исключительно послѣдніе годы своей жизни. Кромѣ близкой связи съ старшимъ братомъ Васильемъ Михайловичемъ, письма эти свидѣтельствуютъ вообще о его родственной любви.

(⁹) Споръ о годѣ рожденія Карамзина вызвалъ цѣлую литературу этого предмета. Доказательства за 1765 годъ собраны г. Погодинымъ. См. журналъ Московитинъ. 1846, № 4, отд. III, стр. 114—116. Доказательства за 1766 годъ собраны имъ же. См. Утро, стр. 429—432. Въ решеніи вопроса принимали участіе: С. Д. Полторацкій (Сбв. Пч. 1861 г. № 65), А. Д. Галаховъ (Спб. Вѣд. 1865), М. А. Дмитріевъ, М. Н. Лонгиновъ (Русск. Арх. 1865 г., стр. 1970—1975) и нѣкот. другіе. Споръ рѣшился въ пользу 1766 года семействомъ Карамзина, но оно незаявило никакихъ для того положительныхъ документовъ.

(¹⁰) Атеней 1858 г. Части 3 и 4.

Карамзинъ часто спрашивается о своихъ братьяхъ, о ихъ дѣлахъ, онъ радуется по временамъ ихъ пріѣзу въ Москву или Петербургъ, оживляется съ ними воспоминаніемъ о родинѣ, покинутой имъ въ юности и потомъ никогда невиданной; онъ хлопочетъ о воспитаніи племянниковъ и племянницъ, пріискивая для нихъ учителей и учительницъ, или помѣщая ихъ въ учебныя заведенія. Но отношенія Карамзина къ роднымъ носили характеръ только обыкновенной родственной пріязни: онъ жилъ въ мірѣ, чуждомъ для нихъ, въ интересахъ, далекихъ отъ ихъ симбирскаго дворянскаго кружка.

Если, какъ обыкновенно говорятъ біографы Карамзина, считать неоконченную повѣсть его „Рыцарь нашего времени“ (11) за его поэтическую автобіографію, по его собственнымъ словамъ основанную „на воспоминаніяхъ его юности“, то не смотря на ея *чувствительный* или *сентиментальный* характеръ, общий всѣмъ повѣстямъ Карамзина, мы можемъ найти въ ней дѣйствительные воспоминанія первыхъ отроческихъ лѣтъ Карамзина. Первые дѣтскіе годы Карамзина, какъ и Леона въ „Рыцарѣ нашего времени“, прошли въ симбирской деревнѣ, „на луговой сторонѣ Волги, тамъ, гдѣ впадаетъ въ неё прозрачная Свіяга“, въ родовомъ гнѣздѣ, „гдѣ родился прадѣдъ, дѣдъ, отецъ Леоновъ“. Можетъ быть въ отцѣ и матери романического героя можно узнать родителей Карамзина: „Отецъ Леоновъ былъ русской коренней дворянинъ, израненный отставной капитанъ, человѣкъ лѣтъ въ пятьдесятъ, ни богатой, ни убогой, и — что всего важнѣе — самой доброй человѣкъ..... Постъ турецкихъ и шведскихъ компаний возвратившись на свою родину, онъ вздумалъ жениться — то есть не совсѣмъ во время — и женился на двадцатилѣтней красавицѣ, дочери самого ближняго сосѣда, которая, не смотря на молодыя лѣта свои, имѣла удивительную склонность къ меланхоліи, такъ что цѣлые дни могла просиживать въ глубокой задумчивости; когда же говорила, то говорила умно, складно и даже съ разительнымъ краснорѣчіемъ; а когда взглядывала на человѣка, то всякому хотѣлось остановить на себѣ глаза ея: такъ

(11) Сочиненія. изданіе Смирдина 1848 г. Т. III стр. 239—281. Повѣсть эта не окончена и ея тридцать главы были написаны Карамзиномъ въ 1799 и 1803 годахъ. Г. Погодинъ приводитъ свидѣтельство И. И. Дмитріева, что въ этой повѣсти сохранены дѣйствительно біографическія черты. Онъ называетъ даже графиню, полюбившую мальчика. Это была какая-то сосѣдка по деревнѣ — Пушкина. См. Утро. Стр. 6 и 13.

они были привѣтливы и милы” (¹²). Но Карамзинъ, если и жела́ль въ этихъ словахъ изобразить портретъ своей матери, то писа́ль или по чужимъ разсказамъ, или по темному воспоминанію. Въ другомъ мѣстѣ своихъ сочиненій, въ „Посланий къ женщи-намъ“ (¹³), онъ положительно говоритьъ, что не зналъ матери:

„Ахъ! я не зналъ тебя!... ты, давъ мнѣ жизнь, скрылась!

Среди весеннихъ ясныхъ дней

Въ жилище мрака преселилась!

Я въ первый жизни часть наказанъ былъ судьбой!

Не могъ тебя ласкать, ласкаемъ быть тобой!

Другое на колѣяхъ

Любезныхъ матерей въ веселіи цвѣли,

А я въ печальныхъ тѣняхъ

Рѣкою слезы лиль на мохъ земли,

На мохъ твоей могилы!...

Но образъ твой священный, милый

Въ груди моей напечатлѣнъ,

И съ чувствомъ въ ней соединенъ!

Твой тихій нравъ остался мнѣ въ наслѣдство“.

Карамзинъ вообще давалъ высокое значение *природы* или *на-турѣ*, которую только направляеть и развиваетъ воспитаніе. Слѣдовательно, только въ этомъ, чисто Карамзинскомъ смыслѣ, мы можемъ говорить о вліяніи на него матери. Ея тихій нравъ, ея мечтательность и чувствительность, качества, которыя высоко цѣнились Карамзиномъ и литературными современниками его, могли достаться въ наслѣдство сыну путемъ рожденія. Самая возможность появленія такой нѣжной природы, какою могла быть мать Карамзина,—посреди грубыхъ деревенскихъ нравовъ, объясняется однакожъ, при вдумываніи въ общій смыслъ жизни того времени. Болѣе нервная, болѣе нѣжная натура, чѣмъ натура мужская, испуганная и робкая, она уходила внутрь себя и въ этомъ побѣгъ отъ дѣйствительности, раскрывался просторъ ея воображенію и той чувствительности, которой было такъ много въ современныхъ романахъ. При томъ она читала; чтеніе это конечно состояло только въ переводныхъ романахъ, но и они, несмотря на нелѣпость своего содержанія, играли значительную роль въ образованіи нравственныхъ идей современного русскаго общества. Лео-

(¹²) Соч. Т. III. стр. 241—242.

(¹³) Тамъ же т. I, стр. 104—105.

ну въ „Рыцарѣ нашего времени“, когда ему исполнилось десять лѣтъ, отдали ключъ отъ желтаго шкапа, гдѣ хранилась библиотека его матери, состоявшая изъ романовъ и немногихъ духовныхъ книгъ. По свидѣтельству Карамзина, чтеніе первыхъ было полезно для образованія въ Леонѣ нравственнаго чувства. „Въ Даирѣ, Мирамондѣ, Селимѣ и Дамасинѣ (знаетъ ли ихъ читатель?) однимъ словомъ, во всѣхъ романахъ желтаго шкапа, героя и героини, не смотря на многочисленныя искушенія рока, остаются добродѣтельными; всѣ злодѣи описываются самыми черными красками; первые наконецъ торжествуютъ, послѣдніе наконецъ какъ прахъ исчезаютъ. Въ нѣжной Леоновой душѣ непримѣтныи образомъ, но буквами неизгладимыи, начерталось слѣдующее: „итакъ любезность и добродѣтель одно! итакъ зло безобразно и гнустно! итакъ добродѣтельный всегда побѣждаетъ, а злодѣй гибнетъ!“ Сколь же такое чувство спасительно въ жизни, какою твердою опорою служитъ оно для доброй нравственности, нѣть нужды доказывать (¹⁴). Эта безсознательная и не глубокая нравственность, почерпаемая изъ чтенія романовъ, имѣла однако свой историческій смыслъ: она способствовала смягченію грубыхъ правъ. „Дурные люди и романовъ не читаются, говоритъ Карамзинъ. Жестокая душа ихъ не принимаетъ простыхъ впечатлѣній любви и не можетъ заниматься судьбою нѣжности... Неоспоримо то, что романы дѣлаютъ и сердце и воображеніе... романическими: какая бѣда? тѣмъ лучше въ нѣкоторомъ смыслѣ для насъ, жителей холоднаго и желѣзного сѣвера!... Однимъ словомъ хорошо, что наша публика и романы читается!“ (¹⁵). Только возможностію читать въ собранной матерью библиотекѣ романы, въ которыхъ открылся впечатлительному мальчику новый міръ, разнообразные люди, приключенія, игра судьбы и страстей, обязанъ былъ Карамзинъ своей матери. Только въ этомъ смыслѣ можно говорить о вліяніи ея на сына... Тѣмъ не менѣе однакожъ память ея была священна для Карамзина:

„Твой духъ всегда со мной.
Невидимой рукой
Хранила ты мое безопытное дѣтство,
Ты въ лѣтахъ юности меня къ добру влекла,
И совѣстью моей въ чась слабости была.

(¹⁴) Сочин. Т. III, стр. 255—256.

(¹⁵) Сочин. Т. III, стр. 550.

Я часто тѣнь твою съ любовью обнимаю,
И въ вѣчности тебя узнаю” (¹⁶).

Изъ этихъ неясныхъ намековъ его въ стихахъ видно, что Карамзинъ не помнилъ ласокъ матери. Хотя въ „Рыцарь нашего времени“ и говорится, что Леону было семь лѣтъ во время смерти его матери, но сиротство Карамзина началось гораздо раньше. Ему было четыре года, въ 1770 году, когда отецъ его женился на второй женѣ. Объ этомъ обстоятельствѣ мы имѣемъ положительное свидѣтельство И. И. Дмитриева, въ запискахъ котораго сохранилось воспоминаніе о первой встречѣ съ своимъ другомъ, тогда ребенкомъ, Карамзинымъ: „Въ 1770 году въ провинціальномъ городѣ Симбирскѣ, старшій братъ мой и я, десятилѣтній отрокъ, находились на свадебномъ пиру подъ руководствомъ нашего учителя, г. Манжена. Въ толпѣ пирующихъ увидѣлъ я въ первый разъ *пятилетнаго* мальчика въ шелковомъ перувьененевомъ камзолѣчикѣ, съ рукавами, котораго *русская* нянюшка подводила за руку къ новобрачной и окружавшимъ ее барынямъ. Это былъ будущій нашъ исторіографъ Карамзинъ. Отецъ его, симбирскій помѣщикъ, отставной капитанъ Михайло Егоровичъ, соединился тогда вторымъ бракомъ съ родною сестрою моего родителя, воспитанною по ея сиротству въ нашемъ семействѣ“ (¹⁷). Объ отношеніяхъ сына къ отцу, умершему въ 1782 или 1783 году, слѣдовательно тогда, когда Карамзину было около семнадцати лѣтъ, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Въ „Рыцарь нашего времени“ говорится объ немъ съ полнымъ уваженіемъ, упоминается и о его *чувствительности*, но послѣдняя едва ли не была литературнымъ созданіемъ Карамзина. Отцу конечно обязанъ быть Карамзинъ своимъ первоначальнымъ воспитаніемъ. Безъ всякаго сомнѣнія Карамзинъ, подобно Леону, началъ учиться грамотѣ у сельского дѣячка, „славнѣйшаго грамотѣя въ околодкѣ“. Быстрыми успѣхами Леона въ изученіи грамоты, дѣячекъ не можетъ нахвалиться. Отецъ заставлялъ ребенка читать передъ деревенскими сосѣдями и радовался ихъ похвалами сыну. Первая свѣтская книга, которую читалъ Леонъ, были Езоповы басни. Онъ вытвѣрдилъ ихъ наизусть, „отчего во всю жизнь свою имѣлъ онъ рѣдкое уваженіе къ безсловеснымъ тварямъ, помня ихъ умныя раз-

(¹⁶) Тамъ же т. I, стр. 105.

(¹⁷) Взглядъ на мою жизнь. стр. 38.

суждения въ книгѣ греческаго мудреца, и часто, видя глупости людей, жалѣлъ, что они не имѣютъ благоразумія скотовъ Езоповыхъ” (18). Послѣ домашняго ученія, грамоты и сказокъ вмѣстѣ съ чтеніемъ романовъ и Ролленевой римской исторіи въ переводѣ Тредьяковскаго, Карамзинъ учился въ Симбирскѣ, (въ пансионѣ Фовеля, по словамъ г. Погодина), гдѣ тогда уже было нѣсколько пансионовъ, заведенныхъ иностранцами, какъ свидѣтельствуетъ Дмитріевъ. Онъ же говоритъ, что Карамзинъ учился у симбирскаго пятидесятилѣтнаго врача изъ нѣмцевъ—нѣмецкому языку. Дмитріевъ вспоминаетъ даже привлекательную наружность старика: „онъ говорилъ тихо; въ глазахъ и на устахъ его обнаруживались крѣсть и человѣколюбіе” (19). Напрасно, однакожъ стали бы мы искать лицо это въ сочиненіяхъ Карамзина: оно загладилось лицами, съ гораздо могущественнѣшимъ нравственнымъ и умственнымъ вліяніемъ на него впослѣдствіи.

Невозмутимый покой деревенской жизни со всемъ, теперь исчезнувшему ея обстановкою, со всѣми ея прежними дурными и хорошими условіями, окружалъ ребенка Карамзина. Первая дѣтская воспоминанія его относятся къ жизни въ деревнѣ, къ тѣмъ людямъ, которые окружали его дѣтство. Въ „Рыцарѣ нашего времени“ поднимается предъ нами цѣлый рядъ старинныхъ типовъ, далескихъ, исчезнувшихъ представителей первыхъ годовъ Екатерининского времени, отставныхъ военныхъ помѣщиковъ, которые рѣдкоѣздили въ городъ, рѣдко разлучались „съ мирными пенатами“ и проводили всю жизнь или въ занятіяхъ патріархальнымъ хозяйствомъ или въ веселомъ гостепріимствѣ. Карамзинъ приводить содержаніе ихъ разговоровъ: „Деревенское хозяйство, охота, извѣстная тяжбы въ губерніи, анекдоты старины служили богатою матеріею для разсказовъ и примѣчаній“ (20). Дѣтскія воспоминанія эти свѣтлыи призракомъ носились въ памяти Карамзина и фигуры деревенскихъ сосѣдей, друзей отца его—очевидно написаны съ натуры. „Зеркало памяти моей ясно“ говоритъ Карамзинъ и въ словахъ его такъ много искренности, что нельзя не вѣрить въ дѣйствительность его живыхъ портретовъ: „Ахъ! давно уже смерть и время бросили на васъ темный покровъ забвенія, витязи Симбирскаго уѣзда, вѣрные друзья капитана Радушина!—грустно говорить онъ, но зеркало памяти его ясно и фигуры дѣтства съ

(18) Сочин. т. III, стр. 253.

(19) Взглядъ. стр. 39.

(20) Соч. т. III стр. 261.

отчетливостію ложатся на бумагу; точные, какъ портреты кисти Боровиковскаго или рѣзца Чемисова. „Какъ теперь смотрю на тебя, заслуженный маоръ, Фадей Громиловъ, въ черномъ большомъ пиджакѣ, зимою и лѣтомъ въ малиновомъ, бархатномъ камзолѣ, съ кортикомъ на бедрѣ и въ желтыхъ татарскихъ сапогахъ; слышу, слышу, какъ ты, непривыкнувъ ходить на цыпкахъ въ комнатахъ знатныхъ господъ, стучишь ногами еще за двѣ горницы и подаешь о себѣ вѣсть издали громкимъ своимъ голосомъ, которому нѣкогда рота ландмилиціи повиновалась, и который въ яркихъ звукахъ своихъ нерѣдко ужасалъ дурныхъ воеводъ провинці! Вижу и тебя, съдовласый ротмистръ Буриловъ, прострѣленный насеквозь башкирскою стрѣлою въ степахъ уфимскихъ; слабый ногами, но твердый душою; ходившій на клюкахъ, но сильно махавшій ими, когда надлежало тебѣ представить живо или ударъ твоего эскадрона или омерзѣніе свое къ безчестному дѣлу какого нибудь недостойнаго дворанина въ нашемъ уѣздѣ! Гляжу и важную осанку твою, бывшій воеводскій товарищъ Прямодушинъ и на орлиный носъ твой, за который не могъ водить тебя секретарь провинціи, ибо совѣсть умнѣе крючкотворства, вижу, какъты разсказывая о Биронѣ и тайной канцеляріи, опираешься на длинную трость съ серебрянымъ набалдашникомъ, которую подарила тебѣ фельдмаршалъ Минихъ“⁽²¹⁾...

Бесѣда этихъ людей, воспоминанія прожитой ими жизни, по сознанію Карамзина, имѣли вліяніе на развитіе характера его. Они были для него представителями изчезнувшаго, стариннаго дворянства русскаго, которое въ своемъ идеальномъ и нравственномъ значеніи всегда было дорого Карамзину. Онъ глубоко гордился своимъ дворянскимъ достоинствомъ, высоко цѣнилъ его и опредѣленію его значенія посвящено не мало страницъ его сочиненій. По словамъ Карамзина, „Рыцарь нашего времени“ отъ этихъ представителей старинной помѣщичьей жизни, деревенскихъ сосѣдей отца „занимствовалъ русское дружелюбіе, набрался духу русскаго и благородной дворянской гордости, которой онъ послѣ не находилъ даже и въ знатныхъ боярахъ: ибо спѣсь и высокомѣріе не замѣняютъ ее, ибо гордость дворянская есть чувство своего достоинства, которое удаляетъ человѣка отъ подлости и дѣль презрительныхъ“⁽²²⁾

⁽²¹⁾ Соч. т. III. стр. 261—262.

⁽²²⁾ Тамъ же стр. 264.

Чтобъ стать на эту сословную точку зрения Карамзина и понять ее, надобно не сколько оглянуться назадъ и применить исторический ходъ развитія общественного положенія нашего дворянства, имѣвшаго свои судьбы. Въ ту пору, когда мальчикъ Карамзинъ выросталъ посреди этихъ провинциальныхъ типовъ, которымъ онъ отдаетъ невольную дань уваженія,—въ полной силѣ существовала знаменитая грамота Петра III „о дворянской вольности“; ея параграфы были въ цѣлости; они давали действительныя права, хотя и не могли создать того, что создается исторіей. Если и тогда значеніе дворянства въ губерніи измѣрялось количествомъ крѣпостныхъ душъ, то эти крѣпостные души гораздо чаще нерѣходили изъ рукъ въ руки по родовому праву, чѣмъ *благоприобрѣтались*. Этотъ родъ владѣнія давалъ, кажется, не сколько лучшій характеръ и самому крѣпостному праву. И полновластные бары и безправные рабы, въ своихъ отношеніяхъ другъ къ другу, связывались воспоминаніемъ. Родовое дворянство и давность рода налагали нравственныя обязанности и уважались. Наслѣдники въ своихъ помѣщичьихъ отношеніяхъ не всегда рѣшались на ломку прежняго и хранили отцовское преданіе. Заведенный обычай получалъ значеніе отъ давности. Старинная, родовая связь ставила нравственные преграды, налагала узду на дикій произволъ.

Дворянское сословіе въ обществѣ шестидесятыхъ годовъ прошлого столѣтія, посреди всеобщаго невѣжества, было единственнымъ образованіемъ классомъ. Слѣдовательно только оно одно могло служить съ пользою государству. Эта служба, въ соединеніи съ земскими значеніемъ, отдавала всякую провинцію во власть дворянства. Дворяне были тогда единственными администраторами и эта власть давала имъ гордость и сознаніе своего достоинства. Они презрительно смотрѣли на то, что называлось приказнымъ крѣпкотворствомъ, подъячествомъ. Они старались быть чуждыми этой глубокой, старинной язвы.

Но прошли года и представители сословія мельчали постепенно. Силы внутренняго развитія не доставало въ старинномъ дворянствѣ провинцій. Его мысль не возбуждалась; оно не могло отслѣпить даже отъ прадѣдовскаго порядка въ хозяйствѣ; оно разорялось на ту безплодную роскошь, которая занесена была къ намъ моднымъ подражаніемъ Европы. И вотъ—тѣ самые презираемые прежде подъячіе и приказные, учась и образовываясь, получали значеніе на службѣ, вѣсь въ обществѣ, приобрѣтали деньги, которыя естественно могли быть употреблены только на то, что поль-

язовалось уваженіемъ и почетомъ и что условливалось дѣвственными, нетронутыми плугомъ пространствами Россіи, при жалкомъ развитіи другихъ экономическихъ условій жизни — на приобрѣтеніе крѣпостныхъ пахарей. Въ рядахъ дворянскаго сословія, какъ въ рядахъ Наполеоновскаго войска, явилась старая и молодая гвардія, враждебно смотрѣвшія другъ на друга и характеръ крѣпостнаго права въ благопріобрѣтенныхъ имѣніяхъ долженъ быть сложить-ся иначе. Здѣсь не было старыхъ воспоминаній и родового преданія. Деньги, добытыя трудомъ и употребленныя на покупку имѣнія, должны были давать доходы и конечно на увеличеніе доходовъ стали обращать главное вниманіе покупатели. Владѣніе душами постепенно переходило въ тяжелую эксплоатацию и власть въ государствѣ стала невольно думать объ ограниченіи помѣщичихъ правъ. Такой характеръ владѣнія въ имѣніяхъ благопріобрѣтенныхъ сообщился очень скоро и старымъ, родовымъ, хотя и вслѣдствіе другихъ причинъ. Екатерининская роскошь, поведшая къ учрежденію Сохранной казны Воспитательныхъ домовъ, дававшей легкую возможность закладывать имѣнія, пожары и грабежъ Шугачевщины, стремленіе молодыхъ сержантовъ гвардіи, дѣтей деревенскихъ помѣщиковъ, добиваться блестящей карьеры въ Петербургѣ, и наконецъ постепенное истощеніе почвы разорили и старую гвардію нашего дворянства. И ему пришлось думать объ увеличеніи доходовъ и для нихъ порвать прежнюю связь съ му-жикомъ. Значеніе административной власти въ губерніи росло годъ отъ году и она уже не была въ рукахъ дворянства. Постепенно должна была пропадать родовая гордость дворянства, и безъ всякаго сомнѣнія дѣти маюра Громилова, друга Карамзинскаго дѣтства, голосъ котораго ужасалъ дурныхъ воеводъ провинціи,ѣздили низкоклонничать къ дурному воеводѣ и выбирали такихъ капитанъ-исправниковъ, которые въ виду ихъ, нагрѣвавъ руки свои около казенныхъ крестьянъ, оставляли ихъ на полной свободѣ хозяйничать съ своими....

Вѣстѣ съ этими понятіями старого дворянина, понятіями о чести и достоинствѣ, которымъ оставался вѣренъ всю жизнь Карамзинъ, вмѣстѣ съ первоначальнымъ чтеніемъ, которое необходимо должно было оказать на него вліяніе и породить въ немъ мечтательность, всегда его отличавшую, на молодой душѣ ребенка-Карамзина сказалось и вліяніе природы. Сочиненія Карамзина изобилуютъ, если не живыми и своеобразными описаніями картинъ природы, то словами о любви къ ней и о вліяніи ея на душу и

сердце. Современный міръ былъ полонъ тоскою о природѣ. Утомлennыхъ умственнou борьбою людей XVIII столѣтія она манила въ свои свѣжія объятія. Послѣ вѣка симметріи и классическихъ формъ, этикета и придворныхъ условій, тягостно ложившихся на жизнь, наступило желаніе естественности и свободы. Прорѣческій голосъ Ж. Ж. Руссо, скептика по отношенію ко всей прежней цивилизациі, раздался призывомъ въ Европѣ. Онъ говорилъ о новой жизни, не похожей на старую; онъ говорилъ о правахъ человѣческихъ, забытыхъ въ одностороннемъ развитіи; онъ звалъ людей въ пустыню, на лоно свободной и естественной жизни. Голосъ его звучалъ не даромъ и цѣлая школа французскихъ и немецкихъ писателей повторяла слова его, развивала ихъ далѣе. Въ Швейцаріи, родинѣ Руссо, явилось нѣсколько писателей, писавшихъ о природѣ, систематизировавшихъ ее. Въ сочиненіяхъ ихъ не было строгой науки, но за то было много чувства и любви къ природѣ. Карамзинъ, выросшій въ умственномъ движениі послѣднихъ годовъ XVIII столѣтія, первый заговорилъ у насъ о природѣ или, какъ говорили тогда, о *Натурѣ* и въ его сочиненіяхъ мы найдемъ много мыслей, высказанныхъ по поводу влияния природы на человѣка. Это былъ новый элементъ, внесенный имъ въ нашу литературу, невозможный прежде.

Природа, которая окружала его съ дѣтства — знакома намъ. Ея скудные, но полные широкой жизни образы, должны были оказать влияніе на молодую и впечатлительную душу Карамзина, и мы найдемъ въ его сочиненіяхъ указаніе на образы природы, знакомые ему съ дѣтства. Далекое, родное село Михайловка, которое, какъ говорятъ очевидцы, славится своимъ прекраснымъ мѣсто-положеніемъ, почти совсѣмъ не удержалось въ его памяти. „Хотя темно, однако же помню тамошнія мѣста, пишеть онъ къ брату Василю Михайловичу, помню, какъ мы съ вами возвращались оттуда въ началѣ зимы“ и изъ этой поѣздки вспоминаются Карамзину *Заволжскія* выюги и метели (²⁸). Въ “Рыцарь нашего времени“ можно найти нѣсколько очерковъ природы, посреди которой прошло дѣтство Карамзина и кажется Симбирскъ, съ своею Волгою, гдѣ онъ часто бывалъ въ дѣтствѣ, гдѣ сначала учился, гдѣ потомъ въ началѣ 80-хъ годовъ явился свѣтскимъ человѣкомъ, дольше всего сохранился въ его памяти. Проводя жизнь въ Москвѣ и Петербургѣ, онъ нѣсколько разъ собирался поѣхать

(²⁸) Атеней 1858 г. № 19 стр. 196.

своей родной городъ, но съ тѣхъ поръ, какъ его увезъ оттуда землякъ И. П. Тургеневъ, Карамзинъ едва ли бывалъ въ Симбирскѣ. Но вспоминать ему этотъ городъ случалось не разъ, въ болѣе молодые годы, то въ письмахъ къ другу юности И. И. Дмитреву, тѣ въ письмахъ къ брату. Даже и въ ту пору, когда вся жизнь его была посвящена русской исторіи, онъ пишетъ къ брату, сообщившему ему, что выстроилъ домъ въ Симбирскѣ, на Вѣнцѣ: „Воображаю живо моего любезнѣйшаго брата, сидящаго подъ окномъ прекраснаго домика и смотрящаго на величественную Волгу, столь знакомую мнѣ изъ дѣтства. Симбирскіе виды уступаютъ въ красотѣ немногимъ въ Европѣ. Вы живете, любезный братъ, въ древнемъ отечествѣ болгаровъ, народа довольно образованнаго и торговаго, порабощеннаго татарами. Близъ Симбирска, въ лѣтніе мѣсяцы, кочеваль иногда славный Батый, завоеватель Россіи“⁽²⁴⁾. Занятый великомъ трудомъ своимъ, Карамзинъ смотрѣлъ на родныя мѣста съ точки зрѣнія исторіи. Но за то Волга, Волга Симбирска, *священнѣйшая рѣка въ мірѣ, царица и мать кристалльныхъ водъ*, по выражению Карамзина, гдѣ разъ „во цвѣтѣ радостной весны“ онъ едва не потонулъ, осталась, кажется, какъ самое дорогое воспоминаніе юности въ его памяти. На ея берегахъ, говорить онъ:

„Въ первый разъ открылъ я взоръ,
Небеснымъ свѣтомъ озарился
И чувствомъ жизни насладился“....
Здѣсь онъ полюбилъ природу:
„Ей первенцы души и сердца,
Слезу, улыбку посвятиль,
И рость въ веселіи невинномъ,
Какъ юный миръ въ лѣсу пустынномъ“.

И Карамзинъ вспоминаетъ краюту береговъ родной рѣки и безконечный рядъ судовъ на ея *серебрѣномъ хребтѣ*, несущихъ *благословеніе земли*⁽²⁵⁾.

Волга и ея образы окружала дѣтство Карамзина; онъ выросъ на ея берегахъ, онъ читалъ первыя книги на ея горахъ и засыпалъ подъ шумъ ея волнъ. Эти образы дѣтства на Волгѣ остались навсегда въ его сердцѣ. „Иногда, оставляя книгу, гово-

(24) Атенеи № 22, стр. 419.

(25) Волга, стихотвореніе (1793). Соч. т. I стр. 9—13.

рить онъ о Леонѣ, смотрѣль онъ на синее пространство Волги, на бѣлые парусы судовъ и лодокъ, на станицы рыболововъ, которые изъ подъ облаковъ дерзко опускаются въ пѣну волнъ, и въ то же мгновеніе снова парять въ воздухѣ. Сія картина такъ сильно впечатлѣлась въ его юной душѣ, что онъ чрезъ двадцать лѣтъ послѣ того, въ кипѣніи страстей, въ пламенной дѣятельности сердца, не могъ безъ особылаго радостнаго движенія видѣть большой рѣки, плывущихъ судовъ, летающихъ рыболововъ: Волга, родина и беспечная юность тотчасъ представлялись его воображенію, трогали душу, извлекали слезы” (²⁶).

Дѣйствительно Волга съ своей жизнью, была самымъ сильнымъ воспоминаніемъ Карамзина о его дѣтствѣ, проходившемъ то въ Симбирскѣ, то въ деревнѣ. Но собственная воспоминанія его чрезвычайно скучны; современныхъ записокъ, за исключеніемъ одного Дмитріева, представившаго небольшой отрывокъ о ребенкѣ-Карамзитѣ, при глубокомъ невѣжествѣ тогдашней жизни, не было. Ребенокъ выросталъ подъ тѣми знакомыми намъ впечатлѣніями, подъ которыми выросло столько русскихъ поколѣній. Только они одни, оставляя нѣчто цѣлое, могутъ служить образованіемъ общаго склада характеровъ. Они и Карамзина, по своему образованію примѣнѣвшаго къ общему духовному движению Европы, сохранили для Россіи. Они спасли въ немъ русское чувство и сдѣлали его русскимъ писателемъ.

Чувствительность, наслѣдственное ли свойство его матери или своеобычная черта его характера, развитая потомъ чтеніемъ и образованіемъ, и мечтательность, какъ слѣдствіе ранняго чтенія современныхъ романовъ — отличали его отъ сверстниковъ и придавали ему оригинальность. „Я былъ еще ребенокъ и умѣлъ уже чувствовать, какъ большой человѣкъ, и страдалъ, видя страданіе близкихъ“. Это страданіе близкихъ, въ образѣ голоднаго года, незадолго до Пугачевскаго бунта, составляетъ одно изъ грустныхъ дѣтскихъ воспоминаній Карамзина, хотя на мрачномъ фонѣ народнаго бѣдствія рисуется свѣтлая фигура Флора Силина, благодѣтельного крестьянина, лица дѣйствительнаго, не смотря на сентиментальный покровъ, какимъ одѣлъ его Карамзинъ (²⁷). Въ „Рыцарь нашего времени“ разсказываетъ

(²⁶) Соч. т. III. стр. 257.

(²⁷) Соч. стр. 661—665. По свидѣтельству г. Погодина этотъ Флоръ Силинъ, былъ крестьянинъ села Троицкаго, принадлежащаго Дмитріевымъ. Другъ его читалъ старику статью Карамзина. Москвит. 1846 г. № 4, отд. III. стр. 115.

ся приключение съ медведемъ, бросившимся на Леона и убитымъ громомъ. Карамзинъ говоритъ, что *этотъ случай не выдумка* и что онъ возвбудилъ и укрѣшилъ навсегда его религіозное чувство иувѣренность въ Творцѣ⁽²⁸⁾. Чтеніе романовъ сильнѣе и глубже дѣйствовало на воображеніе Карамзина всего прочаго. Они, какъ вспоминаетъ онъ самъ, довели его разъ даже до донкихотства и, выбравъ ржавую саблю изъ стараго отцовскаго оружія, „заткнувъ ее за кушакъ тулуна своего, отправился онъ на гумно искать приключений и противиться силѣ злыхъ волшебниковъ“.⁽²⁹⁾

Вотъ тѣ скучныя свѣдѣнія, которыхъ сохранились для насть о дѣтствѣ Карамзина, еще не тронутомъ воспитаніемъ. Здѣсь уже сказывается его характеръ, смутно зреющій убѣжденія и привязанности. Свободно роѣтъ ребенокъ посреди родныхъ, сосѣдей, полей и лѣсовъ дворянскаго гнѣзда своего, прислушиваясь къ шуму волжскихъ волнъ или слѣдя съ сердечнымъ трепетомъ за фантастическими содержаніемъ русской сказки или романа. Годы ранняго Карамзинскаго дѣтства были мирными годами восточной Россіи, но гроза собиралась въ ней и тотъ черный годъ, когда шайки Емели вспугнули дворянъ-помѣщиковъ съ ихъ теплыхъ и давно насиженныхъ гнѣздъ, вѣроятно былъ рѣшительнымъ и въ жизни Карамзина. Безпечная жизнь деревенская должна была смениться ученіемъ.

Дѣло жизни и царствованія Петра В.— преобразованіе Россіи, т. е. соединеніе съ Европою въ духѣ и идеѣ, участіе въ общей жизни человѣчества, могло достигнуть только тогда своей цѣли, когда работа его перешла изъ области внѣшней жизни въ область мысли. Въ эпоху рожденія Карамзина въ русскомъ обществѣ и литературѣ подражаніе внѣшней сторонѣ европейскаго образованія было въполномъ развитіи. Но не смотря на то, что при дворѣ и въ высшемъ обществѣ, что въ зараждающемся искусствѣ и съ Ломоносовымъ родившейся литературѣ мы встрѣчаемъ вездѣ наружные блестящія формы, созрѣвшія въ условіяхъ чужой жизни, духовное содержаніе европейской жизни и, ея душа и мысль-былисовершенно чужды намъ. Общество обезьянничало, но не жило сознательно.

Для сознательно-исторического пути намъ необходимо было, чтобы главное содержаніе европейской мысли, ея духъ, ея наука были усвоены нами и переработаны. Когда Карамзину настало

⁽²⁸⁾ Тамъ же стр. 260.

⁽²⁹⁾ Сочин. т. II. стр. 318.

время учиться, въ ту пору, за исключениемъ чуждой русской жизни Академіи Наукъ въ Петербургѣ, науки не было въ Россіи и одинъ только Московскій университетъ, основанный за десять лѣтъ до рожденія Карамзина, этотъ единственный въ Россіи университетъ, который можетъ гордиться своими преданіями, знакомилъ нашихъ предковъ съ наукой и удовлетворялъ неизбѣжной потребности знанія, проводя ихъ въ молодую русскую жизнь и воспитывая людей для дѣятельности общественной. „Если мы видимъ, говорить Карамзинъ, нынѣ столь многихъ достойныхъ судей въ столицахъ и самыхъ отдаленныхъ губерніяхъ; если слогъ приказный не всегда устрашаетъ насъ своимъ варварствомъ, если необходимыя правила логики и языка соблюдаются не рѣдко—въ опредѣленіяхъ судилищъ, если министерство находитъ всегда довольно юношей, способныхъ быть его орудіями и служить отечеству во всѣхъ частяхъ своими знаніями; то государство обязано сею пользою Московскому университету” (³⁰). Знаній не доставало нашему подражательному существованію; въ нихъ нуждалась и начинающаяся литература, богатая внѣшними формами, но бѣдная содержаніемъ и мыслию. Если значеніе Карамзина въ исторіи нашего духовнаго развитія заключается въ томъ, что онъ первый изъ нашихъ писателей, не довольствуясь внѣшнимъ подражаніемъ европейскимъ литературнымъ формамъ, по образованію своему, могъ усвоить духъ и мысль Европы, то этимъ образованіемъ своимъ, онъ обязанъ былъ Московскому университету, хотя и не непосредственно ему, а существовавшему при немъ пансіону профессора Шадена, нѣмца, въ числѣ многихъ другихъ его соотечественниковъ, переселившагося въ Москву изъ своей ученой родины для образованія молодыхъ русскихъ поколѣній.

Нашъ неизвѣстенъ достовѣрно тотъ годъ, когда Карамзинъ поступилъ въ этотъ пансіонъ въ Москвѣ, неизвѣстно также учился ли онъ здесь одинъ, безъ братьевъ или вмѣстѣ съ старшимъ братомъ своимъ Василемъ Михайловичемъ, съ которымъ онъ соединенъ былъ тѣсно и продолжительна дружбою. Пугачевщина, съ своимъ грабежемъ и убийствомъ помѣщиковъ, должна была разрушить патріархально-мирную жизнь Карамзиновыхъ въ наследственной ихъ деревнѣ, но въ спискѣ жертвъ Пугачевскаго бунта (³¹) мы не встрѣчаемъ ни одного члена этой фамиліи. Вѣроятно или буря шла далеко отъ ихъ села, или они спаслись

(³⁰) Сочин. I. стр. 367.

(³¹) Сочин. Пушкина, изд. Анненкова т. VI, стр. 246—281.

отъ нея побѣгомъ въ Симбирскъ, который не былъ взятъ шайками Пугачева, или куда нибудь дальше, подобно семейству Дмитріевыхъ, бѣжавшему отъ волненій, грабежа и кровопролитія въ Москву. Въ сочиненіяхъ Карамзина мы не встрѣчаемъ ни одного воспоминанія объ этой трагической эпохи для помѣщиковъ восточного края, гдѣ долго въ разныхъ семействахъ дворянскихъ, сосѣднихъ съ Карамзинами, хранились кровавыя преданія (³²). Въ 1774 году, когда пойманъ былъ Пугачевъ и привезенъ въ Симбирскъ, Карамзину было уже восемь лѣтъ. Приближалось время, когда надобно было воспитывать подростающихъ дѣтей, а воспитаніе тогда можно было получить только въ Москвѣ. Дмитріевы уже жили въ Москвѣ и И. И. Дмитріевъ видѣлъ и описалъ казнь Пугачева (³³). Карамзинъ поступилъ въ пансионъ Шадена однако позднѣе, хотя съ точностью мы не можемъ опредѣлить времени. По свидѣтельству Дмитріева, это было „съ наступленіемъ юношескаго возраста“. По замѣчанію г. Погодина на 14 году (³⁴) Соображая однако разныя обстоятельства, обращая вниманіе на значительный объемъ приобрѣтенныхъ въ пансионѣ Шадена свѣдѣній, можно думать, что Карамзинъ поступилъ въ этотъ пансионъ раньше (³⁵), тѣмъ болѣе, что онъ самъ смотрѣть на себя во время пансионскаго ученія, какъ на ребенка.

Въ пансионѣ нѣмецкаго профессора, заведенномъ на нѣмецкій ладъ, съ строгою аккуратностию и съ глубокимъ уваженіемъ къ ученію, прошли первые молодые годы Карамзина до шестнадцати или семнадцатилѣтняго возраста. Здѣсь надобно искаль начала его литературныхъ симпатій, и антипатій, которымъ онъ оставался вѣренъ всю жизнь свою; здѣсь посвяяно было то, что потомъ созрѣло и здѣсь же, подъ вліяніемъ строгаго ученія и лучшей современной педагогической теоріи, Карамзинъ обогатился свѣдѣніями, которыя потомъ сдѣлали ему доступную умственную жизнь Европы и познакомили его очень рано съ именами представителей ея духовной дѣятельности, которыхъ онъ рано сталъ уважать.

(³²) Записки Д. Б. Мертваго. Русск. Вѣсти. 1857 г. № 1.

(³³) Взглядъ стр. 27—30.

(³⁴) По словамъ г. Погодина въ Москвѣ служилъ кто-то изъ симбирскихъ уроженцевъ, Александръ Ивановичъ Теряевъ, подъ покровительство которого и былъ отправленъ Карамзинъ.

(³⁵) соображеніе, что Карамзинъ кончилъ ученіе у Шадена въ концѣ 1781 г., какъ это обыкновенно принято, т. е. тогда, когда ему было только 15 лѣтъ, значительно подрываетъ увѣренность, что Карамзинъ родился въ 1766 г. Его развитие и скоро потомъ начавшіеся литературные труды заставляютъ предполагать или то, что онъ родился годомъ раньше, или то, что онъ кончилъ ученіе годомъ позже.

Въ ту пору, когда началось въ пансионѣ Шадена ученіе Карамзина, жизнь Европы была полна страстной и ожесточенной умственной борьбы. Почти все народы Европы выставили представителей въ этой многолѣтней борьбѣ съ прошедшимъ, которую начала Англія, воспитанная смѣлыми и свободными своими мыслителями. Но главною страною, гдѣ жарче была эта борьба и ожесточеннѣе нападенія на прошлое и его авторитеты,—была Франція. Имена ея литературныхъ борцовъ, вліяніе ихъ произведений распространилось далеко, дошло до нась. Извѣстности ихъ у нась много способствовало самое направленіе первыхъ годовъ царствованія Императрицы Екатерины, которая была воспитана на вліятельныхъ сочиненіяхъ вѣка. Долго смотрѣла она съ уваженіемъ на энциклопедистовъ и находилась съ ними въ непосредственныхъ сношеніяхъ. Ея державному примѣру слѣдовалъ дворъ, высшее общество и наконецъ сама литература, настроенная, хотя и чрезвычайно слабо на общий тонъ. Карамзину удалось избѣжать этого господствовавшаго вліянія. Онъ не попалъ по обычной дорогѣ, неизбѣжной тогда для русскаго дворянина: онъ не попалъ въ руки къ гувернеру французу и не увлекся исключительно вліяніемъ французской литературы. Съ нею познакомился опять болѣе разумнымъ и сознательнымъ образомъ. Этотъ новый путь его развитія и былъ причиной, почему Карамзинъ своею литературною дѣятельностію начинаетъ новую эпоху нашего образования и нашей литературы.

Изъ европейскихъ странъ менѣе всѣхъ участвовала въ общемъ умственной борьбѣ Германія. Ожесточенный характеръ борьбы смягчался въ ней наукой, составлявшо главное содержаніе ея жизни и борьба происходила въ ней болѣе въ области теоріи. При разделеніи Германіи на мелкія владѣнія—ожесточеніе противъ феодального государства не могло въ ней произвести такія явленія, какія произвело оно во Франціи съ ея сильною централизацией и соединеніемъ государственныхъ силъ въ одну громадную массу, а протестантизмъ Германіи, дававшій свободу ея мысли, отнималъ у религіозной борьбы злость и горечь, возможныя въ католическомъ государствѣ. Съ такимъ направленіемъ были и ученыe профессоры Германіи, которыхъ вызывали въ молодой Московскій университетъ. Не смотря на то, что языки отдалиль ихъ отъ слушателей, они принесли однако же пользу Россіи тѣмъ, что хлопотали о наукѣ и передачѣ ея въ странѣ, которая сильно въ ней нуждалась. Къ числу самыхъ замѣчательныхъ первыхъ профессоровъ Московскаго университета принадлежалъ и Шадень, въ пансионѣ к котораго Ка-

рамзинъ получилъ первоначальное образованіе и первыя свѣдѣнія.

Шаденъ былъ родомъ изъ Пресбурга въ Венгрии и образованіемъ своимъ обязанъ былъ Тюбингенскому университету, гдѣ подчинился вполнѣ вліянію Лейбнице-Вольфіанской философіи, которая сказалась и въ его педагогической теорії (³⁶). Получивъ въ Тюбингенскомъ университетѣ степень доктора философіи, Шаденъ прибылъ въ Москву въ 1756 году въ качествѣ ректора надъ двумя университетскими гимназіями. Какъ ученый авторъ, Шаденъ неизвѣстъ и вся жизнь его была посвящена преподаванію. Московскому университету онъ служилъ 41 годъ (³⁷). Существованная польза, принесенная Шаденомъ русскому обществу, заключается въ воспитаніи нѣсколькихъ поколѣній, вынесшихъ изъ подъ его руководства полезныя свѣдѣнія для жизни и благодарную память а своемъ воспитателю. Его собственное преподаваніе, основывавшееся на древніхъ языкахъ, было очень разнообразно. Въ гимназіяхъ (дворянской и разночинцевъ), имъ образованныхъ первоначально, Шаденъ преподавалъ риторику, штилику, миѳологію, курсъ философіи, училъ языкамъ латинскому и греческому и вызывался даже преподавать охотникамъ языкъ еврейскій и халдейскій. Преподаваніе его въ университетѣ происходило на языкѣ латинскомъ и нѣмецкомъ.

Бѣ сожалѣнію о пребываніи Карамзина въ пансионѣ Шадена, помѣщавшемся въ его собственной квартирѣ, мы не имѣмъ положительныхъ свѣдѣній. Соучениковъ у Карамзина было только 8 человѣкъ; между ними г. Погодинъ называется двухъ братьевъ Бекетовыхъ: Платона и Ивана Петровичей, сдѣлавшихся потомъ извѣстными по любви къ наукѣ и къ просвѣщенію. Можно предполагать, что въ пансионѣ же Шадена была первая встрѣча Карамзина съ другомъ его Петровымъ, имѣвшимъ такое сильное вліяніе на его умственное и нравственное развитіе. Въ пансионѣ преподавалъ самъ Шаденъ и приходившіе учителя, но что и въ какомъ видѣ преподавалось въ этомъ пансионѣ — намъ неизвѣстно. Карамзинъ, въ составленной имъ для митрополита Евгения автобіографической запискѣ, говорить, что онъ посѣщалъ и ѿ пансиона также и нѣкоторые классы Московскаго университета. По всей вѣроятности это должно относиться къ одной изъ гимназій, находившихся въ вѣдѣніи Шадена.

(³⁶) словарь профессоровъ Московскаго университета. М. 1855 г. ч. 2, стр. 558—574.

(³⁷) Шевыревъ. Исторія Московскаго университета. М. 1855 г., стр. 32.

Фонъ-Визинъ, одинъ изъ первыхъ воспитанниковъ Московскаго университета, мало вынесшій вообще изъ тогдашняго университетскаго преподаванія, сохранилъ однако же благодарную память о Шаденѣ. „Сей ученый мужъ, говоритъ онъ, имѣть отиѣнное дозволеніе преподавать лекціи и изъяснять такъ внятно, что успѣхи наши были очевидны“⁽³⁸⁾. Муравьевъ, впослѣдствіи попечитель Московскаго университета и воспитатель Великихъ Князей, въ своемъ посланіи къ И. П. Тургеневу, товарищу дѣтства и соученику своему, воспоминая прежнихъ профессоровъ, говоритъ, что „Шаденъ истину является безъ покрова“⁽³⁹⁾. Ученики Шадена любили его; они чувствовали, какъ многимъ были ему обязаны и когда достойный профессоръ умеръ въ 1797 году, въ память ему было написано нѣсколько благодарныхъ, полныхъ чувства рѣчей и стиховъ⁽⁴⁰⁾. И Карамзинъ съ особенно нѣжнымъ чувствомъ вспоминаль своего учителя. Во время путешествія своего по Европѣ, въ Лейпцигѣ, гуляя въ Вендеровомъ саду, онъ увидѣлъ мраморный памятникъ Геллерту, и вспомнилъ „то счастливое время моего ребячества, когда Геллерты басни составляли почти всю мою библиотеку, когда профессоръ Шаденъ, преподавая намъ, маленькимъ ученикамъ своимъ, мораль по Геллертовымъ лекціямъ (Moralische Vorlesungen), съ жаромъ говоривалъ:“ Друзья мои! будьте таковы, какими учить васъ быть Геллертъ и вы будете счастливы! „Воспоминанія разтрогали мое сердце“⁽⁴¹⁾.

Это указаніе Карамзина о Геллертѣ [1715—1769], какъ о томъ нѣмецкомъ писателѣ, которому подражалъ учитель его Шаденъ, позволяетъ намъ нѣсколько остановиться на содержаніи его ученія. Кроме басенъ, которые пользовались чрезвычайной популярностью въ Германии и сдѣлали народнымъ имя его, Геллертъ былъ еще профессоромъ въ Лейпцигскомъ университетѣ, где его популярные лекціи о нравственности находили весьма много слушателей и хотя набожнѣмъ характеромъ своимъ нѣсколько напоминали пѣтистовъ, но чрезвычайно ясно, съ точки зренія здраваго смысла, говорили о справедливости, добродѣтели и религіи⁽⁴²⁾. Нрав-

⁽³⁸⁾ Чистосердечное признаніе. См. сочиненія изд. Глазунова. Смб. 1866 г. стр. 540

⁽³⁹⁾ Сочиненія, издание Смирдина, т I, стр. 86.

⁽⁴⁰⁾ Пріятное и полезное препровожденіе времена, ч. XVI, стр. 31—32 Словарь проф. ч. 2. стр. 564.

⁽⁴¹⁾ соч. т. II, стр. 120.

⁽⁴²⁾ Schmidt Iul. Cesch. d. geist Lebens in Deutschland. 1862. B. I. S. 611—618. Лучшая характеристика Геллерта, его личности, содержанія его сочине-

ственное учение Геллерта, враждебное древнимъ и дейстамъ, отличалось нѣсколькою ипохондрическою слабостью, мораль его и въ басняхъ была слаба, притомъ она была болтлива, но въ умственной жизни Германіи прошлаго вѣка его вліяніе было ощутительно, особенно въ среднемъ сословіи общества, такъ что Гёте имѣлъ полное право назвать его сочиненія „основаніемъ нравственной культуры Германіи.“ Геллерту надобно приписать самое сильное распространеніе въ литературѣ, а чрезъ нея и въ обществѣ той *чувствительности* или сентиментальности, которая долго господствовала въ нѣмецкой литературѣ и посредствомъ воспитанія у Шадена отразилась и въ произведеніяхъ Карамзина. Современники были въполномъ восторгѣ отъ него, а Карамзинъ отзыается о немъ съ глубокимъуваженіемъ. Сколько можно судить по воспоминанію учениковъ, лекціи Шадена о нравственности иногдѣ обязаны были идеямъ Геллерта, хотя потомъ онъ и слѣдилъ за развитіемъ мысли въ Германіи и за ея представителями, далеко ушедшими впередъ отъ того времени, когда Геллерть читалъ въ Лейпцигѣ свои популярныи лекціи о нравственности. Нравственное учение Геллерта было приводимо Шаденомъ въ систему. Собственные мысли, нравственные, жизненные и политические идеалы Шадена видны въ нѣкоторыхъ латинскихъ рѣчахъ, произнесенныхъ имъ по разнымъ случаямъ. Онѣ отличаются глубиною мысли и основательностью и изъ нихъ становится намъ ясно, что Шаденъ принадлежалъ къ числу тѣхъ нѣмецкихъ ученыхъ, которые выбрали задачу своей дѣятельности, съ помощью науки и убѣжденія, бороться съ волнующими современныи міръ ученіями энциклопедистовъ. Въ рѣчахъ своихъ Шаденъ говоритъ о Богѣ, о любви къ Нему, о могуществѣ Вѣры, которой долженъ подчиняться разумъ, о непреложныхъ законахъ, правящихъ міромъ, и недопускающихъ слѣпаго случая, о монархіи, какъ лучшемъ образѣ правленія, единственно возможномъ въ Россіи, гдѣ идеи Государя и Отечества должны быть нераздѣльны, и въ особенности о воспитаніи, которое должно быть непремѣнно согласовано съ государственными потребностями. Говоря о наукахъ, Шаденъ нападаетъ на одностороннее развитіе ума; онъ желаетъ участія въ пріобрѣтеніи знанія сердца и чувства, желаетъ болѣе воспитанія нравственнаго, чѣмъ холодныхъ евѣдѣній и эту живую сторону требуетъ отъ воспита-

вій и ціянія на общество, принадлежитъ Германнусу: *Geschichte der deutschen Dichtung.* IV. Bd. Leipzig. 1853. S. 85—90.

тельныхъ учреждений. О русскомъ народѣ, какъ народѣ съверионы, Шаденъ говорить, что чувства его должны быть грубы и что на нихъ, для развитія *чувствительности*, необходимо действовать воспитаніемъ⁽⁴³⁾. Замѣтить надобно, что Шаденъ желалъ воспитанія такого, которое бы имѣло близкую связь съ обществомъ, не чуждалось его, а служило ему.

Сообразя педагогическая и нравственная убѣжденія Шадена съ тѣми свидѣтельствами, которыми дошли до насъ о его честномъ личномъ характерѣ, какъ человѣка и профессора, о твердости его убѣжденій, которымъ онъ оставался вѣренъ въ теченіе всей своей жизни, сопоставляя съ этимъ общий характеръ всѣхъ произведеній Карамзина, и тонъ ихъ, и политическіе идеалы, вынесенные имъ изъ глубокаго изученія отечественной истории, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно согласные съ ученіемъ Шадена, и нравственныя свойства его произведеній, мы убѣждаемся, что гораздо сильнѣе дѣтскихъ вліяній и общества, окружавшаго ребенка въ симбирской деревнѣ, было вліяніе на него воспитательного заведенія Шадена. Изъ него онъ вышелъ прямо въ жизнь и привнесъ съ собою въ нее, вмѣстѣ съ сложившимися убѣжденіями, которыя навсегда опредѣлили его литературную дѣятельность и положительная свѣдѣнія, необходимыя для нея. Мы позволяемъ себѣ думать даже, что вліяніе Шадена и воспитанія имъ данного Карамзину было сильнѣе и значительнѣе послѣдующаго, именно Новикова и того мистико-масонскаго кружка людей, который образовался около этого замѣчательнѣйшаго представителя умственной жизни нашего отечества въ концѣ прошлаго столѣтія. Если вліяніе Новиковскаго кружка и спасло Карамзина отъ пустоты и безздѣятельности свѣтской жизни въ провинціи, давъ ему толчекъ и сблизивъ его съ умственными интересами, то съ другой стороны этотъ кружокъ не привилъ къ нему своихъ убѣжденій; прежняя вліянія оказались сильнѣе; въ Европѣ, въ бесѣдѣ съ представителями ея литературы, эти прежнія вліянія опять получили силу; свѣжій воздухъ заграничной жизни развѣялъ то, что могло запасть въ душу Карамзина изъ масонства, а прослѣдованія послѣдняго со стороны правительства уже не позволили ему раздѣлять далѣе убѣжденій разсѣянаго кружка.

Гораздо труднѣе сказать, въ чём состояли положительные свѣдѣнія, которыя Карамзинъ вынесъ изъ пансиона Шадена, гдѣ, по всей вѣроятности, пробылъ около четырехъ лѣтъ, хотя опредѣ-

[43] Шевыревъ Исторія Москов. универ. стр. 157—161. Біографія профессоровъ. ч. 2 стр. 569—574.

лить положительно годы его пребывания въ пансионѣ невозможно, при спутности и неопределённости всѣхъ биографическихъ данныхъ о Карамзинѣ. Въ воспоминаніи объ урокахъ Шадена по Геллерту, Карамзинъ называетъ себя *маленькимъ ученикомъ*. Въ другомъ мѣстѣ онъ вспоминаетъ о чтеніи донесеній англійскихъ торжествующихъ генераловъ изъ времень войны съ возникающими Сѣверо-Американскими штатами (⁴⁴). Для того, чтобы интересоваться современными политическими событиями, нужно было уже имѣть достаточное развитіе.

Положительно можно сказать, что Карамзинъ въ пансионѣ Шадена познакомился хорошо съ иностранными языками: французскимъ и нѣмецкимъ, а можетъ быть и англійскимъ, хотя онъ не могъ говорить на этомъ послѣднемъ языке (⁴⁵). Древніе языки не были ему знакомы (⁴⁶). Знакомство же съ новыми, подъ влияниемъ и при совѣтахъ воспитателя, доставило ему средства для обширного образовательного чтенія, особенно въ нѣмецкихъ автографахъ и дало ему возможность очень скоро явиться печатнымъ переводчикомъ съ нѣмецкаго. Выборъ этихъ переводовъ совпадаетъ съ направленіемъ Шадена. Воспитатель полюбилъ Карамзина и доставилъ ему знакомства въ близкихъ ему иностранныхъ домахъ, слѣдилъ за его чтеніемъ и направлялъ его (⁴⁷). Карамзинъ думалъ кончить свое воспитаніе въ Лейпцигскомъ университетѣ и искренно, глубоко сожалѣлъ, что обстоятельства не позволили ему исполнить этого намѣренія (⁴⁸), сожалѣлъ о потерянныхъ годахъ.

По всей вѣроятности Карамзинъ оставилъ, для вступленія въ службу, пансионъ Шадена въ 1782 году.

(⁴⁴) Сочиненія. т. II, стр. 773.

(⁴⁵) Онъ такъ хорошо зналъ языкъ нѣмецкій, что въ письмѣ къ Боннету имѣлъ право сказать: „богатство и сила нѣмецкаго языка мнѣ извѣстны“. Соч. т. II. стр. 345.

(⁴⁶) Греческому языку онъ начинать учиться по грамматикѣ Тренделенбурга, во по его замѣчанію „послѣ не имѣлъ уже времени думать о немъ“. Соч. т. II, стр. 33. Изъ письма къ нему Петрова видно, что по латыни онъ не учился. Рус. Арх. 1863 г. стр. 889.

(⁴⁷) Погодинъ. Утро. стр. 16. Старчевскій. стр. 15 и 16.

(⁴⁸) Сочин. т. II, стр. 115.

III.

Петербургъ. Первый литературный опытъ Карамзина. Москва и духовное развитіе Карамзина въ кругу масоновъ. Первые переводные и оригинальные труды. Отношеніе къ идеямъ масонства и мистицизма (1783—1789).

Оставивъ въ 1782 году пансионъ Шадена, Карамзинъ могъ посѣтить на иѣкоторое время свою родину, хотя на это и нѣть положительныхъ указаній. По крайней мѣрѣ, явившись въ Петербургъ на службу въ Преображенскій полкъ, куда онъ былъ записанъ по старому обычая еще въ дѣтствѣ подпрапорщикомъ, Карамзинъ привезъ своему родственнику И. И. Дмитріеву письмо отъ отца (¹). Дмитріевъ, еще въ симбирскомъ домѣ отца познакомившійся съ начинавшейся русскою литературою, по приѣздѣ въ Москву увлеченный чтеніемъ современныхъ русскихъ поэтовъ, семнадцати лѣтъ сталъ писать стихи, служа унтер-офицеромъ въ Семеновскомъ полку. Стихи эти тогда же были напечатаны. Извѣстно, что въ ту пору для иѣсколькохъ русскихъ поэтовъ-дворянъ, избравшихъ военную службу, караульня служила храмомъ Аполлона. Литература или скорѣе стихи безъ глубокаго содержанія, оды и надписи, басни и элегіи были въ большой модѣ: ими пріобрѣталась извѣстность и значеніе въ свѣтѣ, при видимомъ покровительствѣ Императрицы литературнымъ занятіямъ. Дмитріевъ не былъ воспитанъ въ такой строгой школѣ, какъ Карамзинъ; кругъ его чтенія ограничивался только современными русскими стихотворцами и легкими французскими поэтами, которыхъ онъ подражалъ. Но Дмитріевъ былъ старше шестью годами своего земляка и родственника, былъ уже опытнымъ въ литературномъ дѣлѣ, а потому не мудрено, что примѣръ его увлекъ въ писательство и Карамзина. Кроме родственной связи, дружба Карамзина съ Дмитріевымъ основывалась преимущественно на общей склонности ихъ къ поэзіи и вообще къ словесности. Переписка ихъ между собою, продолжавшаяся до самой смерти Карамзина, посвящена въ молодости главнымъ образомъ литературнымъ вопросамъ; друзья передаютъ впечатлѣнія прочитанного и пересылаются стихами (²). Безъ сомнѣнія, подобно Дмитріеву и Карам-

(1) Взглядъ на мою жизнь. Стр. 39.

(2) У тро. Стр. 32—38. Значеніе обширной переписки Карамзина съ Дмитріевымъ безспорно будетъ важно для биографіи первого. Она, какъ извѣстно, должна появиться въ свѣтѣ къ юбилею, въ изданіи Я. К. Грота.

зинъ началъ свою литературную дѣятельность стихами, но какие изъ нихъ относятся къ этому времени петербургской военной службы и молодыкъ военній его—намъ неизвѣстно. (3) Первымъ печатнымъ произведеніемъ Карамзина, явившимся въ свѣтъ съ его именемъ былъ переводъ съ языка нѣмецкаго, въ которомъ онъ примѣнилъ свои свѣдѣнія, вынесенные имъ изъ пансиона Шадена. (4).

Какъ вся руская поэзія того времени, въ которой пытали себя молодыя силы, была чужда дѣйствительности, такъ и первый извѣстный намъ переводъ Карамзина, напечатанный въ то время, когда онъ служилъ въ гвардейскомъ полку въ Петербургѣ, въ 1783 году, сдѣланъ имъ былъ изъ писателя, котораго идилліи пользовались чрезвычайною славою въ XVIII вѣкѣ, но были изображеніемъ жизни идеальной, совершенно не похожей на дѣйствительность (5). Поэзія Геснера принадлежала къ болѣзnenнымъ явленіямъ въ литературѣ XVIII вѣка. Аркадскій міръ его идиллій, этотъ идеаль блаженства, лежащій въ прошломъ, не впереди человѣчества, былъ идеаломъ не свободы и дѣйствія, а выражениемъ тоскливаго, слабодушнаго чувства, неудовлетворенного настоящимъ. Въ этихъ сладкихъ, изнѣженныхъ звукахъ, въ этихъ живописныхъ и мягкихъ ландшафтахъ природы, въ этой патріархальной простотѣ нравовъ, доходившей до манерности и изысканности, мы не видимъ живаго и крѣпкаго чувства исторического. Этотъ мелкій міръ, съ своими мирными героями, какъ бы застыль и не движется посреди буколической любви, звуковъ сирѣли и мечтательного счастія, въ которомъ раскрывался просторъ сентиментальному воображенію. По всей вѣроятности выборомъ идилліи Геснера для перевода Карамзинъ обязанъ былъ воспитанію, полученному имъ въ пансионѣ Шадена. Онъ любилъ Геснера и цѣнилъ его идилліи. Сердечно жалѣлъ онъ потомъ, увидѣвъ не да-

(3) Первый переводъ его съ нѣмецкаго, упоминаемый Дмитревымъ (Взглядъ, стр. 40) и обмѣненный имъ у издателя книгопродавца Миллера на переводъ романа Фильдинга Томъ Джонстъ, былъ Разговоръ Австрійской Маріи Тerezіи съ вашей Императарицей Елизаветой Петровной въ Елисейскихъ поляхъ. Переводъ этотъ, какъ извѣстно, не былъ отысканъ. см. Газаховъ Н. М. Карамзинъ. Статья вторая, Современникъ. 1858 г. Т. XIII, отд. III, стр. 3

(4) Деревянная нога, швейцарская вдлліяг. Геснера. Снб. 1783 г. Въ вольной типографіи Брейткопфа. Въ подлинникѣ идиллія эта (das hölzerne Bein) заключаетъ всего пять стр. 12°.

(5) См. Gervinus: Gesch. d. Dichtung, IV B. S. 149—156 и Hettner: Gesch. d. d. deutsch. Literatur im achtz, Jahrh. 2. B. 1864, S. 114—116.

леко отъ Базеля его памятникъ, что не засталъ въ живыхъ „чѣ-
жнаго пѣвца Швейцарії“⁽⁶⁾. Даже страна эта предстала ему
въ той идилической обстановкѣ, въ какой является она у Геспера
и на него находило желаніе „возвратиться въ первобытное состояніе че-
ловѣка, “пожить жизню „добродушныхъ пастуховъ“ швейцарскихъ⁽⁷⁾.

Этимъ переводомъ началось литературное поприще Карамзина.
Не составъ онъ себѣ славнаго имени въ исторіи нашего духовна-
го развитія, эта маленькая книжечка, слабый и робкій опытъ
юноши, потерялась бы между множествомъ подобныхъ явлений, но
намъ она дорога, потому что принадлежитъ Карамзину, потому
что и въ ней сказывается его общее направленіе и путь, по ко-
торому онъ такъ долго шелъ впослѣдствіи.

Не долго по видимому пробылъ Карамзинъ въ Петербургѣ.
Военная служба въ гвардейскихъ казармахъ чуть было не смѣни-
лась для него дѣйствительной. Онъ „хотѣлъ враговъ разить, хо-
тѣлъ военной славы“, но незвѣстныя намъ обстоятельства помѣ-
шали этому желанію⁽⁸⁾ Между тѣмъ случилась смерть отца⁽⁹⁾;
домашнія дѣла, раздѣль имѣнія, вѣроятно были причиной того,
что Карамзинъ вышелъ въ отставку съ чиномъ поручика и уѣхалъ
на родину. Здѣсь, въ 1785 году засталъ его Дмитріевъ въ свѣт-
скомъ кругу Симбирска и удивился значительной перемѣнѣ въ немъ.
Вместо неопытнаго и миловиднаго юноши, онъ увидѣлъ „человѣка
надежнаго на себя въ обществѣ, опытааго за вистовымъ столомъ,
любезнаго въ дамскомъ кругу.“ Пріятели обрадовались другъ
другу; литературные вопросы опять сдѣлялись предметомъ ихъ
разговоровъ и вмѣстѣ читали они въ Симбирскѣ Юнговы „Ночи“.
Но свѣтская жизнь Симбирска была завлекательна для молодаго
Карамзина и кто знаетъ, какъ долго длилась бы она, еслибы
землякъ его Иванъ Петровичъ Тургеневъ, богатый симбирскій по-
мѣщикъ и искренній другъ Новикова не замѣтилъ дарованій и

⁽⁶⁾ Сочин. т. II. стр. 200.

⁽⁷⁾ Тамъ же, стр. 278—279.

⁽⁸⁾ Г. Погодинъ сообщаетъ, что назначеніе въ дѣйствительную службу доста-
валось тогда только богатымъ офицерамъ, притомъ оно зависѣло отъ секретара,
которому вадобно было дать взятку, а у Карамзина не было денегъ. См.
Угр о стр. 18. Мы не знаемъ источника этихъ свѣдѣній.

⁽⁹⁾ Къ сожалѣнію и это обстоятельство не опредѣлено точнымъ образомъ. Въ
примѣчаніяхъ г. Лонгинова къ запискамъ Дмитріева обозначается 1785 годъ, у г.
Погодина 1783 или 1784 годъ. Вообще годы жизни Карамзина съ 1782 по 1785, со
временемъ окончанія ученія въ пансионѣ и до близкой связи съ литературными и
масонскими кружкомъ Новикова, являются почти проблемой въ его биографіи,—
такъ мало мы имѣемъ для нихъ свѣдѣній.

образованія Карамзина, которые могли пригодиться въ обширныхъ литературныхъ предпріятіяхъ Новикова и не уговорилъ егоѣхать въ Москву.

Объ Иванѣ Петровичѣ Тургеневѣ впослѣдствіи бригадирѣ, а при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ Дѣйствительномъ Статскомъ Совѣтникѣ и послѣднѣмъ директорѣ Московскаго университета, отцѣ нѣсколькоихъ замѣчательныхъ въ литературныхъ русскихъ преданіяхъ сыновей, мы имѣемъ чрезвычайно скучная свѣдѣнія. Землякъ Карамзину, онъ учился въ Московской гимназіи (1768—1771) и можетъ быть потомъ и въ университетѣ. Такимъ образомъ онъ былъ товарищемъ извѣстному писателю М. Н. Муравьеву, бывшему потомъ воспитателемъ Великихъ Князей Александра и Константина Павловичей, и другомъ ему, что свидѣтельствуетъ поэтическое посланіе Муравьева, написанное въ 1774 году къ Тургеневу (¹⁰). Воспитаніе въ Москвѣ дало возможность Тургеневу сблизиться съ представителями литературы нашей того времени, а служба въ Москвѣ, при извѣстномъ генераль-губернаторѣ графѣ З. Х. Чернышевѣ—поддерживать эти связи (¹¹). Рано сблизился онъ съ Новиковымъ, (если считать принадлежащимъ ему въ журналѣ послѣдняго „Живописецъ“ отрывокъ изъ путешествія по Россіи, гдѣ въ первый разъ поднять былъ голосъ противъ темной стороны крѣпостнаго права), и вмѣстѣ съ Новиковымъ былъ увлеченъ масонствомъ, въ распространеніи котораго принималъ самое дѣятельное участіе. Имъ была даже основана масонская ложа въ Симбирскѣ, подъ предсѣдательствомъ вице-губернатора Голубцова (¹²). Послѣ процесса Новикова, Тургеневъ былъ сосланъ въ свою деревню, но вмѣстѣ съ Новиковымъ и другими мартинистами былъ прощенъ Императоромъ Павломъ и сдѣланъ директоромъ Московскаго университета. Что Тургеневъ былъ человѣкъ образованный, видно изъ того, что онъ участвовалъ въ переводахъ нѣкоторыхъ мистическихъ и масонскихъ книгъ. Съ его рекомендациею молодой Карамзинъ вступилъ въ 1785 году въ совершенно уже сформированный кругъ Новикова, кругъ, полный широкихъ плановъ и начинаній, дѣятельности разнообразной, направленной къ благу человѣчества и русскаго просвѣщенія.

Но еще прежде прїѣзда въ Москву въ концѣ лѣта 1785 года, Карамзинъ былъ уже близокъ съ однимъ изъ дѣятельныхъ

(¹⁰) Сочиненія, изд. Смирдина, т. I. стр. 62—65.

(¹¹) Шевыревъ, Исторія Моск. ун. стр. 170 и 289.

(¹²) Тихонравова, Лѣтописи, т. V. Новая свѣдѣнія о Новиковѣ, стр. 89.

литературныхъ сотрудниковъ Новикова — Александромъ Андреевичемъ Петровымъ (ум. въ 1793 году). Дружба съ этимъ человѣкомъ, являющимся въ сочиненіяхъ Карамзина подъ поэтическимъ именемъ „Агатона“, имѣла на него глубокое вліяніе. Петровъ былъ развѣ двумя годами старше своего друга, но его сдержанній характеръ, строгое развитіе мысли, чуждое сентиментальности и разслабленности, замѣтныхъ въ Карамзинѣ, большее образованіе (Петровъ зналъ классическіе языки и превосходно былъ знакомъ съ англійскою литературою), благотворно дѣйствовали на воспріимчивую натуру Карамзина, который смотрѣлъ на своего друга, какъ на существо высшее. Петровъ направлялъ и чтеніе Карамзина и дѣлалъ выборъ для его литературныхъ трудовъ; нѣсколько лѣть, до самаго отѣзда Карамзина за-границу, они были неразлучны и жили на одной квартирѣ. Когда началась эта дружба, опредѣлительно сказать нельзя, но изъ писемъ Петрова къ Карамзину, писанныхъ изъ Москвы лѣтомъ 1785 года, передъ самыми приѣздомъ туда Карамзина, видно, что дружба эта была въ полномъ развитіи (⁽¹³⁾). Изъ этой переписки видно, что Петровъ стоялъ гораздо выше въ духовномъ отношеніи Карамзина. Онъ шутить надъ его меланхоліей и скучой, навѣянными пустотою провинціальной жизни и даетъ ему здравые, практическіе совѣты для дѣятельности, хотя, какъ видно изъ той же переписки, Карамзинъ не всегда скучалъ; онъ смѣется надъ какою то пьесою Карамзина о „Соломонѣ“, написанною по нѣмецки, гдѣ онъ въ трехъ строкахъ нашелъ пять ошибокъ противъ языка. Карамзинъ, не смотря на разсѣянность свѣтской жизни въ Симбирскѣ, читаль въ немъ Шекспира, любимаго писателя Петрова и вѣроятно готовилъ свой переводъ „Юлія Цезаря“. Петровъ, по видимому близкій съ масонами, звалъ Карамзина къ *Ioannovу дню*, празднику масонскихъ ложъ.

Если мистицизмъ и масонство въ концѣ XVIII вѣка у насть въ Россіи были явленіями, занесенными, подобно многимъ другимъ, изъ европейской умственной жизни, если они не имѣли въ русскомъ обществѣ ни историческихъ причинъ, ни исторической почвы, какъ на Западѣ, то все таки мы имѣемъ право утверждать, что состояніе русской жизни и ея условія были благопріятны для нихъ и во многомъ ихъ оправдывали. Какъ въ Европѣ, такъ и у насть, масонство могло появиться

(13) Русский Архивъ 1863 г. Стр. 881—890.

совершенно естественно и найти благоприятную почву для своего развитія, сдѣлаться даже явленіемъ, принесшимъ извѣстную долю пользы русскому обществу.

Во второй половинѣ XVIII вѣка въ западной Европѣ и преимущественно въ Германіи, съ которой наши петербургскіе и московскіе масоны имѣли непосредственная сношенія, мы видимъ быстрое усиленіе и развитіе разныхъ тайныхъ обществъ, извѣстныхъ подъ названіемъ масоновъ, иллюминатовъ, розенкрайцеровъ и др. Различные историческія причины способствовали этому тайному, но съ широкими границами движенію. Съ одной стороны іезуитскій орденъ, послѣ реформаціонныхъ войнъ снова и въ полномъ блескѣ возстановилъ католичество, грозившее свободѣ мысли. Съ другой стороны тогдашнее политическое устройство государствъ въ западной Европѣ было такого рода, что форма ихъ не допускала возможности личного участія, личной дѣятельности развитаго гражданина въ дѣлахъ общественныхъ, а между тѣмъ эти развитыя личности страстно желали общественной дѣятельности. За невозможностію ея, весь пыль подобныхъ стремленій уходилъ въ дѣятельность тайныхъ обществъ, гдѣ раскрывался полный просторъ личнымъ начинаніямъ. Стремленія эти были сильны и могущественны, потому что они вызывались всѣмъ развитіемъ литературы и мысли въ XVIII вѣкѣ, которое, освобождая сердце и умъ, требовало вмѣстѣ съ тѣмъ и свободы политической дѣятельности, а она не допускалась гнетомъ феодального государства, господствовавшаго во всей силѣ до французской революціи. Чего хотѣли тайные общества масоновъ, иллюминатовъ и др.? Исключенные изъ государственной дѣятельности, братья орденовъ не могли имѣть въ виду близкой, практической цѣли въ государствѣ; они были чужды политическимъ стремленіямъ, не думали о государственномъ переворотѣ и одною изъ первыхъ обязанностей брата считали повиновеніе государю, во владѣніяхъ котораго жили, и существующимъ въ нихъ законамъ. Цѣль тайныхъ обществъ была гораздо дальше, была чище и идеальнѣе, вызывась современными общественными явленіями: этимъ неестественнымъ развитіемъ ума и грубымъ невѣжествомъ массъ въ XVIII вѣкѣ. Тайные общества хотѣли всеобщаго просвѣщенія и идеального христіанства, очищенаго отъ фанатизма и суевѣрія. Это нравственное дѣло должно быть достигнуто братскими усилиями общества, а потому необходимо было увеличивать число братій, такъ какъ каждый изъ нихъ являлся работникомъ будущаго зданія для просвѣщенаго и сча-

стлива го человѣчества. Понятно, что въ такомъ обществѣ первую и главную роль должны были играть писатели, такъ какъ только нравственными, литературными средствами можно было проводить въ жизнь цивилизующія начала. Сочиненія должны были издаваться въ одномъ духѣ, для чего необходимъ союзъ писателей, дѣйствующихъ въ одномъ направленіи, необходимы материальные средства для подобной литературной дѣятельности: типографіи, книжные лавки, читальни, необходимо воспитаніе въ известномъ направленіи, а потому ордена заводили свои школы, воспитательные заведенія и проч. Въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи вербужа во всѣхъ сословіяхъ и народахъ своихъ членовъ, тайное общество, въ концѣ концевъ, должно было потерять этотъ характеръ свой: предѣлы человѣчества были его предѣлами. Такимъ образомъ въ усиліяхъ тайныхъ обществъ мы видимъ благую, честную цѣль, хотя сами они были порожденіемъ больнаго и неестественного устройства общественной жизни.

Если въ Россіи XVIII столѣтія и не было тѣхъ историческихъ причинъ, которыя въ Европѣ породили тогда движеніе тайныхъ обществъ, то вѣтъ сомнѣнія, что они нашли у насъ вѣсма благопріятную почву и обширное поле для дѣятельности. Кто незнаетъ нашего эфемернаго умственнаго развитія въ XVIII вѣкѣ, вызваннаго горячечнымъ подражаніемъ Европѣ послѣ реформы Петра В., это неестественное, почти болѣвое развитіе головъ въ верху и спящую неподвижность массы въ низу? Кто не знаетъ недостатка нравственныхъ убѣжденийъ въ нашихъ людяхъ XVIII вѣка, ихъ грубыхъ, чисто материальныхъ побужденій для дѣятельности, ихъ жизни точно въ лагерь страны завоеванной, презрѣнія ко всякой умственной дѣятельности и жадную погоню въ высшихъ классахъ, гдѣ сосредоточивалась вся жизнь государства, за золотомъ и наслажденіями? Что-то черствое, жесткое видно въ этихъ натурахъ и бѣдность ихъ внутрен资料не содержанія не скрывается отъ насъ ни блескомъ царствованія Екатерины, ни ея гуманными фразами, ни звонкими стихами Державина (¹⁴). Людямъ, нравственно развитымъ, съ болью кидались въ глаза всѣ эти печальные противорѣчія общества, сердце ихъ должно было скорбѣть. Надобно прибавить ко всему этому, что съ легкой руки Императрицы, многимъ

(¹⁴) Прекрасную характеристику русского общества XVIII столѣтія и явленій, вызвавшихъ противодѣйствіе въ масонствѣ и мистицизмѣ, сдѣлалъ покойный С. В. Ешевскій въ статьѣ своей „Нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній къ статьѣ Новиковъ и Шварцъ“ Русск. Вѣстникъ. 1857 г. Т. ХII, стр. 174—201.

обязанной сочиненіямъ французскихъ энциклопедистовъ и лично знакомой съ нѣкоторыми изъ нихъ, въ обществѣ, даже теоретически, господствовалъ материализмъ, развиваемый передовыми мыслителями Франціи и искушающій сердце. Естественно, необходимо являлось противодѣйствіе этому направленію, и, если оно вдалось въ крайности, то онъ были вызваны крайностями противоположнаго явленія; но заслуга русскаго масонства передъ русскимъ обществомъ, разумѣется въ той ограниченной сферѣ дѣйствія, какая была предоставлена ему, и между немногими личностями, литературнымъ путемъ, была очень велика. Русское масонство боролось съ материализмомъ и глубокою чувственностью, оно возставало противъ индифферентизма и фанатизма въ религіи, противъ одностороннаго развитія ума при совершенномъ забвеніи сердца; оно желало просвѣщенія массы, желало лучшаго материальнаго устройства быта и съ этой цѣлію помогало бѣднымъ. Вотъ почему просвѣщенный митрополитъ московскій, знаменитый Платонъ, послѣ испытательной бесѣды по указу Императрицы Екатерины съ Новиковымъ, доносилъ ей въ 1786 году, между прочимъ слѣдующее: „Какъ предъ престоломъ Божиимъ, такъ и предъ престоломъ Твоимъ, Всемилостивѣйшая Государыня Императрица, я одолжаюсь по совѣсти и сану моему донести тебѣ, что молю всесущаго Бога, чтобы не только въ словесной паству, Богомъ и Тобою, Всемилостивѣйшая Государыня, мнѣ вѣренной, но и во всемъ мірѣ были христіане таковые, какъ Новиковъ“⁽¹⁵⁾.

Въ самомъ дѣлѣ чего хотѣли русскіе масоны? Ихъ главная, ихъ существенная цѣль заключалась въ воспитаніи *внутренняго человѣка*, не въ томъ только освобожденіи его отъ историческихъ опредѣленій, о которомъ хлопотали дейстическая ученія вѣка, но и въ развитіи его внутренней стороны, задавленной господствомъ животныхъ инстинктовъ. Вѣра въ Бога, религія страны, повиновеніе государю и исполненіе законовъ—оставались нетронутыми, ихъ желали только чище и сознательнѣе. Конечно въ этомъ свободномъ соединеніи людей для далекой и неопределеннной цѣли воспитанія человѣчества—не могло быть ясно очерченной системы и программы дѣйствія (строго систематизированы были только вѣшніе обряды ложъ, которыми масоны думали увлечь толпу и людей, не смотря на свое развитіе легко поддающихся вѣшнимъ приманкамъ); при томъ цѣль общества и не могла быть формули-

(15) Москвитянинъ 1842 г. № 3, стр. 130.

рована, такъ какъ она мерцала въ далекомъ будущемъ и къ ней вели разнообразные пути, но нравственный характеръ главныхъ представителей русскаго масонства прошлаго вѣка ручается намъ за чистоту ихъ убѣждений и за истину ихъ словъ. Несчастіе этого общества, условливаемое временемъ и обстоятельствами, составляла тайна и таинственные, исполненные символизма вицѣніе обряды. Подъ покровъ тайны легко могли прокрасться и прокрадывались ложь и обманъ. Наше время знаетъ, что благо человѣчества достигается не таинственными обрядами, а дѣйствіями явными, но въ XVIII вѣкѣ были другія отношенія. Загораживаясь отъ общества заборомъ тайны, собираясь въ недоступныхъ для другихъ собранія, употребляя непонятные обряды и вычурный символический языкъ, масоны невольно возбуждали къ себѣ недовѣріе не только правительства, которое естественно не могло терпѣть рядомъ съ собою другой власти, но и простыхъ, благомыслившихъ людей.

Изучая заявленія русскихъ масоновъ о себѣ и о цѣли ихъ общества, соображая образъ ихъ дѣйствій, мы видимъ, что цѣли и намѣренія ихъ были высоко-нравственные. Миѳическая работа надъ „дикимъ камнемъ“, надъ грубыми и непросвѣщеннымъ обществомъ—вотъ сущность того кружка, который возникъ въ обществѣ Новикова и друзей его. Желаніе расширить общество и средства распространенія были тѣ же, что и въ Германіи. Вотъ что, между прочимъ, писали берлинскіе масоны въ 1784 году, въ самую сильную пору движенія Новиковскаго кружка, къ одному изъ главныхъ масонскихъ дѣятелей въ Москвѣ, Петру Алексѣевичу Татищеву: „цѣль общества.... соединить ради общей пользы въ одинъ союзъ людей, обыкновенно раздѣленныхъ возрастомъ, образомъ жизни, различными занятіями и самыми средствами для жизни, не давать заглохнуть природнымъ дарованіямъ, но поощрять ихъ къ дѣятельности; содѣйствовать распространенію знаній въ латинскомъ языке, также знакомству съ древностями, съ природою, которая въ нѣдрахъ своихъ бережетъ такъ много сокровищъ для всякаго благоразумнаго изслѣдователя, который приступаетъ къ ней съ чистою мыслью; для безпріютныхъ молодыхъ людей завести особыя филологическія семинаріи, гдѣ бы они сверхъ образованія могли получить и самое содержаніе, и имѣя цѣллю приготовить изъ нихъ будущихъ воспитателей народа, заранѣе направить ихъ умы къ общеполезной дѣятельности и воспитывать въ сердцахъ ихъ любовь къ Богу и ближнему; наконецъ

вообще способствовать, посредствомъ хорошаго выбора книгъ для чтенія, просвѣщенію народнаго духа въ своемъ отечествѣ” (¹⁶). Новиковъ и друзья его, сформировавшіе въ Москвѣ общество, бывшее въ непосредственныхъ связяхъ съ нѣмецкими масонами, почти буквально исполнили эту программу.

Извѣстна дѣятельность Новикова и друзей его, составляющая самый замѣчательный эпизодъ изъ исторіи нашего просвѣщенія XVIII вѣка (¹⁷). Не смотря на то, что Новиковъ (1744—1818) и числился между воспитанниками Московскаго университета, изъ котораго онъ былъ однако исключенъ въ одно время съ товарищемъ своимъ, знаменитымъ Потемкинымъ, за лѣность и нехожденіе въ классы, онъ принадлежалъ къ числу самородныхъ русскихъ умовъ, съ постоянной, неумолкаемою жаждою дѣятельности. Его здравый умъ, ого замѣчательныя дарованія, любовь къ чтенію и знакомство съ людьми дѣятельными въ литературѣ въ то время, когда въ началѣ царствованія Екатерины II литература, поощряемая самою императарицею, получила особенное оживленіе, невольно влекли Новикова къ работѣ умственной. Служа въ гвардейскомъ Измайловскомъ полку, Новиковъ началъ свое литературное по-прище сатирическими журналами, умныя и мѣткія нападенія которыхъ обратили на него общее вниманіе. Но видя безплодность своей сатиры, понимая, что недостатки общества зависятъ отъ историческихъ условій его развитія, Новиковъ перешелъ къ изученію историческихъ памятниковъ Россіи, изданіемъ которыхъ принесъ существенную пользу наукѣ. За тѣмъ, вѣроятно увлеченій движениемъ масонства, онъ сталъ издавать журналы, посвященные нравственности вообще и нравственной религії. Уже въ 1777 году онъ издає журналъ „Утренній свѣтъ“, наполненный статьями исключительно нравственного и религіозного содержанія и всю выручку съ этого изданія отдаетъ на воспитаніе дѣтей въ двухъ петербургскихъ училищахъ. Тогда уже опредѣлилась его дѣятельность и издательская и филантропическая. Съ выходомъ въ отставку, съ перебѣзомъ въ родную ему Москву въ началѣ 1779 года, и съ переходомъ къ нему по контракту тогда же университетской

(¹⁶)) Статья Ешевского въ Русск. В. 1857, т. XII, стр. 186.

(¹⁷) О Новиковѣ, его биографіи и вообще дѣятельности, кроме множества разбросанныхъ по периодическимъ изданіямъ материаловъ, см. двѣ главные статьи Лонгинова: „Новиковъ и Шварцъ, материалы для исторіи русской литературы въ концѣ XVIII столѣтія“ (Русск. Вѣсти. 1857 г. Т. XI, стр. 539—535) и Аѳанасьевъ: Николай Ивановичъ Новиковъ, биографический очеркъ (Библ. Зап. 1858 г. №. 6, стр. 161—181).

типографії, эта дѣятельность Новикова получила широкіе размѣры. Переходъ университетской типографії и изданія Московскихъ Вѣдомостей въ руки Новикова составляетъ эпоху въ исторіи нашего праэвѣщенія (¹⁸). Предпринимая разныя изданія периодическія, задумывая переводы замѣчательныхъ иностранныхъ произведеній, возбуждая, однимъ словомъ, въ высшей степени литературную дѣятельность, которая естественно являлась помощницею его коммерческаго предпріятія, Новиковъ нуждался въ совѣтникахъ и пособникахъ и такимъ образомъ онъ невольно сдѣлался центромъ, вокругъ котораго группировались всѣ литературные представители Москвы, все то, что питало сочувствіе къ дѣятельности слова, уму и просвѣщенію. Въ этотъ кругъ людей, молодыхъ и образованыхъ, соединенныхъ одною идею и общею дѣятельностію,увѣченныхъ примѣромъ Новикова и его вліяніемъ, въ этотъ кругъ любослововъ, какъ называется ихъ И. И. Дмитріевъ, вступилъ въ 1785 году молодой Карамзинъ и четыре года, проведенные имъ въ этомъ обществѣ, на глазахъ лучшихъ людей времени, въ общихъ, сознательныхъ трудахъ, въ переводахъ замѣчательнѣйшихъ тогда произведеній западныхъ литературъ, подъ вліяніемъ пылкой, молодой дружбы, были прекрасною школою для Карамзина. Здѣсь, разнообразнымъ трудомъ и упражненіемъ не только развился его авторскій талантъ, но воспиталось его сердце, раскрылось его чувство къ восприятію самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній. Когда Дмитріевъ увидалъ его въ этомъ московскомъ кружкѣ, онъ не узналъ Карамзина: „Это былъ уже не тотъ юноша, который читаль все безъ разбора, плѣнялся славою воина, мечталъ быть завоевателемъ чернобровой, пылкой черкешенки, но благочестивый ученикъ мудрости, съ пламеннымъ рвениемъ къ усовершенію въ себѣ человека“.

Высшій и вмѣстѣ съ тѣмъ таинственный смыслъ этому литературному кругу и его дѣятельности придавало масонство, которому Новиковъ отдался со всѣмъ пыломъ своей страстной натуры и которое своими широкими, какъ человѣчество, цѣлями, свою благородною любовью къ человѣческому роду, было для этихъ людей воспоминаніемъ дѣйствительности, замѣненіемъ невозможности дѣйствовать на нее. Масонство, появившееся въ Россіи въ 1741

(¹⁸) Издательская дѣятельность Новикова, въ общихъ результатахъ ея, прекрасно очерчена Карамзиномъ въ его статьѣ: „О книжной торговлѣ и любви ко чтенію въ Россіи“.—Сочин. т. III, стр. 545—546. См. Шевыревъ. Истор. Моск. ун. стр. 216—219.

году, вскорѣ послѣ своего развитія въ Германіи (¹⁹), получило сильное распространеніе у насъ сначала царствованія Екатерины, вслѣдствіе ея покровительства и особенно въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ, вслѣдствіе движенія тайныхъ обществъ Европы, вслѣдствіе стремленія ихъ къ прозелитизму. Не только въ обѣихъ столицахъ, но и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ были основаны дѣятельно работающія ложи. Даже цѣлая ложа или система въ Петербургѣ получила название *Елагинской*, по имени извѣстнаго Ивана Перфильевича Елагина, писателя, историка и гофъ-маршала Екатерины II. Весьма вѣроятно, что между всѣми этими ложами не было тѣсныхъ связей, хотя связи и сношения съ западными ложами давали главную пищу нашимъ. Очень можетъ быть, что еще живя въ Петербургѣ, Новиковъ уже посѣщалъ находившіяся тамъ ложи (²⁰), но всего вѣроятнѣе онъ сдѣлялся жаркимъ и дѣятельнымъ масономъ уже въ Москвѣ и тогда, когда началась и опредѣлилась его издательская дѣятельность. Появленіе масонства въ кружкѣ Новикова начинается съ того утра, когда, по словамъ его, пришелъ къ нему „нѣмчикъ“, сдѣлавшійся его искреннимъ и неразлучнымъ другомъ до самой смерти своей. Этотъ „нѣмчикъ“ былъ главною фигурую московскихъ масоновъ; это былъ типъ учителя, которому поклонялись съ благоговѣніемъ молодые литераторы Новиковскаго кружка, самый дѣятельный организаторъ въ московскомъ масонствѣ — профессоръ Московскаго университета — Иванъ Егоровичъ Шварцъ, оставившій въ душѣ всѣхъ своихъ единомышленниковъ самую глубокую и сердечную привязанность, перешедшую по смерти его на его сиротъ и семейство (²¹). Въ біографіи Барамзина эта личность по своему, хотя и не прямому вліянію на него, заслуживаетъ военноминанія.

Шварцъ пріѣхалъ профессоромъ философіи въ Москву вѣроятно изъ Генѣ въ 1776 году и не слѣдя примѣру многихъ своихъ соотечественниковъ, тотчасъ же и дѣятельно занялся изученіемъ русскаго языка и литературы. Обширныя издательскія предприятия Новикова очень скоро обратили на себя его вниманіе и Шварцъ познакомился съ нимъ. Это было вскорѣ послѣ пріѣзда Новикова въ Москву. Увлеченій Новиковымъ, Шварцъ сталъ

(¹⁹) См. другую статью Ешевскаго: Московскіе масоны восьмидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія (1780—1789) въ Русск. Вѣст. 1864 г. Т. LII стр. 361—406.

(²⁰) „Матеріалы для біографіи Новикова,“ въ Сборнику студентовъ Спб. універ. 1857 г., стр. 322.

(²¹) См. біографію въ „Біографическомъ словарѣ“ профессоровъ Моск. универ. ч. 2, стр. 574—599.

набирать для него сотрудниковъ и переводчиковъ между своими молодыми слушателями, которые страстно полюбили его, какъ за его дружеское обращеніе съ ними, такъ и за постоянную готовность дѣлиться съ ними и свѣдѣніями и книгами. Московское общество съ полнымъ сочувствіемъ отозвалось на любовь Шварца и къ Россіи и къ ея молодому поколѣнію. Связь съ этимъ московскимъ обществомъ, уваженіе, которымъ Шварцъ пользовался въ немъ, невольно влекли его къ организаціи обширнаго плана для распространенія просвѣщенія въ Россіи, но у Шварца не было денежнѣй для такой организаціи. Его намѣреніе дѣйствовать литературою на просвѣщеніе народныхъ массъ, его желаніе практической дѣятельности не могли осуществиться до встрѣчи съ Новиковымъ. Тѣмъ не менѣе ему удалось основать при университете педагогическую семинарію для приготовленія достойныхъ преподавателей и профессоровъ и ей онъ посвятилъ исключительно свою дѣятельность. По всей вѣроятности Шварцъ, котораго научные убѣждѣнія сформировались въ германскихъ университетахъ недовольствомъ и враждою къ господствующей наукѣ энциклопедистовъ, неудовлетворившей его по своей заносчивой бездоказательности и наклонности къ мистицизму, который какъ противуположность получалъ тогда значеніе, по всей вѣроятности Шварцъ еще на родинѣ былъ близокъ съ масонскими ложами, а въ Новиковѣ и друзьяхъ его встрѣтилъ единомысленниковъ. Въ 1781 году, для поправленія здоровья, разстроеннаго усиленными трудами, Шварцъ поѣхалъ за границу и друзья его воспользовались этимъ случаемъ, чтобы посредствомъ его завести прямая связи съ нѣмецкими масонами и оттуда получить и нравственную помощь и правильную организацію. Можетъ быть и денежныя средства путешествія шли отъ этихъ же друзей, такъ какъ Шварцъ везъ съ собою на воспитаніе въ Германію сына одного изъ богатыхъ и влиятельныхъ масоновъ — Татищева. Шварцъ является какъ бы аккредитованнымъ отъ московскихъ масоновъ лицомъ за границею. Въ Брауншвейгѣ онъ представился герцогу, главѣ масоновъ, съ которымъ былъ близокъ и знаменитый Лессингъ, и получилъ отъ него инструкцію и довѣрительную грамоту. Кромѣ Брауншвейгскаго герцога, Шварцъ сблизился съ Иерузалемомъ, а въ Берлинѣ съ главными представителями ложъ и такимъ образомъ въ нѣсколько мѣсяцевъ своего путешествія по Германіи онъ исполнилъ всѣ порученія своихъ московскихъ друзей, завелъ сношенія и привезъ оттуда правильную организацію ложъ.

Дѣйствительно по возвращеніи въ 1782 году Шварца изъ за-
границы, въ обществѣ друзей Новикова мы впервые видимъ строй-
ную ассоціацію, получающую правильный и практическій харак-
теръ. Оставляя то, что относится собственно до организаціи ма-
сонства, мы скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ ассоціаціяхъ, кото-
рыя имѣли дѣло съ интересами литературы и просвѣщенія вообще
и въ которыхъ Карамзинъ принималъ непосредственное участіе сво-
имъ трудомъ, какъ переводчикъ, хотя эти литературныя ассоціа-
ціи были прямымъ слѣдствиемъ цѣлей масонства.

Тотчасъ по возвращеніи Шварца изъ за границы, въ 1782
году въолнѣ организовалось извѣстное „Дружеское Ученое Обще-
ство“, котораго начало было положено нѣсколько прежде его же
энергическю дѣятельностю. Это общество существовало съ вѣдо-
ма правительства и ему явно покровительствовали и московскій
главнокомандующій графъ З. Г. Чернышевъ и московскій митро-
политъ Платонъ и кураторъ университета Херасковъ. Членами
этого общества были: правитель канцеляріи главнокомандующаго Семенъ Ивановичъ Гамалея (1743—1822), отличавшійся своимъ
безкорыстiemъ въ этой должности, образецъ для послѣдующаго ми-
стицизма временъ Александра I, извѣстный переводчикъ разныхъ
мистическихъ сочиненій и вѣрный другъ послѣднихъ тяжелыхъ го-
довъ Новикова; адъютантъ главнокомандующаго симбирскій помѣ-
щикъ бригадиръ Иванъ Петровичъ Тургеневъ; совсѣмъ уголов-
ной палаты Иванъ Владимировичъ Лопухинъ (1756--1816), из-
вѣстный писатель и переводчикъ масонскихъ и мистическихъ книгъ,
записки котораго любопытны и для внутренней исторіи общества,
рисуя его собственный переходъ отъ увлеченій *Système de la Na-
ture* къ мистицизму и для вѣнчанной исторіи, такъ какъ здѣсь по-
дробно разсказано слѣдствіе надъ масонами и преслѣдованіе
братьевъ. Къ этимъ вліятельнымъ по уму и убѣжденіямъ чле-
намъ общества, вмѣстѣ съ Новиковыми, примыкали другіе члены,
извѣстные въ московскомъ обществѣ по своему богатству, связямъ
и значенію: Князь Александръ Алексѣевичъ Черкасскій, князь
Николай Никитичъ Трубецкой, братъ его Юрий Никитичъ (оба
братья писателя Хераскова по матери), лейбъ-гвардіи маоръ Петръ
Алексѣевичъ Татищевъ, полковникъ Василий Чулковъ, богатый
купецъ Походяшевъ и мн. др. люди, которые будучи увлечены
убѣжденіями Шварца и Новикова, ихъ сердечными краснорѣчиемъ,
не жалѣли своихъ капиталовъ для достижения великой цѣли—
просвѣщенія своего отечества. Засѣданія этого общества происхо-

дили публично и въ программѣ его, тогда же опубликованной⁽²²⁾, мы видимъ почти буквальное повтореніе того, о чёмъ писали нѣмецкіе масоны Татищеву. Въ помошь къ этому обществу тогда же, лѣтомъ 1782 года, стараніями Шварца была присоединена организованная имъ прежде при Московскому университѣтѣ „Филологическая семинарія“, въ которой теперь на счетъ Дружескаго Общества воспитывалось до 50 студентовъ изъ академій и семинарій для приготовленія къ педагогической дѣятельности. Въ ней главное участіе принималъ Шварцъ. Онъ учредилъ здѣсь собраніе, въ которомъ студенты читали свои произведения и подвергали ихъ взаимной критикѣ, пока они не являлись въ печати въ изданіяхъ Новикова: „Вечерняя Заря“ (1782) и „Покоящійся Трудолюбецъ“ (1784), изданіяхъ, проникнутыхъ глубоко-религіознымъ содержаніемъ. Изъ этой то семинаріи вышли тѣ молодые люди, которые явились сотрудниками въ изданіяхъ и переводахъ Новикова: Ключаревъ, Страховъ, Петровъ, Лабзинъ. Подшиваловъ, Невзоровъ, Тимковскій и др. молодые люди, проникнутые однимъ духомъ, одними стремленіями. Къ сожалѣнію, вмѣстѣ съ Караваевымъ, смотрѣвшимъ потомъ на дѣло Новикова и друзей его здравыми глазами, нельзя не сказать, что во всѣхъ литературныхъ трудахъ, изданыхъ въ свѣтъ подъ покровительствомъ „Дружескаго Ученаго Общества“, благая цѣль просвѣщенія народа затемнена мистическими и масонскими тенденціями. Презирая школьнную мудрость, Новиковъ и друзья его впали въ другую крайность и вмѣсто здоровой и естественной пищи давали читателямъ произведенія странныя, гдѣ по всякому удавалось различить великую и простую истину христіанства подъ таинственными и загадочными формулами, подъ вычурнымъ, страннымъ и символическимъ языкомъ. Этотъ общий недостатокъ изданій „Ученаго Дружескаго Общества“ былъ слѣдствиемъ масонства. Братья забывали, что они писали для толпы, непосвященной въ ихъ таинства.

Главнымъ вождемъ духовнаго направленія этой молодежи и этихъ изданій былъ, какъ мы сказали уже, Шварцъ. Его лекціи о богоопознаніи и „о трехъ познаніяхъ: любопытномъ, приятномъ и полезномъ“ находили внимательныхъ, увлеченныхъ слушателей. Студенты боготворили молодаго профессора. Дмитревъ говорить, что Караваевъ слушалъ Шварца⁽²³⁾, а для Петрова эти лекціи

⁽²²⁾ Библ. Зап. 1858 г. стр. 169.

⁽²³⁾ Взглядъ на мою жизнь. Стр. 41. Въ примѣчаніи къ этому мѣсту „Записокъ“ (78) г. Лонгиновъ высказываетъ сомнѣніе въ этомъ извѣстіи и ста-

были чѣмъ-то въ родѣ откровенія истины. Лекціи эти, исполненные глубокаго религіознаго чувства и страстнаго одушевленія, были вѣсъ направлены противъ господствующаго французскаго не-вѣрія, противъ учений материализма и такъ глубоко было вліяніе Шварца и его лекцій, что старики мистики Александровскихъ временъ не могли безъ слезъ вспоминать объ этомъ далекомъ увлечениіи молодости и съ набожнымъ чувствомъ переписывали тетрадки Шварцевыхъ лекцій, въ которыхъ заключался для нихъ весь кодексъ науки. Эти-то лекціи, можетъ быть потому, что въ нихъ высказывался масонскій образъ мыслей Шварца и презрѣніе къ цеховой ученоſти, а можетъ быть и вслѣдствіе блестящаго успѣха ихъ, были заподозрѣны некоторыми профессорами и въ томъ числѣ учителемъ Карамзина — Шаденомъ. Сторону враговъ Шварца принялъ и кураторъ университета Мелиссино, бывшій тоже масономъ, но вѣроятно другаго толка. Непріятности съ начальствомъ и болѣзни, какъ слѣдствіе сильнаго напряженія умственнаго, заставили Шварца постепенно укорачивать преподаваніе и рано, на тридцать третьемъ году жизни, свели его въ могилу. Глубокая преданность учениковъ искренно оплакала потерю любимаго учителя, а вдова и дѣти Шварца взяты были на попеченіе „Дружескаго Ученаго Общества“,

Духъ любви, одушевлявшій это общество и выразившійся во многихъ филантропическихъ начинаніяхъ, въ благотворительности бѣдныхъ, въ устройствѣ больницъ, алтекъ, школъ, въ раздачѣ миллионныхъ пособій московскимъ бѣдникамъ во время страшнаго голода, казалось отлетѣль отъ него вмѣстѣ съ смертю Шварца. Самое „Дружеское Общество“ исчезаетъ въ 1784 году и вмѣсто него возникаетъ тогда же „Типографическая Компания“, основанная уже на чисто коммерческихъ началахъ, такъ какъ связь этой компаніи, которая должна была продолжать прежнія издательскія предпріятія общества, является уже контрактъ, замѣнившій собою дружественное довѣріе. Цѣль этой компаніи было изданіе

рается доказать, что Дмитреву могла измѣнить память. Намъ кажется, напротивъ, совершенно вѣроятнымъ извѣстіе Дмитрева, хотя у насъ и нѣтъ на то положительного доказательства. Между временемъ выхода изъ пансиона Шадена (1782) и приѣздомъ въ Москву съ Тургеневымъ (1785) прошло четыре года, а въ это время созрѣла уже дружба Карамзина къ Петрову, страстному поклоннику Шварца какъ видно изъ писемъ Петрова къ Карамзину въ Симбирскъ въ 1785 году, которые доказываютъ, что у нихъ были уже общіе литературные интересы. Не могъ ли Карамзинъ въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ слушать Шварца вмѣстѣ съ Петровымъ? Мигуя Москву, ему трудно было проѣхать въ Симбирскъ. Вообще эти годы — пробѣгъ въ биографіи Карамзина.

и продажа по возможно дешевой цѣнѣ книгъ для народнаго образования и мистическихъ, и хотя члены ея остались прежніе, съ прибавлениемъ только нѣкоторыхъ новыхъ, но все дѣло было въ рукахъ у Новикова. Это время отличается усиленной издательской дѣятельностью. Оно же замѣчательно тѣмъ, что тогда начались первыя подозрѣнія и преслѣдованія власти, первыя запрещенія книгъ. Въ 1785 году умеръ главнокомандующій Чернышевъ. Его адъютантъ Тургеневъ и его правитель канцеляріи Гамалея, близкіе и дѣятельные члены Компаниї—должны были выйти въ отставку.

Карамзинъ былъ разумѣется младшимъ членомъ въ этомъ литературномъ кругу Новикова; онъ вошелъ въ него позже другихъ. Здѣсь встрѣтилъ его близкій ему прежде Петровъ. Дружба съ Петровымъ, нѣсколько старшимъ его по лѣтамъ и совершенно различнымъ по характеру и по взгляду на жизнь, была отраднымъ явленіемъ молодости Карамзина и память друга навсегда осталась ему дорогою. „Карамзинъ полюбилъ Петрова, хотя они были и не во всемъ сходны между собою, говоритъ Дмитріевъ: одинъ пылокъ, откровененъ и безъ малѣйшей желчи; другой угрюмъ, молчаливъ и подъ часъ насмѣшиливъ. Но оба питали равную страсть къ познаніямъ, къ изящному, имѣли одинаковую силу въ умѣ, одинаковую добруту въ сердцѣ; и это заставило ихъ прожить долгое время въ тѣсномъ согласіи подъ одною кровлею у Меньшиковой башни, въ старинномъ каменномъ домѣ, принадлежащемъ „Дружескому Обществу“. „Я какъ теперь вижу скромное жилище молодыхъ словесниковъ; оно раздѣлено было тремя перегородками; въ одной стоялъ на столикѣ, покрытомъ зеленымъ сукномъ, гипсовый бюстъ мистика Шварца, умершаго незадолго предъ прѣздомъ моимъ изъ Петербурга въ Москву; а другая освящена была Иисусомъ на крестѣ, подъ покрываломъ чернаго крепа“ (²⁴) Въ этомъ жилищѣ, съ его мистическою обстановкою, прошло четыре года Карамзинской жизни, отданные дѣятельному труду и богатые умственными впечатлѣніями.

Петрову Карамзинъ посвятилъ нѣсколько воспоминаній въ своихъ сочиненіяхъ. Онъ глубоко былъ растроганъ раннею смертю своего друга въ Петербургѣ. Въ душу Петрова изливалась душа его и Карамзинъ повѣрялъ ему свои надежды и сомнѣнія, свои мечты и планы своихъ сочиненій (²⁵); онъ былъ его учителемъ и

(²⁴) Взглядъ на мою жизнь стр. 42.

(²⁵) Сочин. III, стр. 360.

вдали отъ свѣта они просиживали вдвоемъ половину зимнихъ но-
чей надъ Оссіаномъ, Шекспиромъ, Боннетомъ и вѣроятно Пет-
рову Карамзинъ былъ обязанъ знакомствомъ съ англійскими писа-
телями, такъ какъ Петровъ любилъ ихъ и вообще все англійское.
Первая метафизическая понятія Карамзина, по его собственному призна-
нію, развились въ тиши ночныхъ бесѣдъ съ другомъ; эстетическимъ
тактомъ онъ обязанъ былъ также Петрову. Вмѣстѣ изучали они
современного эстетического теоретика—Батте. Противоположность ха-
рактеровъ еще тѣснѣе сблизила ихъ: они восполняли другъ друга
и въ минуты сомнѣнія, недовольства собою и міромъ, въ припад-
кахъ „черной меланхоліи“, которая составляла тогда неотъемлемую
принадлежность всякаго развитаго юноши, Карамзинъ почерпалъ
утѣшеніе въ умѣ и твердомъ характерѣ своего „Агатона“ (²⁶).
Переписка обоихъ друзей, къ сожалѣнію дошедшая до насъ въ
весьма незначительномъ количествѣ писемъ, свидѣтельствуетъ о
томъ значеніи, какое имѣлъ Петровъ для Карамзина. Видно, ка-
кое участіе Петровъ принималъ въ судьбѣ своего друга, слѣдя за
нимъ по картѣ во время его путешествія за-границей и интересуясь
ходомъ его литературныхъ успѣховъ, когда по возвращеніи
изъ за-границы Карамзинъ сталъ издавать „Московской жур-
налъ“ (²⁷).

Старшій годами и развитіемъ, Петровъ гораздо прежде сталъ
писать и дѣятельно участвовалъ въ изданіяхъ Новикова въ ка-
чествѣ переводчика, будучи еще студентомъ университета, начиная
съ 1780 года. На него возложенъ былъ главный трудъ изданія
„Дѣтскаго Чтенія“ которое выходило при Московскихъ вѣдомос-
татахъ (1785—1789) и наполнялось преимущественно переводными
статьями. Петровымъ переведены были и цѣлые сочиненія по по-
рученію компаний (²⁸). Въ первомъ журнальѣ друга онъ помѣстилъ
также нѣсколько переводныхъ статей. Послѣ процесса Новикова
и друзей его, когда распалась „Компания Типографическая“, Пет-
ровъ перѣѣхалъ на службу въ Петербургъ и умеръ тамъ въ 1793
году.

Другою личностію, которая имѣла также сильное вліяніе на
молодаго Карамзина, потому что связь его съ нею вводила его въ

(²⁶) сочин. т. II стр. 674, 578, и III стр. 363.

(²⁷) „Письма Петрова къ Карамзину“ Руссск. А рх. 1863 г. стр. 891—898.
Литературные намеки въ этихъ, письмахъ объяснены А. Д. Галаховымъ въ его.

второй статьѣ о Карамзинѣ. см. Собрание 1853 г. т. ХІІІ, отд. III, стр. 12—16.

(²⁸) Переводы Петрова перечислены Дмитревскимъ (Вглядъ п. м. ж. стр. 42
и примѣчанія къ этому мѣсту г. Лонгинова) и Галаховымъ, тамъ же стр. 20—21.

среду стремлений и идеаловъ новаго и чрезвычайно важнаго періода нѣмецкой литературы, называемаго обыкновенно историками ея *періодомъ волненій* (Sturm-und Drang-Periode), былъ Ленцъ, нѣмецкій писатель, ровестникъ Гете и другъ его молодости, несчастный соперникъ его по любви къ Фредерикѣ Брюнѣ, известной въ биографіи Гете. Ленцъ былъ печальною жертвою тѣхъ бурныхъ стремлений, которая овладѣли тогда молодыми представителями нѣмецкой литературы и изъ которыхъ Гете вышелъ съ олимпийскимъ спокойствіемъ. Соперничество въ любви и соперничество въ талантахъ съ Гете довело его до сумасшествія. Всѣ сочиненія его молодости доказывали, что онъ кончитъ этимъ нечальнымъ исходомъ свою жизнь съ ея *мужнымъ*, по выражению Петрова, потокомъ. Эти первыя сочиненія Ленца Карамзинъ однако высоко цѣнилъ и называлъ его жертвою „глубокой чувствительности.“ Что занесло Ленца въ Москву и въ кругъ Новикова (онъ жилъ въ одномъ домѣ съ Карамзинымъ) — мы не знаемъ, но изъ сочиненій Карамзина видно, что онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Ленцу. Путешествуя за границей, онъ собирается слѣды Ленца, говорить о немъ съ Виландомъ, передаетъ анекдоты, слышанные о Ленцѣ въ Веймарѣ. По возвращеніи изъ за-границы Карамзинъ всталъ его еще въ Москву и когда Ленцъ умеръ въ 1792 году, онъ сообщилъ о томъ Петрову (29). Вліянію Ленца надобно кажется приспать перевѣды Карамзина изъ Шекспира и Лессинга.

Почти такая же судьба постигла и третью лицо, съ которымъ былъ дружень Карамзинъ въ этотъ первый періодъ своей литературной деятельности, хотя оно далеко не имѣло поэтическаго таланта и бурной оригинальности Ленца. Къ обществу Новикова принадлежалъ Алексѣй Михайловичъ Кутузовъ (род. 1749 г. ум. въ 90 годахъ); не смотря на значительную разницу въ лѣтахъ, онъ былъ очень друженъ съ Карамзиномъ. Кутузовъ былъ изъ тѣхъ двѣнадцати молодыхъ людей, которыхъ Императрица Екатерина II отправила учиться за границу. Вмѣстѣ съ известнымъ Радищевымъ, онъ провелъ четыре года въ Лейпцигѣ (1766—1770) и былъ друженъ съ нимъ. Радищевъ посвятилъ ему свое „Житіе Ф. В. Ушакова“, ихъ товарища, умершаго за грани-

(29) Сочи и. т. II. стр. 10—11, 146, 153—154. Русск. Арх. 1863 г. стр. 896. Характеристика Ленца по Гервинусу см. въ упомянутой статьѣ Галахова стр. 7—9 ср. Воспоминанія о Ленцѣ (изъ Тика) въ Техескопѣ 1831 г., ч. V, стр. 539—549.

цю. Подобно большей части этихъ молодыхъ людей⁽³⁰⁾, Кутузовъ не приготовился за границею ни къ чему, чтобы могло приносить дѣйствительную пользу его отечеству, и по видимому, кромѣ знанія нѣмецкаго языка, ни чего не вывезъ изъ Лейпцига. Живя въ Москвѣ, онъ участвовалъ капиталомъ въ предпріятіяхъ Новикова и занимался переводами; ему принадлежитъ полный прозаический переводъ Клопштоковой Мессіады. Карадинъ, какъ известно, сердечно любилъ его. Не задолго до отѣзда за границу Карамзина, Кутузовъ былъ посланъ туда Новиковымъ и его друзьями съ цѣлями масонскими, для поддержанія связей съ заграничными, что и послужило однимъ изъ пунктовъ обвиненій членовъ „Типографической Компаниі“⁽³¹⁾. Когда Прозоровскій производилъ слѣдствіе и дозналъ связи Кутузова съ обвиненными мартинистами, когда его бумаги были забраны и между ними нашлись письма „преступника“ Радищева, Кутузовъ уже побоялся воротиться на родину. Изъ характеристики Кутузова, сдѣланной Карадиннымъ, изъ отрывка письма его къ послѣднему, видно, что воображеніе играло сильную роль въ жизни Кутузова и онъ страдалъ меланхоліей, хотя по словамъ Карадзина и былъ добродушнымъ и любезнымъ человѣкомъ. Карадину не удалось однакожъ встрѣтиться съ нимъ за границею, о чёмъ онъ очень жалѣлъ. Кутузовъ былъ въ Парижѣ во время взятія Бастилии (14 июля 1789 года) и умеръ „жертвою несчастныхъ обстоятельствъ“, какъ говорить Карадинъ⁽³²⁾.

Въ этомъ обществѣ молодыхъ друзей, работающихъ по идеѣ умершаго Шварца и распоряженію Новикова и друзей его⁽³³⁾, началась первая литературная дѣятельность Карадзина, представляющаяся намъ только въ переводахъ. Весьма естественно, что нельзя было отъ него ожидать ничего оригинальнаго, кромѣ развѣ стиховъ, навѣянныхъ молодымъ чувствомъ. Карадинъ былъ слишкомъ молодъ для того, чтобы сознательно участвовать въ предпріятіяхъ „Компаниі типографической“, чтобы попытать ея цѣли и сдѣлать ихъ своими. Но это общество, эти люди, составлявшіе

⁽³⁰⁾ Извѣстія о судьбѣ нѣкоторыхъ, сообщенные г. Лопгиновымъ, см. въ Библ. Зап. п. 1859 г. стр. 539—541.

⁽³¹⁾ См. Новая сідѣнія о Новиковѣ и членахъ компаніи типографической, сооб. Д. Иловайскимъ въ Лѣтоп. Тихонравова, т. V. стр. 35, 43, 49, 51, 55 и пр.

⁽³²⁾ Сочин. т. II. стр. 55, 63—94, 133, 164.

⁽³³⁾ „Ты началь что-то писать, говорить Петровъ въ письмѣ своемъ къ Карадину, но не хочешь сказать мнѣ что такое. И я началь, по приказанію, нечто писать“. Русск. Арх. 1863 г. стр. 894.

свѣтлый кружекъ въ тогдашнихъ темныхъ московскихъ заходустьяхъ, горячо преданные другъ другу и отдаленной, мечтательной, но отрадной сердцу цѣли, разговоры ихъ, полные любовью къ мудрости, вѣрою въ Бога и человѣчество, чуждые грязи ежедневной и чуждые дѣйствительности, которую они промѣняли на золотые сны, должны были оказать сильное воспитательное вліяніе на Карамзина. Это была превосходная школа для его таланта, сердца, ума. Она воспитала въ немъ ту пламенную любовь къ человѣчеству, которая такъ изобильно разсвѣяна въ его сочиненіяхъ, ту чистоту стремленій, которая потомъ дала ему силы посвятить себя самоотверженно и вполнѣ великому труду послѣдняго періода его литературной дѣятельности, ту вѣру въ будущее, съ которой только и можно создать на землѣ что-либо великое и ту глубокую искренность характера, которая такъ привязывала къ нему людей и сдѣлала его средоточіемъ самаго свѣтлаго кружка нашей литературы.

Намъ нѣть надобности долго останавливаться на этихъ первыхъ переводныхъ трудахъ Карамзина, изученіе которыхъ имѣть развѣдѣніе въ специальной исторіи Карамзинского слога. Переводы эти немного могутъ прибавить къ біографіи Карамзина и къ исторіи его внутренняго духовнаго развитія. Но выборъ этихъ переводовъ очень важенъ для настѣ. Онъ показываетъ намъ ясно, что Карамзинъ былъ или слишкомъ молодъ для того, чтобы быть посвященнымъ въ тайны масонства и мистицизма, или умъ и душа его не поддавались ихъ вліянію. И то и другое обстоятельство сохранили Карамзина отъ вреднаго вліянія Новиковскаго кружка. Онь спасъ въ себѣ реальное чувство, на сколько допускала его современная исторія русскаго общества, не потерялся въ безцѣльномъ мистическомъ стремленіи и не испортилъ свой ясный, образцовыи языкъ вычурнымъ символизмомъ. За исключеніемъ „Бесѣдъ съ Богомъ“ Штурма (³⁴), въ переводѣ которыхъ принималъ Карамзинъ участіе вѣроятно по заказу, другіе переводы его этого періода свидѣтельствуютъ о свободѣ выбора. „О происхожденіи зла, поэма великаго Галлера“ (³⁵), трактующая этотъ знаменитый въ исторіи духовнаго развитія XVIII столѣтія вопросъ съ точки зрѣнія оптимизма и развивающая теорію свободной воли, переведена была Карамзинъ не по заказу. Переводъ этотъ возникъ подъ вліяніемъ тѣхъ философическихъ разговоровъ, кото-

(³⁴) Периодическое издание 1787 года. М. 3 части.

(³⁵) М. въ типографіи компаний типографической, 1786 г. 12°, 78 стр.

рые Карамзинъ велъ съ своими московскими друзьями. Безъ сомнѣнія въ поэмѣ Галлера онъ нашедъ удовлетворившій его отвѣтъ на задачу современной философіи. Здѣсь дѣйствительно были затронуты главные вопросы религіи и нравственности, занимавшіе лучшихъ мыслящихъ людей прошлаго вѣка, начиная съ Бэйля и англійскихъ деистовъ. Здѣсь была изложена сущность „Теодицеи“ Лейбница. Съ особеннымъ удовольствіемъ, вспоминая этотъ переводъ вносядѣствіи, Карамзинъ привезъ сужденіе о поэмѣ Галлера, вы-
сказанное ему Боннетомъ, назвавшимъ ее „самымъ лучшимъ изъ философскихъ сочиненій“ (³⁶). Переводъ этотъ Карамзинъ посвя-
тилъ старшему брату своему Василию Михайловичу, чтобы „имѣть
случай излить предъ нимъ ощущенія своего сердца“. Еще свобод-
нѣе долженъ быть быть выборъ со стороны Карамзина переволовъ изъ Шекспира и Лессинга. Здѣсь очевидно было вліяніе Ленца и
Петрова, но никакъ не мистиковъ. Карамзинъ рано могъ позна-
комиться съ Шекспиромъ и думать о переводѣ его на русскій
языкъ. Еще въ началѣ 1785 года, когда Карамзинъ велъ раз-
свѣянную жизнь въ Сибирской, Петровъ, говоря ему въ письмѣ
своемъ о скучѣ его мучившей, сообщаетъ, что и „самый Шекспиръ
его не прельщаетъ“. Труни надъ мнимою бездѣятельностью Карам-
зина, другъ его продолжаетъ: „Хоть ты и секретничашь, однако-
я воображаю, какъ по пріѣздѣ твоемъ всѣ московскіе авторы и
переводчики будуть ходить повѣса головы, для того что бѣдные
сіи люди будутъ тогда раза по четыре пріѣзжать и приходить къ
директорамъ типографской компаніи, и получать отъ нихъ непрі-
ятный отвѣтъ, что книга не можно еще начать печатаніемъ, ибо
объ типографіи заняты печатаніемъ „Россійскаго Шекспира“
(³⁷). Англійскаго трагика безъ сомнѣнія читаль онъ вмѣстѣ съ
Петровымъ и выбралъ изъ его трагедій для перевода „Юля Це-
заря“ (³⁸). Удивительно здравый взглядъ на Шекспира, безъ сомнѣнія
пріобрѣтенный чтеніемъ Лессинга, который противопоставилъ
его вліянію господствовавшей до тѣхъ поръ въ Германіи класси-
ческой школы французовъ, развиваетъ Карамзинъ въ своемъ пре-
дисловіи къ переводу. Онъ говорить о величіи Шекспира, о глубо-
комъ знаніи имъ природы человѣческой и жизни, о силѣ его поэ-
тическаго воображенія. Карамзинъ возстаетъ противъ „софизмовъ“

(³⁶) Соч. т. II, стр. 375. Объ этой поэмѣ см. въ статьѣ Галахова. стр. 35—38.

(³⁷) Русск. Арх. 1863 г., стр. 887.

(³⁸) М. Въ типографіи комізіи типографической 1787. Главнокомандующій мос-
ковскій, князь Проворовский, производившій слѣдствіе надъ мартинастами, отнесъ

Вольтера, направленныхъ на англійскаго трагика съ точки зренія французской трагедіи и оправдываетъ нарушение Шекспиромъ условныхъ правилъ господствовавшей теоріи (³⁹). Съ восторгомъ говорить онъ о неподѣльныхъ красотахъ поэзіи Шекспира, когда оставляя Англію, дѣлалъ краткій очеркъ ея литературнаго богатства (⁴⁰). Это былъ другъ природы для Карамзина, великий геній.

Изъ того же правильно развитаго взгляда на поэзію могъ возникнуть переводъ лучшей трагедіи Лессинга: „Эмилія Галотти“ (⁴¹). Этого творца национальной нѣмецкой литературы Карамзинъ называетъ „философомъ, прониѣшимъ взоромъ своимъ во глубины сердца человѣческаго“. По переводу этому пьеса Лессинга очень долго игралась на московскомъ театрѣ и разбору игры актеровъ Карамзинъ посвятилъ потомъ статью въ „Московскомъ Журналѣ“.

Всего пріятнѣе кажется было участвовать Карамзину вмѣстѣ съ Петровымъ въ редакторствѣ „Дѣтскаго Чтенія“, которое издавалось до самаго отъѣзда Карамзина за границу. Периодическое изданіе это бесплатно прилагалось къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“. Новиковъ и здѣсь, какъ и въ другихъ своихъ изданіяхъ, оказалъ дѣйствительную пользу обществу. Русскія дѣти того времени вовсе не имѣли для себя образовательнаго чтенія и изъ рукъ французскихъ гувернеровъ, противъ которыхъ онъ ратовалъ „въ Кошелькѣ“, переходили прямо къ произведеніямъ французской литературы, полной отрицанія и материализма. Въ эту пору Германія представила уже нѣсколько рациональныхъ педагоговъ-писателей для дѣтей и переводы изъ нихъ и лучшихъ французскихъ составили содержаніе „Дѣтскаго чтенія“, которое долго, почти до сороковыхъ годовъ считалось самою умною и полезною книгою „для образования сердца и разума“, хотя большинство статей не оригиналны. „Дѣтское чтеніе“ въ литературной біографіи Карамзина потому важно, что здѣсь надобно искать его первыхъ оригинальныхъ опытовъ и въ прозѣ и поэзіи, навѣянныхъ молодостью и замѣчательныхъ тѣмъ, что въ нихъ заключены зародыши будущаго его литературнаго направленія. Здѣсь

этотъ переводъ Карамзина къ числу вредныхъ книгъ и всѣ непроданные его экземпляры были въ 1794 году сожжены (въ числѣ другихъ 16,656 книгъ). См. Тихонравова Лѣтопись, V, стр. 10. Вслѣдствіе такого распоряженія переводъ Карамзина сдѣлался бібліографическимъ рѣдкостію.

(³⁹) См. перепечатку этого предисловія въ Сѣверномъ Обозрѣніи 1849 г. Т. I, ст. 466—469 и у Галахова, тамъ же, ст. 43—45.

(⁴⁰) Соч. Т. II, стр. 747—748. Ср. стихотвореніе, написанное одновременно съ переводомъ, Москв. Журн. 1792, сентябрь.

(⁴¹) Москва. Въ универ. типографіи у Н. Новикова. 1788.

помѣщено поэтическое посланіе Карамзина къ другу его Петрову, живицему въ деревнѣ⁽⁴²⁾, въ которомъ высказываетъ онъ желаніе знать и учиться, переводы изъ Попа⁽⁴³⁾, изъ Вейссе, переводы Томсона, стихами и прозой, переводъ повѣстей г-жи Жанлисъ и отрывки изъ извѣстнаго сочиненія XVIII вѣка „Contemplation de la nature“, съ авторомъ котораго Боннетомъ, „чувствительнымъ философомъ“, какъ онъ называетъ его, Карамзинъ познакомился въ Швейцаріи и передавалъ ему свое намѣреніе перевести это сочиненіе на русскій языкъ⁽⁴⁴⁾. Наконецъ въ „Дѣтскомъ чтеніи“ по всей вѣроятности надобно искать и первую „чувствительную“ повѣсть Карамзина, слабый прототипъ того, что прославило его впослѣдствіи. Повѣсть эта, названная издателями „старинною русскою“ есть „Евгений и Юлія“⁽⁴⁵⁾. Героиня, подобно другимъ героинямъ сентиментальныхъ повѣстей, любить природу и прекраснаго юношу, читаетъ поэтовъ, но страдаетъ меланхоліей. Любимый юноша захворалъ и умеръ горячкою, а Юлія осталась жить надъ его могилою въ „меланхолическомъ единеніи“. Юнгъ, Томсонъ, Оссіанъ, вѣрные выражители своего времени съ его неудавшуюся исторіею—создали эту меланхолію. Естественнымъ путемъ развитія она зашла и къ намъ и осѣнила молодую душу Карамзина, готовую принять всякия впечатлѣнія.

Карамзинъ былъ самыи дѣятельныи участникомъ въ изданіи⁽⁴⁶⁾, особенно съ 1788 года и до отѣзда своего за границу. Петровъ пишетъ ему изъ Москвы, что „Дѣтское чтеніе“ осиротѣло безъ него и дѣйствительно виѣстѣ съ отѣздомъ Карамзина оно прекратилось.

Вотъ тѣ произведенія первой молодости Карамзина, первой эпохи его литературнаго развитія, созрѣвшія подъ вліяніемъ Новиковскаго кружка, въ дружескихъ бесѣдахъ молодости, полныхъ безграницнхъ стремленій. Судя по времени, мы должны утвердительно сказать, что на долю духовнаго развитія Карамзина въ эти четыре года⁽⁴⁷⁾ достались самыя богатыя умственныя впечат-

⁽⁴²⁾ „Анакреонтические стихи“. Дѣтское чтеніе. Изд. 2. М. 1819, ч. XVII, стр. 102—104.

⁽⁴³⁾ „Всебожая Молитва“. Тамъ же, стр. 111—114.

⁽⁴⁴⁾ Сочин. т. II, стр. 340.

⁽⁴⁵⁾ Дѣтское чтеніе, ч. XVII, стр. 146—162. Доказательства о принадлежности Карамзину см. у Галахова, стр. 61—64.

⁽⁴⁶⁾ Въ немъ участвовали и другие начинаящие тогда литераторы: Прокоповичъ-Антонскій, Подшиваловъ, Бобровъ и др. См. Галаховъ, стр. 53.

⁽⁴⁷⁾ См. объ этихъ годахъ весьма жпную статью г. Тихонравова: „Четыре года изъ жизни Карамзина“, Русск. вѣст. 1862 г. Т. XXXVIII, стр. 732—749.

тленія. Самыя знаменитыя произведения европейскихъ литературы, по идеямъ, волнующимъ умы вѣка или по красотѣ выраженія были доступны ему. Жизнь тогдашняго образованного русскаго человѣка, наша бѣдная тогда духовнымъ развитіемъ литература, разорванность нашей исторіи и невозможность общественной дѣятельности невольно отдѣляли юношу отъ національныхъ началь и погружали его въ широкую волну умственной жизни Европы, которая одна могла дать развитіе на обще-человѣческихъ началахъ. Не мало и масонство дѣйствовало на подобное воспріятіе образовательныхъ началь изъ чужой жизни, масонство съ своею невинностю къ національностямъ, съ своею пылкою мечтою о томъ времени,

„...когда народы, распри позабывъ
Въ единую семью соединятся.“

Былъ ли Карамзинъ посвященъ въ тайны масонства, въ какую либо, хотя бы самую низшую степень его? Участвовалъ ли онъ въ собранияхъ масоновъ и исполнялъ ли ихъ обряды? На эти вопросы, не важные для литературной дѣятельности Карамзина, но любопытные для его биографии какъ человѣка — мы не можемъ дать отвѣтовъ утвердительныхъ. Совершенно справедливо, что натура Карамзина была чужда масонству и мистицизму, что въ его сочиненіяхъ, ясныхъ по формѣ выраженія, по мысли, чуждой всего неопределенного, и по содержанію, довольно близкому къ жизни, мы не находимъ слѣдовъ мистицизма, но Карамзинъ все таки жилъ четыре года въ обществѣ масоновъ, а при известномъ стремлении братьевъ къ прозелитизму, трудно думать, чтобы онъ на сколько нибудь не былъ посвященъ въ ихъ таинства. То обстоятельство, что въ его сочиненіяхъ не встрѣчается ни одного намека (за исключениемъ случайно вырвавшагося восклицанія) ⁽⁴⁸⁾ на принадлеж-

⁽⁴⁸⁾ Восклицаніе это должно было принадлежать Кутузову. Карамзинъ же послѣднюю ночь путешествия передъ Берлиномъ, воображая увидѣть въ этомъ городе Кутузова, идущаго къ нему на встречу и кричащаго: кого я вижу? братъ Рамзей въ Берлинѣ? (Сочин. т. II, стр. 55). Название это, данное Карамзину въ дружескомъ обществѣ единомышленниковъ, возбудило любопытство г. Галахова (статья въ Современ. стр. 21—23) и догадывалась о смыслѣ его, онъ сообщилъ свѣдѣнія о Михаилѣ Рамзей (1686—1742), но обративъ вниманіе только на литературные труды Рамзея, онъ добивался отыскать какое-то сходство мыслей между молодымъ Карамзиномъ и авторомъ XVII вѣка, въ которомъ не было, да и не могло быть ничего общаго съ Карамзиномъ и этимъ далѣкимъ сравненіемъ, затѣмъ свою догадку. Мы думаемъ, что братъ Рамзей было масонскимъ именемъ Карамзина. Михаилъ Андрей Рамзей, жаркий приверженецъ Стюартовъ, переселившися во Францію и обращенный Фенелономъ въ католичество, имѣть почетное мѣсто въ исторіи масонства. Надѣясь помочь погившему дѣлу Стюартовъ, онъ расчитывалъ во Франціи на масоновъ и былъ виновникомъ преобразо-

ность его къ масонскому обществу, казалось, можетъ служить извѣснымъ, но яснымъ отвѣтомъ на предположеніе объ участіи его въ собраніяхъ масоновъ. Но припомнимъ и другія обстоятельства. Съ 1785 года начались преслѣдованія Новиковскаго общества, этого „сподвижника извѣстнаго новаго раскола“ со стороны власти. Въ 1786 году послѣдовали запрещенія масонскихъ и мистическихъ книгъ. Еще въ концѣ 1788 года, когда Карамзинъ былъ въ Москвѣ, по указу Екатерины II, воспрещено было университету возобновлять снова на десять лѣтъ контрактъ съ содержателемъ типографіи Новиковымъ, какъ человѣкомъ вреднымъ. Эти преслѣдованія увеличивались все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ развертывались событія французской революціи. Они достигли высшей степени, когда Карамзинъ, по возвращеніи изъ за-границы, сталъ издавать свой „Московскій Журналъ“. „Компания типографическая“ прекратила свои дѣйствія въ 1791 году, а въ началѣ 1792 года Новиковъ и друзья его были забраны и попали или въ крѣпости или въ ссылку. Самый названія: масонъ, марионетка сдѣвались означающими, такъ какъ они относились къ государственнымъ преступникамъ и подятно, почему Карамзинъ долженъ былъ избѣгать всякихъ намековъ на прежняя свои отношенія. Когда Новиковъ, освобожденный Павломъ I, но съ подорванными на всегда здоровьемъ отъ слѣдствія Шерниковскаго и целиссельбурскихъ казематовъ, удалился доживать печальные дни свои, носреди немногихъ вѣриныхъ ему друзей старого времени и больныхъ дѣтей, въ свою подмосковную деревню, когда въ царствованіе Александра мистицизмъ и масонство снова поднялись и новые члены ихъ, соединившись съ разсѣянными членами прежнихъ обществъ, стали организоваться, Карамзинъ смотрѣлъ гораздо прямѣе, съ болѣе здравымъ смысломъ на жизнь, чѣмъ некоторые его мечтательные современники. Преобразованія нового царствованія, призвъ свѣжихъ русскихъ силъ къ дѣйствію сдѣлали его публицистомъ. Къ тому великому дѣлу, которому Новиковъ посвятилъ столько усилий

ваша этого братства и новой жизни, пробужденій въ немъ. Онъ искалъ предковъ масоновъ въ крестоносцахъ среднихъ вѣковъ и первый проводилъ ту мысль, что масоны должны образовать изъ себя духовиую націю, въ которую должно войти все человѣчество. Объ историческомъ значеніи Рамзей гдѣ масонство, см. Kloss: Geschichte der Freimaurerei in Francreich, 1853, 1-й Band, S. 44—49 и Bauer: Freimaurer, Jesuiten und Illuminaten, Berlin, 1863, S. 29—29. Г. Погодину, напротивъ того, кажется, что Рамзей есть сокращеніе Карамзина (Утро, стр. 29). Любопытно было бы знать, на какихъ филологическихъ законахъ основано такое сокращеніе?

лій, къ просвѣщенню народа, къ заведенію сельскихъ училищъ, вызываемыхъ новою реформою просвѣщенія, Карамзинъ призывалъ теперь русскихъ дворянъ⁽⁴⁹⁾. Ихъ сознательныя усиія, ихъ жертвы должны были омѣнить усідія старыхъ масоновъ. Потомъ онъ былъ весь отданъ великой цѣліи, великому труду, и ему было не до мистицизма.

Но Карамзинъ былъ честный человѣкъ и неразрывалъ своихъ связей съ старцемъ. Въ годы извѣстности и славы онъ велъ переписку съ Новиковымъ и выслушивалъ отъ него такія истины, которыхъ ему очень легко могли показаться строгими⁽⁵⁰⁾. Глубокая, радикальная противоположность существовала тогда между этими двумя людьми, изъ которыхъ одинъ стоялъ на краю гроба и былъ озаренъ не вечерницею свѣтомъ своей мистической вѣры, а другой, сдавный уже писатель на родинѣ, приготавлялся завершить свое служеніе ей изданиемъ труда, которое сдѣлало его именемъ бессмертнымъ, труда, которому онъ посвятилъ столько дѣлъ самой самоотверженной науки. Въ глазахъ Новикова и эта слава, и этотъ трудъ, и вся философія Карамзина, и вся наука человѣческая — были прахъ и ничтожество. Насмѣшило говоря въ письмѣ даже о меланхоліи Карамзина, какъ *о выражении пріятной задумчивости*, презрительно упоминая о философіи Филалета, представляя себя идіотомъ, ничего незнающимъ, ничего не читавшимъ, Новиковъ былъ совершенно чуждъ стремленіямъ Карамзина. Старая связь была порвана навсегда и время взяло свое. никакимъ таинствамъ не могъ посвятить Новиковъ Карамзина, для которого вся жизнь сдѣлалась положительнымъ служеніемъ отечеству, никакими земными успѣхами, никакою „Исторіей Государства Россійскаго“ съ другой стороны немогъ удивить Карамзинъ Новикова. Имъ оставалось только пожать другъ другу руки и разойтись на всегда⁽⁵¹⁾. Когда Новиковъ умеръ въ 1818 году, оставивъ послѣ себѣ въ высшей степени разстроенное состояніе и неизлѣчимо больныхъ дѣтей, Карамзинъ принялъ самое живое участіе въ судьбѣ ихъ. Онъ поправлялъ просьбу на Высочайшее имя дочери покойного Новикова и самъ подавалъ до-кладную записку Императору Александру⁽⁵²⁾, въ которой, рассказывая всѣ заслуги Новикова, онъ призывалъ царскую милость на дѣтей

⁽⁴⁹⁾ Соч. Т. III, стр. 352—353.

⁽⁵⁰⁾ См. два письма Новикова къ Карамзину, переведанныя въ Сборникѣ студ. Спб. университета, стр. 330—335.

⁽⁵¹⁾ См. вышеупом. ст. Тихоправова, стр. 748.

⁽⁵²⁾ Неподанныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина. Спб. 1862. стр. 223—226.

„усошаго страдальца“. Новиковъ, говорилъ онъ, какъ гражданинъ, полезной своей дѣятельности заслуживалъ общественную признательность; Новиковъ, какъ теософической мечтатель, *по крайней мѣрѣ не заслуживалъ темницы*. Дѣятельнымъ участіемъ въ несчастной судьбѣ сиротъ, Карамзинъ кажется заплатилъ за то духовное и нравственное образованіе, которое онъ получилъ въ обществѣ Новикова и друзей его и которое приготовило его и къ путешествію за границу и къ болѣе полной литературной дѣятельности.

Если ученіе въ пансионѣ Шадена дало Карамзину средства развитія, средства для знакомства съ разнообразными произведеніями ума человѣческаго, если оно *научило* его читать и мыслить о прочитанномъ, то пребываніе его въ обществѣ московскихъ масоновъ *воспитало* его мысль, дало ей широкую основу, наполнило ее любовью къ обще-человѣческому, съ которою только и можно было приступить къ положительному изученію отечественному, по знаменитому выраженію Карамзина: „Все *народное* ничто предъ *человѣческимъ*. Главное дѣло быть людьми, а не славянами“ (53).

III.

Путешествіе за границу. Москва. Развитіе литературной дѣятельности Карамзина. „Московскій Журналъ“, сборники и „Вѣстникъ Европы“ (1789—1803).

Постоянно знакомясь съ духовною жизнью Запада, обращаясь въ кругу людей, которые учились въ Европѣ и путешествовали за-границею (Ленцъ и Кутузовъ), Карамзинъ могъ очень рано думать о путешествії. Безъ сомнѣнія оно для него, какъ и для всякаго образованаго русскаго, особенно въ то время, было любимою, долго лелѣянною мечтою. Мы видѣли, что участь въ пансионѣ Шадена, онъ собирался, подъ вліяніемъ своего учителя, кончить свое образованіе въ Лейпцигскомъ университетѣ; онъ жалѣлъ, что это намѣреніе не было приведено въ исполненіе. Военная служба, отставка, жизнь въ Сибирскѣ и наконецъ литературная дѣятельность въ обществѣ масоновъ, должны были за-

(53) Сочин. т. II, стр. 515.

медлить осуществление его желания. Но годы, прожитые имъ въ Москвѣ, были полезны даже и для того, чтобы путешествие послужило для Карамзина средствомъ дѣйствительного развитія. Желаніе „искать радостей въ неизвѣстности будущаго“, какъ онъ смотрѣть на путешествіе, здѣсь въ московской школѣ, подъ ея духовнымъ вліяніемъ, обратилось для Карамзина въ сознательное желаніе знать и учиться, видѣть лицомъ къ лицу развитіе чужой жизни и, что въ особенности важно было для него,—видѣть лично представителей литературы, которые для него были „дороги по своимъ сочиненіямъ“. Что путешествіе давно занимало его мысль, видно изъ намѣренія его написать цѣлый романъ, основанный на путешествії. Характеръ тогдашняго путешествія долженъ быть невольно возбуждать воображеніе. Въ то время оно не было такъ прозаично, какъ теперь, когда съ помощью жѣлѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, можно впередъ расчитать съ математическою точностью все, что увидить человѣкъ и гдѣ и сколько времени проживетъ. Въ ту пору, при патріальхальныхъ средствахъ сообщенія, путешествіе нравилось полною неизвѣстностію того, что ждетъ впереди странника; его молодому воображенію мечтались самыя разнообразныя встречи и приключенія, въ родѣ тѣхъ, какія описаны въ знаменитой книжѣ прошлаго вѣка— „Сентиментальное путешествіе“ Лаврентія Стерна. Не мудрено было и Карамзину мечтать о подобномъ путешествіи, гдѣ онъ воображалъ себя „птичкой небесной“, пользующейся „неоцѣненной свободой“, порхающей здѣсь и тамъ⁽¹⁾, хотя и на него находила иногда тоска по оставленнымъ на родинѣ друзьямъ, особенно при сознаніи, что онъ совершенно чужой чужимъ людямъ⁽²⁾.

Это желаніе свободы, разнообразныхъ впечатлѣній природы и искусства, желаніе видѣть знаменитыхъ писателей и вмѣстѣ съ тѣмъ тайное стремленіе сердца ко всему неизвѣстному, раскрашеному радужными цвѣтами воображенія, осуществилось для Карамзина въ Маѣ 1789 года. По всей вѣроятности онъ поѣхалъ на собственные средства, уступивъ за деньги часть доставшагося ему имѣнія братьямъ, такъ что по возвращеніи изъ за-границы ему пришлось жить плодами этого путешествія, жить исключительно литературой⁽³⁾. Онъ щѣхалъ на послѣднія деньги и недоста-

(1) Сочин. II, стр. 91, 183, 184.

(2) Тамъ же, стр. 128—129, 335—336.

(3) Г. Погодинъ [Утро, стр. 54] основываетъ на свидѣтельствѣ Дмитриева [Взглядъ, стр. 48]. Новиковское общество посыпало за-границу нѣсколько лицъ близкихъ къ нему и молодыхъ людей, частью съ масонскими цѣлями, напр. Шварца,

токъ ихъ заставилъ его поспѣшить изъ Лондона домой. Журналъ, веденный Карамзиномъ во время путешествія, въ обработанномъ видѣ, подъ названіемъ „Письма русскаго путешественника“ къ друзьямъ, стать выходить съ января мѣсяца 1791 года въ его изданіи „Московской Журналъ“ и обратилъ на себя общее вниманіе читающей публики. Литературное и образовательное для общества значеніе этихъ писемъ было очень велико по времени, но они дороги для нась теперь особенно тѣмъ, что позволяютъ изучить самого писателя, познакомится съ тѣмъ, что особенно занимало его, на что онъ обращалъ молодое вниманіе, чѣмъ были заняты его сердце и умъ.

Путь Карамзина шелъ чрезъ Петербургъ. Пробывъ пять дней въ этомъ городѣ, уже знакомомъ ему по прежней службѣ, новидавшись съ Дмитріевыми, онъ чрезъ Лифляндію и Эстляндію, поѣхалъ въ простой кибиткѣ въ Ригу. На этомъ пути онъ замѣтилъ несчастныхъ латышей, жертвъ нѣмецкихъ бароновъ, „работающихъ господеви со страхомъ и трепетомъ“ и приносящихъ доходу своему господину „вчетверо болѣе нашего казанскаго или сибирскаго мужика“. Еть Дерптъ вспомнилъ онъ Ленца, увидавъ его брата, пастора. Мысль, что онъ наконецъ за границею, произвела въ душѣ его особенную радость и разомъ прогнала долго сопровождавшую его тоску по оставленнымъ друзьямъ. Первымъ большимъ европейскимъ городомъ на дорогѣ былъ Кенигсбергъ. Здѣсь Карамзина больше всего интересовалъ Кантъ и онъ смѣло сдѣлалъ ему визитъ. Предъ глазами образованнаго русскаго дворянинѣ стоялъ этотъ знаменитый „маленькой, худенькой старичекъ, отмѣнно бѣлый и нѣжный“. Но этотъ старичекъ былъ *der alles zermalmende Kant*¹, по мѣткому выражению Мендельзона, приведенному и Карамзиномъ. Очень понятное любопытство привело нашего путешественника къ кенигсбергскому философу, котораго могущественная критика тогда еще немногими понималась во всемъ ея историческомъ значеніи. Карамзинъ могъ знать Канта только по наслышкѣ;

Шредера, Кутузова, частію для образованія, напр. Невзорова, Багрянскаго и др. Въ вопросныхъ пунктахъ, данныхъ членамъ общества о цѣли ихъ посылокъ, стоять также имя Карамзина, но масонъ Трубецкій на допросѣ показалъ, что Карамзинъ Ѵздалъ на свой счетъ, а потому князь Прозоровскій уже не спрашивалъ объ этомъ другихъ. Тихонравова Лѣтоп. V, стр. 55 и 79. Тѣмъ не менѣе есть извѣстіе, что инструкція Карамзину для путешествія написана была Гамалею. См. примѣч. (88) г. Лонгинова къ запискамъ Дмитріева и Старчевскаго Карамзинъ стр. 29. Содержаніе этой инструкціи однако неизвѣстно и, если она действительно была, то по всей вѣроятности имѣла въ виду масонскія цѣли, о которыхъ Карамзинъ не говорить ни слова.

его сердцу и уму была гораздо ближе наука Лафатера, у кото-
рого онъ, по его выражению, еще въ Москвѣ, „вычлилъ письмо“, но Кантъ съ разу отдалъ предъ путешественникомъ Лафатера, сказавъ, что „у него чрезвычайно живое воображеніе“. „У Канта, замѣтилъ Карамзинъ, все просто, кроме... его метафизики“, Осмотрѣвъ достопримѣчательности Кенигсберга, довольный свида-
ніемъ съ Кантомъ, Карамзинъ передаетъ свои встѣни и разго-
воры на станціяхъ по пути къ Берлину, Старинные замки рыцарей, названные Карамзинъ „разбойничими“, поразили его своимъ видомъ; онъ набросалъ удивительно вѣрную картину изъ домаш-
ней жизни средневѣковаго рыцаря (4). Въ Берлинѣ, осматривая городъ и его окрестности, Карамзинъ былъ полонъ восхищенніемъ о другѣ своемъ Кутузовѣ, котораго не засталъ уже здѣсь, но и въ Берлинѣ онъ спѣшилъ познакомиться съ писателями. Въ бесѣдѣ съ Николаи, плодовитымъ представителемъ рационализма въ Гер-
маніи, авторомъ и книгопродавцемъ, нельзя не замѣтить знакомства Карамзина съ современными вопросами нѣмецкой литературы, даже политическими: разговоръ шелъ о борьбѣ протестантизма съ іезу-
итами, но ему не нравился тонъ подемики, господствовавшей въ нѣмецкой литературѣ по этому вопросу. Его сердце не можетъ помириться съ злобою и горечью ея. Изъ другихъ берлинскихъ писателей онъ видѣлся и говорилъ съ Рамлеромъ, Морицемъ, ко-
тораго Anton Reiser кажется ему лучше всѣхъ систематической психології въ мірѣ. Въ театрѣ плакалъ онъ въ драмѣ Конебу „Ненависть къ людямъ и раскаяніе“ и назвалъ этотъ вечеръ счастливѣйшимъ въ жизни. Меньше впечатлѣнія произвело на него представление „Донъ Карлоса“, новой трагедіи Шиллера, особенно потому, что онъ нашелъ въ ней „вычурныя выраженія“.

Любясь природою Саксоніи, наслаждаясь всѣмъ, что попада-
лось на пути, „радуясь всѣмъ прекраснымъ“, Карамзинъ прѣѣхалъ въ Дрезденъ и первымъ долгомъ его въ этомъ городѣ было, разу-
мѣется, осмотрѣть знаменитую галлерею. Осмотръ продолжался толь-
ко три часа. Это не помѣшало ему однако составить первое на
русскомъ языкѣ, довольно обстоятельное и вѣрное по критической
оценкѣ, обзорѣ художественныхъ сокровищъ Дрездена. Но боль-
ше чудесъ искусства произвела впечатлѣніе на Карамзина мѣст-
ность Дрездена. Любясь Эльбою, горами и роскошными долинами,
освѣщенными вечернимъ солнцемъ, онъ былъ въ полномъ востор-

(4) Сочин. II, стр. 51—52.

гъ: „Я смотрѣлъ и наслаждался, говорить онъ; смотрѣлъ, радовался и даже плакалъ; что обыкновенно бываетъ, когда сердцу моему очень, очень весело! Вынулъ бумагу, карандашъ, написалъ: *любезная природа!* и болѣе ни слова!“ Воспоминаніе о цвѣтующихъ берегахъ Эльбы онъ хочетъ унести на родину. Такое наслажденіе красотами природы, по отношенію ихъ къ сердцу, составляетъ одинъ изъ главныхъ элементовъ путешествія Карамзина. Свообразная прелесть природы теряется въ этомъ однообразномъ лирическомъ чувствѣ, въ которомъ все одинаково отражается. Но подобное отношеніе къ природѣ было принадлежностю не одного Карамзина; оно замѣтно вообще въ произведеніяхъ современныхъ писателей. Сердце играетъ тутъ главную роль, а сердечное убѣжденіе было для Карамзина гораздо дороже убѣждений разума. Эту тему онъ съ жаромъ доказывалъ Лейпцигскому студенту въ почтовой коляскѣ, на пути изъ Дрездена въ Лейпцигъ.

Въ университетскомъ городѣ Саксоніи Карамзинъ пробылъ довольно долго, въ обществѣ профессоровъ, которые ласково и гостепріимно приняли любознательного путешественника. Здѣсь познакомился онъ съ Бекомъ и съ Платнеромъ, котораго лекцію слушалъ въ университетѣ. За веселымъ „аѳинскимъ ужиномъ“ съ профессорами, говорили о поэзіи и литературѣ русской. Какъ образцовая произведенія послѣдней, Карамзинъ назвалъ „Россіаду“ и „Владиміра“ Хераскова. Кромѣ ученыхъ профессоровъ, Карамзинъ видѣлся съ Вейссе, писателемъ для дѣтей, однимъ изъ известныхъ педагоговъ, статьи котораго были имъ переведены для „Дѣтскаго чтенія“. Наблюдательность Карамзина и умѣніе передавать имъ все слышанное можетъ быть доказана слѣдующимъ обстоятельствомъ. Въ Лейпцигѣ записалъ онъ разсказъ о баронѣ Шрепферѣ, известномъ вызывателѣ духовъ, который застрѣлился въ этомъ городѣ (⁽⁶⁾). Тоже самое лицо, по видимому, послужило для Шиллера прототипомъ для вызыванія духовъ въ его неоконченномъ романѣ „Geisterseher“ и читая этотъ послѣдній невольно приходитъ на память разсказъ Карамзина.

Изъ Лейпцига путешественникъ отправился въ Веймаръ. Городъ этотъ былъ тогда столицею нѣмецкой литературы. Главные вожди ея: Гердеръ, Виландъ, Гете жили тутъ, подъ просвѣщеніемъ покровительствомъ саксенъ-веймарского двора и понятно непрѣнѣ Карамзина, съ которымъ онъ при вѣздахъ въ городъ ра-

(6) Сочин. II, стр. 133—137.

спрашивалъ караульного сержанта: „здѣсь ли Виландъ? Здѣсь ли Гердеръ? Здѣсь ли Гете?“ Само собою разумѣется, что Карамзинъ поспѣшилъ сдѣлать имъ визиты. Любезностью и ласковостью въ обращеніи Гердера Карамзинъ былъ особенно обвороженъ. Виландъ, которому уже вѣроятно надоѣли подобныя посѣщенія праздныхъ путешественниковъ, принялъ его сначала холодно и сухо, счелъ его за человѣка, ищущаго только свѣтскихъ развлечений, но потомъ разговорился съ нимъ о поэзии, когда Карамзинъ доказалъ ему, что онъ самъ пишетъ и знакомъ съ нѣмецкой литературой. Ему онъ высказалъ свои планы и свои намѣренія касательно будущей жизни, которымъ кажется оставался вѣренъ всегда. „Тихая жизнь“ — вотъ идеалъ Карамзина, „Окончивъ свое путешествіе, которое предпринялъ единственно для того, чтобы сбратъ нѣкоторыя пріятнныя впечатленія и обогатить свое воображеніе новыми идеями, буду жить, говорилъ онъ Виланду, съатурою и съ добрыми, любить изящное и наслаждаться имъ“. Гете Карамзинъ не видалъ; онъ разгляделъ въ окно только его греческій профиль.

Черезъ Эрфуртъ, Готу, Франкфуртъ на Майнѣ, Майнцъ, Мангеймъ, останавливался въ каждомъ городѣ, Карамзинъ изъ Веймара пріѣхалъ въ Стразбургъ. Рейнъ, съ своими „щедрыми долинами“ и роскошными виноградниками напомнилъ путешественнику грустный образъ далекой родины, съ ея „потомъ срошающими садами, гдѣ аргусы съ дубинами стоять на караулѣ“. Въ Стразбургѣ Карамзинъ замѣтилъ уже признаки революціоннаго движенія; онъ видѣлъ бурию сцену на улицѣ. Это было въ началѣ августа 1789 года и весь Эльзасъ былъ въ волненіи отъ парижскихъ событий, „даже крестьяне ходили съ національными кокардами“. Не останавливалась долго въ Стразбургѣ, Карамзинъ поѣхалъ въ Швейцарію, которая давно манила его и своею природою и своими поэтами и учеными, близкими ему по душѣ. Въ Базельѣ уже онъ привѣтствуетъ эту страну „живописной природы, земли свободы и благополучія“. Горный воздухъ тотчасъ же окказалъ на него вліяніе. „Дыханіе мое стало легче и свободнѣе, говоритъ онъ, стань яой распрямился; голова моя сама собою подымается вверхъ, я съ гордостю помышляю о своемъ человѣчествѣ“. Въ Базельѣ Карамзинъ познакомился съ молодымъ датскимъ путешественникомъ, докторомъ Беккеромъ, другомъ извѣстнаго поэта Багтзена и съ нимъ почти все время жилъ въ Швейцаріи. Беккеръ принадлежалъ къ тому же сорту людей, какъ и Карамзинъ:

онъ былъ чувствителенъ и въ добавокъ влюблывъ. Случайная встреча обратилась въ дружбу и Карамзинъ вернувшись на родину, переписывался съ Беккеромъ.

Въ разныхъ мѣстностяхъ Швейцаріи и преимущественно во французской части ея, въ Женевѣ и Лозаннѣ, Карамзинъ пробылъ около семи мѣсяцевъ до марта 1790 года. Останавливалась въ городахъ и осматривая зданія, памятники и картины, онъ часто сходилъ съ большой дороги и заходилъ въ горы и деревушки, чтобы наслаждаться красотами природы, не смотря на необычное для путешествія по Швейцаріи время, чтобъ видѣть простую жизнь швейцарцевъ, которая являлась ему въ образѣ Геснеровой идиліи. Самый полный восторгъ овладѣлъ душою путешественника въ хижинахъ пастуховъ на высотахъ альпийскихъ, нуда онъ поднимался съ благоговѣніемъ. Здѣсь съ прекрѣпіемъ смотрѣлъ онъ на долину и весело завтракалъ въ семьѣ горцевъ. Прелестъ непосредственной жизни такъ сильно была для Карамзина въ эту минуту, что онъ высказывалъ желаніе отказаться для нея отъ всѣхъ удобствъ цивилизованной жизни. На Альпахъ читалъ онъ отрывки изъ Галлеровой поэмы „die Alpen“. Если вѣриТЬ разсказу гораздо позднѣйшаго русскаго туриста, то память о Карамзинѣ въ Швейцаріи долго жила въ семьѣ имъ облагодѣтельствованной. Молодой и чувствительный путешественникъ устроилъ свадьбу бѣдной швейцарской парочки съ помощью какого-то богатаго русскаго графа, жившаго въ одно время съ нимъ въ Лозаннѣ⁽⁶⁾.

Кромѣ горныхъ красотъ швейцарской природы Карамзинъ, несомнѣнно тысячамъ путешественниковъ, посѣщалъ и тѣ мѣста, кото-рыя навсегда освящены поэзіей, геніемъ и страданіями Руссо. Изъ Лозанны идетъ онъ пѣшкомъ по этимъ прославленнымъ мѣстамъ, съ „Новою Элоизою“ и „Признаніями“ въ рукахъ. Онъ проводить цѣлый день на островѣ св. Петра, одноть изъ послѣднихъ убѣжищъ Руссо. Съ глубокимъ чувствомъ говорить Карамзинъ обѣ этомъ „страдальцѣ злобы и предразсужденій человѣческихъ“, выгнанномъ отовоюду за то, „что онъ былъ добръ, искренъ и человѣколюбивъ“. Съ такимъ же уваженіемъ постыдилъ Карамзинъ и жилище другаго знаменитаго писателя XVIII вѣка—Ферней. По словамъ Карамзина, никто не дѣйствовалъ такъ сильно на своихъ современниковъ, какъ Вольтеръ и дѣйствіе это состояло въ вѣротерпимости, въ томъ, что онъ „посрамилъ гнусное лжецѣвѣrie“,

⁽⁶⁾ Карамзинъ въ Швейцаріи. О т е ч. З а п. 1849 г. Т. LXIX, отд. V стр. 225—240.

которому еще въ началѣ вѣка „принесились кровавыи жертвы въ нашей Европѣ“. Удивляясь силѣ Вольтеровой ироніи, Карамзинъ удивляется также и его драматическимъ произведеніямъ. Послѣдній взглядъ, по его собственному сознанію, измѣнился потомъ.

Сильнѣе природы, сильнѣе воспоминаній о Руссо и Вольтерѣ была для Карамзина бесѣда съ живыми писателями Швейцаріи, знакомыи ему прежде по сочиненіямъ. Въ Цюрихѣ онъ сдѣлалъ съ сердечнымъ трепетомъ визитъ къ знаменитому тогда, не между людьми положительной науки, а въ обществѣ масоновъ и мистиковъ — Лафатеру. Еще въ Москвѣ онъ считалъ его великимъ писателемъ; еще въ Москвѣ онъ любилъ заниматься физиognомікой, а потому желаніе лично познакомиться съ этимъ искательнымъ мыслителемъ прошлаго вѣка было очень сильно въ Карамзинѣ. Для московскихъ друзей его описание свиданія съ Лафатеромъ безъ сомнѣнія было интереснѣе бесѣдъ съ Кантомъ, а потому Карамзинъ не забыть замѣтить, что Пфенингеръ, другъ Лафатера, очень похожъ на С. И. Гамалею. Съ подробностію говорить Карамзинъ о наружности Лафатера, о бесѣдахъ своихъ съ нимъ, о новыхъ, написанныхъ имъ сочиненіяхъ, объ образѣ жизни его. Въ Женевѣ, гдѣ Карамзинъ провелъ почти всю зиму, живя свѣтскою жизнью въ обществѣ, переполненномъ въ это время путешественниками разныхъ націй и въ особенности бѣглыми французскими эмигрантами, онъ чаще всего бывалъ у Боннета. Старикъ философъ жилъ верстахъ въ четырехъ отъ Женевы и Карамзинъ смотрѣлъ на него какъ на лучшаго писателя о природѣ, котораго сочиненія изучалъ еще въ Москвѣ и переводилъ изъ нихъ отрывки для „Дѣтскаго Чтенія“. Боннету онъ обѣщалъ непремѣнно по возвращеніи въ Россію заняться переводомъ его сочиненій и старикъ заставилъ его сдѣлать первый опытъ перевода въ его кабинетѣ, оставивъ отрывокъ на память. Боннетъ замѣтилъ въ Карамзинѣ „патріотическое чувство“, высказываемое имъ въ желаніи просвѣтить свой народъ.

Въ началѣ марта 1790 года Карамзинъ оставилъ Швейцарію и чрезъ Ліонъ поѣхалъ въ Парижъ, самый желанный и интересный для него городъ. Въ Ліонѣ онъ провелъ весело нѣсколько дней посреди удовольствій случайныхъ знакомствъ и разговоровъ съ нѣмецкимъ поэтомъ Матиссономъ. Статуя Лудвига XIV на большой ліонской площади навела его на мысль о Петре В. и для насъ любопытенъ *тогдашній* взглядъ Карамзина на великаго человѣка русской земли, во многомъ потомъ измѣнившіяся. Петръ

дли Карамзина въ это время былъ „лучезарнымъ богомъ свѣта“, освѣщающимъ глубокую тьму вокругъ себя“. На преобразователя смотрѣть онъ, какъ на „благодѣтеля человѣчества, какъ на своего собственаго благодѣтеля.“ Дивій камень подъ его монументомъ на площади Сената — образъ состоянія Россіи предъ временемъ преобразованія.

„Я въ Парижѣ! Эта мысль производить въ душѣ моей какое-то особливое, быстрое, неизъяснимое, пріятное движение!.... Я въ Парижѣ! говорю самъ себѣ и бѣгу изъ улицы въ улицу, изъ Тюльери въ поля Елисейскія; вдругъ останавливаюсь, на все смотрю съ отличнымъ любопытствомъ, на дома, на кареты, на людей. Что было мнѣ извѣстно по описаніямъ, вижу теперь собственными глазами — веселюсь и радуюсь живою картиною величайшаго, славнѣйшаго города въ свѣтѣ, чуднаго, единственнаго по разнообразію своихъ явлений“. Такъ привѣтствуетъ Карамзинъ свое появленіе въ столицѣ модъ и вкуса, повторяя словами своими ощущенія и восторги многихъ тысячей своихъ соотечественниковъ прошедшихъ и будущихъ. Но Парижъ былъ не Веймаръ, не Цюрихъ, не Женева, гдѣ Карамзинъ не надолго посѣтивъ Виланда, Дафатера или Боннета, могъ бы разомъ окунуться въ духовные интересы города. Онъ не зналъ, къ кому изъ ученыхъ и литераторовъ Парижа идти съ визитомъ. При томъ столица Франціи жила въ это время новою политическою жизнью; все, что только имѣло претензію на умъ, было занято волнующими государственными вопросами. Старое французское общество, которое ожидалъ найти Карамзинъ, было разогнано бурею. Этой-то новой стороны французской жизни Карамзинъ, привыкшій къ описаніямъ старого общества, не замѣтилъ или не хотѣлъ замѣтить. „Грозная туча носится надъ башнями Парижа“, говорилъ онъ „златая роскошь, опустивъ черное покрывало на горестное лицо свое, поднялась на воздухъ и скрылась за облачами.“ Новая жизнь Парижа чужда Карамзину. Онъ жалѣть искренно, что „французы думаютъ нынѣ о своей революціи, а не о памятникахъ любви и нѣжности“. Онъ никакъ не ожидаетъ кровавыхъ революціонныхъ сценъ „отъ зефирныхъ французовъ, которые славились своею любезностію“. Карамзинъ весь на сторонѣ старой французской монархіи, „при которой все благоденствовало“, и смотрѣть на людей новыхъ, какъ на дерзкихъ смѣльчаковъ, „поднявшихъ сѣкиру на священное дерево, говоря: мы лучшіе сдѣлаемъ!“ Въ Версаліи онъ съ ужасомъ вспоминаетъ о днѣ 4 октября, когда „прекрасная Марія“ въ первый разъ услыхала „грозный крикъ парижскихъ варваровъ“. Для него тажело,

что революция „должна перемѣнить и характеръ народа, столь веселаго, остроумнаго, любезнаго.“ Не смотря на эти симпатіи въ прошедшему Франціи, Карамзинъ не раздѣлялъ однако легкомысленныхъ убѣждений и надеждъ эмигрантовъ и очень хорошо понималъ смыслъ движенія. Онъ видѣлъ, что первою конституціей „исторія не кончилась“, говорилъ, что „французское дворянство и духовенство кажутся худыми защитниками трона“. Въ засѣданіи народнаго собранія онъ видѣлъ цѣлую бурю, такъ какъ рѣчь при немъ шла о свободѣ исповѣданій въ государствѣ; онъ слышалъ здѣсь Мирабо и Мори.

Карамзинъ бытъ чуждъ этой политической жизни, да и не для нея онъ пріѣхалъ въ столицу Франціи, въ которой хотѣлъ изучить веселую французскую жизнь старого времени, видѣть зданія и чудеса искусства, набраться новыми впечатлѣніями. Странно было бы ожидать отъ Карамзина, чтоъ онъ слѣдила въ Парижѣ за новыми явленіями. На волненіе его онъ смотрѣлъ „съ тихою душою, какъ мирной пастырь смотрить съ горы на бурное море“. Тогда революція на дошла еще до тѣхъ явленій, которыя должны были сильно потрясти душу Карамзина, видѣвшаго въ нихъ посвѣтительство на все, что было дорогаго и священнаго для него, понимавшаго, что рушится цѣлый міръ, гдѣ онъ выросъ и долго жилъ умомъ и сердцемъ. Въ Парижѣ онъ искалъ этотъ міръ и уединялся въ немъ. Онъ посѣтилъ Бартелеми, Мармонтеля, котораго переводилъ, Лавуазье и др. Познакомившись съ какими то знатнымъ и богатымъ домомъ, въ качествѣ русскаго литератора, онъ участвовалъ въ литературномъ чтеніи и передаль въ своихъ письмахъ содержаніе „розовой тетрадки“ аббата, содержаніе, посвященное любви и ея психологическому разбору; онъ самъ сочиняетъ въ Парижѣ вѣжные стихи и читаетъ ихъ. Съ особою любовью говоритъ онъ о художественныхъ созданіяхъ вѣка Людвига XV, объ этихъ граціозно-изнѣженныхъ, сладострастныхъ образахъ, уже начинавшихъ быть аномалией, объ Амурѣ Бушардона, о Венерѣ, Марсѣ и нимфахъ будуара въ увеселительномъ дворцѣ графа д'Артуа, о садахъ Трианона и роскоши версальской.

Намъ нѣтъ надобности слѣдить за Карамзиномъ въ его подробномъ изученіи Парижа, мы желали только видѣть его самаго, узнать его взгляды. Въ его симпатіяхъ и антипатіяхъ рисуется его характеръ, обнаруживается то, что вошло въ содержаніе его произведеній. Въ Парижѣ высказалъ онъ и первыя мысли свои о русской исторіи. Онъ жалѣетъ, что у насть до сихъ поръ вѣтъ *

русской исторіи, „написанной съ философскимъ умомъ, съ критикою, благороднымъ краснорѣчіемъ“. Образцами для такой исторіи должны быть Тацитъ, Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ. „Говорятъ, что русская исторія на занимателна, продолжаетъ Карамзинъ, не думаю; нуженъ только умъ, вкусы, талантъ. Можно выбрать, одушевить, раскрасить, и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона и пр. могло выйти нѣчто привлекательное, сильное, достойное вниманія не только русскихъ, но и иностранцевъ“. Изъ этихъ словъ видно, какъ рано уже Карамзинъ сознавалъ свое призваніе. Левекъ его не удовлетворяется: „Россія не мать ему, не наша кровь течеть въ его жилахъ“. Къ тому же Левекъ не любить Петра В., а Карамзинъ въ эту пору своего развитія, какъ мы видѣли, благоговѣлъ предъ нимъ. Онъ защищаетъ и оправдываетъ вполнѣ преобразованіе, потому что „путь просвѣщенія одинъ для всіхъ народовъ.“ Онъ защищаетъ даже пуримъну, сдѣланную Петромъ въ платьѣ и наружномъ видѣ русскихъ; „старинныя обыкновенія были грубы, недостойны нашего вѣка.“ Онъ оправдываетъ даже крутыя мѣры Петра: „надлежало свернуть голову закоренѣлому русскому упрямству, чтобы сдѣлать насъ гибкими, способными учиться и перениматъ.“ Карамзинъ увѣренъ, что мы въ нѣсколько лѣтъ, двинутые мощною рукою Петра, дognали Европу. Сожалѣнія объ измѣненіи русскаго характера, о потерѣ русской народной физиognomіи кажутся для Карамзина „жалкими Іереміадами“ или „шуткою, происходящею отъ недостатка въ основательномъ размышеніи“. Доля нашихъ предковъ была: „грубость наружная и внутренняя, невѣжество, праздность, скуча“, а теперь „для насъ открыты всѣ пути къ утонченію разума и къ благороднымъ душевнымъ удовольствіямъ.“ „Все народноеничто предъ человѣческимъ. Главное должно быть людьми, а не славянами“. Такъ смотрѣлъ на исторію своей родины молодой Карамзинъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ западной жизни, въ восторгѣ отъ всего видѣннаго. Послѣдующій ходъ развитія его мыслей, условливаемый и политическими событиями Европы, и вдумываніемъ въ свою исторію, и глубокимъ изученіемъ ея, представить намъ постепенное измѣненіе этого взгляда, дошедшее чрезъ нѣсколько лѣтъ до крайней противоположности вышесказанному по иоводу бесѣды съ историкомъ Левекомъ.

Изъ Франціи чрезъ Кале, гдѣ Карамзимъ искалъ мѣста, описаныя въ сентиментальномъ путешествіи Стерна и Дувръ, путе-

шественникъ перебылъ въ Лондонъ. Въ Англіи онъ видѣлъ только столицу страны и ее окрестности, гдѣ пробылъ не долѣе мѣсяца. Крайняя противоположность съ Франціей поразила Карамзина, хотя Англію, любимую имъ съ дѣтства, онъ ставить очень высоко въ ряду европейскихъ государствъ. Какъ прилично сентиментальному путешественнику, Карамзинъ съ восторгомъ отзыается объ англичанкахъ. Лондонъ былъ осмотрѣнъ Карамзиномъ весьма внимательно, но точно также какъ и Парижъ болѣе виѣшнимъ образомъ. Изъ политической жизни Англіи Карамзину удалось быть, кромѣ нижней палаты, на одномъ изъ засѣданій верхней, обратившися въ судъ надъ Гастингсомъ. Этотъ знаменитый въ парламентской исторіи Англіи процессъ, содержаніе и внѣпнія обстановка котораго описаны такимъ блестящимъ образомъ Маколеемъ, не произвелъ на Карамзина большаго впечатленія. Онъ видѣлъ и слушалъ Борка, Фокса и Шеридана, обвинителей со стороны Нижней Палаты и смотрѣлъ на нихъ какъ на риторовъ, не будучи затронутъ ихъ краснорѣчiemъ. Очень хладнокровно отзыается онъ о Гастингсѣ, что генералъ-губернаторъ Индіи „виноватъ противъ человѣчества, но не виноватъ противъ Англіи“. Вообще и въ этой странѣ, какъ и во Франціи, Карамзинъ былъ чуждъ наблюденіямъ политической жизни; самые англичане, которыхъ онъ такъ любилъ въ дѣтствѣ, разочаровали его; „похвала моя такъ холодна, какъ они сами“ — заключаетъ Карамзинъ. Они слишкомъ разсудительны, слишкомъ скучны для него, но объ англичанкахъ онъ отзыается иначе. Онъ образцовая матери и жены по его словамъ, и вообще семейную жизнь Англіи онъ ставить очень высоко, какъ и англійскую литературу, о которой представилъ нѣсколько бѣглыхъ, но вѣрныхъ замѣтокъ. Изъ Англіи Карамзинъ воротился моремъ въ Россію въ сентябрѣ 1790 года.

Это путешествіе Карамзина, въ описаніи котораго мы слѣдили за его впечатлѣніями и старались показать его вкусы и предпочтенія къ той или другой сторонѣ видѣнной имъ чужой жизни, для его духовнаго развитія, для будущей его литературной дѣятельности было въ высшей степени важно. Не только то обстоятельство, что Карамзинъ видѣлъ лицомъ къ лицу любимыхъ имъ писателей и бесѣдовалъ съ ними, хотя разумѣется содержаніе и характеръ бесѣдъ этихъ условливались непродолжительными и торопливыми визитами путешественника, самое посѣщеніе мѣстъ, которыхъ порѣ существовали только въ его воображеніи, должно было оказать свое вліяніе и на долго образы

видѣннаго и слышаннаго остались живыми въ памяти Карамзина; не разъ встрѣчаются воспоминанія странствія въ послѣдующихъ сочиненіяхъ его. Историческое значеніе „Писемъ русскаго путешественника“ по отношенію къ тогдашнему читающему обществу было весьма велико. Въ первый разъ предъ образованными русскими людьми предстала Европа, съ произведеніями своего искусства, съ разнообразною природою, составлявшою контрастъ нашей съверной, съ представителями духовной дѣятельности своей, конечно по чѣму либо только близкими и дорогими сердцу Карамзина. Сентиментальный тонъ путешественника, его сердечная изліянія при видѣ картинъ природы или случайно подмѣченныхъ на дорогѣ сценъ, пришлись также по вкусу общества. Послѣднее было такъ мало развито тогда, такъ слабо могло интересоваться духовною и умственnoю стороныю Европы, что именно этотъ, частію плакативный тонъ и нѣжные восторги нравились ему больше всего. Въ этомъ Карамзинъ нашелъ скоро себѣ подражателей и русская литература представила цѣлую школу „чувствительныхъ путешественниковъ“, думавшихъ не столько объ описаніи страны видѣнной ими, сколько желавшихъ познакомить публику съ нѣжностію своего сердца и его изліяніями по поводу небывалыхъ приключений.

„Письма“ Карамзина имѣютъ для насъ относительное, историческое достоинство; читать ихъ можно въ настоящее время только съ интересомъ изученія самаго Карамзина и его литературной эпохи. Несправедлива та критика, которая смотрѣть на нихъ съ современной точки зрѣнія и требуетъ отъ нихъ того, чего они не въ состояніи дать (⁷). Эта критика нападаетъ на Карамзина за сентиментальный тонъ его описаній, за поверхность содержанія, за то, что онъ не обратилъ вниманія на политическое устройство видѣнныхъ странъ и проч. Обыкновенно письма Карамзина сравниваются съ „письмами изъ за границы“ другаго русскаго писателя Фонъ-Визина, писанными имъ къ графу Панину, отдавая преимущество послѣднимъ за большую глубину содержанія и за тонкую, развитую наблюдательность, съ которою Фонъ-Визинъ смотрѣть на состояніе Франціи наканунѣ революціи, какъ бы предчувствуя симптомы начинающейся бури. Но знаменитый комикъ нашъ стоялъ въ другомъ отношеніи къ видѣнному, чѣмъ молодой Карамзинъ. Фонъ-Визинъ былъ воспитанъ въ очень дѣльной политической школѣ,

(⁷) Такова напр. критика Бѣлинского. См. отзывы его о „Письмахъ Карамзина въ сочиненіяхъ т. I, стр. 63—64; т. IV, стр. 32—33 и т. VIII стр. 186—187.

служа при графѣ Панинѣ; онъ былъ знакомъ съ многими нашими посланниками и переписывался съ ними; его взглядъ необходио долженъ быть быть шире. Притомъ Фонъ-Визинъ былъ одиннадцатью годами старше Карамзина и тѣ предметы, которые могли интересовать послѣдняго, по его развитію и образованію, не имѣли никакого значенія для перваго. Карамзину было только двадцать три года, когда онъ путешествовалъ по Европѣ; онъ былъ молодъ чувствомъ, а оно направлено было у него такъ, какъ раскрывается въ путешествіи; онъ жадно искалъ наслажденія и нашелъ его. Увлеченіе Карамзина встрѣчами на дорогѣ, которымъ онъ придаетъ романіческій характеръ, его восторженныя слезы или восхищенія при видѣ красиваго ландшафта или памятника, посвященнаго романическому событию,— это тоже, что гораздо позднѣйшій восторгъ при созерцаніи картинъ Рафаэля или Беато-Анжелико. Всякое время имѣетъ свой паѳосъ и увлеченіе. Не будемъ требовать отъ Карамзина того, что ни могли дать ни самъ онъ, ни время, его создавшее.

Для насъ письма изъ за-границы Карамзина имѣютъ еще другое значеніе. Они представляютъ высокій автобіографический интересъ, единственный памятникъ, въ которомъ въ теченіи полутора года можно слѣдить за Карамзиномъ, за его мыслями и чувствованіями, за его жизнью. Здѣсь, по его собственному выраженію, образъ того, „каковъ онъ былъ, какъ думалъ и мечталъ“. Предъ нами теперь тринадцать лѣтъ жизни Карамзина, въ продолженіи которыхъ, до самаго его назначенія исторіографомъ, онъ создалъ почти всѣ свои литературныя произведенія, имѣвшія вліяніе на вкусъ и направленіе публики, доставившія ему славу и извѣстность, образовавшія многочисленную школу учениковъ и подражателей, а между тѣмъ изъ этого долгаго, главнаго периода его дѣятельности, о самомъ Карамзинѣ, объ обществѣ, въ которомъ онъ жилъ, о его отношеніяхъ какъ человѣка, мы имѣемъ самыя скучныя, ничтожныя свѣдѣнія. Карамзинъ весь теряется для біографа; мы не знаемъ тѣхъ необходимыхъ связей между произведеніями его и случаями жизни, которые должны были вызывать первыя; его личность закрывается для глазъ литературнымъ дѣломъ его и только въ немъ одномъ мы можемъ слѣдить развитіе Карамзина какъ человѣка. Невольно находитъ на душу грусть, что такъ мало оказано было современниками участія къ писателю, доставлявшему имъ высокое паслажденіе, настроившему на тонъ своихъ произведеній цѣлое общество. Невольно приходитъ въ голову неотвязно-печальная мысль, что

удовольствіе, доставляемое нашему обществу чтеніемъ и литерату-рою есть удовольствіе совершенно случайное, а не необходимая по-требность образованія и печальная мысль становится еще печаль-нѣе отъ сравненія судьбы нашихъ писателей съ судбою братьевъ ихъ въ Европѣ, окружющей такимъ уваженіемъ духовныхъ воз-дей, глубоко цѣнящей каждый шагъ ихъ въ жизни и обществѣ и добивающейся открыть необходимую связь жизни и произведеній писателя между собою. Нѣтъ, несмотря на увлеченіе Карамзінымъ, въ пустотѣ жизни, его окружающей, онъ не нашелъ себѣ настоящихъ цѣнителей; современники ни чого не сдѣлали для него и не дали намъ средствъ видѣть его посреди людей и общества въ этотъ періодъ его дѣятельности.

Въ Петербургѣ Карамзинъ пробылъ только три недѣли и тог-да же высказалъ И. И. Дмитреву намѣреніе свое издавать жур-налъ въ Москвѣ, гдѣ рѣшился поселиться на всегда. При по-средствѣ Дмитрева, уже знакомаго съ Державинымъ, Карамзинъ сошелся съ пѣвцомъ Фелицы и увезъ съ собою обѣщаніе его уча-ствовать въ предполагаемомъ журналѣ и сборникѣ стиховъ своего друга для него же (⁸). Для журнала необходимы были сотрудни-ки и Карамзинъ поспѣшилъ въ Москвѣ войти въ литературный кругъ тогдашняго куратора Московскаго университета Хераскова, около которого и жены его, тоже писательницы, собирались тогда въ Москвѣ все пишущее и интересующееся литературой.

„Московскій Журналъ“ Карамзина (⁹) сталъ появляться съ ян-варя 1791 года и не смотря на свою сѣрую [бумагу и плохой шрифтъ нового содеряжателя университетской типографіи Окороко-ва, смѣнившаго Новикова, онъ дорогъ намъ по своему значенію въ исторіи русской словесности. Это былъ первый литературный жур-налъ съ живымъ и разнообразнымъ содержаніемъ, которое могло увлечь читающую публику и образовать ея вкусъ. Въ первый разъ въ русской жизни является человѣкъ, который исключительно по-свящаетъ всего себя литературѣ и дѣлаетъ ее призваніемъ своей жизни. Съ такимъ строгимъ взглядомъ на литературное дѣло, ко-торое до него являлось всегда чѣмъ то постороннимъ для человѣка, исключительно преданного государственной службѣ, Карамзинъ разомъ поднимаетъ и слово въ отношеніи къ жизни. Между имъ и жизнью открывается возможность взаимодѣйствія. Карам-зинъ, уже пріученный въ обществѣ Новикова къ журнальной дѣ-

(⁸) Взглядъ, стр. 69.

(⁹) Восемь частей. М. 1791—1792.

ятельности, не боялся взять на себя срочную и тяжелую работу журналиста. Въ объявлениі, напечатанномъ имъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ⁽¹⁰⁾, онъ представилъ разнообразный и занимательный планъ состава своего журнала. Въ него должны входить: 1) *Русскія сочиненія* въ стихахъ и прозѣ; 2) *переводы* съ иностраннаго и извѣстія о новыхъ книгахъ; 3) *критический отдѣлъ*; 4) *извѣстія* о московскомъ *театрѣ* и 5) *описаніе разныхъ происшествій*, что должно было составить собственно политическій отдѣлъ. Карамзинъ приглашалъ и постороннихъ сотрудниковъ присыпать къ нему свои статьи, но только *не теологическаго, мистическаго и слишкомъ ученаго содержанія*. „Журналъ, говорилъ онъ, выдавать не шутка — я знаю — одинакожъ чего не дѣлаетъ охота и прилежность? Множество иностраннѣхъ журналовъ лежитъ у меня передъ глазами; ни одного изъ нихъ не возьму я за точный образецъ, но всѣми буду пользоваться“. Книжки должны были появляться каждый мѣсяцъ.

Съ первой же книжки программа издателя была точно выполнена; здѣсь, вмѣстѣ со стихами Державина, Нелединскаго, Львова, Дмитрева, самого Карамзина и другихъ, стали появляться и „Письма русскаго путешественника“, написанныя подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ видѣнаго; явились и первыя литературныя критики Карамзина, начиная съ разбора прозаического „творенія“ Хераскова „Кадмъ и Гармонія“, исполненнаго уваженіемъ и похвалами автору и состоящаго преимущественно изъ вынисокъ; стали печататься и разборы пьесъ театральныхъ съ именемъ актеровъ, принадлежащіе самому Карамзину, на котораго главнымъ образомъ цѣдала обязанность наполнять книжки своего журнала. Дѣйствительно почти три четверти всего этого изданія принадлежитъ неутомимо работавшему Карамзину, въ теченіе двухъ лѣтъ наполнявшему журналъ то разными переводами или цѣлыхъ произведеній иностраннай литературы, каковы напр. повѣсти Мармонтеля или отрывками изъ разныхъ иностраннѣхъ журналовъ, отрывками полными свѣжаго интереса для читателей, напр. біографія Бальзамо или Калліостро, помѣщеніе которой доказываетъ, что Карамзинъ совершенно разошелся съ таинственными вѣрованіями масоновъ; то критическими разборами новыхъ русскихъ книгъ или иностраннѣхъ, переведенныхъ изъ лучшихъ журналовъ европейскихъ того времени. „Московскій журналъ“ съ разу со стороны формальной, со сторо-

⁽¹⁰⁾ Статья г. Погодина о „Московскомъ журналѣ“. Русск. Вѣсти. 1866 г. юль, стр. 237.

ны легкости слога и общедоступности его, уронил старую тяжелую школу и сдѣлался образцомъ для молодыхъ писателей, смотрѣвшихъ на Карамзина, какъ на учителя.

Самое главное и получившее значение въ исторіи нашей литературы содержаніе „Московскаго журнала“ представляютъ однако самостоятельный произведенія самого издателя. О „Письмахъ русскаго путешественника“, почти вполнѣ появившихся въ этомъ журналь, мы уже говорили. Взглянемъ, въ чёмъ состоять другія произведенія и какое значеніе имѣютъ они для литературной биографіи Карамзина.

Первыми самостоятельными произведеніемъ Карамзина въ „Московскомъ Журналѣ“ были драматическіе отрывки „Софія“⁽¹¹⁾, взятые по видимому изъ русской жизни, гдѣ дѣйствующія лица состоять изъ старика—мужа, молодой жены его и обольстителя француза. Мелодраматичность развязки, кончающейся убийствомъ и самоубийствомъ, и это дѣйствія въ какой-то деревнѣ „въ брынскихъ лѣсахъ“, все это показываетъ вліяніе на Карамзина современныхъ пьесъ Коцебу и объ отрывкѣ этомъ стоитъ упомянуть только потому, что онъ былъ первый и единственный опыты Карамзина въ драматическомъ родѣ. Въ томъ же первомъ году журнала напечатано было воспоминаніе его о Фролѣ Силинѣ⁽¹²⁾ и нѣсколько мелкихъ статеекъ чисто лирическаго содержанія. Но гораздо важнѣе всего этого было появленіе въ журналѣ первыхъ повѣстей Карамзина, съ тѣмъ направленіемъ и съ тѣмъ чувствительнымъ содержаніемъ, которое составляло тогда ихъ оригинальность и, подобно „Вертеру“ Гёте въ нѣмецкой литературѣ, и въ нашей составило цѣлую эпоху, увлекая за собою и толпы литературныхъ подражателей и толпы восхищенныхъ на долго читателей.

Первая повѣсть въ этомъ родѣ Карамзина носить название „Ліодоръ“⁽¹³⁾. Она не кончена, а потому Карамзинъ и не перепечатывалъ ее изъ журнала. Въ ней впервые является модной герой, на долго оставшійся типомъ въ русской повѣсти. Онъ красавецъ, разумѣется, и все въ немъ обнаруживается „кроткую душу, любовь и чувствительность“. Онъ учился за границей, въ Лейпцигскомъ университѣтѣ, долго странствовалъ по Европѣ, по-

⁽¹¹⁾ Московскій Журналъ, 1791 г. ч. 2, іюнь, стр. 253—276 и ч. 3, іюль, стр. 18—31.

⁽¹²⁾ Тамъ же, ч. 3, іюль, стр. 31—37.

⁽¹³⁾ Тамъ же 1792 г. ч. 5, мартъ, стр. 305—334.

любилъ на югѣ ся прекрасную иностранку и лишился ея. Съ тѣхъ поръ „погруженный въ глубокую меланхолію“, онъ живетъ въ сельскомъ уединеніи, одинъ съ своею тоскою. Тамъ встрѣтилъ его Карамзинъ, вмѣстѣ съ друзьями своими, Исидоромъ и Агатономъ и сумрачный незнакомецъ открылъ имъ свою душу. Но не этотъ замыселъ, имѣвши свое значеніе въ дѣйствіи литературы того времени на общество, интересуетъ насъ въ этой неоконченной повѣсти Карамзина. Она любопытна тѣмъ, что не прошло еще и двухъ лѣтъ, какъ Карамзинъ воротился изъ Европы, а взглядъ его сильно измѣнился. Карамзинъ жалѣть здѣсь о русской старинѣ до преобразованія. „Людоръ, говорить онъ, согласно съ нами утверждалъ, что тогда было въ дворянахъ нашихъ болѣе духа, болѣе характерной твердости, нежели нынѣ, когда мы, поглавившись за блестящей наружности другихъ націй, оставили все то, чѣмъ Богъ и натура хотѣли отличить насъ отъ другихъ народовъ земли, оставили, забыли самихъ себя, и сдѣлались во всемъ учениками (и въ самой литературѣ), не будучи мастерами ни въ чемъ“ (¹⁴). Эта мысль, въ первый разъ здѣсь высказанная, зреетъ постепенно въ его умѣ. Въ послѣдній періодъ жизни Карамзина, послѣ занятій отечественной исторіей, она становится глубокимъ, сознательнымъ убѣжденіемъ, но въ эту пору своей литературной дѣятельности Карамзинъ еще колеблется. Такъ въ 1797 или 1798 году, набрасывая планъ для „похвального слова“ Петру Великому, онъ сравниваетъ его съ Фидіасомъ, творившимъ въ „безобразномъ мраморѣ“ и увѣренъ, что какъ ходъ природы одинъ, такъ и просвѣщеніе только одно и что русскимъ въ ихъ духовномъ и моральномъ уніженіи нельзя было оставаться. Онъ доходитъ опять до оправданія жестокостей Петра (¹⁵), но теперь, какъ бы въ отвѣтъ на мысль высказанную въ „Людорѣ“, Карамзинъ пишетъ другую чувствительную повѣсть, взятую изъ русской старинѣ: „Наталья Боярская дочь“, (¹⁶) гдѣ также высказывается имъ любовь къ прошедшему, къ „брадатымъ“ предкамъ, „когда русские были русскими; когда они въ собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычая, говорили своимъ языкомъ по своему сердцу“ Карамзинъ говоритъ въ предисловіи къ этой повѣsti, что память его полна множествомъ былей и анекдотовъ изъ русской старинѣ. Подобно позд-

(¹⁴) Моск. Журн. ч. 5 стр. 315.

(¹⁵) Неиздан. соч. и переп. Карамзина, стр. 201—202.

(¹⁶) Моск. Журн. ч. 8, Октябрь и Ноябрь, стр. 12—69 и Декабрь стр. 237—278.

нѣйшимъ славянофиламъ, онъ видѣтъ образъ древней Руси въ современныхъ поселянахъ. Но любовь къ русской старинѣ, такъ горячо высказываемая Карамзинымъ, не оправдалась однако никакою художественнымъ воспроизведеніемъ ея въ этой повѣsti и Наталья боярская дочь болѣе походить на героиню какого либо рыцарскаго романа, чѣмъ на робкую дочь Москвы XVII вѣка, воспитанную въ уединенномъ теремѣ.

Но самою знаменитою изъ повѣстей Карамзина, помѣщенныхъ въ „Московскомъ Журналѣ“, по своему вліянію на вкусъ и направление читающей публики, была „Бѣдная Лиза“ (17). Въ ней видимъ мы и недостатокъ творческаго таланта автора и самое сильное выраженіе Карамзинской чувствительности; „слезы нѣжной скорби“ струятся сквозь страницы этой небольшой повѣсти, замѣчательной въ исторіи русскаго общества, сдѣлавшей ту мѣстность гдѣ погибла Лиза предметомъ поклоненія для чувствительныхъ душъ въ теченіе многихъ годовъ. Надѣй этой повѣстю лили горячія слезы наши бабушки, но они лили ихъ именно потому, что въ повѣсти было выражено не дѣйствительное страданіе, а вымыселное. Первое проходило незамѣченнымъ въ жизни, какъ будто оно слилось съ нею неразрывно, а это идеальное страданіе, совершиенно оторванное отъ дѣйствительности, своею крайнею противоположностью жизни, одѣтое въ форму поэзіи, въ живой языкъ Карамзина, должно было дѣйствовать на потрясенныя нерви. „Бѣдная Лиза“ — это воспоминаніе Карамзина изъ мира Геснеровыхъ идиллій, навѣяна на него можетъ быть дѣйствительнымъ разсказомъ старухи въ окрестностяхъ Парижа, но недѣйствительнымъ рускимъ событиемъ. Вліяніе повѣстей Мармонтеля и Жанлиль, переведимыхъ Карамзинымъ, сказалось на „Бѣдной Лизѣ“. Какъ известно, въ повѣсти нѣть ничего русскаго, хотя разсказать переносить читателя въ Москву и въ немъ помѣщено описание знаменитаго вида съ Воробьевыхъ горъ. Но эта-то отвлеченностъ отъ жизни и была причиной слезъ, пролитыхъ по поводу судьбы Лизы. Дѣйствительное страданіе скорѣе раздражаетъ, чѣмъ трогаетъ и извлекаетъ слезы. Не смотря однако на эту отдаленность повѣсти отъ жизни, струя человѣческаго чувства, простаго и трогательнаго по своему содержанію, введенная въ нее Карамзинымъ, теплые слова о сердцѣ, его волненіяхъ и страданіяхъ, внутренній пыль страсти, всѣ эти новые элементы, незнакомые обществу изъ преж-

(17) Моск. Журз. 1792 г. ч. 6, Июнь, стр. 298—277.

ней, холодной и напыщенной литературы до Карамзина, были съ его стороны большою заслугою передъ нимъ. Повѣсти Карамзина научили это общество чувствовать и любить русскую словесность. Имя Карамзина облѣтело всюду по Россїи, куда только доходили синенкія книжки его журнала; онъ разомъ пріобрѣмъ славу и всеобщую любовь.

„Пой Карамзинъ, и въ прозѣ
Гласъ слышенъ соловынъ“

привѣтствовалъ его уже славный Державинъ изъ Петербурга.

Мы сказали, что литературные труды Карамзина, которыми онъ отдался со всею страстью человѣка, преданаго своему дѣлу, совершенно скрываютъ отъ насъ его, какъ человѣка и факты биографическихъ надобно искать въ его изданіяхъ этого періода жизни, разгадывать ихъ. „Московской Журналъ“ длился два года, поглощая все время Карамзина. Въ объявлениіи объ изданіи его въ 1792 году онъ откровенно говоритъ читателямъ, что пересматривая изданное въ 1791 году, многимъ остается недоволенъ, многое желалъ бы перемѣнить; онъ сознается, что журналъ его былъ бы лучше, „еслибы 1791 годъ былъ для меня не столь мраченъ“ (¹⁸). Намекъ этотъ остается необъясненнымъ. Въ будущемъ онъ надѣется имѣть больше спокойствія, но жалуется, что издастъ одинъ, безъ помощниковъ. Изъ его объявлениія мы узнаемъ, что у Карамзина было только триста человѣкъ подписчиковъ (¹⁹), и при такомъ жалкомъ сочувствіи публики онъ не потерялъ бодрости, обѣщаю, въ случаѣ увеличенія числа подписчиковъ, улучшить изданіе. Въ началѣ 1792 года февральская книга запоздала выходомъ и извиняясь въ томъ предъ читателями, Карамзинъ говоритъ, что онъѣздилъ изъ Москвы: „должность журналиста должна была уступить должности человѣка и родственника“. Къ этой поѣздкѣ относится небольшой отрывокъ Карамзина „Деревня“ (²⁰), написанный подъ неизвестеннымъ вліяніемъ природы. Перерывъ былъ и въ концѣ втораго года изданія, послѣдніе выпуски его вышли гораздо позднѣе „по разнымъ обстоятельствамъ“. На слѣдующій годъ онъ уже не продолжалъ изданія и съ какоюто радостію объявлялъ читателямъ, что онъ свободенъ отъ вся-

(¹⁸) Моск. Журн. 1791 г. ч. 4, Ноібрь, стр. 245.

(¹⁹) Любопытно, что въ Казани былъ только одинъ любитель литературы, подписавшійся изъ „Московской Журналъ“. Его имя стоять увомлють: Александръ Логиновичъ Лихачевъ.

(²⁰) Моск. Журн. 1792 г. ч. 7, Іюль, стр. 57—63.

таго на себя обязательства, но свобода эта „не будеть и не должна быть праздностю“. Онъ хочетъ учиться, чтобы приняться за достойный и великий трудъ, который могъ бы остатъся памятникомъ души и сердца его. Между тымъ онъ обѣщаетъ сборникъ, изъ сочиненій своихъ и пріятелей, обѣщаетъ въ немъ „строжайшій выборъ пъесь, чистѣйшій, болѣе выработанный слогъ“, такъ какъ изданіе не будетъ выходить въ срокъ. „Можетъ быть, съ букетомъ первыхъ весеннихъ цвѣтовъ, положу я первую книжку „Аглай“ на алтарь грацій“.

Безъ сомнѣнія эти перерывы журнала, отлучки Карамзина изъ Москвы и намеки его на то, что годъ былъ мраченъ для него, совпадали съ преислѣдованіемъ бывшихъ друзей его — масоновъ, которое началось въ этомъ году и достигло высшаго развитія въ началѣ слѣдующаго. Въ апрѣлѣ 1792 года жгли въ Москвѣ мистическая изданія Новикова, тогда же былъ онъ схваченъ въ своей подмосковной и отвезенъ въ Шлиссельбургъ. Начался извѣстный процессъ и вѣроятно Карамзинъ тоже былъ допрашиваемъ. Въ майской книжкѣ журнала 1792 года помѣщена ода Карамзина „Къ милости“. Она вызвана современнымъ преислѣдованіемъ друзей его и полна глубокаго чувства, какъ бы вызывая Екатерину, которая въ одѣ является тождественною съ милостію, на милосердіе къ преислѣдуемымъ. „Только милость, говоритъ онъ иносказательнымъ языккомъ въ этой одѣ, даетъ права быть матерью народа и только за милость будутъ богочестить тебя народы“. Послѣднія книжки „Московскаго Журнала“ были изданы далѣко не въ срокъ. По свидѣтельству Дмитріева чуть ли не въ 1794 году. Такжѣ точно и сборникъ „Аглай“, обѣщаний имъ къ веснѣ, не могъ появиться „ни весною, ни лѣтомъ, ни осенью. На что говорить о причинахъ? Довольно, что я не могъ издать. Важное для меня не важно для публики“. Сборникъ этотъ вышедши въ концѣ 1795 года и названный вымышленнымъ поэтическимъ именемъ той, которая потомъ сдѣлалась первою женой Карамзина, состоитъ, за исключеніемъ двухъ небольшихъ стихотвореній, весь изъ сочиненій Карамзина. Первая книжка посвящена граціямъ „богинямъ дружества“, какъ опредѣляетъ ихъ Карамзинъ. Къ нимъ прибѣгаеть онъ изъ „подъ мрака черныхъ тучъ, изъ подъ грозы, носящейся надъ нами“. Онъ просить грацій благословить

„Свободный плодъ моихъ часовъ уединенныхъ,
Природѣ, тишинѣ и музамъ посвященныхъ“...

Вторая книжка посвящена Аглаѣ. „Твоя нѣжная, великодушная дружба составляетъ всю цѣну и счастіе моей жизни, говорить Карамзинъ. Ты мой благодѣтельный геній, геній хранитель! Мы живемъ въ печальномъ мірѣ, но кто имѣеть друга тотъ пади на колѣна, и благодари Вездѣсущаго?“ „Мы живемъ въ печальномъ мірѣ“, повторяетъ Карамзинъ и какая-то непрітворная грусть слышится въ словахъ его посвященія, грусть повидимому дѣйствительная. „Ничто не прельщаетъ меня въ свѣтѣ. Чего искать? къ чему стремиться?... къ новымъ горестямъ? Онѣ найдутъ меня и я безъ ропота буду лить новые слезы“. Гдѣ искать объясненія для этой печали Карамзина, при скучности біографическихъ о немъ извѣстій? „Аглаѣ“ начинается извѣстною статью, посвященою памяти умершаго Петрова, „котораго душа была бы украшениемъ самой Греціи, отечества Сократовъ и Платоновъ“. Скорбь Карамзина непрітворна; дѣйствительныя слезы слышатся подъ красивыми словами и нѣкоторыми условными оборотами, свойственными Карамзинской прозѣ. Но печаль о потерянномъ другѣ была личная скорбь Карамзина. Для него, какъ для писателя, должны были быть болѣе важныя, болѣе побудительныя причины для скорби и мы найдемъ ихъ въ томъ же сборникѣ.

Въ письмѣ „Мелодора къ Филалету“ (21), гдѣ подъ именемъ Мелодора Карамзинъ очевидно выставляетъ себя, онъ вспоминаетъ то время, когда изучая вмѣстѣ съ другомъ исторію, они вѣрили, что родъ человѣческий развивается, и хотя медленно, идетъ къ духовному совершенству. Мы обнимали тогда радостно человѣчество, говорить онъ „радость сіала на лицахъ нашихъ; природа казалась намъ обширнымъ садомъ, въ которомъ зреѣтъ божественность человѣчества“. Восемнадцатый вѣкъ, съ развитіемъ философіи, смягченіемъ нравовъ, съ тонкостю разума и чувства „общая связь народовъ, кротость правленій и проч“. Ождалось полное господство разума, ожидался конецъ человѣческихъ бѣдствій. Эти надежды на общее счастіе человѣчества рушились. Вѣкъ оканчивается и „несчастный филантропъ мѣряетъ двумя шагами могилу свою, чтобы лечь въ ней съ обманутымъ, разтерзаннымъ сердцемъ своимъ и закрыть глаза на вѣки“. Вмѣсто радостныхъ явлений славы, свободы, счастія, Карамзинъ видѣть..., „фурій съ грозными пламенниками“. Наука и мудрость исчезли; кроткихъ, нравственныхъ существъ, созданныхъ для счастія, не вид-

(21) Аглая, ч. 2, стр. 63—77.

ю. „Вѣкъ просвѣщенія! съ горечью говорить Карамзинъ, я не узнаю тебя—въ крови и пламени не узнаю тебя—среди убийствъ и разрушенія не узнаю тебя!“ И онъ сожалѣть о Парижѣ, „столицѣ искусствъ и науки, сожалѣть потому особенно, что страшный разгарь революціи служитъ торжествомъ для ненавистниковъ наукъ, которые упрекаютъ философию за то, что она довела до убийства. Крикъ ихъ былъ вѣроятно силенъ и въ обществѣ, окружавшемъ Карамзина, если вспомнить тогдашнія преслѣдованія литературы. Увлеченный событиями, онъ доходитъ до пессимизма; паденіе наукъ кажется ему вѣроятнымъ, неминуемымъ, близкимъ, ночь варварства должна скоро наступить и эта скорбь о человѣческихъ интересахъ обращается для него въ личную скорбь. „Самая природа не веселить меня“, пишетъ онъ къ другу и просить у него утѣшенія.

Скорбь эта понятна и извинительна со стороны Карамзина. Всѣмъ своимъ образованіемъ и вѣрованіями, всѣми своими надеждами онъ принадлежалъ прошедшему развитію Европы; не ему одному могло приходить въ голову въ виду напр. сентябрскихъ убийствъ въ Парижѣ, что ходъ просвѣщенія остановленъ, что человѣчество пошло назадъ. Карамзинъ, какъ современникъ, чувствовалъ и понималъ дѣло иначе, чѣмъ мы, передъ которыми лежитъ ясный путь развитія исторического. Что значитъ вся эта послѣдующая за революціонными крайностями во Франціи реакція, какъ не тоже выраженіе печального сомнѣнія и недовѣрія къ новому, какое выражается въ словахъ Карамзина. Но не въ смыслѣ реакціи, не въ дѣйствіи ея, какъ человѣкъ отдаленный отъ центра событий, нашелъ Карамзинъ утѣшеніе. Онъ нашелъ это утѣшеніе въ религіи оптимизма, въ той вѣрѣ разума, созданной доктриною мыслію XVIII вѣка, въ которой онъ былъ воспитанъ. Въ отвѣтѣ „Филалета къ Мелодору“⁽²²⁾, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ позднѣйшихъ статьяхъ Карамзина, раскрывается этотъ успокоительный взглядъ на исторію и жизнь⁽²³⁾. Соглашаясь съ Мелодоромъ, „что грозныя бури нашихъ временъ могутъ поколебать систему всякаго добродушнаго философа“, Филалетъ или тотъ же Карамзинъ, только въ другомъ видѣ, старается найти утѣшеніе въ убѣжденіяхъ сердца, въ „добромъ мнѣніи о про-

⁽²²⁾ А г л а я ч. 2, стр. 78—84

⁽²³⁾ Развитіе и содержаніе оптимизма Карамзина въ нѣкоторыхъ статьяхъ его, а равно и отношеніе его убѣждений ко всей литературѣ XVIII вѣка, где господствовалъ оптимизмъ, показано въ статьѣ г. Галахова „Карамзинъ какъ оптимистъ“ Отеч. Зап. 1858 г. т. CXVI, Отд. 1, стр. 107—146.

видѣніи и человѣчествѣ“. На развалинахъ міра подобно древнему стонку Горация, Карамзинъ говоритъ *Небу*: „ты благо и премудро; благо твореніе руки твоей; благо сердце человѣческое, изящнѣйшее произведеніе любви божественной“. Отъ вѣчной премудрости нельзѧ требовать отчета въ темныхъ путяхъ ея; нужно только вѣрить, что все устроено во благо. Эта вѣра даетъ миръ душѣ и увѣренность въ успѣхѣ человѣчества, увѣренность, что зло настоящее послужитъ къ добру будущему. „Люби же природу; утѣшайся єю; ищи радости въ єя объятіяхъ“.—Вотъ та философія, конечно не глубокая, по успокоительная для души, которая поддерживала Карамзина въ его скорбныхъ минутахъ недовольства современной исторіей и вообще жизнью. Она давала ему возможность наслаждаться жизнью, радоваться єю. Подъ тѣмъ же вліяніемъ написаны были тогда же: статья его „Аѳинская жизнь“, въ которой слышатся слѣды современного увлеченія нѣмецкой литературы прекраснымъ идеаломъ древней Греціи, отголоски стиховъ Гёте и Шиллера (²⁴) и чисто личный „Разговоръ о счастії“ (1797). Эта философія приходилась по плечу окружавшему автора обществу съ его неглубокими сомнѣніями, съ его недѣйствительными страшаніями, а потому она находила отголосокъ вездѣ; кругъ читателей Карамзина распространялся, имя его дѣлалось болѣе и болѣе извѣстнымъ.

Подъ вліяніемъ этой извѣстности и видимаго участія къ себѣ современной публики, Карамзинъ не могъ не подумать о своемъ авторствѣ и постараться объяснить себѣ его идею. Въ небольшой статьѣ „Что нужно автору?“ (²⁵) раскрываются тѣ требованія, которыя онъ въ это время задавалъ писателю и понятіе его обѣ отношеній писателя къ обществу. Кроме талантовъ, знанія, ума и воображенія, автору нужно имѣть *доброе и искреннее сердце*, если онъ хочетъ, чтобы сочиненія его имѣли вліяніе на общество. Произведенія писателя называются онъ портретомъ души и сердца его; чѣмъ лучше послѣднія, тѣмъ больше значенія имѣеть писатель, „ибо дурной человѣкъ не можетъ быть авторомъ“. Съ этой точки зренія о значеніи автора въ обществѣ, онъ смотрѣть на науки и просвѣщеніе, какъ на средства распространенія добрыхъ нравовъ въ обществѣ и возстаетъ противъ парадоксальныхъ убѣ-

(²⁴) Аглая, ч. 2, стр. 26—60.

(²⁵) Аглая. ч. 1, стр. 27—34.

ждений Руссо (²⁶). Эта нравственная сторона произведений ума, чувства и воображения дороже для него всего; съ ними и съ природою и „съ любовью добрыхъ душъ“ онъ счастливъ „на краю сѣвера, въ отечествѣ грозныхъ аквилоновъ“. Его самое дорогое желаніе, чтобы о немъ какъ объ авторѣ сказало потомство: „*Онъ имѣлъ душу, имѣлъ сердце!*“

Въ томъ же году, когда Карамзинъ издалъ „Аглаю“, появился и другой сборникъ его пьесъ прозаическихъ и стихотворныхъ, напечатанныхъ въ „Московскомъ Журнальѣ“. Онъ носилъ название „Мои Бездѣлки“, не представляя ничего нового въ своемъ содержаніи, но сдѣлался любимою книгою того времени. Въ немъ и въ „Аглаѣ“ помѣщено все лучшее, что было написано Карамзиномъ до 1794 года, въ этотъ періодъ его литературной дѣятельности, когда въ ней играли главную роль „добрая душа“ и „нѣжное сердце“. Карамзину понравилась форма сборниковъ; они расходились очень быстро и не требовали срочной усиленной работы, какая нужна надъ журналомъ. Въ 1796—1799 годахъ Карамзинъ издалъ три книжки сборника стихотвореній, подъ названіемъ „Аониды“, очевидное подражаніе по формѣ очень распространеннымъ въ то время въ Европѣ альманахамъ. Книжки состояли изъ стихотвореній почти всѣхъ извѣстныхъ тогда русскихъ поэтовъ и самого издателя. Онъ любопытны для насть, потому что здѣсь Карамзинъ высказалъ свой взглядъ на поэзію вообще и русскую въ особенности (²⁷). „Аониды“ должны „показать состояніе нашей поэзіи, красоты ея и недостатки“; этимъ издатель оправдываетъ не строгій выборъ пьесъ. Изъ недостатковъ современной русской поэзіи Карамзинъ указываетъ на два главные: „излишнюю высокопарность, громъ словъ не умѣста и часто притворную слезливость“. Настоящая поэзія состоить „не въ надутомъ описаніи ужасныхъ сценъ натуры, а въ живописи мыслей и чувствъ“. Молодой стихотворецъ долженъ изображать предметы близкіе къ нему: „первые впечатлѣнія любви, дружбы, нѣжныя красоты природы“. Все дѣло поэта въ умѣніи наводить живыя краски. Здѣсь же Карамзинъ высказываетъ общую мысль о значеніи литературы для „морального совершенства народа“.

Что касается до поэтическихъ произведеній самого Карамзина,

(²⁶) Въ статьѣ „Нѣчто о наукахъ, искусствѣ и просвѣщеніи“ Аглая, ч. I, стр. 33—76.

(²⁷) Предисловіе ко 2-й книжкѣ „Аонидъ“, стр. III—XIV.

которые помещены въ этомъ первомъ русскомъ альманахѣ, въ сборникахъ и журналахъ его, то они ничего не прибавятъ къ опредѣлению его литературного значенія; въ нихъ очень мало личнаго содержанія, что служитъ прямымъ доказательствомъ отдаленности его стихотвореній отъ его души и сердца. Проза Карамзина и художественнѣе, и задушевнѣе его стиховъ. Послѣднѣе являются у него не непосредственнымъ изліяніемъ чувства, а *занятіемъ*; тяжелая работа видна на стихѣ, холодномъ и правильномъ, но лишенномъ чувства и поэзіи.

Время царствованія Павла I, котораго онъ привѣтствовалъ длинною одою, высказывая въ ней чрезвычайныя ожиданія для музы и науки (²⁸), прошло бездѣятельно для Карамзина. До 1802 года Карамзинъ ничего не писалъ. Эти годы, какъ было уже замѣчено, исчезаютъ отъ внимательнаго бiографа, только съ величайшимъ трудомъ онъ находитъ кой-какія скучныя извѣстія о жизни Карамзина, проводимой имъ большую частію въ Москвѣ. Кромѣ дома Хераскова и Тургенева, съ сыновьями котораго, особенно старшимъ, Александромъ Ивановичемъ, онъ былъ очень друженъ, Карамзинъ чаще всего бывалъ въ обществѣ Плещеевыхъ и былъ близокъ съ женою его, на сестрѣ которой потомъ женился (²⁹). Съ Плещеевымъ сыномъ, членомъ извѣстнаго общества „Арзамасъ“, Карамзинъ и подъ конецъ жизни въ Петербургѣ былъ пріятелемъ. На связи съ Херасковыми указываются одно письмо къ брату писателя, Петру Матвѣевичу и два къ сыну его Роману Петровичу (³⁰). Письма эти, къ сожалѣнію, не даютъ никакихъ данныхъ для бiографіи писателя, кромѣ того, что они писаны изъ села Знаменскаго или Карамзино въ маѣ 1795 года. Въ томъ же 1795 году онъ участвовалъ въ изданіи „Московскихъ Вѣдомостей“ и ему принадлежитъ часть „Смѣси“ или фельетона этого изданія, состоящая изъ анекдотовъ, отрывковъ, мелочей всевозможнаго содержанія, извлеченная имъ изъ иностраннѣхъ журналовъ того времени (³¹). Нѣсколько замѣтокъ о Карамзинѣ встречаются въ письмахъ казанского литератора Каменева къ другу его Моско-

(²⁸) Мои Бездѣлки. Изд. 2. 1797, ч. 2, стр. 258—269.

(²⁹) См. Утро, стр. 54. О Плещеевыхъ см. примѣч. 198 г. Лонгинова къ запискамъ Дмитриева.

(³⁰) Бабл. Зап. 1858 г. № 12, стр. 587—592, съ примѣчаніями г. Лонгинова.

(³¹) Она перепечатаана Шевыревымъ съ его предисловіемъ въ Москвитянинѣ 1854 г. тома I—III. Не смотря на то, что нѣкоторыя изъ статей „Смѣси“ носятъ яркую печать Карамзинской прозы, позволительно сомнѣваться, чтобы всѣ 104 лѣпѣ были писаны безъ перерыва самими Карамзинами. Въ томъ же году онъ былъ въ сибирской деревнѣ.

тильникову въ Казань (32). Москотильниковъ извѣстенъ былъ своимъ мистицизмомъ и имѣть старыя связи въ Москвѣ. Онъ далъ Каменеву письма къ Лопухину, Тургеневу и чрезъ нихъ Каменевъ познакомился съ Карамзинымъ, тогда уже славнымъ. Это было осенью 1800 года. Замѣтки Каменева бѣглы и личность Карамзина не произвела сильнаго вліянія на него.

Какъ для цѣлой Россіи, такъ и для Карамзина, съ 1801 года началась новая жизнь. Молодой императоръ, объявивъ въ манифестѣ, что онъ будетъ идти по слѣдамъ Екатерины, пріобрѣлъ себѣ общую искреннюю любовь. Для однихъ, людей отживающаго поколѣнія, такое возвращеніе къ недавнему времени Екатерины, было какъ бы обѣтомъ возвращенія исчезнувшаго блеска, роскоши и широкой жизни; для другихъ изъ этого поколѣнія, время Екатерины II было дорогое патріотическимъ сознаніемъ силы и могущества Россіи. Молодое поколѣніе императоръ расположилъ къ себѣ широкими планами преобразованія и искреннею любовью къ просвѣщенію, очевидною въ его мѣрахъ. Карамзинъ, хотя и не принадлежалъ тогда къ молодому поколѣнію, но увлеченъ былъ вѣрою въ новую жизнь; онъ не успѣлъ еще познакомиться съ планами преобразованій, которыя должны были совершенно измѣнить Россію; въ слѣдующемъ году издалъ онъ „Похвальное слово Екатеринѣ II“, какъ бы историческое оправданіе словъ манифеста, гдѣ высказываетъ полное сочувствіе къ царствованію ея. Самого Александра Карамзинъ привѣтствовалъ одою (33), принесшю ему первый царскій подарокъ. Въ ней высказывается общая мысль преобразованій, обѣщанныхъ императоромъ и Карамзинъ очень скоро сдѣлался истолкователемъ гуманныхъ мѣръ царствованія въ новомъ своемъ журналь.

Въ 1801 году послѣдовало также и измѣненіе въ судьбѣ самого Карамзина. Весной онъ женился на Лизаветѣ Ивановнѣ Протасовой, сестрѣ Плещеевой, о которой было говорено. По словамъ Карамзина къ брату, онъ любилъ эту женщину 13 лѣтъ и она являлась въ его произведеніяхъ подъ именемъ Аглаи. Обѣ этой первой женѣ Карамзина дошло до насъ весьма не много свѣдѣній. Мы знаемъ только, что она была женщиной очень образованною, что для нея литературные занятія мужа были дорогимъ дѣломъ, что она вызывала, поощряла его къ литературной дѣятель-

(32) „Гаврила Петровичъ Каменевъ“—статья Н. И. Второва въ альманахѣ гр. Соллогуба *Вчера и Сегоднія*, Спб. 1845, стр. 29—64.

(33) Сочин. т. I, стр. 198—203.

ности. Карамзинъ былъ доволенъ тогдашнею своею жизнью. „Я благодарю ежеминутно Провидѣніе, пишетъ онъ въ первые дни 1802 года къ брату, за обстоятельства моей жизни, а всего болѣе за милую жену, которая дѣлаетъ меня совершенно счастливымъ своей любовью, умомъ и характеромъ. Вамъ я могу хвалить ее. Богъ благословляетъ меня и съ другихъ сторонъ. Я чрезъ труды свои имѣю все въ довольствїи“⁽³⁴⁾. Но семейное счастіе Карамзина продолжалось не долго. Подаривъ мужа дочерью, жена его умерла послѣ долгой болѣзни, въ началѣ 1803 года. Карамзинъ былъ глубоко потрясенъ этою потерей, какъ видно изъ живаго воспоминанія современника⁽³⁵⁾. Сознаніе однако обязанностей отца, желаніе доставить средства воспитанія сиротъ дочери и мысль, что покойная жена его любила труды, поощряла ихъ, снова возвратила Карамзина къ прерваннымъ горемъ занятіямъ. „Работа, говоритъ онъ, была единственнымъ моимъ убѣжищемъ⁽³⁶⁾“, И действительно этотъ въ особенности годъ жизни Карамзина отличается усиленною дѣятельностью, какъ писателя-журналиста. Состояніе души его отразилось развѣ въ небольшомъ разсужденіи его „О счастивѣшемъ времени жизни“⁽³⁷⁾. Оно написано, какъ бы въ подтвержденіе его мысли, разъ высказанной въ письмѣ къ А. И. Тургеневу: „жить есть терять милыхъ“. Въ самомъ дѣлѣ, куда исчезли свѣтлыя убѣжденія и утѣшения оптимизма, что „все благо, все добро“? Опыты и горе жизни подорвали ясную и легкую философію. Карамзинъ называетъ свой прежній оптимизмъ не философіей, а игрой ума, ложью, хотя и пріятною. Счастіе является только относительно въ жизни и онъ уже разсматриваетъ какой возрастъ *счастливѣ* въ человѣческой жизни. Сознавая вполнѣ свое призваніе, убѣждаясь, что жизнь *есть трудъ, а не наслажденіе*, онъ высказываетъ свой идеалъ счастія и видитъ его „не въ лѣтахъ кипѣнія страстей, а въ полномъ дѣйствіи ума, въ мирныхъ трудахъ его, въ тихихъ удовольствіяхъ жизни единообразной, успокоенной“. Тогда „онъ хотѣлъ бы сказать солнцу *остановися!* если бы въ тоже время онъ могъ сказать и мертвымъ *возстаньте изъ гроба!*“

Издание „Вѣстника Европы“ въ 1802 и 1803 годахъ поглощаетъ вполнѣ дѣятельность Карамзина въ эти послѣдніе два года его литературной жизни, передъ тѣмъ какъ скрылся онъ въ уединеніи.

⁽³⁴⁾ Атеней, 1858 г. № 20, стр. 246.

⁽³⁵⁾ Бантышъ-Каменскій, Слов. достоп. людей, ч. 2, стр. 134.

⁽³⁶⁾ Атеней, тамъ же стр. 249.

⁽³⁷⁾ Вѣстникъ Европы, 1803 г. ч. X, № 13, стр. 51—56.

неніе для созданія исторії. Кромѣ желанія доставать средства для нової, семейной жизни своей, Карамзина вызывало къ журнальной дѣятельности и самое время. Революція, такъ сильно его тревожившая, успокоилась; Франція была въ крѣпкихъ рукахъ первого консула; онъ только что заключилъ миръ въ Амьенѣ, который обѣщалъ продолжительное спокойствіе Европѣ, а въ Россіи молодой, страстно любимый народомъ, монархъ вызывалъ своими преобразованіями силы къ дѣйствованію; вызывалъ мысль для объясненія обществу его широкихъ плановъ.

Предъ глазами Карамзина Европа казалась опустошенною бурей (³⁸), но небо уже прояснилось. Съ началомъ нового вѣка начинается кажется новая эпоха для человѣчества; старое зло должно быть забыто. Эта тишина благопріятствуетъ мысли, и Карамзинъ, открывая свой журналъ, рѣшается внести въ него политику; въ теченіе двухъ лѣтъ изданія проводить онъ въ журналъ свои взглѣды на европейскія события того времени. Карамзинъ весь на сторонѣ порядка, власти и потому оба года его журнала исполнены поклоненія Бонапарте и нападеній на революцію, простирающіхся даже на костюмы, введенныя въ ея время (³⁹). Первый консулъ потому величъ, что онъ „умертвилъ чудовище революціи“ и политической статьи Карамзина развиваются эту идею. Здѣсь, въ этомъ историческомъ ходѣ времени и въ томъ, что оно приносить, успокаивается мысль Мелодора. Счастіе народа и человѣчества дается порядкомъ и властію, смѣнившими волненія. Революція, утвердивъ правительства, явилась такимъ образомъ благодѣтельнымъ бѣдствіемъ; теперь правительства и народы согласны.

Для насъ не столько важны политическіе взгляды на Европу Карамзина и на события времени, сколько мысль его по отношенію къ родинѣ, исторіи которой онъ скоро посвятить себя. Съ первыхъ книжекъ „Вѣстника Европы“ для читателя становится очевиднымъ, что Карамзинъ пожертвовалъ своими прежними общечеловѣческими идеалами для идеаловъ народныхъ. Въ первой статьѣ своей, въ которой определено высказывается это направление: „О любви къ отечеству и народной гордости“ (⁴⁰), онъ тре-

(³⁸) В. Е. 1802 г. № 1, стр. 66.

(³⁹) Разборъ статей Карамзина политическихъ и другихъ, помѣщенныхъ въ Вѣстникѣ Европы,—съ политической точки зренія,—см. въ статьѣ г. Пятковскаго. „Русская журналистика при Алакандре I“. Соврем. 1866 г. т. СХII, № 1. стр. 47—60.

(⁴⁰) В. Е. 1802 г. № 4, стр. 56—69.

буетъ, чтобы русской „сталь вмѣстѣ рядомъ съ другими народами и сказалъ ясно свое имя“, требуетъ самостоятельности сознанія, „гордости народной“ и тогда же иронически изображаетъ типъ русского человѣка, подражательно развитаго европейской жизнью (⁴¹). Съ этой общей точки зрѣнія, какъ бы руководительной для него, Карамзинъ переходитъ къ современному состоянію Россіи. И здѣсь главное явленіе времени „спокойствіе сердецъ“. Но Карамзинъ, обращая вниманіе на окружающее его общество, старается расшевелить это спокойствіе и сдѣлать его дѣятельною любовью къ отечеству, нападаетъ на общее стремленіе къ роскоши и мотовству и вызываетъ особенно высшій классъ на дѣйствительные подвиги: улучшеніе быта крестьянъ, заведеніе школъ, больницъ, поощреніе земледѣлія, торговли, промышленности, прорытіе каналовъ и пр. (⁴²). Просвѣщеніе являлось конечно главнымъ средствомъ для пробужденія такой дѣятельности и Карамзинъ, привѣтствуя мѣры Императора, предпринятые имъ для образованія народнаго, съ начала царствованія (⁴³), говоритъ, что это просвѣщеніе тогда только будетъ дѣятельно и принесетъ пользу странѣ, когда оно проникнетъ въ простой народъ, въ классъ землепашцевъ. При этомъ случаѣ, вспоминая образованныхъ и достаточныхъ земледѣльцевъ, видѣнныхъ имъ въ Германіи, Швейцаріи и Англіи, онъ вызываетъ дворянство русское оказать усердіе монарху и помочь ему въ дѣлѣ образованія народа. Вмѣсто безплоднаго мотовства и траты денегъ на веселую жизнь, какъ бы для того, „чтобъ опровергнуть злословіе многихъ чужестранныхъ писателей, представляющихъ наскъ эгоистами и варварами“, Карамзинъ приглашаетъ дворянъ къ устройству сельскихъ школъ и призываетъ ихъ самихъ учиться въ новыхъ университетахъ. Съ особеною радостію привѣтствуетъ онъ въ своемъ журнальѣ первого дворянин-профессора (⁴⁴), явленіе тогда неслыханное, когда „ученыхъ приходилось ожидать отъ нижнихъ классовъ гражданства“ (⁴⁵). Для увеличенія числа педагоговъ онъ приглашаетъ московскихъ дворянъ содержать на свой счетъ при университѣтѣ Московскому нѣсколько молодыхъ людей съ этойо цѣллю. Высоко цѣня науку и

(⁴¹) „Моя Исповѣдь тамъ же ч. 2, № 6, стр. 147—167.

(⁴²) „Пріятные виды, надежды и желанія вынѣшнаго времени“, тамъ же, ч. 3, стр. 314—331.

(⁴³) „О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи“. В. 1803 г. ч. 8, № 5; стр. 49—91.

(⁴⁴) Тамъ же, ч. 9, № 22 стр. 297.

(⁴⁵) „О вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей, тамъ же стр. 321.

образованіе, Карамзинъ громко высказываетъ истину: „Въ девятомъ—надеять вѣкѣ тотъ народъ можетъ быть великимъ и почтеннымъ, который благородными искусствами, литературою и науками способствуетъ успѣхамъ человѣчества въ его славномъ течениіи къ цѣли нравственного и душевнаго совершенства!“

Такимъ образомъ патріотизмъ не ослѣплялъ Карамзина; любовь къ родинѣ не была для него тупымъ консерватизмомъ и, какъ человѣкъ образованный, долго жившій за границей, онъ понималъ, чего не достаетъ ей. Но старина русская и исторія родины постепенно овладѣвали имъ. Дѣятельность его, какъ журналиста, въ оба года изданія „Вѣстника Европы“, уступаетъ дѣятельности его, какъ историка. Призваніе его, которымъ онъ навсегда завоевалъ себѣ прочное мѣсто въ исторіи отечественнаго просвѣщенія, сказывается ясно. Уже самая повѣсть, форма имъ прежде любимая, далеко уносить его отъ дѣйствительности, въ глубь историческаго прошедшаго. Въ ней уже не слышатся тѣ чувствительные тоны, которое составляли сущность „Натальи, боярской дочери“. Идея государственного единства смѣняетъ здѣсь прежнюю романическую завязку, и изображая борьбу Великаго Новгорода съ Москвою въ своей *исторической* повѣсти „Мареа Посадница“⁽⁴⁶⁾, Карамзинъ уже въ ней выражаетъ преобладающую идею своей „Исторіи“—торжество государственного начала. Безспорно, что образъ героини новгородской далекъ отъ исторіи, но Карамзинъ взялъ повидимому ее только предлогомъ для развитія своихъ государственныхъ убѣждений.

Постепенно *народное* береть въ немъ перевѣсъ надъ *человѣческимъ* и книжки „Вѣстника Европы“ свидѣтельствуютъ намъ, какъ прежняя до-Петровская Русь, на которую онъ смотрѣлъ такъ враждебно, получаетъ въ глазахъ его высокое значеніе и дѣлается предметомъ его серьезныхъ думъ и изслѣдованій. Конечно въ эти годы занятія историческія имѣли для Карамзина болѣе личный, сердечный интересъ. „Въ самомъ грустномъ расположеніи, говоритъ онъ, въ которомъ цвѣты разума и воображенія не веселятъ насъ, человѣкъ можетъ еще съ какимъ-то меланхолическимъ удовольствиемъ заниматься исторіей; тамъ все говорить о томъ, что было, и чего уже нѣть!“⁽⁴⁷⁾. Но и положительная сторона занятій русской исторіей, исключи-

⁽⁴⁶⁾ Вѣст. Евр. 1803 г. ч. 7, № 1, стр. 3-30; № 2, стр. 103-133; № 3, стр. 193-226.

⁽⁴⁷⁾ Тамъ же, 1802 г. ч. 5 № 17, стр. 46—47.

тельное обращение къ русской старинѣ — очевидны. „Должно прі учить россиянъ къ уваженію своего собственнаго, говорить онъ и не вѣрить той любви къ отечеству, которая презираеть его лѣтописи. Троицкая Лавра, съ своими историческими воспоминаніями, (48) случаи русской исторіи, которые могли бы быть предметомъ искусства (49), описание историческихъ окрестностей Москвы (50), происхожденіе тайной канцелярии (51), события царствованія Алексея Михайловича (52), извѣстія иностранныхъ писателей о русской жизни XVII вѣка, разныя стороны стариннаго быта (53) и нѣсколько другихъ мелкихъ замѣчаній исторического содержанія, свидѣтельствуютъ, что Карамзинъ вполнѣ отдался историческому изученію отечества. Для него онъ оставилъ навсегда свою литературную и журнальную дѣятельность. Глубоко сознавъ свое призваніе и чувствуя, что онъ въ состояніи посвятить всю остальную жизнь свою великому дѣлу, Карамзинъ рѣшился исключительно отдаться исторіи Россіи. Его слава какъ писателя, его таланты и искренняя любовь въ родинѣ, которая созрѣла вполнѣ въ этотъ первоцѣлъ его литературной жизни и побѣдила его прежнія космополитическая убѣжденія,— все доказывало, что онъ съ честью выполнитъ принимаемое па себя дѣло. Друзья его помогли Карамзину въ этомъ намѣреніи и въ послѣдней книжкѣ „Вѣстника Европы“, имъ изданной, напечатаны были слова Высочайшаго указа отъ 31 октября 1803 года, которымъ ему повелѣно производить ежегодное содержаніе въ 2000 р. *съ качествомъ историографа*. „Милость нашего императора, говоритъ Карамзинъ въ прощальномъ обращеніи къ читателямъ журнала, доставляетъ мнѣ способъ отнынѣ совершенно посвятить себя дѣлу важному и безъ сомнѣнія трудному: время покажетъ, могъ ли я безъ дерзости на то отважиться“.

Глубокое уединеніе кабинетнаго труда на долго скрыло Карамзина отъ общества, такъ сильно полюбившаго его литературные таланты.

(48) „Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицѣ и въ семъ монастырѣ“. Вѣстн. Евр. 1802 г. ч. 4, №№ 15, 16 и ч. 5, № 7.

(49) „О слушахъ и характерахъ въ Россійской Исторіи, которые могутъ быть предметомъ художествъ“. 1802 г. ч. 6. № 24.

(50) „Путешествіе вокругъ Москвы“ 1803 г. ч. 7. № 4.

(51) „О тайной канцелярии.“ ч. 8, № 6.

(52) „О московскомъ митежѣ въ царствованіе Алексея Михайловича“, ч. 11, № 18.

(53) „Русская Старина“ ч. 11, № 20 и ч. 12 (послѣдняя) № 21.

IV.

Послѣдній періодъ жизни Карамзина.—Труды надъ исторіей въ Москвѣ и жизнь петербургская до смерти его. (1804—1826).

Съ самаго возвращенія изъ за-границы, съ тѣхъ поръ, какъ Карамзинъ поселился въ Москвѣ и отдался исключительно литературымъ занятіямъ, на душу и умъ его все сильнѣе и сильнѣе дѣйствовало обаяніе родной старины. Въ первыхъ произведеніяхъ его того времени уже сказывается уваженіе къ прошедшему; въ немъ Карамзинъ видѣлъ своеобразіе и цѣльность, ненаходимыя въ окружавшемъ его подражательномъ мірѣ. Космополитическое увлеченіе, сопровождавшее Карамзина во время путешествія за-границу, слабѣло годъ отъ году, пока наконецъ не замѣнилось оно сознаніемъ глубокаго русскаго чувства и народной гордости. Не беремся объяснить психологически этотъ послѣдній, важный для Россіи по своему великому результату фазисъ литературной дѣятельности Карамзина, изъ которого онъ прямо перешелъ къ отечественной исторіи. Какъ созрѣла національная мысль въ душѣ Карамзина—остается для насъ тайною. Мы слишкомъ мало знаемъ его: какъ большинство русскихъ писателей, и онъ является предъ нами лицомъ официальнымъ, мы не знаемъ содержанія бесѣдъ его, незнакомы съ образомъ мыслей, съ убѣжденіями близкихъ къ нему лицъ, посреди которыхъ онъ жилъ; мы не знаемъ внутренней жизни Карамзина. Но историческимъ путемъ сознательно-народныя убѣжденія Карамзина, его глубокое уваженіе къ прошедшему отечества, которое только и можетъ быть основаніемъ вѣры въ будущее—объяснить не трудно. Карамзинъ принадлежалъ къ Екатерининскому поколѣнію, хотя и опередилъ его своимъ духовнымъ развитиемъ; онъ выросъ посреди дѣльныхъ людей того времени, слышалъ и видѣлъ ихъ и былъ окружено широкою историческою жизнью славной эпохи. Какъ ни дорого обходились народу русскому громкія побѣды „Екатерининскихъ орловъ“, какъ ни тяжело ложились на его плечи пріобрѣтенія обширныхъ пространствъ, но они открывали Россіи путь къ южнымъ морямъ и обѣщали ей близость исполненія ея исторического призванія; эти побѣды и эта слава наполняли гордымъ чувствомъ русскую грудь. Сознаніе въ сердцѣ исторического призванія страны своей одно только въ состояніи вызвать изъ родной почвы людей не дюжинныхъ. Вокругъ Карамзина было много такихъ людей; на немъ, какъ и на многихъ его молодыхъ современникахъ, горѣли послѣдніе лучи Ека-

терининского солнца и новый русский императоръ, вступившій на престолъ въ первый годъ новаго вѣка, нашелъ подлѣ себѣ не мало людей, принесшихъ честь странѣ своей и воспитанныхъ временемъ Екатерины. Съ другой стороны и историческая события европейскаго запада много способствовали къ развитію национальнаго чувства Карамзина. Глубокое потрясеніе Франціи, отзавшееся перемѣнами во всей Европѣ, но не коснувшееся настѣ, должно было раскрыть мысли, какой своеобразный міръ представляеть Россія, міръ, у котораго была своя великая и долгими страданіями купленная исторія позади, пророчившая иное будущее, несмотря на могущественный переворотъ, произведенный Петромъ. Этотъ послѣдній, съ своими незначительными результатами для болѣе глубокой мысли, невольно и давно уже вызывалъ сомнѣніе Карамзина; сомнѣніе необходимо должно было вести къ историческому изученію, къ знакомству съ тѣмъ, что было наше отечество до операций преобразователя.

Книжки издаваемаго Карамзинъ журнала наполнялись его статьями исторического содержанія; убѣжденіе въ своемъ призваніи, желаніе посвятить себя вполнѣ русской исторіи—созрѣло въ немъ окончательно и нѣтъ сомнѣнія, что онъ повѣрялъ свои планы друзьямъ. Давно близкій ему И. И. Дмитревъ, передавая это желаніе Карамзина, говоритъ, что онъ нѣсколько разъ настаивалъ и совѣтовалъ проситься въ исторіографы, такъ какъ въ качествѣ частнаго человѣка Карамзину нельзя было думать о продолжительномъ трудѣ надъ исторіей и притомъ пришлось бы отказаться отъ журнала, дававшаго ему средства для жизни (1). Уступивъ доводамъ друга, Карамзинъ выбралъ посредникомъ между собою и государемъ человѣка преданнаго наукѣ и словесности—попечителя московскаго округа М. Н. Муравьевъ, близкаго Императору. Въ концѣ сентября 1803 года онъ написалъ къ нему письмо, въ которомъ высказалъ, что русская исторія „занимаетъ всю душу его“. Сѣромно выставляя литературныя заслуги свои и ссылаясь на болѣзнь глазъ, которая не позволяетъ ему заниматься по вечерамъ журналомъ, Карамзинъ просилъ Муравьевъ доложить *при случаѣ* Императору о его „положеніи и ревностномъ желаніи написать исторію не варварскую и не постыдную для Его царствованія“. Онъ просилъ средствъ прожить пять или шесть лѣтъ и писать, что былъ бы вполнѣ доволенъ на это время жалованьемъ профес-

(1) Вглядъ стр. 82.

сара. (2). Желание Карамзина было исполнено чрезъ мѣсяцъ и онъ могъ безпрепятственно отдаться съ любовью избраннымъ имъ занятіямъ, имѣя въ качествѣ исторіографа, свободный доступъ во всѣ архивы и библиотеки государства.

Съ этихъ поръ на нѣсколько лѣтъ Карамзинъ удаляется отъ публики для уединенного труда и только въ перепискѣ съ людьми ему близкими и интересовавшимися его успѣхами, раскрывается предъ нами вся жизнь его, скрытая для мира и наполненная одною мыслию, однимъ занятіемъ. Въ одно почти время съ получениемъ званія исторіографа, измѣнилась и домашняя жизнь Карамзина. Въ январѣ 1804 года онъ женился на дочери князя Вяземскаго Екатеринѣ Андреевнѣ Колывановой. Бракъ этотъ, кромѣ семейнаго счастія, былъ во многихъ отношеніяхъ выгоденъ для Карамзина (3); онъ родилъ его, не богатаго симбирскаго дворянина, съ русской аристократіей. Подмосковная деревня Вяземскихъ Остafьево сдѣлалась постояннымъ лѣтнимъ жилищемъ Карамзина въ теченіе двѣнадцати лѣтъ (4) и здѣсь главнымъ образомъ создавалась русская исторія, посреди сельскаго уединенія.

Трудъ, предпринятый Карамзінъ, былъ тяжелый трудъ и потомству приходится удивляться, съ какимъ неизмѣннымъ терпѣніемъ и твердостю воли исторіографъ боролся, особенно въ начальѣ, съ безчисленными препятствіями, которыя зависѣли отъ жалкаго состоянія науки русской исторіи въ то время (5). Вся сила души Карамзина нужна была для того, чтобы не пасть и побѣдить препятствія. Раздумье, грусть и сомнѣніе часто находили на него, какъ на живаго человѣка, тѣмъ болѣе, что исторія была дѣломъ не одного ума его, но и души и сердца. Не разъ жалуяется онъ на свои болѣзни, на семейныя потери, на печаль отъ этихъ потеръ, которая лишаетъ его спокойствія, тогда какъ „трудъ столь необыкновенный требуетъ спокойствія и здоровья“. Не разъ и самое содержаніе первыхъ вѣковъ русской исторіи, своимъ бесплоднымъ характеромъ, заставляетъ задумываться Карамзина. „Оста-

(2) Москвитинъ 1845 г. ч. 1. № 1-й. Материалы. стр. 1—3.

(3) Атеней 1858 г. № 20, стр. 253 и № 21, стр. 343. См. примѣч. Лопгинова (216) къ запискамъ Дмитріева.

(4) Поэтическое описание Остafьевъ см. въ Собраниі стихотвореній кн. Вяземскаго, М. 1862 г. стр. 264—266. О кабинетѣ Карамзина и обѣ образѣ его жизни въ Остafьевъ см. замѣтки кн. Вяземскаго и г. Погодина въ Вѣстн. Евр. 1866 г. т. II стр. 178—180.

(5) Вѣрное, хотя и бѣглое изображеніе тогдашнаго положенія русской исторіи, сдѣлано г. Погодинымъ въ „Похвальному словѣ К-ну“, Москва вит. 1846 г. № 1, стр. 35—39.

вивъ за собою дичь и пустыни, говорить онъ, вижу впереди прекрасное и великое. Боюсь, чтобы я, какъ второй Моисей, не умеръ прежде, нежели войду туда.“ Доказательствомъ тяжелыхъ усилий Карамзина овладѣть неразработаннымъ материаломъ русской исторіи можетъ служить переписка его съ разными лицами; она исключительно посвящена предмету его занимавшему. „Не только единственное мое дѣло, но и главное удовольствіе мое есть теперь исторія“, пишетъ онъ къ Муравьеву. „Думаю, что Богъ поможетъ мнѣ совершить начатое не къ стыду вѣка“. Первымъ повѣреннымъ его усилий надъ русской исторіей былъ Муравьевъ, съ которымъ онъ переписывался до 1807 года, до времени смерти его. Ему передавалъ онъ первые, трудные шаги въ дремучемъ лѣсу русской исторіи, свою живую радость при находкѣ неизвѣстныхъ списковъ лѣтописей, свои критическія замѣчанія на ошибки предшественниковъ: Татищева, Щербатова, Болтина; это полной отчетъ объ исторической работѣ. Чрезъ посредство Муравьева Карамзинъ доставалъ также и книги и рукописи, которыхъ не было въ Москвѣ. Въ началѣ 1806 года Карамзинъ написалъ уже два тома и съ радостью говорить о томъ, что для него объяснился нѣсколько прежній мракъ, что онъ свободно переводить теперь духъ. Только борьба съ Наполеономъ, начиная съ 1805 года и указъ о милиціи 1806 года отвлекли его на время отъ исключительного занятія древней русской исторіей. „Время ли говорить, спрашивается онъ Муравьева, о мирныхъ занятіяхъ исторической музы“ и пишетъ стихи по поводу ополченія (⁶). Даже въ дружеской перепискѣ съ братомъ, онъ больше всего и охотнѣе говоритъ о своемъ трудахъ, съ которымъ слилась его жизнь и сообщаетъ напр. свое намѣреніе побывать въ Киевѣ, которое однако не было приведено въ исполненіе. Передавая свои занятія исторіей Россіи послѣ нашествія монголовъ и до Дмитрія Донского, Карамзинъ пишетъ: „Иду голою степью, но отъ времени до времени удается мнѣ находить мѣста живописныя. Исторія не романъ, ложь всегда можетъ быть красива, а истина въ простотѣ своемъ одѣяніи нравится только некоторымъ умамъ, опытнымъ и зрѣлымъ. Если Богъ дастъ, то добрые Россіяне скажутъ спасибо или мнѣ или моему праху“ (⁷). Не задолго до смерти Муравьева, съ 1806 года дѣятельнымъ корреспондентомъ Карамзина по части доставленія ему рукописныхъ источниковъ и рѣдкихъ книгъ становится

(⁶) Письма К-на къ Муравьеву. Москв. 1845. № 1 стр. 1—16.

(⁷) Атеней, 1858 г. № 22, стр. 419.

старший сынъ его первого покровителя, человѣкъ, съ которымъ онъ былъ соединенъ самою искреннею дружбою — Александръ Ивановичъ Тургеневъ. Его официальное положеніе въ Петербургѣ, образованіе и чрезвычайно развитая наклонность къ русской исторіи, доказанная изданными имъ важными историческими документами, дѣлали его драгоценнымъ помощникомъ исторіографу. Письма Карамзина къ нему исключительно посвящены библіографическимъ вопросамъ труда его (⁸); въ нихъ выражается полное увлеченіе предметомъ, полная преданность труду. „Главная моя за трудъ награда есть удовольствіе“ — пишетъ Карамзинъ своему другу и разсказываетъ свои восторги при случайной находкѣ какой-либо до тѣхъ поръ неизвѣстной лѣтописи или неизданного акта. Находка напр. Волынской или Ипатьевской лѣтописи, по собственному его признанію, лишила его сна на нѣсколько ночей. Карамзинъ весь былъ погруженъ въ свой трудъ. Въ поэтической памяти одного изъ друзей его сохранился образъ Карамзина изъ этого времени, какъ онъ являлся ему въ обществѣ близкихъ людей, въ саду московского дома И. И. Дмитріева, сгорѣвшаго во время нашествія французовъ:

„Сколь часто прохладденный
Сей тѣнью Карамзинъ,
Нашъ Ливій — Славянинъ
Какъ будто вдохновенный,
Предъ нами разрывалъ
Завѣсу лѣть минувшихъ,
И смертнымъ сномъ заснувшихъ,
Героевъ вызывалъ
Изъ гроба передъ нами!
Съ подъятыми перстами,
Со пламенемъ въ очахъ,
Подъ сѣрымъ юберрокомъ,
И въ пыльныхъ сапогахъ,
Казался онъ пророкомъ,
Открывшимъ въ небесахъ
Всѣ тайны ихъ священны“....(⁹)

Изъ глубокаго уединенія, въ которомъ Карамзинъ прожилъ шесть лѣтъ, то въ Москвѣ зимою, то лѣтомъ въ Остафьевѣ, въ

(⁸) Письма Н. М. К-на къ А. И. Тургеневу. (1816—1826) Москвит. 1855 ч. 1, № 1, стр. 77—106 и ч. 6. № 23—25, стр. 180—190.

(⁹) Сочиненія В. А. Жуковскаго т. XII, стр. 97.

началѣ 1810 года онъ становится близкимъ и любимымъ гостемъ царской семьи. Великая княжна Екатерина Павловна, впослѣдствіи королева Виртембергская, вышла въ 1809 году за герцога Георга Ольденбургскаго. Мужъ ея былъ назначенъ скоро послѣ того генераль-губернаторомъ въ Тверь и молодые супруги поселились здѣсь въ особомъ, для нихъ выстроенному дворцѣ. Мы не знаемъ, какимъ образомъ Карамзинъ сдѣлался близокъ къ Великой Княгинѣ, но письма ея (10) свидѣтельствуютъ о глубокомъ уваженіи къ писателю и участіи, какое она принимала въ его исторіи. Письма Великой Княгини писаны по французски, но изрѣдка она принимается и за русскія, очевидно въ угоду Карамзину, котораго она называетъ своимъ учителемъ. Для нея Карамзинъ *l'homme sensible, l'homme vertueux, мужъ, посвятившій дни свои единствен-но для пользы отечества*. Письма Великой Княгини показываютъ, что несмотря на плохое знаніе русскаго языка, она любила Россію и гордилась своею родиною, особенно въ концѣ славнаго 1812 года. Она была знакома съ литературой и исторіей Россіи, которыя были ей дороги и на чужбинѣ, откуда съ досадою высказывала разъ Карамзину, что тамъ интересуются не исторіею нашей, не литературою, а современнымъ состояніемъ. Карамзинъ доставлялъ ей любопытныя книги по новой исторіи Россіи, и послалъ въ Штутгартъ восемь томовъ Исторіи Государства Россійского.

Въ первый разъ Карамзинъ пріѣхалъ къ Екатеринѣ Павловнѣ въ Тверь въ началѣ февраля 1810 года и пробылъ тамъ шесть дней въ самомъ близкомъ обществѣ Великой Княгини, читая ей и В. Ж. Константину Павловичу по вечерамъ свою исторію. Вскорѣ Карамзинъ былъ снова два раза въ Твери и въ послѣдній разъ съ семьею. Онъ былъ въ восторгѣ отъ ласковаго приема Великой Княгини и кажется ея уваженіе къ Карамзину, удовольствіе слушать его исторію древней Руси и говорить съ нимъ о современномъ состояніи отечества были поводомъ съ ея стороны рекомендовать Карамзина брату Императору. Чрезъ посредство Великой Княгини Карамзинъ сдѣлался извѣстенъ Александру I, которому онъ былъ только мимоходомъ представленъ въ 1810 году въ Оружейной Палатѣ въ Москвѣ, и вскорѣ послѣ этого свиданія, по ходатайству друга своего Дмитриева, тогда ministra юстиціи, былъ награжденъ орденомъ св. Владимира 3 степени за литературные труды. Эта первая награда, казавшаяся въ ту пору

(10) Неизд. сочиненія и переписка Н. М. К-на, стр. 85—123.

неслыханною новостью, естественно должна была произвести за-
вистниковъ, враговъ писателю. Однимъ изъ нихъ, попечителемъ
Московскаго учебнаго округа Голенищевымъ-Кутузовымъ былъ по-
данъ тогда же формальный доносъ на Карамзина министру на-
роднаго просвѣщенія графу Разумовскому, доказывающій только
злобу и полное невѣжество доносчика. „Ревниу о единомъ благѣ,
стремясь къ единой цѣли, говорилъ Кутузовъ, не могу равнодуш-
но глядѣть на распространяющееся у насъ уваженіе къ сочине-
ніямъ г. Карамзина; вы знаете, что они исполнены вольнодум-
ческаго и якобинскаго яда... Государь не знаетъ, какой гибельный
ядъ въ сочиненіяхъ Карамзина кроется.... Карамзинъ явно пропо-
вѣдуетъ безбожіе и безнравствіе. Не орденъ ему надо бы дать,
давно бы пора его запереть, не хвалить его сочиненія, а надо бы
ихъ „сжечь“ и проч. (11). Говорятъ, что тотъ же Кутузовъ за
десять лѣтъ прежде подавалъ такого же содерянія доносъ на
Карамзина Императору Павлу, но Растворинъ заступился за об-
виняемаго и спасъ его. Странная судьба русскихъ писателей! Какъ
часто лучше изъ нихъ подвергаются обвиненіямъ современниковъ
для того, чтобы страдать отъ совершенно противоположныхъ уп-
рековъ потомства.

Екатерина Павловна говорила брату Императору о Карамзинѣ,
о его авторскомъ талантѣ и гражданскомъ достоинствѣ инѣнія.
Въ 1811 году, когда значеніе при дворѣ Сперанскаго стало ко-
лебаться, когда начали тайно слѣдить за нимъ, Императоръ вы-
сказывалъ Дмитріеву желаніе, не отрывая Карамзина отъ исто-
рии, замѣнить имъ Сперанскаго для письменной работы при ка-
бинетѣ и просилъ его написать къ Карамзину о желаніи видѣть
его въ Твери у сестры (12). Это свиданіе, приблизившее Карам-
зина къ государю и сдѣлавшее ихъ друзьями, происходило въ на-
чалѣ апрѣля 1811 года. Четыре дня сряду Карамзинъ обѣдалъ
съ Императоромъ у Великой Княгини и читалъ отрывки изъ исто-
рии и свою „Записку о древней и новой Россіи въ ея поли-
тическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ“. Записка эта, къ сожа-
лѣнію до сихъ поръ извѣстная вполнѣ только въ рукописи, была
взята Императоромъ съ собою и никто не зналъ о ея существова-
ніи до самой смерти Карамзина (13) а до свѣдѣнія послѣдующа-
го Государа содеряніе ея дошло только въ 1852 году.

(11) Чтенія Общ. Ист. и Др. 1858 г. ч. 2, стр. 185—186 (смѣсь).

(12) Взглядъ н. м. ж. стр. 195.

(13) Отрывки изъ нея, касающіеся древней Россіи, въ первый разъ были напеч-

„Записка о древней и новой Россіи“ представляетъ, послѣ исторіи, самое замѣчательное произведеніе Карамзина его послѣдняго, зреаго періода литературной дѣятельности, тѣмъ особенно, что отрываясь отъ прошедшаго, въ которое онъ исключительно былъ погруженъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, Карамзинъ выказываетъ здѣсь свой взглядъ на современное состояніе Россіи и въ первый разъ становится лицомъ къ лицу съ дѣйствительностю. Съ глубокимъ чувствомъ гражданина, оставалась во всей запискѣ вѣрнымъ эпиграфу, взятыму имъ изъ псалма „и есть листи въ языцѣ моемъ“, Карамзинъ хочетъ говорить монарху одну истину, какъ она представляется его уму и душѣ, какъ она давно созрѣла въ его убѣжденіяхъ, воспитанная внимательнымъ и глубокимъ изученіемъ прошедшаго родины. Современное состояніе Россіи придавало особый великий смыслъ словамъ Карамзина, обращеннымъ не къ праздному и увлекающемуся минутнымъ обществу, а къ самодержавному монарху, въ рукахъ и волѣ котораго была не только его единичная судьба, но и судьба и будущее его родины. Карамзинъ, обращаясь въ своей „Запискѣ“ къ императору, въ которомъ для него воплощенъ былъ цѣлый народъ, думалъ править будущимъ страны, хотѣлъ измѣнить его по своему, какъ казалось лучше его патріотическому чувству и историческому пониманію.

Исходя изъ мысли, что „настоящее бываетъ слѣдствіемъ прошедшаго“, Карамзинъ дѣлаетъ общій обзоръ древней русской исторіи, представляя выводы изъ того, что изложено имъ въ „Исторіи Государства Россійскаго“. Само собой разумѣется, что главное господствующее начало въ древней Руси есть государственное и тѣ времена лучшія, по мнѣнію историка, гдѣ оно торжествуетъ. Такъ времена удѣльныя, когда междусобія терзали Русланъ и народъ утратилъ почтеніе къ князьямъ, кажутся бѣдственными историку. Проходя печальное время монголовъ, Карамзинъ съ любовью останавливается на *собирании земли русской*, центромъ котораго дѣлается Москва. До Годунова — лучшее время исторического развитія Россіи и только при немъ, при этомъ „татаринѣ по происхожденію и Кромвелѣ умомъ“ начинаетъ смягчаться самодержавіе, но за то тогда же ослабѣваетъ и нравственное могущество царя. Послѣ грозы и разладицы смутнаго времени, наступаетъ господство

чатаны въ Современникѣ 1837 г. т. V. стр. 89—112 и перепечатаны нѣсколько полнѣе въ Исторіи Г. Р. изд. Эйнерлинга, т. III, стр. XXXIX—XLVII. Г. Лонгиноръ изложилъ довольно подробно ея содержаніе въ статьѣ своей „Графъ Сперанскій“ Русск. Вѣсти. 1859 г. т. XXIII, стр. 535—547.

дома Романовыхъ, благодѣтельное для Россіи, способствующее необходимому сближенію русскихъ съ Европою. Тогда измѣненіе Руси „сдѣлалось постепенно, тихо, едва замѣтно, какъ естественное возрастаніе, безъ порывовъ и насилия. Мы заимствовали, но какъ бы *нехотя*, примѣнія все къ нашему и новое соединяя съ старымъ“. Но явился Петръ. „Онъ сквозь бурю и волны устремился къ своей цѣли: достигъ и все перемѣнилось“. Съ этого времени изложеніе Карамзина переходить въ разборъ и осужденіе новой Россіи и сколько доблестей, славы, русскихъ началъ видѣть онъ въ древней, до-Петровской Руси, столько слабости, безславія и эфемернаго подражанія иноземному видитъ онъ въ новой. Преклоняясь предъ Петромъ, какъ человѣкомъ великимъ, онъ съ горечью обвиняетъ его за насильственный переломъ естественного развитія Россіи; перебирая и осуждая одно за другимъ дѣла его, онъ забываетъ, въ жару своихъ обвиненій, что дѣло Петра своимъ появлениемъ въ русскую жизнь и торжествомъ своимъ обязано именно тому началу, которое было такъ благодѣтельно, съ точки зрѣнія историка, для древней Россіи. Проходя коротко время первыхъ ватъдниковъ Петра, Карамзинъ останавливается дольше на царствованіяхъ Елизаветы и Екатерины и весьма вѣрно показываетъ ихъ хорошія и дурныя стороны.

Главная и любопытнѣйшая часть „Записки“ Карамзина имѣть предметомъ современность, послѣдніе десять лѣтъ царствованія Александра I. Руководствуясь уваженіемъ къ истинѣ, любовью къ отечеству и монарху, Карамзинъ хочетъ сказать то, что ему кажется справедливымъ и то „что нѣкогда скажетъ исторія“. Эта часть записки Карамзина представляетъ подробный обзоръ разнообразныхъ мѣръ и преобразованій, которыми такъ богато было начало царствованія, мѣръ, возбужденныхъ либеральными любимицами императора, молодыми друзьями его и гдѣ главнымъ исполнителемъ и организаторомъ являлся предпріимчивый, ловкий и самовластный Сперанскій. Какъ внѣшнюю политику того времени, доведшую Россію до униженія и безденежья, такъ и внутреннюю, съ ея слѣпымъ стремленіемъ къ регламентациіи жизни, съ ея дѣтскимъ презрѣніемъ къ исторіи, Карамзинъ равно осуждаетъ.

Подобно цѣлой партіи, сильной въ то время и къ которой принадлежала Москва, имѣя въ главѣ рѣзкаго и умнаго Растанчина, близкаго къ Карамзину, историкъ является консерваторомъ

и недовольный нововведеніями, онъ согласенъ скорѣе помириться съ старымъ зломъ, уже извѣстнымъ, чѣмъ съ реформою его. Мало въ современныхъ мѣрахъ и преобразованіяхъ возбуждаетъ уваженіе Карамзина; настоящіе взглѣды его далеки отъ тѣхъ, какіе онъ прежде высказывалъ въ одѣ на восшествіе императора Александра или въ статьяхъ „Вѣстника Европы“. Карамзинъ нападаетъ на дурное устройство войска, на открытие новыхъ университетовъ при недостаточности первоначального образованія, на созданіе Сперанскаго—указъ объ экзаменахъ на чины, на запрещеніе помѣщикамъ торговать рекрутами, на намѣреніе правительства освободить крестьянъ, на разстройство финансъ имперіи, поведшее къ увеличенію налоговъ, на жалкія попытки уложенія, которыя привели только къ переводу Наполеонова кодекса и т. д. Не входя въ подробности частностей этой любопытной записки Карамзина, скажемъ, что результатомъ его обзора современного состоянія Россіи было убѣжденіе, что правительство заблуждалось въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ. Врагъ формъ и всякой внѣшней регламентаціи и, какъ историкъ, уважающій жизнь, Карамзинъ не годуетъ на новыя учрежденія и полагаетъ, что спасеніе Россіи зависитъ собственно отъ выбора достойныхъ людей и этихъ достойныхъ людей, преимущественно въ начальники губерній, правительство должно искать въ сословіи потомственныхъ дворянъ, въ „сословіи отборныхъ своихъ слугъ“, собранія которыхъ самъ государь долженъ иногда почтить своимъ присутствіемъ. Наравнѣ съ дворянствомъ, Карамзинъ указываетъ необходимость возвышенія духовенства. Выставляя лекарство для каждого зла, имъ указанного и разобранного, Карамзинъ думаетъ, что только пріостановкою широко-задуманныхъ, но трудно выполнимыхъ нововведеній, уваженіемъ людей больше формъ, строгостю къ преступленіямъ, бережливостю въ финансахъ и проч. можно достигнуть будущаго счастія Россіи. „Любя отечество, любя монарха, я говорилъ искренно, оканчиваетъ записку свою Карамзинъ: Возвращаюсь въ безмолвіе подданнаго, съ сердцемъ чистымъ, моля Всевышнаго, да блудетъ царя и царство Россійское!“

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе до сихъ поръ не изданной записки Карамзина, слова и убѣжденія которой очень часто приводились въ обществѣ въ подтвержденіе взглядовъ партіи. Мы не имѣемъ возможности входить въ разсмотрѣніе справедливости мыслей Карамзина и повѣрять ихъ съ явленіями окружающей его государственной жизни Россіи. Записка Карамзина имѣеть мѣсто *

въ его біографії, какъ доказательство, что историкъ, занимаясь прошедшимъ, былъ не чуждъ вопросовъ времени и живо, сознательно, съ глубокимъ чувствомъ понималъ, чего недостаетъ его родинѣ, гдѣ болѣзни ея и чѣмъ могутъ быть излечимы онъ. Изъ содерянія записки видно, что Карамзинъ былъ консерваторъ, но консерватизмъ его не былъ безсознательнымъ противодѣйствіемъ. Основы и причины его консерватизма были гораздо глубже. Карамзинъ былъ *вообще* правъ, потому что въ выводахъ своихъ опирался на исторію прошлаго. Больше другихъ его современниковъ, увлеченныхъ легкостю дѣлать бумажные опыты надъ жизнью народа, какъ историкъ, онъ уважалъ и цѣнилъ эту жизнь и понималъ только то крѣпкимъ и прочнымъ въ ней, что выросло изъ нея самой, а не набросано сверху творчески самовластною рукою чиновника администратора, воображающаго себя Пигмаліономъ передъ бездушною статуею страны. Время и исторія показали, въ чемъ онъ ошибался, прочно ли было то, во что онъ вѣровалъ, поддержало ли его убѣжденія то, на что надѣялся, подобно тому, какъ тоже самое время безвозвратно унесло въ вѣчность и многія созданія его противниковъ. Не забудемъ того великаго, полнаго трепетнымъ ожиданіемъ для страны, времени, когда читалась Карамзиной записка его Императору. Тяжелыя войны съ Наполеономъ отняли у насъ множество молодыхъ силъ изъ народа, унесли наши деньги и не дали намъ ничего, кроме пустынныхъ степей Бессарабіи и униженія вслѣдъ за Тильзитскимъ миромъ. На далекомъ Западѣ подымалась грозовая туча двѣнадцатаго года и тревожное сердце людей, выросшихъ въ блестящихъ преданіяхъ Екатерининскаго вѣка, созревшихъ въ сознаніи историческаго призванія родины, невольно задавало мучительные вопросы времени и странѣ. Отъ царя и отъ народа нужны были не одни материальные жертвы и усилия, а нравственное сознаніе и чувство любви къ родинѣ. Карамзинъ, какъ и нѣкоторые другие представители „московской“ партіи, какъ и близкій ему Растопчинъ, сдѣлавшійся скоро столь популярнымъ, могъ предчувствовать собиравшуюся грозу лучше другихъ. Въ эти часы, переживаемые страною въ великую эпоху своего существованія, Карамзинъ читалъ свою записку Александру I. Тайна скрыла отъ насъ то впечатлѣніе, какое произвела искренняя и смѣлая рѣчь патріота-историка на сердце Царя, съ какимъ чувствомъ „Владыка Сѣвера“ приготовляясь къ роковой и неизбѣжной борьбѣ съ „Владыкою Запада“, внималъ голосу жизни изъ устъ Карамзина и узнавалъ современное состоя-

нів своей имперіи съ другой точки зрењія, нежели прывыкъ онъ видѣть въ заявленіяхъ петербургскихъ реформаторовъ. Можетъ быть Государь оцѣнилъ гражданское мужество Карамзина; по крайней мѣрѣ, прощаюсь съ нимъ, онъ звалъ его въ Петербургъ и предлагалъ жить съ семьею въ Аничковскомъ дворцѣ. Можетъ быть и ссылка Сперанского, главнаго творца реформъ, имѣла нѣкоторую связь съ „Запискою“.

„Безмолвіе подданнаго“, посвященное трудамъ надъ русской исторіей, нарушено было бурею двѣнадцатаго года. Въ самый день Вородинскаго сраженія, 27 августа, Карамзинъ отправилъ жену свою съ дѣтьми въ Ярославль, а самъ рѣшился остаться въ Москвѣ, въ домѣ главнокомандующаго графа Растворчина, ожидая послѣдней минуты. „Душъ моей противна мысль быть бѣглецомъ“, писалъ онъ къ брату своему (14) и только на канунѣ того дня, въ который французы заняли Москву, онъ выѣхалъ съ П. А. Вяземскимъ въ Ярославль, откуда вмѣстѣ съ семействомъ очень скоро перебрался въ Нижній Новгородъ. Здѣсь съ другими московскими „изгнанниками“ Карамзинъ прожилъ до мая 1813 года, скорбя объ отечествѣ, наблюдалъ за ходомъ событий и ожидая возможности воротиться въ Москву. Безъ матеріаловъ и пособій, ему нельзя было думать о продолженіи насильственно прерваннаго труда и „несносная праздность“ мучила его. Въ тяжеломъ раздумыи, Карамзинъ то собирался вѣхать въ Петербургъ для продолженія исторій, то мечталъ идти въ ополченіе но дѣло обошлось и безъ меча исторіографскаго (15) Первые побѣды русскихъ вызвали только недовѣріе съ его стороны. „Французы истребляются рукою неба, а не нашимъ умомъ и мужествомъ“, писалъ онъ изъ Нижняго (16).

Только въ маѣ воротился Карамзинъ въ подмосковную деревню Вяземскихъ, въ печальномъ настроеніи духа и отъ бѣдствій родины и отъ разстройства собственной жизни. Вся библіотека его сгорѣла въ Москвѣ; спаслись только немногія книги, которыхъ были въ Остафьевѣ; особенно тяжела была для Карамзина гибель богатой историческій библіотеки графа Мусина-Пушкина, рукописи которой составляли для него главные источники. Съ грустію смотрѣлъ онъ на развалины любимой имъ Москвы. „C'est le vrai sÃ©jour de la mÃ©lancolie, пишетъ онъ къ В. К. Екатеринѣ Павловнѣ. Aussi je n'y promène volontiers, souvent au milieu de la

(14) Атеней 1858 г. ч. 3, стр. 485.

(15) Русск. Арх. 1866 г. стр. 230.

(16) Атеней 1858, ч. 3, стр. 588.

nuit, quand les rayons de la lune tombent sur les squelettes de ces palais jadis si magnifiques, et qui devastés par la flamme, ont l'air des vestibules de la mort. Plus de fêtes, plus de parures, plus de superbes équipages“ (17).

Спокойствие духа и возможность работать воротились къ Карамзину вмѣстѣ съ ходомъ событий. Для него настали лучшіе дни. Побѣды русскихъ за границею, паденіе Наполеона, Парижскій миръ, всѣ эти славныя события, которыми русскіе заплатили за сожженную Москву и тяжелыя испытанія народной войны должны были снова оживить его душу. Въ ожиданіи „державнаго умортвителя Европы“, возвращающагося въ Россію, Карамзинъ написалъ послѣдніе стихи свои, посвятивъ ихъ жителямъ Москвы (18). Работа пошла по прежнему и снова со всѣхъ сторонъ собирается онъ материалы для исторіи и думаетъ скорѣе кончить ее, жалуясь на слабость приближающейся старости, „не столько отъ лѣтъ, сколько отъ грусти“.

Карамзинъ дописывалъ исторію Грознаго и ожидалъ возвращенія Императора Александра въ Петербургъ, чтобы лично представить ему написанное. Никогда такъ кстати не могло быть появленіе его исторіи, какъ въ эту пору славы и торжества русскаго имени. Карамзинъ, кажется, самъ сознавалъ это.

Въ началѣ 1816 года Карамзинъ ъездилъ одинъ въ Петербургъ съ „запасомъ терпѣнія, уничиженія, нищеты духа“ по его словамъ (19) и представилъ Императору первые восемь томовъ исторіи. Пріемъ, сдѣланный ему Государемъ и двумя Императрицами, произвелъ сильное впечатлѣніе на Петербургское общество. Государь пожаловалъ Карамзину чинъ статскаго совѣтника и звѣзду Анны 1-й степени, чему не было прежде примѣровъ въ такомъ чинѣ. Ему дозволено было печатать безъ цензуры, даны деньги на изданіе и предоставлены въ полное распоряженіе всѣ экземпляры. Въ маѣ долженъ былъ Карамзинъ переѣхать въ сѣверную столицу и жить въ любимомъ Императоромъ Царскомъ Селѣ. Любопытно, что не смотря на Высочайшее повелѣніе печатать Карамзину безъ цензуры, тогдашній дежурный генералъ Закревскій пріостановилъ печатаніе, требуя цензурнаго дозволенія и Карамзинъ долженъ былъ жаловаться князю Голицыну (20).

(17) Неиздан. сочин. стр. 114.

(18) Сочин. т. I, стр. 238—254 въ Москвит. 1852 г. т. 2, Науки, стр. 61.

(19) Письма К-на къ Малиновскому М. 1860 г. стр. 6.

(20) Историческая свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи, Спб. 1862 г. стр. 32.

Послѣ тридцатилѣтнихъ уединенныхъ трудовъ надъ исторіею, Карамзинъ вдругъ очутился въ новомъ, непривычномъ для него свѣтѣ, съ незнакомыми ему интересами мимолетнаго значенія. Не смотря на то, что въ Петербургѣ у него было много литературныхъ враговъ, въ главѣ которыхъ стоялъ извѣстный старовѣръ Шишковъ, тамъ были у него также искреннѣе, преданные друзья, образовавшіе, въ противоположность старой литературной партіи, представляемой членами „Бесѣды русскаго слова“, свое общество съ литературно-комическимъ направленіемъ, извѣстное подъ именемъ „Арзамаса“. Въ немъ принимали дѣятельное участіе лица, прославившія себя потомъ въ мірѣ литературномъ и административномъ: Жуковскій, Тургеневы, Блудовъ, Дацковъ, Батюшковъ, Уваровъ и нѣкоторые другіе. Карамзинъ былъ принятъ радушно всѣми партіями. Даже Шишковъ сердечно полюбилъ его. Въ аристократическихъ гостиныхъ Петербурга читалъ онъ на первыхъ порахъ отрывки печатавшейся исторіи и съ добродушно улыбкою принималъ спавшіяся на него похвалы (⁽²¹⁾). Карамзинъ не потерялся въ этомъ новомъ мірѣ. Обласканный Государемъ и Императрицами, частный гость у нихъ, онъ не искалъ никакихъ связей, не желалъ составить себѣ значенія въ свѣтѣ и умѣль создать и здѣсь тихое уединеніе, „особнякъ“, какъ говорилъ онъ, посвященное продолженію исторического труда, семейству и немногимъ избраннымъ друзьямъ, которые любили уединяться въ свѣтлый міръ Карамзина отъ шума петербургскаго свѣта. По прежнему хлоночетъ онъ объ источникахъ и пособіяхъ для своего труда и этимъ заботамъ посвящена дѣятельная, длившаяся до самой смерти его, переписка съ начальникомъ Московскаго Архива А. Ф. Малиновскимъ. Здѣсь были самые дорогіе интересы Карамзина и, если вокругъ его, человѣка близкаго къ Государю и часто разрѣшались вопросы современной политики, то Карамзинъ былъ чуждъ ихъ, далекъ отъ современной политики и равнодушно, даже съ презрѣніемъ смотрѣлъ на конституціонныя попытки, которыми была полна тогда Европа. „Сапожники, портные хотятъ быть законодателями, пишетъ онъ къ брату (⁽²²⁾), особенно въ ученой нѣмецкой землѣ. Покойная французская революція оставила сѣмя, какъ саранча: изъ него вылѣзаютъ гадкія насѣкомыя.... Впрочемъ будетъ, чѣму быть надобно по закону вѣчной премудрости“. Одно

(⁽²¹⁾) Воспоминанія о Н. М. К-вѣ (Стурдзы). Москвит. 1846 г. ч. V, № 9 и 10, стр. 145—154.

(⁽²²⁾) Атеней, 1858 г. № 26, стр. 655.

сожалѣніе объ оставленной имъ Москвѣ и постоянное желаніе поселиться въ ней было сильно въ Карамзинѣ. Къ ней привязывали его „милые, и живые и мертвые“. Петербургъ не нравился ему; онъ чувствовалъ, „что не созданъ для здѣшней жизни“.

„Исторія Государства Россійскаго“ явилась въ февралѣ 1818 года. Успѣхъ ея былъ громадный и неслыханный до того времени: въ одинъ мѣсяцъ разошлось 3000 экземпляровъ и въ первый разъ все свѣтское общество Петербурга не читало ничего кромѣ родной исторіи. „Всѣ, даже свѣтскія женщины, говорить въ своихъ запискахъ Пушкинъ⁽²³⁾, бросились читать исторію своего отечества, дотолѣ имъ неизвѣстную. Она была для нихъ новыемъ открытиемъ. Древняя Россія, казалось, найдена Карамзинымъ, какъ Америка Коломбомъ. Нѣсколько времени ни о чёмъ иномъ не говорили“. Пушкинъ передаетъ также всю нелѣпость тогдашнихъ свѣтскихъ сужденій о великомъ труда Карамзина и совершиенно справедливо замѣчаетъ, что не было въ то время въ Россіи ни одного человѣка, который бы въ состояніи оцѣнить трудъ Карамзина, его неутомимое прилежаніе и огромную ученость, блистательно доказанную въ его безчисленныхъ примѣчаніяхъ. Только „молодые якобинцы, прибавляетъ Пушкинъ, негодовали на исторіографа за его умѣренность; они забывали, что Карамзинъ (который, впрочемъ, былъ убѣжденъ въ необходимости для Россіи самодержавія, вѣнѣкоего нѣть, или по крайней мѣрѣ долго, долго не будетъ для нея безопасности), печаталъ исторію свою въ Россіи; что Государь, освободивъ его отъ цензуры, симъ знакомъ довѣренности, нѣкоторымъ образомъ, полагалъ на Карамзина обязанность всевозможной скромности и умѣренности. Онъ разъезжалъ со всему вѣрностю историка, онъ вездѣ ссылался на источники; чегожъ болѣе требовать было отъ историка? Повторяю, что „Исторія Государства Россійскаго“ есть не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка“. Къ этому отзыву Пушкина, любопытному какъ сужденіе современника, мы можемъ прибавить только то, что самъ онъ принадлежалъ къ числу „молодыхъ якобинцевъ“ и упрекалъ исторію Карамзина въ томъ, чего она не могла дать.

Время давно уничтожило страстный и несправедливый взглядъ современниковъ, искающихъ въ исторіи Карамзина разрѣшенія волнующихъ ихъ вопросовъ и не умѣвшихъ понять и оцѣнить въ ней

⁽²³⁾ Сочин. т. V, стр. 7—8.

то, что было въ ней прочного, что перешло въ наслѣдіе потомству. Трудъ Карамзина давно уже оцѣненъ русскою историческою критикою и останется навсегда памятникомъ самоотверженаго труда и глубокой науки нашего великаго историка. Здѣсь, въ литературной биографіи его, неумѣстна подробная оцѣнка „Исторіи Государства Россійскаго“ и мы чувствуемъ себя не въ силахъ рѣшиться на нее; но въ общемъ очеркѣ мы обязаны сказать объ ея историко-литературномъ значеніи. Это значеніе „исторіи“ Карамзина раскрывается во времени, какъ значеніе всякаго литературнаго труда. Умѣя поставить писателя въ тѣ условія, въ которыхъ онъ находился, мы лучше поймемъ и оцѣнимъ его. Къ сожалѣнію мы такъ мало жили умственнюю жизнью, такъ мало были ей обязаны, такъ быстро переходили отъ одного вліянія къ другому, что великое созданіе Карамзина потерялось въ перемѣнчивой волнѣ миѳінія, выражавшаго не дѣйствительную, а воображаемую жизнь общества. Извѣстно, что едва только Карамзинъ сошелъ въ могилу, какъ Полевой, недовольный его „государственную“ точкою зрѣнія, объявлять свою исторію русскаго „народа“; увлеченье Полеваго смѣнилось новымъ и такъ далѣе. Не было времени исторіи Карамзина получить то значеніе, которое принадлежитъ ей по историческому праву и по достоинству; не было времени русскимъ людямъ остановиться, вглядѣться въ этотъ трудъ и на долго оставаться подъ впечатлѣніями его, чтобы проникнуться взглядомъ и убѣжденіями Карамзина. Русскія поколѣнія не успѣли воспитаться на историческомъ трудѣ Карамзина; образованіе такъ эфемерно у насъ, что въ нашей скроспѣлой наукѣ не можетъ быть такого уваженія къ ея прошлому, какъ въ наукѣ, давно пустившей глубокіе корни въ жизнь страны. Намъ не дождаться того, чтобы въ жизни русской Карамзинъ получилъ хоть такое же значеніе, какое для англичанъ имѣютъ историки прошлаго вѣка: Юмъ, Гибонъ, Робертсонъ.... Но не Карамзинъ виновать въ этомъ.

Пусть на трудѣ его лежитъ печать общихъ недостатковъ господствовавшей тогда теоріи, пусть онъ понимаетъ исторію такъ какъ понимали ее въ его время, но прежде всего отдадимъ справедливость Карамзину за его громадное, неутомимое трудолюбіе, крупицами которого жили многіе изъ его не признанныхъ наслѣдниковъ. Исторія Карамзина есть памятникъ его эпохи и результатъ тяжелыхъ усилий страны во время двѣнадцатаго года. Весь пыль тогдашняго патріотизма, вся справедливая гордость русскаго человѣка, послѣ освобожденія и умиротворенія Европы силою русскою, все

обожаніе народа къ Царю-Агамемнону перешли въ душу Карамзина и вылились въ его исторіи. Считая исторію, „священною книгою народовъ“, несмотря на то, что онъ давно побѣдилъ въ себѣ космополитической убѣжденія, Карамзинъ все таки ищетъ въ лѣтописяхъ Россіи *достоинства общаго*, которое было уже завоевано русскими въ современной исторіи и хочетъ доказать, что „нѣкоторые случаи, картины, характеры нашей исторіи любопытны не менѣе древнихъ“; онъ ищетъ въ русской исторіи *мыслей для прагматика, красоты для живописца*; онъ старается оправдать въ ней *скучное и утомительное*. Что иное, какъ не глубокая любовь къ странѣ своей создала этотъ взглядъ Карамзина и желаніе, въ виду современной славы Россіи, написать достойную времени исторію, доказавъ, что и прошедшее Руси не безцѣльно и ничтожно, а исполнено глубокаго содержанія не для однихъ русскихъ. Изъ этого убѣжденія Карамзина можно объяснить и его художественность, видную въ желаніи дать рельефъ тѣнямъ прошлаго и сдѣлать изъ нихъ оживленныя фигуры; отсюда и краски Карамзинского слога. Глубокою искренностью звучать послѣднія, заключительныя слова его введенія: „Мы одно любимъ, одного желаемъ: любимъ отечество, желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы; желаемъ да не измѣнится никогда твердое основаніе нашего величія; да правила мудраго самодержавія и святой вѣры болѣе и болѣе укрѣпляютъ союзъ частей; да цвѣтетъ Россія... по крайней мѣрѣ долго, долго, если на землѣ нѣть ничего бессмертнаго, кроме души человѣческой!“ Никто не заподозритъ въ Карамзинѣ этой искренней любви къ родинѣ и въ устахъ его она была не фразою оды, а сознательнымъ чувствомъ гражданина, созрѣвшимъ въ медленномъ и упорномъ изученіи бытописаній Россіи.

Съ переѣзда Карамзина въ Петербургъ, значеніе и содержаніе историческаго труда его, глубокое знаніе Россіи и искрення убѣжденія, въ соединеніи съ честнымъ и неискателнымъ характеромъ, сдѣлали его близкимъ лицемъ къ Императору Александру; особенно связь ихъ скрѣпилась послѣ первого лѣта, проведенного Карамзинами въ Царскомъ Селѣ, любимомъ государемъ, въ „китайскомъ домикѣ“, не далеко отъ дворца. Рѣ тѣнистыхъ аллеяхъ царскосельскаго парка, во время утреннихъ прогулокъ, происходили бесѣды Карамзина съ Императоромъ. Здѣсь, года за четыре до смерти Карамзина, посѣтилъ его другъ молодости И. И. Дмитревъ и рассказалъ образъ его тогдашней жизни. Радуясь славою и семейнымъ счастіемъ Карамзина, онъ вспоминалъ одна-

ко съ грустю старые московские годы, когда оба друга были неразлучны и бесѣдовали только о литературѣ, а теперь разговоръ Карамзина былъ полонъ новой жизни, окружающей его: дворомъ и петербургскими вѣстями (²⁴). Александръ дружески былъ расположены къ Карамзину и его семейству; онъ старался устроить жизнь ихъ въ Царскомъ, со всѣмъ гостепріимствомъ царственнаго хозяина, запросто бывалъ у него и исполналъ желанія Карамзина, которыи были однако весьма ограничены и доказывали, что историкъ не желалъ имѣть никакого вліянія, ничего не искалъ для себя, а развѣ старался помочь друзьямъ или роднымъ. Послѣдніе томы исторіи были написаны на глазахъ у Александра; онъ, не смотря на частые разѣзы свои по Европѣ, успѣвалъ читать написанное Карамзиномъ и говорилъ съ нимъ о его трудѣ, что доказывается дружескими записками къ Карамзину (²⁵). Но не одно историческое прошлое было предметомъ бесѣдъ Карамзина съ Александромъ. Извѣстенъ патріотический подвигъ Карамзина, озаглавленный имъ „мнѣніе русскаго гражданина“, написанный въ „волненіи души“ въ 1819 году, въ то время, когда Императоръ, подъ вліяніемъ старыхъ дружескихъ привязанностей, думалъ возстановить независимую Польшу. Всю силу страстнаго краснорѣчія, опираясь только на любовь къ отечеству и не думая о томъ, что онъ поражаетъ глубоко сердце Императора, съ пророческимъ предвѣдѣніемъ, возсталъ Карамзинъ противъ наимѣренія Государя. „Возстановленіе Польши, говорилъ онъ, будетъ паденіемъ Россіи, или сыновья наши обагрять своею кровью землю польскую и снова возьмутъ штурмомъ Прагу“ (²⁶). Повидимому записка и убѣжденія Карамзина не произвели сначала вліянія на Александра; бесѣда ихъ о Польшѣ длилась далеко за полночь и Карамзинъ, сознавая, что онъ разстался съ Государемъ душою и кажется на вѣки, отдаетъ себя на судъ потомства: „достоинъ ли я быть имени гражданина россійскаго? Любиль ли отечество“ спрашивается онъ. События послѣдующей исторіи оправдали взглядъ Карамзина, но къ чести вѣнценосца, благоволеніе его къ историку не измѣнилось до самой кончины его и онъ слушалъ его откровенное изложеніе состоянія Россіи, слушалъ его соловѣты, „хотя имъ большую частію и не слѣдоваль“. Другія обстоятельства, а не убѣжденія Карамзина, не допустили соединенія

(²⁴) Взглядъ н. м. ж., стр. 245—247.

(²⁵) Неизд. сочин. стр. 25—36.

(²⁶) Неиздан. Сочин. стр. 7.

западныхъ губерній съ конституціоннымъ царствомъ польскимъ и еще черезъ пять лѣтъ послѣ представлѣнія „Миѳнія“, Карамзинъ, описывая смутное время и говоря о польскихъ союзникахъ лже-Димитріл, въ угодность Государю, долженъ былъ внимательно слѣдить за первомъ своимъ и стараться, чтобы не было „ни слова обидного для польского народа“⁽²⁷⁾. Не смотря на это ничтожное значеніе мнѣній Карамзина для его вѣнценоснаго друга, историкъ любилъ Александра „какъ человѣка, какъ искренняго, доброго, милаго пріятеля.... Его величие и слава конечно давали этой связи еще особенную для меня прелесть.... Привязанность моя къ нему осталась безкорыстною“⁽²⁸⁾. Еще нѣжнѣе и сердечнѣе, кажется, былъ расположень Карамзинъ къ Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, къ этой робкой и тихой спутницѣ жизни Императора Александра I, которая платила Карамзину полною взаимностию. Въ ея письмахъ и запискахъ къ историографу отражается свѣтлая душа той, которая внушила молодому Пушкину его искренніе и единственныя въ этомъ родѣ стихи. Окончимъ эту общую передачу связей Карамзина съ царскимъ домомъ замѣчаніемъ, что здѣсь была дѣйствительная и сердечная дружба, которая уравнивала отношенія; въ ней незамѣтно никакой принужденности, ни малѣйшаго слѣда того, что ставить непроходимую преграду между подданнымъ и державнымъ царемъ. Для Карамзина и Императора и Императрица были добрые и любимые друзья. Онъ былъ одинаковъ съ ними, какъ и съ другими.

Изъ близкихъ друзей Карамзина въ этотъ послѣдній періодъ его жизни должны быть упомянуть президентъ освобождающейся Грекіи, извѣстный греческій патріотъ, заплатившій за патріотизмъ своей трагическою смертію, графъ Каподистрія. Уроженецъ Корфу, но получившій солидное образованіе въ итальянскихъ университетахъ, Каподистрія, когда его родина послѣ Тильзитскаго мира отошла подъ покровительство Великобританіи, вмѣстѣ съ другими Іоническими островами, перебѣхалъ въ Россію, отъ которой греки тогда такъ много надѣялись. Съ 1809 года онъ служилъ въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и вскорѣ сдѣлался статсъ-секретаремъ и человѣкомъ близкимъ къ Императору Александру. Не смотря на то, что Каподистрія былъ прикованъ къ торжественнной колесницѣ Императора и сопровождалъ его по Европѣ на всѣ частные тогда конгрессы государей, съ Карамзи-

⁽²⁷⁾ Тамъ же, стр. 29.

⁽²⁸⁾ Агент., 1858 г. ч. IV, стр. 117.

нымъ въ Петербургѣ онъ очень подружился. Его соединили съ историосомъ и общая любовь къ Государю, отъ которого Каподистрія надѣялся помочи для своей страдальческой родины и глубокое историческое сознаніе призванія, назначенаго судбою Россіи въ дѣлахъ юго-востока Европы. Тогда, послѣ Тильзитскаго мира, когда европейскій міръ раздѣлился на двѣ половины, историческое назначеніе Россіи казалось яснѣ и ближе, и нѣть сомнѣнія, что бесѣды о немъ соединили обоихъ друзей. Переписка ихъ, свидѣтельство искренней дружбы⁽³⁰⁾, вся посвящена интересамъ общимъ, интересамъ высокой привязанности, которая могла быть только между такими избранными натурами, какія были у Карамзина и Каподистріи.

Послѣдніе годы Карамзина въ Петербургѣ, когда онъ работалъ надъ послѣдними томами своей „Исторіи“ погруженный въ міръ прошедшаго и только издали и равнодушно смотря за развитиемъ реакціонной системы въ Европѣ и за прорывающимися вспышками либерализма, были тихими годами Карамзинской жизни. Только общія человѣческія горести посѣщали его; болѣзни, то собственные, то близкихъ, потери семейныя или государственные. Общее уваженіе и заслуженная слава окружали его; зависть молчала. Современного литературного общества въ Петербургѣ онъ чуждался, былъ выше его и одни только Жуковскій, Батюшковъ, кн. Вяземскій, близкій родной, его воспитанникъ, и нѣсколько другихъ лицъ участвовали въ бесѣдахъ Карамзина. Но Карамзинъ любилъ русское слово; его домъ посѣщалъ до ссылки молодой Пушкинъ; его заступничествомъ предъ Александромъ эта ссылка замѣнила для поэта болѣе тяжкое наказаніе; онъ защитилъ также и Воейкова. Главное дѣло Карамзина было по прежнему исторія, которую ему хотѣлось довести до воцаренія дома Романовыхъ, оставилъ всѣ другіе планы. Онъ спѣшилъ къ цѣли, боялся умереть. „Я простился даже и съ мечтою быть полезнымъ въ государственномъ смыслѣ; не простился только съ исторіею“, пишетъ онъ къ Малиновскому⁽³¹⁾. Написавъ XII томъ, онъ хочетъ уже „субботствовать до отбытия на нашу родину—вѣчность“. Вся жизнь его духа до самой смерти сосредоточивается на великомъ трудѣ, съ которымъ сливается у него идея родины, ея самобытность, ея величие.

Сознаніе почти оконченаго труда своего, сознаніе заплаченаго долга отечеству, удовлетворенное чувство гражданина и

⁽³⁰⁾ Утро, стр. 195—203.

⁽³¹⁾ Письма стр. 61.

семейное счастие наполнили отраднымъ миромъ душу Карамзина. Его сердце разширялось любовью и лучшіе люди времени невольно стремились въ кругъ свѣта, сіявшій около Карамзина. Смерть Императора Александра, а вслѣдъ за нею и Императрицы Елизаветы Алексѣевны, события 14 Декабря, грозившія перевернуть русскую исторію, хотя и сильно потрясли сердце Карамзина, но не могли уже разстроить его субботняго мира и мысль о смерти, укращенная образами самой сердечной вѣры, не тревожа и не волнуя его, клала казалось, еще при жизни лучезарный вѣнокъ свой на него. Воспоминанія друзей его изображаютъ Карамзина изъ этого послѣдняго времени:

„О! въ эти дни, какъ райское видѣніе,
Былъ съ нами онъ, теперь же не земной
Онъ для меня живое провидѣніе,
Онъ, съ юности товарищъ мой.
О! какъ при немъ все сердце разгоралось!
Какъ онъ для насъ всю землю украшалъ!
Въ младенческой душѣ его казалось,
Небесный ангелъ обиталъ“ (³²)....

Широкою любовью было полно сердце Карамзина и послѣднія строки, написанныя имъ не задолго до смерти, какъ то невольно просятся подъ перо, потому что въ нихъ выражается его прекрасная душа. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ къ Дмитріеву Карамзинъ не нахвалится своею тихою жизнью. Описавъ день свой, онъ говоритъ и о трудахъ: „Работа сдѣлалась для меня опять сладка: знаешь ли, что я со слезами чувствую признательность къ небу за свое историческое дѣло? Знаю что и какъ пишу; въ своемъ тихомъ восторгѣ не думаю ни о современникахъ, ни о потомстваѣ; я независимъ и наслаждаюсь только своимъ трудомъ, любовью къ отечеству и человѣчеству..... Чтобы чувствовать всю сладость жизни, надоно любить и смерть, какъ сладкое успокоеніе въ объятіяхъ отца. Въ мои веселые, свѣтлые часы я всегда бываю ласковъ къ мысли о смерти“ (³³).... Образъ смерти заключался для него въ выраженіи Руссо: *засыпающій на рукахъ отца беззаботенъ о своемъ пробужденіи* и обращался въ отрадное чувство, этотъ образъ не тревожитъ его, а пробуждаетъ высокое, эпикурейское наслажденіе. „Я допиваю по каплямъ сладкое бытіе земное, пишетъ онъ за четыре мѣсяца до смерти къ Каподистріи;

(³²) Стихотворенія Жуковскаго, т. IV, стр. 138.

(³³) Взглядъ, стр. 252.

я радуюсь имъ по своему, непримѣтно для зависти. Подходя къ концу жизни, я благодарю Бога за все, что онъ мнѣ даровалъ въ неї: можетъ быть ошибаюсь, но совѣсть моя спокойна; милое отечество ни въ чёмъ не упрекнетъ меня”⁽³⁴⁾.... И такая отрадная мысль о смерти, вмѣстѣ съ увѣренностью, что прошедшее невозвратно, кажется еще болѣе давала ему любви. Представляя людей „земными путешественниками”, онъ высказываетъ къ нимъ теплую признательность: „О какъ я люблю еще моихъ товарищей путешествія! Какъ трогаетъ меня ихъ бѣдная участь! какъ вся душа моя полна жалости для столькихъ близкихъ, для столькихъ народовъ!” Какая прекрасная смерть, прибавимъ мы отъ себя, когда сердце разрывается отъ такого безконечнаго, обнимающаго цѣлый міръ чувства.....

Со смертию Александра I казалось кончились лучшіе дни Карамзина, какъ будто онъ понималъ, что его жизнь прошла. „Новый государь Россіи не можетъ знать и цѣнить моихъ чувствъ, пишетъ онъ къ брату⁽³⁵⁾, какъ зналъ и цѣнилъ ихъ Александръ“. Но извѣстно, какими щедротами осыпалъ новый государь умирающаго исторіографа, скорбѣвшаго о будущей судьбѣ своей семьи. Омертвѣлою рукою Карамзинъ успѣлъ написать благодарность Царю; онъ собирался въ Италію лечиться; для переѣзда его въ Ливорно назначенъ былъ отъ правительства особый фрегатъ, но въ маѣ 1826 года, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, Карамзину пришлось лечь подъ мраморную плиту Александровско-Невскаго кладбища.

⁽³⁴⁾ Журн. М. Н. П. 1835 г. ч. V, стр. 11.

⁽³⁵⁾ Атеней, 1858 г. ч. 4, стр. 117.

СТИХИ НА ОБЪЯВЛЕНИЕ ПАМЯТНИКА
ШСТОРХФОРДАФУ
НИКОЛАЮ МИХАЙЛОВИЧУ КАРАМЗИНУ.

(ПОСВЯЩАЮТСЯ А. И. ТУРГЕНЕВУ).*

Онъ памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный,
Достойный праведныхъ похвалъ,
И краше, чѣмъ кумиръ иль столбъ каменосѣчный,
И тверже, чѣмъ литой металль!
Тотъ славный памятникъ отчизну украшай,
О немъ потомству говорить
И будеть говорить, покуда Русь святая
Самой себѣ не измѣнить!
Покуда внятны ей родимыя преданья
Давно скончавшихся вѣковъ
Про свѣтлныя дѣла, про лютныя страданья,
Про жизнь и вѣру праотцовъ;
Покуда нашъ языкъ, могучій и прекрасный,
Ихъ вѣщій, ихъ завѣтный гласть,
Пѣвучій и живой, звучить намъ сладкогласно,
И есть отечество у нась!

Любя отечество душою просвѣщенной,
И славу русскую любя,
Труду высокому обрекъ онъ неизмѣнно
Всѣ дни свои, всего себя;
И полонъ имъ однимъ и съ нимъ позабывая
Призывъ блестательныхъ честей,

(*) Стих. Н. М. Языкова, ч. 2, стр. 277—281. Спб. 1858 г.

И множество суетъ, какими жизнь мѣста
 Манить къ себѣ, влечеть людей
 Въ свои объятія, и силу, и отвагу,
 И жажду чистаго труда,
 И пылкую любовь къ отечеству и благу,
 Мертвить и душить навсегда,
 Вътиши работалъ онъ, почтенный собесѣдникъ
 Простосердечной старины,
 И ей сочувствуя, и правды проповѣдникъ
 И не наемникъ новизны!
 Сказанья праотцевъ судилъ онъ нелукаво,
 Онъ прямодушно понималъ
 Родную нашу Русь,—и совершилъ со славой
 Великий подвигъ: написалъ
 Для нась онъ книгу книгъ—и ясною картиной
 Въ ней обновилась старина.

Вотъ первые князья съ варяжскою дружиной,
 И вѣютъ наши знамена
 У цареградскихъ стѣнъ!—Вотъ Русь преображаетъ
 Владимиръ—солнце древнихъ лѣтъ,
 И съ кievскихъ высотъ ей царственно сияетъ
 Креста животворящій свѣтъ!
 Вотъ Ярославъ, вотъ вѣкъ усобицы кровавой,
 Раздоръ и трата бодрыхъ силъ;
 Вотъ благодушные и смѣлые Мстиславы,
 И Мономахъ и Даниилъ!
 Вотъ страшный Божій гнѣвъ: по всей землѣ тревога
 И шумны полчища Татаръ;
 Имъ степь широкая, какъ тѣсная дорога; ^{*}
 Вездѣ война, вездѣ пожаръ,
 И русские князья съ поникшими главами
 Идутъ въ безбожную орду!
 Вотъ рыцарство меча съ желѣзными полками
 И ихъ побоище на льду;
 Великій Новгородъ съ своею бурной волей,
 И Псковъ, Новугороду братъ;
 Москва, святитель Петръ, и Куликово поле;
 Вотъ уничтоженный Ахматъ;

* Стихи Озерова.

Великий Иоаннъ, всей Руси повелитель,—
 И вотъ нашъ *Грозный*, внукъ его,
 Трехъ мусульманскихъ царствъ счастливый покоритель—
 И кровожадца своего,
 Неслыханный тиранъ, мучитель непреклонный,
 Природы ужасъ и позоръ!
 Въ Москвѣ за казнью казнь; у плахи беззаконной
 Весь день мясничаетъ топоръ.
 По земскимъ городамъ толпа кромѣшныхъ бродить,
 Нося грабежъ, губя людей,
 И бѣшено-свирипъ, самъ царь ее предводить,
 Глава усердныхъ палачей!
 И ты, въ страданіяхъ смертельныхъ цѣпенія,
 Ты вся кровавая дѣла,
 Весь дикий произволъ державнаго злодѣя,
 Спокойно ты перенесла,
 Святая Русь!—Но судъ исторіи свободно
 Свой приговоръ ему изрекъ;
 Царя мучителя онъ проклялъ всенародно
 Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ!
 Вотъ сынъ тирана,—царь-смиренникъ молчаливой,
 Молитва, посты и тишина,
 И отдохнулъ народъ подъ властью незлобивой,
 И царству слава отдана.
 Правитель Годуновъ; вотъ самъ онъ на престолѣ;
 Но тѣнь изъ гроба возрастаетъ
 И гибнетъ царь Борисъ: его не любить болѣ,
 Его не想要 свой народъ!
 Бродяга царствуетъ, воспитанникъ латинства,
 Онъ презираетъ нашъ законъ,
 Въ Кремлѣ онъ поселилъ соблазны и безчинства,
 Ночныхъ скаканий шумъ и звонъ,
 И пѣсни буйныя, и струнное гуденье,
 Но чу! набатъ и грозенъ крикъ!
 И бурно въ Кремль идетъ народно волненіе....
 Долой вѣнчанный еретикъ!
 Вотъ Шуйскій, мятежи—и самозванецъ новый,
 Клевреть строптивыхъ поляковъ;
 Вотъ Михаилъ Скопинъ и братья Ляпуновы!
 Вотъ сотня доблихъ чернѣцовъ,

Противумы ть враговъ громовая тверднія.

Въ Москвѣ знамена короля....

Въ плѣну священный Кремль... поругана святыня...

Мужайся Русская земля!

Великой подвигъ свой онъ совершилъ со славой!

О! сколько думъ рождаетъ въ нась,

И задушевныхъ думъ, текущій величаво

Его плѣнительный разсказъ,

И ясный и живой, какъ волны голубыя

Рѣки, царицы русскихъ водъ,

Между холмовъ и горъ, откуда онъ впервые

Увидѣлъ солнечный восходъ!

Онъ будить въ нась огонь прекрасный и высокой,

Огонь чистѣйшій и святой,

Уже недвижный въ нась, заглохшій въ нась глубоко

Отъ жизни блудной и пустой,

Любовь къ своей землѣ. Насъ, преданныхъ чужбинѣ,

Краснорѣчиво учить онъ

Не работовать ея презрительной гордынѣ,

Хранить въ душѣ родной законъ,

Надежно уважать свои родныя силы,

Спасенія чаять только въ нихъ,

Въ себѣ,— и не плевать на честныя могилы

Могучихъ прадѣловъ своихъ!

Бессмертенъ Карамзинъ! Его бытописанья

Не позабудеть русскій міръ,

И памяти о немъ не нужны струнъ брацанья,

Не нуженъ камень иль кумиръ:

Она безъ нихъ крѣпка въ отчизнѣ просвѣщенной....

Но слава времени, когда

И мирный гражданинъ, подвижникъ незабвенный

На полѣ книжнаго труда,

Вѣнчанный славою, и гордый воевода,

Герой счастливый на войнѣ,

Стоять торжественно передъ лицомъ народа

Уже на ровной вышинѣ!

*

С Т И Х И,

произнесенные на столетнемъ юбилѣѣ

РОССІЙСКАГО ИСТОРИОГРАФА

НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА КАРАМЗИНА,

Въ Симбирскѣ, 1-го Декабря, 1866 года.

Давно ли здѣсь, при общемъ ликованіѣѣ,
На площади толпился весь народъ!
Въ сияніѣѣ ризъ, кадиль въ благоуханіѣѣ,
Неслись мольбы въ лазурный неба сводъ;
Рѣчъ пастыря отрадою дышала! . . .
Торжественно приволжская страна
Свой памятникъ въ Симбирскѣ открывала,
Россіи дарь — въ хвалу Карамзина!

И вотъ, мы вновь стеклись не къ годовщинѣѣѣ; —
Сегодня, здѣсь мы празднуемъ сто лѣтъ
Какъ былъ рожденъ, къмъ край гордится нынѣѣѣ,
Безсмертный нашъ историкъ и поэтъ.
Стремится въ храмъ народа тѣ же волны,
Молебствій гласъ тамъ льется какъ тогда-жъ,
И тотъ же кликъ, одушевленъ полны,
Въ устахъ звучитъ: „Онъ нашъ! онъ вѣчно нашъ!“

Коротокъ былъ двухъ празднествъ промежуточъ;
Но если-бъ могъ нашъ Карабинъ возстать!
О, какъ бы онъ, къ родному сердцемъ чуточъ,
Что тутъ сбылось съумѣть бы описать! . .

Сказалъ бы онъ, какъ юный, полныи силы,
 Къ намъ Сынъ Царя явился на пути . . .
 Его ужъ нѣтъ! . . . но образъ вѣчно-милый.
 Жиеть у насъ въ признателной груди! . . .

Сказалъ бы онъ, какъ тяжело намъ было
 Когда Симбирскъ былъ пыщущимъ костромъ:
 Святыню, все чѣмъ сердце дорожило,
 Незримый врагъ въ немъ пепелилъ огнѣмъ!
 Сказалъ бы онъ, какъ послѣ той невзгоды,
 Дары Царя, дары Россіи всей
 Сносились къ намъ не день одинъ, а годы,
 И плачь умолкъ отцовъ и матерей! . . .

Волшебныхъ-бъ намъ вылились картины
 Изъ подъ его пѣвучаго пера:—
 Блестящій вѣкъ онъ зреѣлъ Екатерины
 Онъ изучаль Великаго Петра!—
 Двухлѣтній бой и грозная тревога
 Престали вдругъ на рубежахъ морей;
 Конецъ войнѣ! у мирнаго порога
 Воскресла жизнь, въ тиши родныхъ полей!

Вездѣ Монархъ порядокъ вводить новый,
 На рамена привѣтъ огромный трудъ;
 Сложилъ съ крестьянъ тяжелыя оковы;
 Уставилъ всѣмъ открытый, гласный судъ;
 Смирилъ внутри крамольныхъ увлеченье;
 Державно все скрѣпилъ, благотворя;
 Далъ слову жизнь, съ печати снявъ прещеніе,
 Наукамъ—свѣть, ихъ Вѣрой озаря! . . .

Чудесное прочли бы мы сказанье! . . .
 Но скорбь и гнѣвъ его бы скжали грудь,
 Когда-бъ разсказъ повель о злодѣянья,
 На жизнь Царя дерзнувшихъ посягнуть!
 Въ Державѣ всей, гдѣ солнцу нѣтъ заката,
 Гдѣ Царь Отецъ, былъ говорѣ въ часѣ тревогъ:
 „Могъ извергъ быть въ средѣ лишь супостата;
 „Но русскимъ, нѣтъ! . . . онъ русскимъ быть не могъ!“....

О, какъ тепло и сладко звучно бъ вмѣстѣ
 Намъ передалъ порывъ восторговъ онъ
 Россіи всей, воспрянувшей при вѣсти
 Какъ дивно былъ Помазаникъ спасенъ!..
 Сказалъ бы онъ, какъ съ именемъ Маріи—
 Безцѣннымъ намъ, слилась душой Заря
 Съ Царевичемъ—надеждою Россіи,
 На радость всѣмъ и доброго Цара!

Представилъ бы, средь Царскаго чертога
 Намъ брачный пиръ, блескъ праздничный кругомъ;
 Народа сонмъ, благословеніе Бога
 Зовущаго на свѣтлый Царскій Домъ;
 И въ дни торжествъ, въ ликующей столицѣ,
 Какъ Царь-Отецъ, обиліемъ щедротъ,
 Смягчилъ судьбу томящихся въ темницѣ,
 Оттеръ слезу бездольныхъ и сиротъ! . . .

Столѣтіе протекло! . . . Безмолвенъ знаменитый,
 Нашъ русскій Златоустъ, обворожавшій слухъ!
 Но вѣщій гласъ его, творенія—не забыты:
 Въ нихъ слово искренно, въ нихъ слышенъ Русскій духъ!
 Народной славѣ онъ сочувствовалъ сердечно,
 И вознесетъ его прославленный народъ,
 И будетъ имя жить его въ Россіи вѣчно,
 Доколь въ сердцахъ любовь къ Отечеству живеть!

Ознобишина.

ПАМЯТИ Н. М. КАРАМЗИНА.

Мчатся бури разрушенья
Надъ великою землей,
Исчезаютъ поколѣнья
Непрерывной чередой,
Безконечной вереницей
Годы вѣчности идутъ,
И столѣтія въ туманѣ
Метеоромъ пропадутъ!

Сколько силы благодатной
И священной для земли
Бури вѣка невозвратно
У народовъ унесли!
Только въ памяти потомства
Плодъ великаго труда
Или думы геніальной
Остаётся навсегда.

Какъ отечество родное
Силой духа возрасло,
И страданье вѣковое
Съ вѣрой въ Господа несло,
Какъ на сѣверѣ холодномъ
Вился мощный исполинъ,—
Все то передалъ потомству
Незабвенный Карамзинъ!

Взоромъ опытнымъ глубоко
 Онъ минувшее прозрѣлъ,
 И любовію высокой
 Къ милой родинѣ горѣлъ;
 Онъ въ стремлѣньяхъ благородныхъ
 Человѣчество любя,
 Къ пользѣ русскаго народа
 Посвятилъ на трудъ себѧ.

И нашелъ между преданій
 Первобытной старины
 Много чудныхъ вспоминаній
 О веснѣ родной страны!
 Тамъ въ событіяхъ отчизны,
 Въ непогодахъ вѣковыхъ,
 Ясно мысль его постигла
 Духъ соотчичей своихъ.

И величіе земнаго,
 Славу будущихъ временъ,
 Силой истиннаго слова
 Возвѣстилъ Россіи онъ,
 И отчизна не забудетъ
 Всѣхъ услугъ Карамзина;
 И потомствомъ вѣчно будетъ
 Его память почтена.

Воспитанникъ гимназіи Г. Соболевъ.

МНѢНИЕ РУССКАГО ГРАЖДАНИНА.*

Государь! въ волненіи души моей, любящей отечество и Васъ, спѣшу послѣ нашего разговора, излить на бумагу нѣкоторыя мысли, не думая ни о краснорѣчіи, ни о строгомъ логическомъ порядкеѣ. Какъ мы говоримъ съ Богомъ и совѣстю, хочу говорить съ Вами.

Вы думаете возстановить Польшу въ ея чѣлости, дѣйствуя какъ Христіанинъ, благотворя врагамъ. Государь! Вѣра христианская есть тайный союзъ человѣческаго сердца съ Богомъ; есть внутреннее неизглаголанное, небесное чувство; она выше земли и міра; выше всѣхъ законовъ-физическихъ, гражданскихъ, государственныхъ-но ихъ *не отмѣняетъ*. Солнце течеть и нынѣ по тѣмъ же законамъ, по коимъ текло до явленія Христа—Спасителя: такъ и гражданскія общества не перемѣнили своихъ коренныхъ уставовъ; все осталось, какъ было па землѣ, и какъ иначе быть не можетъ: только возвысилась душа въ ея сокровенностяхъ, утверждалась въ нѣвидимыхъ связяхъ съ Божествомъ, съ своимъ вѣчнымъ, истиннымъ Отечествомъ, которое вѣтъ матери, вѣтъ пространства и времени. Мы сблизились съ небомъ въ *чувствахъ*, но *дѣйствуетъ* на землѣ, какъ и прежде дѣйствовали. *Нѣсть отъ мира сего*, сказалъ Христосъ: а граждане и Государства въ семъ мірѣ. Христосъ велѣть любить враговъ: любовь есть *чувство*; но Онъ не запретилъ судьямъ осуждать злодѣевъ, не запретилъ воинамъ оборонять Государства. Вы Христіанинъ, но Вы истребили полки Наполеоновы въ Россіи, какъ Греки-язычники истребляли Персовъ на поляхъ Эллады; Вы исполняли законъ государственный, который не принадлежитъ къ Религіи, но также данъ Богомъ: законъ естественной обороны, необходимый для существованія всѣхъ земныхъ тварей и гражданскихъ обществъ. Какъ Христіанинъ любите своихъ личныхъ враговъ; но Богъ далъ вамъ Царство и вмѣстѣ съ нимъ обязанность исключительно заниматься благомъ онаго. *Какъ человѣкъ по чувствамъ* души, озаренной свѣтотомъ Христіанства, Вы можете быть выше Марка Аврелія, но *какъ царь* Вы то же, что онъ. Евангеліе молчитъ о Политикѣ; не даетъ новой: или мы, захотѣвъ быть христіанами-Политиками, впадемъ въ противорѣчія и несообразности. Меня ударять въ ланиту: я какъ Христіанинъ долженъ подставить другую. Непріятель

(*) Неизд. соч. и переписка Н. М. Карамзина. ч. 1. Спб. 1862 г.

сожжетъ нашъ городъ: впустимъ ли его мирно въ другой, что бы онъ также обратилъ его въ пепель? Какъ могъ язычникъ Маркъ Аврелій, такъ можетъ и Христіанинъ Александръ благоворить врагамъ государственнымъ, уже побѣженнымъ, слѣдя закону человѣколюбія, извѣстнаго и добродѣтельнымъ язычникамъ, но единственно въ такомъ случаѣ, когда сіе благовореніе не вредно для отечества. Любите людей, но еще болѣе любите Россіянъ, ибо они и люди и Ваши подданные, дѣти Вашего сердца. И Поляки теперь слушаются Александра: но Александръ взялъ ихъ Русскою силою, а Россіанъ далъ ему Богъ, и съ ними снискать онъ благодѣтельную славу *Освободителя Европы*.

Вы думаете возстановить древнее Королевство Польское; но сіе возстановленіе согласно ли съ закономъ государственного блага Россіи? согласно ли съ Вашими священными обязанностями, съ Вашею любовью къ Россіи и къ самой справедливости? Во первыхъ (не говоря о Пруссіи) спрашиваю: Австрія отдастъ ли добровольно Галицію? Можете ли Вы, творецъ *Священнаго союза*, объявить ей войну, противную не только Христіанству, но и государственной справедливости? ибо Вы сами признали Галицію законнымъ владѣніемъ Австрійскимъ. Во-вторыхъ можете ли съ мирною совѣстю отнять у насъ Бѣлорусію, Литву, Волынію, Подолію, утвержденную собственность Россіи еще до Вашего царствованія? Не клянутся ли Государи блести цѣлостью своихъ Державъ? Сіи земли уже были *Rossieю*, когда Митрополитъ Платонъ вручалъ Вамъ вѣнецъ Мономаха, Петра и Екатерины, которую Вы сами назвали *Великою*. Скажутъ ли, что она беззаконно раздѣлила Польшу? Но вы поступили бы еще беззаконнѣе, если бы вздумали загладить Ея несправедливость раздѣломъ самой Россіи. Мы взяли Польшу мечомъ: вотъ наше право, коему всѣ Государства обязаны бытіемъ своимъ, ибо всѣ составлены изъ завоеваній. Екатерина отвѣтствуетъ Богу, отвѣтствуетъ исторіи за свое дѣло; но оно сдѣлано, и для Васъ уже свято: для Васъ Польша есть законное Россійское владѣніе. *Старыхъ крѣпостей* нѣть въ политикѣ; иначе мы должны были бы возстановить и Казанское, Астраханское царство, Новгородскую Республику, Великое Княжество Рязанское, и такъ далѣе. Къ тому же и по *Старымъ крѣпостямъ* Бѣлорусія, Волынія, Подолія, выѣстъ съ Галиціею, были никогда кореннымъ достояніемъ Россіи. Если Вы отадите ихъ, то у Васъ потребуютъ и Киева, и Чернигова, и Смоленска: ибо они также долго принадлежали враждебной Литвѣ. Или все, или

ничего. Доселъ нашимъ государственнымъ правиломъ было: *ни пяди ни врагу, ни другу!* Наполеонъ могъ завоевать Россію; но Вы, хотя и Самодержецъ, не могли договоромъ уступить ему ни одной хижиной Русской. Таковъ нашъ характеръ и духъ государственный. Вы, любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Россію бездушной, бессловесной собственности? Будете ли самовольно раздроблять ее на части и дарить ими, кого заблагоразсудите? Россія, Государь, безмолвна передъ Вами; но если бы возстановилась древняя Польша (чего Боже сохрани!) и произвела нѣкогда Историка достойнаго, искренняго, безпристрастнаго, то онъ, Государь, осудилъ бы Ваше великодушіе, какъ вредное для Вашего истиннаго Отечества, доброй, сильной Россіи. Сей Историкъ сказаль бы совсѣмъ не то, что могутъ теперь говорить Вамъ Поляки; извиняемъ ихъ, но Вась бы мы, Русскіе, не извишили, если бы Вы для ихъ рукоплесканія ввергнули насть въ отчаяніе. Государь, нынѣ славный, великий, любезный! отвѣтствую Вамъ головою за сіе неминуемое дѣйствіе цѣлаго возстановленія Польши. Я слышу Русскихъ, и знаю ихъ: мы лишились бы не только прекрасныхъ областей, но и любви къ Царю; остыли бы душою и къ Отечеству, видя оное игралищемъ самовластнаго произвола; ослабѣли бы не только уменьшениемъ Государства, но и духомъ; унизились бы предъ другими и предъ собою. Не опустѣль бы конечно дворецъ; Вы и тогда имѣли бы Министровъ, Генераловъ: но они служили бы не Отечеству, а единственно своимъ личнымъ выгодамъ, какъ наемники, какъ истинные рабы... А Вы, Государь, гнушаетесь рабствомъ, и хотите дать намъ свободу!

Однимъ словомъ.... и Господь Сердцевѣденъ да замкнетъ смертю уста мои въ сю минуту, если говорю Вамъ не истину.... однімъ словомъ, возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи, или сыновья наши обагрять своею кровью землю Польскую и снова возьмутъ штурмомъ Прагу!

Нѣть, Государь, никогда Поляки не будутъ намъ ни искренними братьями, ни вѣрными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны; слабые не любятъ сильныхъ, а сильные презираютъ слабыхъ; когда же усилите ихъ, то они захотятъ независимости, и первымъ опытомъ ея будетъ отступление отъ Россіи, конечно не въ Ваше царствованіе, но Вы, Государь, смотрите далѣе своего вѣка, и если не бессмертны тѣломъ, то бессмертны славою! Въ дѣлахъ государственныхъ чувство и благодарность безмолвны; а независимость есть главный законъ гражданскихъ обществъ. Лит-

ва, Волынія желаютъ Королевства Польскаго, но мы желаемъ единой Имперіи Россійской. Чей голосъ долженъ быть слышанъ для Вашего сердца? Онъ, въ случаѣ войны, впрочемъ ни мало не вѣроятной (ибо кому теперь возстать на Россію?) могутъ измѣнить намъ: тогда накажемъ измѣну силою и правомъ: право всегда имѣть особенную силу, а бунтъ, какъ беззаконіе, отнимаетъ ее. Поляки, закономъ утвержденные въ достоинствѣ особеннаго, державнаго народа, для насъ опаснѣе Поляковъ-Россіянъ.

Государы! Богъ далъ Вамъ такую славу и такую Державу, что Вамъ безъ неблагодарности, безъ грѣха Христіанскаго и безъ тщеславія, осуждаемаго самою человѣческою Политикою, нельзѧ хотѣть ничего болѣе, кромѣ того, чтобы утвердить миръ въ Европѣ и благоустройство въ Россіи: первый безкорыстныи, великолѣпныи посредничествомъ; второе хорошими законами и еще лучшею управою. Вы уже пріобрѣли имя *Великаго*: пріобрѣтите имя *Отца* нашего! Пусть существуетъ и даже благоденствуетъ Королевство Польское, *какъ оно есть* нынѣ; но да существуетъ, да благоденствуетъ и Россія, *какъ она есть*, и какъ оставлена Вамъ Екатериной!.. Екатерина любила Васъ нѣжно, любила и наше Отечество: Ея тѣнь здѣсь присутствуетъ.... умолкаю.

Царское Село,
Октября 17 д. 1819 г.

ДЛЯ ПОТОМСТВА.

NB. Читано Государю въ тотъ же вечеръ. Я пилъ у него чай въ кабинетѣ, и мы пробыли вмѣстѣ, съ глазу на глазъ, пять часовъ, отъ осьми до часу за полночь. На другой день я у него обѣдалъ; обѣдалъ еще и въ Петербургѣ... но мы душою разстались, кажется, на вѣки. Потомство! достоинъ ли я быть имени гражданина Россійскаго? Любилъ ли Отечество? вѣрилъ ли добродѣтели? вѣрилъ ли Богу?.... Я не зналъ нужды по своей бережливости и по милости Божией, но не имѣлъ достатка, имѣя многочисленное семейство, безъ способовъ воспитывать дѣтей, какъ бы мнѣ хотѣлось. Не хочу описывать всего разговора моего съ Государемъ, но между прочимъ вотъ что я сказалъ ему по-Французски: *Sire, Vous avez beaucoup d' amour-propre. . . Je ne crains rien. Nous sommes tous égaux devant Dieu. Ce que je*

Vous dis, je l'aurais dit à Votre Père... Sire, je méprise les libéralistes du jour: je n'aime que la liberté qu' aucun tyran ne peut m' ôter... Je ne Vous demande plus Votre bienveillance; je Vous parle, peut-être, pour la dernière fois. Но вообще я мало говорилъ и не хотѣлъ говорить. Душа моя остыла... Довольно сказанного для потомства и для сыновей моихъ, если они будуть живы и выростутъ. Прибавлю, что я не измѣнилъ скромности: не сказать никому ни слова о моемъ разговорѣ съ Александромъ, кромѣ вѣрной жены моей, съ которой я жилъ въ одну мысль, въ одно чувство. С.-Петербургъ, Дек. 29, 1819 Н. Карамзинъ.

NB. Сказалъ еще одному человѣку: Императрицѣ Елизаветѣ. 24 фев. 1821 г.

НОВОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ.

Я ошибся: благоволеніе Александра ко мнѣ не измѣнилось, и въ теченіе шести лѣтъ (отъ 1819 до 1825 года) мы имѣли съ нимъ нѣсколько подобныхъ бесѣдъ о разныхъ важныхъ предметахъ. Я всегда былъ чистосердеченъ, Онъ всегда терпѣливо, кротко, любезенъ неизѣяснимо; не требовалъ моихъ совѣтовъ, однажды слушалъ ихъ, хотя имъ, большую частію, и не слѣдоваль, такъ что нынѣ, вмѣстѣ съ Россіею оплакиваю кончину Его, не могу утѣшать себя мыслю о десятилѣтней милости и довѣренности ко мнѣ столь знаменитаго Вѣнце и осца: ибо эти милость и довѣренность остались безплодны для любезнаго Отечества. Правда, Россія удержала свои Польскія области; но болѣе счастливыя обстоятельства, нежели мои слезныя убѣжденія спасли Александра отъ дѣла равно бѣдственнаго и несправедливаго: по крайней мѣрѣ такъ сказалъ Онъ мнѣ въ Ноябрѣ 1824 года. Я не безмолвствовалъ о налогахъ въ мирное время, о нелѣпой Г..... системѣ Финансовъ, о грозныхъ военныхъ поселеніяхъ, о странномъ выборѣ некоторыхъ важнѣйшихъ сановниковъ, о Министерствѣ Просвещенія или затмѣнія, о необходимости уменьшить войско, воюющее только Россію,—о мнимомъ исправленіи дорогъ, столь тягостнѣмъ для народа,—наконецъ о необходимости имѣть твердые законы, гражданскіе и государственные. Въ послѣдній моей бесѣдѣ съ нимъ, 28 Августа, отъ 8 до 11½ часовъ вечера, я сказалъ ему какъ пророкъ: Sire, Vos années sont comptées, Vous n'avez plus

rien à remettre, et Vous avez encore tant de choses à faire pour que la fin de Votre règne soit digne de son beau commencement. Движеніемъ головы и милою улыбкою Онъ изъявилъ со-гласіе; прибавилъ и словами, что непремѣнно все сдѣлаетъ: дать коренные законы Россіи. Если не я, то другое увидѣть скоро, для чего Богъ внезапно отнялъ Александра у Россіи! Мнѣ хочется болѣе плакать, нежели писать объ немъ. Я любилъ Его искренно и иѣжно, иногда негодовалъ, досадовалъ на Монарха и все любилъ человѣка, красоту человѣчества своимъ великолѣпіемъ, милосердіемъ, незлобіемъ рѣдкимъ. Не боюсь встрѣтиться съ нимъ на томъ свѣтѣ, о которомъ мы такъ часто говорили, оба не ужасаясь смерти, оба вѣра Богу и добродѣтели.

С.-Петербургъ.
18 Дек. 1825

О ЛЮБВИ КЪ ОТЕЧЕСТВУ И НАРОДНОЙ ГОРДОСТИ.*

Любовь къ отечеству можетъ быть *физическая, нравственная и политическая.*

Но физическая и нравственная привязанность къ отечеству, дѣйствіе натуры и свойствъ человѣка, не составляютъ еще той великой добродѣтели, которую славились Греки и Римляне. Патріотизмъ есть любовь ко благу и славѣ отечества и желаніе способствовать имъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ требуетъ разсужденія — и потому не всѣ люди имѣютъ его.

Самая лучшая философія есть та, которая основываетъ должности человѣка на его счастіи. Она скажетъ намъ, что мы должны любить пользу отечества, ибо съ нею неразрывна наша собственная, что его просвѣщеніе окружаетъ насъ самихъ многими удовольствіями жизни; что его тишина и добродѣтели служатъ щитомъ семейственныхъ наслажденій; что слава его есть наша слава; и если оскорбительно человѣку называться сыномъ презрѣннаго отца, то не менѣе оскорбительно и гражданину называться сыномъ презрѣннаго отечества. Такимъ образомъ любовь къ собственному благу производить въ насъ любовь къ отечеству, а личное самолюбіе гордость народную, которая служить опорою патріотизма. Такъ

(*) Соч. Н. М. Каремзина, Спб. 1848 г. т. III, стр. 465—471.

Греки и Римляне считали себя первыми народами, а всѣхъ другихъ варварами; такъ Англичане, которые въ новѣйшія времена болѣе другихъ славятся патріотизмомъ, болѣе другихъ о себѣ мечтаютъ.

Я не смѣю думать, чтобы у насъ въ Россіи было не много патріотовъ; но мнѣ кажется, что мы излишне *смиренны* въ мысляхъ о народномъ своемъ достоинствѣ—а смиреніе въ политикѣ вредно. Кто самого себя не уважаетъ, того безъ сомнѣнія и другіе уважать не будутъ.

Не говорю, чтобы любовь къ отечеству должна была ослѣплять насъ и увѣрять, что мы всѣхъ и во всемъ лучше; но Русскій долженъ по крайней мѣрѣ знать цѣну свою. Согласимся, что иѣ—которые народы вообще насъ просвѣщеннѣе: ибо обстоятельства были для нихъ счастливѣе; но почувствуемъ-же и всѣ благодѣянія судьбы въ разсужденіи народа Россійскаго; станемъ смѣло на ряду съ другими; скажемъ ясно имъ свое и повторимъ его съ благородною гордостію.

Мы не имѣемъ нужды прибѣгать къ баснямъ и выдумкамъ, подобно Грекамъ и Римлянамъ, чтобы возвысить наше происхожденіе: слава была колыбелью народа Русскаго, а побѣда вѣстницею бытія его. Римская Имперія узнала, что есть Славяне, ибо они пришли и разбили ея легіоны. Историки Византійскіе говорятъ о нашихъ предкахъ, какъ о чудныхъ людяхъ, которымъ ничто не могло противиться, и которые отличались отъ другихъ сѣверныхъ народовъ не только своею храбростю, но и какимъ-то рыцарскимъ добродушіемъ. Герои наши въ девятомъ вѣкѣ играли и забавлялись ужасомъ тогдашней новой столицы міра; имъ надлежало только явиться подъ стѣнами Константиноополя, чтобы взять дань съ царей греческихъ. Въ первомъ—надеяться вѣкѣ Россію, всегда пре- восходные своею храбростю, не уступали другимъ европейскимъ народамъ и въ просвѣщеніи, имѣя по религіи тѣсную связь съ Царемъ-Градомъ, который дѣлился съ нами плодами учености, и во время Ярослава были переведены на славянскій языкъ многія греческія книги. Къ части твердаго Русскаго характера служить то, что Константинополь никогда не могъ присвоить себѣ политическаго вліянія на отечество наше. Князья любили разумъ и знаніе Грековъ, но всегда готовы были оружіемъ наказать ихъ за малѣйшіе знаки дерзости. Раздѣленіе Россіи на многія владѣнія и несогласіе князей приготовили торжество Чингисхановыхъ потомковъ и наши долговременныя бѣдствія. Великіе люди и великіе

народы подвержены ударамъ рока, но и въ самомъ несчастіи изъ-
ляютъ свое величіе. Такъ Россія, терзаемая лютымъ врагомъ, ги-
бла со славою: цѣлые города предпочитали вѣрное истребленіе сты-
ду рабства. Жители Владимира, Чернигова, Кієва принесли себя
въ жертву народной гордости, и тѣмъ спасли имя Русскихъ отъ
шонощенія. Историкъ, утомленный сими несчастными временами, какъ
ужасною бесплодною пустынею, отдыхаетъ на могилахъ, и нахо-
дить отраду въ томъ, чтобы оплакивать смерть многихъ достой-
ныхъ сыновъ отечества.

Но какой народъ въ Европѣ можетъ похвалиться лучшею судь-
бою? который изъ нихъ не былъ въ узахъ нѣсколько разъ? По
крайней мѣрѣ завоеватели наши устрашали Востокъ и Западъ.
Тамерланъ, сидя на тронѣ Самаркандскомъ, воображалъ себя ца-
ремъ міра.

И какой народъ такъ славно разорвалъ свои цѣпи! такъ слав-
но отмстилъ врагамъ свирѣпымъ! Надлежало только быть на пре-
столѣ рѣшительному, смѣлому государю. Народная сила и храб-
рость, послѣ нѣкотораго усыщенія, громомъ и молнію возвѣстили
своё пробужденіе.

Время самозванцевъ представляетъ опять горестную картину
мятежа; но скоро любовь къ отечеству воспламеняетъ сердца—
граждане, земледѣльцы требуютъ военачальника, и Пожарскій, оз-
наменованный славными ранами, встаетъ съ одра болѣзни. Добро-
дѣтельный Мининъ служить примѣромъ; и кто не можетъ отдать
жизни отечеству, отдаетъ ему все, что имѣеть..... Древняя и нов-
ая исторія народовъ не представляетъ намъ ничего трогательнѣе
сего общаго, геройскаго патріотизма

Петръ Великій, соединивъ насъ съ Европою и показавъ намъ
выгоды просвѣщенія, не надолго унишилъ народную гордость Рус-
скихъ. Мы взглянули, такъ сказать, на Европу, и однимъ взо-
ромъ присвоили себѣ плоды долговременныхъ трудовъ ея. Едва ве-
ликій государь сказалъ нашимъ воинамъ, какъ надо владѣть ино-
вымъ оружіемъ, они, взявъ его, летѣли сражаться съ первою европ-
ейскою арміею. Явились генералы-нынѣ ученики, завтра при-
мѣры для учителей. Скоро другіе могли и должны были перени-
мать у насъ; мы показали, какъ бьютъ Шведовъ, Турокъ и нако-
нецъ Французовъ. Сіи славные республиканцы, которые еще луч-
ше говорятъ, нежели сражаются, и такъ часто твердятъ о своихъ

ужасныхъ штыкахъ, бѣжали въ Италии отъ первого взмаха штыковъ Русскихъ. Зная, что мы храбрѣе многихъ, не знаемъ еще, кто нась храбрѣе. Мужество есть великое свойство души: народъ имъ отличенный, долженъ гордиться собою.

Словомъ до сего времени Россія постоянно возвышалась какъ въ политическомъ, такъ и въ нравственномъ смыслѣ. Можно сказать, что Европа годъ отъ году нась болѣе уважаетъ, а мы еще въ срединѣ нашего славнаго теченія. Наблюдатель вездѣ видитъ новыя *отрасли и раскрытия*, видить много плодовъ, но еще болѣе цвѣта. Символъ нашъ есть цылкій юноша; сердце его, полное жизни, любить дѣятельность; девизъ его: труды и надежда! Побѣды очистили намъ путь къ благородству; слава есть право на счастіе.

Карамзинг.

Отрывокъ изъ сочиненія Н. М. Карамзина о воспитаніи „о дворянствѣ“.

Дворянство есть душа и благородный образъ всего народа. Я люблю воображать себѣ россійскихъ дворянъ не только съ мечемъ въ рукѣ, не только съ вѣсами Фемиды, но и съ лаврами Аполлона, съ жезломъ бога искусствъ, съ символами богини земледѣлія. Слава и счастіе отечества должны быть, имъ особенно драгоценны; слава государства бываетъ различная, счастіе ихъ есть *сложное*. Не всѣ могутъ быть воинами и судьями, но всѣ могутъ служить отечеству. Герой разитъ непріятелей или хранитъ порядокъ внутренній, судья спасаетъ невинность, отецъ образуетъ дѣтей, учennyй распространяетъ кругъ свѣдѣній, богатый сооружаетъ монументы благотворенія, господинъ печется о своихъ подданныхъ, владѣлецъ способствуетъ усилѣямъ земледѣлія: всѣ равнозначны государству. Россіяне одарены отъ природы всѣмъ, что возводитъ народы на высочайшую степень гражданского величія: умомъ и твердымъ мужествомъ. Мы спѣшимъ къ цѣли — и обращая взоръ на то мѣсто, гдѣ нашелъ Россіянъ Петръ, гдѣ нашла ихъ Екатерина, смыло надѣемся, что между сею блестящею цѣллю и нами скоро не будетъ уже ни одного Европейского народа.

Не желаю быть мечтателемъ; но въ царствованіе Александра могутъ ли добрыя желанія и патріотическая надежда быть мечтами?

ПИСЬМО П. Д. ШЕСТАКОВА.

Милостивый государь,

Александръ Петровичъ!

Принося искреннюю благодарность Комитету Карамзинской библиотеки за сдѣланную мнѣ честь, и сердечно сочувствуя устраиваемому въ Симбирскѣ торжеству въ память нашего знаменитаго исторіографа, я, къ сожалѣнію, не могу воспользоваться лестнымъ для меня приглашеніемъ Комитета, такъ какъ и Казанскій университетъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, празднуетъ 1-е Декабря торжественнымъ собраниемъ.— Съ удовольствіемъ услышалъ я, что Симбирская Гимназія приглашена къ участію въ этомъ знаменательномъ для Россіи торжествѣ: празднованіе дня памяти исторусского человѣка, столь горячо любившаго свою родину, столь искренно преданного своимъ царямъ, съ такимъ беззавѣтнымъ самоотверженіемъ до послѣдней минуты своей славной жизни, посвятившаго себя исторіи своей родины, не можетъ не отразиться благотворно на духѣ учащагося юношества, воспитывая въ немъ любовь къ родной странѣ, дѣтскую преданность къ Монарху-Отцу, и сознаніе важности и святости истиннаго просвѣщенія.

Пусть врѣжутся въ молодой памяти учащихся эти золотыя слова незабвенного юбиляра, столь идущія и къ нашему времени: „Знаю, что распространение иѣкоторыхъ ложныхъ идей надѣлало много зла въ наше время, но развѣ просвѣщеніе тому виною? Развѣ науки не служать, напротивъ того, средствомъ къ открытию истины и къ разсѣянію заблужденій, пагубныхъ для нашего спокойствія? Развѣ ложь есть существо наукъ? Разогнемъ книгу исторіи: за что не лилась кровь человѣческая? на примѣръ, распри, суетѣ рівня вооружали сына противъ отца, брата противъ брата, но какой безумецъ вздумаетъ обвинять тѣмъ самую религію? Напротивъ того не она ли обезоружила наконецъ сихъ фанатиковъ, озаривъ свѣтомъ своимъ, свѣтомъ любви и кротости, ихъ пагубныхъ заблужденій? Нѣть, нѣть! я имѣю довѣренность къ мудрости властителей и спокоенъ; имѣю довѣренность къ благости Всевышняго, и спокоенъ. Нѣть! свѣтильникъ наукъ не угаснетъ на земномъ шарѣ. Ахъ! Развѣ онъ не служить намъ отрадою въ горестяхъ! Развѣ не въ ихъ мирномъ святыищахъ укрываемся отъ всѣхъ бурь житейскихъ. Нѣть! Всемогущий не

* Письмо это было отвѣтомъ П. Д. Шестакова на приглашеніе его Комитетомъ къ Симбирскому юбилею

лишить насть сего драгодѣннаго утѣшенія добрыхъ, чувствительныхъ, печальныхъ. Просвѣщеніе всегда благотворно; просвѣщеніе ведеть къ добродѣти, доказывая намъ тѣсный союзъ частнаго блага съ общимъ и открывая неизслѣдаемый источникъ блаженства въ собственной груди нашей; просвѣщеніе есть лекарство для ускрепленія сердца и разума: одно просвѣщеніе живительной теплотою своею можетъ изсушить сю тину нравственности, которая ядовитыми парами своими мертвить все изящное, все доброе въ мірѣ; въ одномъ просвѣщеніи найдемъ мы спасительный антидотъ для всѣхъ бѣдствій человѣчества."

Да превѣтствуетъ же въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ это истинное просвѣщеніе, да развивается въ нашемъ молодомъ поколѣніи любовь къ серьезному труду; и будетъ этотъ благодатный трудъ спасительнымъ противоядіемъ противъ всѣхъ современныхъ бредней растлѣннаго ума.

Предварительныя приготовленія къ юбилею, сдѣланныя Комитетомъ Карамзинской библіотеки.

Мысль о юбилѣѣ Н. М. Карамзина родилась и жила въ Симбирскѣ и именно въ Комитетѣ Карамзинской библіотеки съ 1863 года; отъ комитета перешла въ Симбирскую публику; какъ далеко распространилась эта мысль въ Симбирскомъ обществѣ, какъ на долго она удержалась въ немъ, этого не знаемъ; но Комитетъ никогда не упускалъ изъ виду своей мысли, не рѣдко повторялъ ее въ своихъ собраніяхъ и наконецъ высказалъ ее гласно, когда журнальнымъ постановленіемъ 8-го сентября 1864 года положилъ возстановить сгорѣвшую Карамзинскую библіотеку на прежнихъ основаніяхъ и въ случаѣ успѣха освятить это возстановленіе въ день столѣтнаго юбилея Н. М. Карамзина 1-го декабря 1865 года⁽¹⁾; за тѣмъ Комитетъ проводилъ эту мысль въ своихъ письмахъ, который разсыпалъ къ ученымъ лицамъ и обществамъ, приглашая ихъ къ содѣйствію въ возстановленіи Карамзинской библіотеки⁽²⁾; одновременно съ этимъ мысль о юби-

(1) Тогда еще полагали, что Н. М. Карамзинъ родился 1 Декабря 1765 года.

(2) Письма къ М. А. Дмитріеву отъ 12 Июня 1865 № 118, въ Санктпетербургскую Думу 1 Мая № 96, Г. Ростовской отъ 30 Апр. № 88, Редакціи „Библиотеки иностранныхъ романовъ“ отъ 30 Апр. 85, „Духовнаго Вѣстника“ отъ 30 Апр. № 89 „Духа Христіанства“ № 87 д. Н. Шидловскому отъ 29 Марта № 75 и пр.

лѣй Карамзину была и въ Симбирской Гимназіи (³). Въ Симбирска гласное заявленіе о юбилѣ Карамзина находимъ въ № 258 Московск. Вѣдомостей 1864 г. 25 ноября. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1865 г. Комитетъ готовился уже къ празднованію юбилея только не 1-го, а 27-го декабря по тому обстоятельству, что къ 1-му декабря не могло быть готово помѣщеніе для библіотеки. Была уже утверждена г. исправлявшимъ должность Симбирского Губернатора П. П. Косяковскимъ программа юбилейного празднества, и приглашены къ участію въ этомъ празднствѣ Симбирская гимназія и семинарія и Симбирское общество. Но во время приготовленія къ юбилейному торжеству получается изъ Москвы извѣстіе, что спорный вопросъ, возникшій въ послѣднее время въ ученомъ мірѣ, о годѣ рожденія Карамзина рѣшенъ въ пользу 1766 года и что Петербургъ и Москва будутъ праздновать юбилей отечественному исторіографу въ 1866 году; по примѣру ихъ и Комитетъ Карамзинской библіотеки отложилъ предположенное торжество до 1866 года.

Въ 1866 году Комитетъ началъ свои приготовленія къ предположенному празднеству съ сентября мѣсяца; 16-го числа сего мѣсяца журнальнымъ постановленіемъ Комитета между прочимъ опредѣлена слѣдующая общая программа: Симбирскому Карамзинскому юбилею придать характеръ родственно-семейный и пригласить на оній родственниковъ и ревностныхъ почитателей Карамзина; дѣтей его: Владимира и Александра Николаевичей, племянниковъ Н. О. и А. А. Карамзинъхъ, Академика М. П. Погодина, Ки. П. Ан. Вяземскаго, О. М. Дмитріева; пригласить всѣ сословія г. Симбирска и дворянство Симбирской губерніи; просить Начальственные лица въ день юбилея 1-го декабря въ четвергъ освободить присутственныхъ мѣста отъ присутствія и учебныя заведенія отъ ученія, чтобы тѣмъ дать большую возможность лицамъ всѣхъ сословій участвовать при Богослуженіи и въ общемъ торжествѣ; просить мѣстнаго Архиерея отслужить въ Каѳедральномъ соборѣ Божественную Литургію и соборную панихиду по Н. М. Карамзинѣ; за тѣмъ въ залѣ Карамзинской библіотеки отслужить благородственный молебенъ по случаю возстановленія Карамзинской библіотеки послѣ истребленія оной пожаромъ, съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Августѣйшему Дому и ревнителямъ просвѣщенія, принявшимъ живое участіе въ возста-

(³) См. опис. юбилея стр. 22.

новленіи Карамзинской библіотеки; здѣсь же прочитать краткій отчетъ о состояніи Карамзинской библіотеки до пожара и послѣ пожара. Къ участію въ Симбирскомъ юбилеѣ пригласить Казанскій Университетъ, къ которому, какъ къ высшему учебному заведенію округа, Симбирскъ имѣть самое близкое нравственное отношение.

По утвержденіи сей программы господиномъ Симбирскимъ Губернаторомъ⁽⁴⁾, кромѣ пункта объ освобожденіи присутственныхъ мѣстъ отъ присутствія, разосланы были Комитетомъ пригласительные письма ко всѣмъ вышеозначеннымъ лицамъ, къ Симбирскому обществу и въ частности къ Начальственнымъ лицамъ г. Симбирска, къ Симбирской гимназіи и семинаріи, ко всѣмъ дворянамъ Симбирской губерніи чрезъ уѣздныхъ предводителей дворянства. Призывъ Комитета встрѣтилъ живое и теплое сочувствіе. Особенно обязательны для Комитета отвѣтныя письма Профессора Казанского Университета Н. Н. Булича; приводимъ нѣсколько строкъ изъ этихъ писемъ: „На чрезвычайно лестное приглашеніе Комитета Карамзинской библіотеки отъ 28 Октября за № 4931 считаю себя обязаннымъ отвѣтить на него подвою съ моей стороны готовностью прїѣхать въ Симбирскъ ко дню празднованія столѣтнаго юбилея Карамзина и прочесть предъ Симбирской публикой изложеніе жизни, литературной дѣятельности и другихъ заслугъ знаменитаго Симбирца.“⁽⁵⁾. Потомъ г. Буличъ, телеграммой отъ 25 ноября, увѣдомивъ Предсѣдателя Комитета, что онъ рѣшилсяѣхать 29-го ноября и будетъ въ Симбирскѣ къ 1-му декабря, въ дополнительномъ къ телеграммѣ письмѣ присовокупляетъ: „считаю весьма лестнымъ для себя читать о Карамзинѣ передъ публикой роднаго ему города, тѣмъ болѣе, что на нашемъ Университетѣ, какъ на ближайшемъ, лежитъ нравственная обязанность принять участіе въ юбилейномъ торжествѣ въ память великаго человѣка русской науки и литературы.“⁽⁶⁾. Изъ дѣтей Карамзина Александръ Николаевичъ лично присутствовалъ на Симбирскомъ юбилеѣ, а Владимиръ Николаевичъ, приглашеннный на академической юбилей, прислалъ къ Симбирскому юбилею для Карамзинской библіотеки отличный портретъ своего родителя,—копію съ оригинала, хранящагося въ академіи, работы Варнека и 300 рублей въ пользу библіотеки; М. П. Погодинъ, Ен. П. А. Вяземскій и П. Д. Шест-

⁽⁴⁾ отъ 26 Окт. № 2877.

⁽⁵⁾ Письмо Г. Булича отъ 3 Ноября.

⁽⁶⁾ Письмо Г. Булича отъ 25 Ноября.

стаковъ не могли быть на Симбирскомъ юбилеѣ, первые двое по тому, что приглашены были на Академической юбилей, а послѣдній по случаю празднованія Карамзинскаго юбилея Казанскимъ университетомъ; Ф. М. Дмитріевъ по случаю недавно постигшей его потери своего родителя М. А. Дмитріева. Кн. П. А. Вяземскій выслалъ для Симбирскаго юбилея перль своего поэтическаго пера: *сто лѣтъ тому назадъ*; хотя это дивное стихотвореніе друга Карамзина получено было въ Симбирскѣ 5-го уже декабря и потому не было читано на литературныхъ вечерахъ, бывшихъ 1-го и 2-го декабря, но комитетъ счелъ нужнымъ отпечатать въ своемъ сборникеъ это стихотвореніе, желая познакомить съ нимъ почитателей Н. М. Карамзина.

Предположивъ въ день юбилея устроить торжественный обѣдъ, Комитетъ пригласилъ къ участію въ ономъ по подпискѣ Симбирское общество и дворянство уѣздное; 129 человѣкъ по подпискѣ и 7 почетныхъ гостей участвовали въ юбилейномъ обѣдѣ.

По полученіи отъ мѣстнаго Архиерея согласія на вытеозначенную общую программу, 27 Ноября отпечатана и объявлена была всей Симбирской публикѣ слѣдующая подробная программа юбилея:

I.

Въ 9-ть часовъ утра Преосвященный Евгений, Епископъ Симбирскій, въ Каѳедральномъ Соборѣ отслужить заупокойную литургію и вселенскую панихииду по Николаѣ Михайловичѣ Карамзинѣ.

II.

Въ залѣ Карамзинской библіотеки открывается торжественное засѣданіе Комитета библіотеки благодарственнымъ молебномъ Господу Силѣ, по случаю возстановленія Карамзинской библіотеки. Священнодѣйствие совершилъ Преосвященный Евгений, Епископъ Симбирскій.

III.

По совершенніи молебна, въ той же залѣ, Предсѣдатель Коми-

тета библіотеки А. П. Языковъ прочтеть передъ публикой краткій историческій отчетъ о состояніи Карамзинской библіотеки.

IV.

Въ малой залѣ Дворянскаго Собрания въ 2 часа по полудни будеть сервированъ обѣдній столъ, къ коему Комитетомъ библіотеки приглашены почетные гости: Преосвященный Евгений, Епископъ Симбирскій, Господинъ исправляющій должность Симбирскаго Губернатора, Вице-Губернаторъ Павель Павловичъ Косаговскій, Господинъ Губернскій Предводитель Дворянства Александръ Ивановичъ Ермоловъ, Проректоръ Казанскаго Университета Николай Никитичъ Буличъ и другія почетныя лица.

Сверхъ того въ обѣдѣ будеть принимать участіе Симбирское общество по подпискѣ.

Въ видѣ приглашенія къ столу, оркестръ музыки исполнить маршъ изъ оперы „Пророкъ“ Мейербера.

Вместо предобѣденной молитвы, хоръ пѣвчихъ пропоетъ концертъ „Господи силою твою возвеселится Царь“.

Во время стола музыка исполнить:

Увертюру изъ оперы „Б р о и з о в ы й К о н Ь“ - - - - Обера.

Попури изъ оперы „Т р а в і а т а“ - - - - - Верди.

Тріо изъ оперы: „Ж и з н ь з а Ц а р я“ - - - Глинки.

Увертюру изъ оперы „Ц а м п а“ - - - - Герольда.

Боже Царя храни! народный гимнъ, каждый разъ послѣ первыхъ трехъ тостовъ.

Тушь послѣ остальныхъ четырехъ тостовъ.

Во время обѣда Предсѣдатель Комитета библіотеки провозглашитъ слѣдующіе тосты:

1) За здравіе ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

2) За здравіе ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ.

3) За здравіе Августѣйшихъ новобрачныхъ и всего Царствующаго Дома.

4) Памяти юбиляра, вѣчно живущаго въ сердцахъ всѣхъ русскихъ, знаменитаго исторіографа, уроженца Симбирской губерніи Николая Михайловича Карамзина.

5) За здоровье почетныхъ гостей.

6) За процвѣтаніе ученыхъ обществъ и здоровье всѣхъ ревнителей просвѣщенія, содѣйствовавшихъ возстановленію библіотеки.

7) За здоровье всѣхъ присутствующихъ.

V.

Въ 7 часовъ вечера, въ малой же залѣ Дворянскаго Собра-
нія, устраивается литературное чтеніе, къ коему приглашаются *без-платно* почитатели Карамзина и любители просвѣщенія.

программа вечера

- 1) Концертъ: „Возведохъ очи мои въ горы хорз.
- 2) Торжественная рѣчъ въ честь Карамзина. *Проф. Буличъ.*
- 3) Увертюра изъ оперы „Свадьба Фигаро“, Моцарта. *оркестръ.*
- 4) Памяти Карамзина стихи Н. М. Языкова *Н. А. Гончаровъ.*
- 5) Кантъ „Коль на Россы приклоните“. *хорз.*
- 6) изъ соч. Карамзина: „извѣстіе русскаго гражданина *А. И. Виноградовъ.*
- 7) Ария „Чарочки“ изъ оперы: Аскольдова могила—Верстов-
скаго *оркестръ.*
- 8) Памяти Карамзина собст. соч. *Д. П. Ознобишинъ.*
- 9) Весенняя пѣснь Мендельсона *оркестръ.*
- 10) Памяти Карамзина соб. соч... *вост. гимн. Соболевъ.*
- 11) Кантъ „Коль славенъ нашъ Господь въ Сионѣ“ *хорз.*
- 12) О любви къ отечеству и народной гордости-Карамзина
вост. гимн. Лохтина.
- 13) Увертюра изъ оперы. „Фрейшиль Вебера“ *оркестръ.*
- 14) О воспитаніи, изъ соч. Карамзина *вост. гимн. Мото-
виловъ.*
- 15) Концертъ: „Слава въ вышнихъ Богу“ *хорз.*
- 16) Письмо г. Попечителя округа Шестакова *В. А. Аунов-
ский.*
- 17) Народный гимнъ: „Боже Цари храни!“ ... *оркестръ и хорз.*

Все вышеописанное торжество внесется въ протоколъ торжествен-
ного юбилейнаго засѣданія Комитета Карамзинской библиотеки,
который будетъ послѣ отпечатанъ.

Но по прибытии въ Симбирскъ 30 ноября Н. Н. Булиcha ока-
залось, что приготовленная имъ для чтенія рѣчъ о Карамзинѣ, по
своему объему, не можетъ быть прочитана въ одинъ вечеръ и
потому программа измѣнена: литературное чтеніе раздѣлено
на два вечера 1-го и 2-го Декабря.

III.

ЗАПИСКА

объ открытии памятника въ Симбирскѣ, симбирскому уроженцу, Россійскому Исторіографу, Николаю Михайловичу Карамзину, въ 1845 году августа 28 дня.

Симбирскіе дворяне не рѣдко, въ дружескихъ бесѣдахъ, сообщая другъ другу извѣстія о лицахъ, подвизавшихся въ Россіи на по-прицахъ служебномъ и литературномъ, чаще всего останавливались на имени славнаго по ученымъ заслугамъ, Симбирскаго уроженца, Николая Михайловича Карамзина. Литературные, а въ послѣдствіи исключительно исторические его труды и самая жизнь его, исполненная добродѣтели, какъ гражданина, возбуждали постоянно глубочайшее уваженіе къ памяти покойнаго, а отношения его къ почившему въ Бозѣ Императору Александру I, изумляли самыхъ смѣлыхъ, по чувствамъ патріотическимъ, дворянъ. Сначала съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ и осторожностію, а потомъ уже и гласно заговорили въ Симбирскѣ о возможности сооруженія памятника Симбирскому уроженцу—Россійскому Исторіографу. Эта мысль на родинѣ покойнаго Н. М. Карамзина впервые была высказана въ домахъ симбирскихъ дворянъ Петра и Александра Михайловичей Языковыхъ и Князя Юрия Сергеевича Хованского, а въ концѣ тридцатыхъ годовъ была проведена и во всемъ Симбирскомъ обществѣ. Она съ каждымъ днемъ дѣлалась сознательнѣе, обращалась въ убѣжденіе у всѣхъ образованныхъ людей въ Симбирскѣ, и наконецъ нашла отголосокъ и полное сочувствіе въ самомъ Правительствѣ. По всеподданнѣйшему ходатайству Симбирскаго Дворянства получены были, въ 1838 г., Высочайшее разрѣшеніе и циркуляръ Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ на подписану пожертвово-

ваній для сооруженія въ Симбирскѣ памятника Н. М. Карамзину. Въ Бозѣ почившій Императоръ Николай Павловичъ много содѣйствовалъ личнымъ участіемъ началу этого дѣла, достойнаго просвѣщенаго его царствованія. О щедротахъ и покровительствѣ этого Монарха покойному Историографу скажемъ ниже, а теперь будемъ продолжать описание событий, предшествовавшихъ открытию памятника. Скоро явились на сооруженіе его добровольныя жертвы всей Россіи, присылавшей со всѣхъ концовъ свои усердныя приношенія на материальноеувѣковѣченіе памяти Историографа Россіи. А покойный поэтъ, Симбирскій уроженецъ Н. М. Языковъ, при вѣсти о состоявшемся объявленіи памятника Н. М. Карамзину въ Симбирскѣ, написалъ полное вдохновенія и творчества стихотвореніе, въ которомъ указалъ, въ сжатыхъ поэтическихъ формахъ, на тѣ величественные, въ исторіи Н. М. Карамзина, образы доблестныхъ двигателей историческихъ судебъ нашего Отечества, которые возстаютъ предъ нами какъ живые, подъ художественнымъ перомъ геніального Историка.

Вскрѣ молва разнесла по Симбирску вѣсть о предполагаемомъ для монумента проектѣ, который въ Петербургѣ поручено было составить известному художнику Гальбергу. Томимые ожиданіемъ узнать содержаніе его, Симбирскіе дворяне и всѣ принимавшіе участіе въ ожидаемомъ исполненіи проекта, довольствовались лишь доходившими до нихъ неясными слухами, что памятникъ изготавляется и скоро будетъ оконченъ, что въ нишѣ мраморнаго пьедестала будетъ поставленъ бюстъ Н. М. Карамзина, а на верху красоваться, во весь ростъ, мѣдная статуя музы Исторіи Кліо. Но положительныя свѣдѣнія о подробностяхъ изображеній барельефовъ еще не были распространены въ Симбирскомъ обществѣ, хотя Кліо отдельно и была привезена еще въ 1843 году въ Симбирскъ, на берегъ Волги. Здѣсь, подъ горою, она лежала до времени доставленія изъ Петербурга сюда пьедестала и бюста Н. М. Карамзина и вмѣстѣ съ ними уже была привезена съ берега Волги на ту площадь, которая была очищена отъ зданій и образовалась по указанію самого Государя Николая I, въ бытность Его Величества въ Симбирскѣ въ 1838 году. По изготавленіи необходимыхъ принадлежностей среди обширной площади, носящей теперь название Карамзинской, былъ воздвигнутъ въ 1845 году монументъ въ самой лучшей части города, между домами гимназии, губернатора, градскаго общества и оградою спаскаго монастыря. Часто народныя толпы останавливались группами у пьеде-

стала воздвигнутаго монумента, стараясь разгадать смыслъ барельефовъ. Конечно, всакій объяснялъ по своему новое явленіе, не-понятное простому народу, особенно при взглядѣ на мифологическую фигуру. Народъ, оставляя ее безъ вниманія и, указывая на бюстъ Н. М. Карамзина въ нишѣ, говорилъ: „вотъ онъ самъ Карамзинъ!“ а о музѣ Кlio позволялъ себѣ разныя толкованія. И нельзя было не останавливаться народу предъ величественнымъ памятникомъ, вышиною въ пять сажень, съ изображеніемъ Кlio, которая стоитъ на гранитномъ пьедесталѣ, опершись на скрижалъ, держа въ рукѣ трубу. На одной сторонѣ этого пьедестала, подъ бюстомъ Карамзина, поставленномъ въ углубленіи, начертана надпись: „Николаю Михайловичу Карамзину, историку Россійскаго Государства повелѣніемъ Императора Николая I. (*) По сторонамъ его вылиты два мѣдные барельефа; одинъ изъ нихъ изображаетъ тѣ минуты, когда Карамзинъ, пользуясь вниманіемъ Императора Александра Павловича у Великой Княгини Екатерины Павловны въ Твери, 18 Марта 1811 года, читаетъ Государю отрывки изъ своей Исторіи. На этомъ барельефѣ, Карамзинъ представляетъ стоящимъ предъ Монархомъ въ Римской тогѣ. Другой изображаетъ послѣдніе дни Карамзина и Высочайшую милость Государя Императора Николая Павловича, дарующаго ему 13 Мая, 1826 года, благодарственный реескриптъ, съ пожалованіемъ на путешествіе въ Италію для излеченія, 50 т. руб. ассигнац., которые обращались въ пенсію ему и его семейству. На этомъ барельефѣ Карамзинъ представленъ лежащимъ на смертномъ одрѣ, окруженнаго своимъ семействомъ; фортуна изъ рога изобилия щедро сыплетъ дары, а дѣти торопливо собираютъ разсыпанныя сокровища. Различный замѣча-нія Симбирянъ о воздвигнутомъ памятникѣ продолжались до того времени, когда настала пора его официальнаго открытия, назначеннаго въ день коронаціи покойнаго Государа, т. е. 22 Августа. Тутъ явилась новая забота о томъ, кого бы пригласить изъ ученыхъ въ Симбирскъ къ этому торжеству. Наконецъ решено было просить къ открытію памятника, для произнесенія слова, бывшаго профессора Московскаго Университета, тогда уже академика, Михаила Петровича Погодина, извѣстнаго между учеными особеннымъ сочувствіемъ къ покойному Историографу, котораго онъ глубоко изучилъ, и, при всѣхъ возможныхъ случаяхъ, воздавалъ ему хвалу, какъ достойнѣйшему изъ Русскихъ писателей, отразившему въ

(*) На памятникѣ выставленъ 1844 годъ, означающій время окончанія отдѣлки памятника. Надпись на памятникѣ начертана въ Петербургѣ.

своихъ безсмертныхъ твореніяхъ геніальныя дарованія, чувства патріотическія и вообще Русскій духъ. Тогдашній г. губернскій предводитель дворянства, впрочемъ оставлявшій уже свой постъ, Петръ Ивановичъ Юрловъ, (мѣсто котораго замѣнялъ г. уѣздный предводитель Александръ Львовичъ Киндяковъ), писалъ къ М. П. Погодину, прося его, отъ лица дворянъ, прѣѣхать въ Симбирскъ съ вышесказанною цѣлію. Въ отвѣтъ на него Г. академикъ не замедлилъ исполнить просьбу Симбирскаго дворянства, и 21 августа 1845 г. явился въ Симбирскъ за день до открытия, впрочемъ, по обстоятельствамъ, отложенного до другаго дня послѣ Коронаціи, т. е. до 23 августа, явился *усталый посыпь дороги на курьерскихъ*, какъ самъ пишетъ въ письмѣ: „Объ открытии памятника Карамзину,” изъ Симбирска къ М. А. Дмитріеву. Въ день Коронаціи г. академикъ представлялся вмѣстѣ съ другими г. Губернатору Н. М. Булдакову, нѣкогда студенту Московскаго Университета, ученику извѣстнаго въ его время профессора Московскаго Университета Гейма. Послѣ обѣдни и молебна въ соборѣ, гдѣ присутствовалъ и М. П. Погодинъ, всѣ отправились къ преосвященному съ поздравленіемъ: Здѣсь г. Погодинъ имѣлъ случай изъявить свое почтеніе Гг. Предводителямъ: П. И. Юрлову и А. Л. Киндякову, изъ которыхъ отъ первого, говорить онъ, „я получилъ лестное предложеніе сочинить слово, а второй, какъ хозяинъ, приглашалъ меня теперь.“ Вечеромъ того же дня г. академикъ читалъ у г. Губернатора, въ присутствіи многихъ дворянъ и сыновей Н. М. Карамзина, Андрея Николаевича и Александра Николаевича, приготовленное, для торжественнаго произнесенія въ слѣдующій день, Историческое Похвальное Слово Н. М. Карамзину. На другой день, при первомъ звукѣ колокола, М. П. Погодинъ отправился въ соборъ, гдѣ уже былъ весь городъ: начальство, дворянство, купечество, воспитанники гимназіи и семинаріи. Всѣ были въ парадной формѣ. Началась заупокойная Литургія, которую совершалъ покойный Высокопреосвященный Іоедотій соборнѣ. Послѣ нея слѣдовала панихида. „Казалось, пишетъ „М. П. Погодинъ въ этомъ же письмѣ къ М. А. Дмитріеву, „вся Россія собралась сюда совершать благодарственное поминовение обѣ одномъ изъ лучшихъ и достойнѣшихъ сыновъ своихъ. „Молодые воспитанники Симбирской Гимназіи,” продолжаетъ г. Академикъ, „были для меня представителями новыхъ поколѣній Россіи. Мысленно обращался я къ нимъ.... о друзья мои! воспо-

„минайте часто о Карамзинѣ и о послѣдней панихидѣ по немъ, „при которой вы имѣли счастіе присутствовать.“

Послѣ окончанія службы всѣ отправились къ монументу на площадь, которая наводнена была несмѣтнымъ множествомъ народа, а окружавшія ее зданія были полны зрителей, съ жаднымъ любопытствомъ смотрѣвшихъ на новое для Симбирска зрѣлище. Скрыавшая бюстъ Н. М. Карамзина и барельефы завѣса, упала, когда приблизилась процессія, между тѣмъ какъ статуя Клю оставалась закрытою. Послѣ произнесенныхъ Преосвященнымъ Феодотиемъ приличныхъ торжественному случаю молитвъ и окроенія Святою водой нижней части памятника, который онъ обошелъ кругомъ, провозглашено было многолѣтіе Государю Императору и всему Августѣшему Дому. Затѣмъ услышаны были предстоявшими слѣдующіе возгласы дьякона: „вѣчная память Историографу, Николаю Михайловичу Карамзину“ „многая лѣта Симбирскому дворянству и всѣмъ почитающимъ память великаго писателя!“ Послѣ этихъ провозглашеній, Преосвященный, обратясь къ бюсту Н. М. Карамзина, произнесъ слово на текстъ изъ Сираха: „*Слава ихъ не потребится, тѣлеса ихъ въ мирѣ погребена быша, а имена ихъ живутъ въ роды. Премудрость ихъ повѣдѣютъ людіе, и похвалу ихъ исповѣсть церквь.* Сир. гл. 44. Затѣмъ онъ началъ слово такъ:

„Чѣмъ приличнѣе привѣтствовать мудраго, если не словами мудраго?—И мы привѣтствуемъ тебя, мужъ мудрый и доблій слова-
ии Св. Премудрости: слава твоя не потребится; ты почилъ въ
мирѣ; но имя твое переживетъ роды, Премудрость твою повѣдѣть
людіе, и похвалу твою исповѣсть церквь.

Не будемъ, братія, спрашививать: кто счастливѣе,—народы ли, среди которыхъ, къ ихъ славѣ и величію, возстаютъ мудрые, или мудрые, возстающіе среди такого народа, который умѣеть цѣшить премудрыхъ. Счастлива Россія, гдѣ подъ благодатною сѣнью Православія и златымъ скіпетромъ Самодержавнѣйшихъ Ревнителей вѣры и просвѣщенія, какъ при плодотворящей росѣ и животворномъ солнцѣ, прозябаютъ, ростутъ и получаютъ правильное направленіе дарованія и умы, къ славѣ и счастію Россіи, которой и въ семъ отношеніи скоро позавидуютъ народы. И кто изъ насъ при семъ взглянѣ на Россію не думаетъ о Карамзинѣ.

Слава тебѣ Карамзинѣ, мужъ мудрый и доблій, своими дарованіями и трудами сугубо прославившій Россію! Премудрость твою повѣдѣть людіе, и похвалу твою исповѣсть церквь. А умолчимъ

мы, то камни сии, вельніемъ Благочестивѣшаго Государя нашего Императора Николая Павловича во славу твою положенные о славѣ твоей возоплють.

Слава Благочестивѣшему Государю нашему, толико прославившему мудраго, на радость мудрыхъ!—

Слава вамъ, мужи именитые, коимъ первымъ пришла на сердце, сродная вашему сердцу, благородная мысль, *почитать премудрость!* *Прем. гл. 6.*

А паче слава Богу, дѣйствующему въ насть и еже хотѣти и еже дѣлти о благоволенїи. *Фил. гл. 2.*

Послѣ произнесенія рѣчи, произведеній глубокое впечатлѣніе на предстоявшихъ, г. Почетный попечитель гимназіи Д. П. Ознобининъ сказалъ, предъ самымъ памятникомъ, исполненное глубокаго патріотического чувства, слѣдующее стихотвореніе:

„Онъ здѣсь! Онъ вѣчно нашъ! Изображеніе Кліи
 „Отнынѣ передастъ въ позднѣйши времена
 „И дарь царя и дань признателной Россіи
 „Къ трудамъ Карамзина.
 „Какъ древле Иродотъ, средь шумныхъ игръ Элады,
 „Рассказомъ сладостнымъ народы увлекаль,
 „И юный Фукидидъ, вперивъ на старца взгляды,
 „Рыдалъ и трепеталь;
 „Такъ Русскій юноша, теперь идущій мимо,
 „Взглянувъ на этокъ ликъ, сіяющій въ мѣди,
 „Любовь къ отечеству, сей огнь неугасимый,
 „Возчувствуетъ въ груди.
 „Въ немъ вдругъ пробудится невѣдомая сила
 „Высокихъ подвиговъ, чѣмъ въ тайнѣ мысль кипитъ,
 „И, какъ птенецъ орла, свои расширивъ крила,
 „Онъ къ солнцу возлетить!

Когда г. почетный попечитель окончилъ чтеніе своего стихотворенія, академикъ М. П. Погодинъ отправился съ окружавшими его почетными лицами изъ дворянъ и множествомъ народа въ назначенную, для произнесенія похвального слова Н. М. Карамзину, залу гимназіи, куда прибылъ вскорѣ и преосвященный, отлучавшійся для разоблаченія. Въ самой залѣ, въ сосѣднихъ комнатахъ и на хорахъ было множество слушателей и слушательницъ: всѣ равно жаждали услышать оратора. Едва взошелъ онъ на

каеедру, по обѣимъ сторонамъ которой, на стѣнахъ, висѣли портреты Н. М. Карамзина и И. И. Дмитрева, какъ громкія рукоплесканія огласили залу гимназіи, ораторъ съ одушевленіемъ началъ говорить, глубокая тишина воцарилась въ ней и въ сосѣднихъ комнатахъ: все внимало его словамъ; улыбка искренняго сочувствія оратору, торжественно восхвалявшему великаго писателя среди его соороженцевъ, выражалась на лицахъ присутствовавшихъ. Къ концу рѣчи нетерпѣніе слушателей выразить гласно порывъ сочувствія былъ неудержимъ: единодушныя рукоплесканія до того были продолжительны, что не дали ему вполнѣ докончить словъ. Авторъ слова указалъ на великое значеніе Карамзина въ отношеніи Языка, Словесности и Исторіи. Особенно были тронуты многие описаніемъ послѣднихъ предсмертныхъ минутъ Карамзина, переданныхъ В. А. Жуковскимъ.(*)

Послѣ этого слова Ознобишинъ, по просьбѣ публики, повторилъ среди рукоплесканій, свои стихи, произнесенные предъ памятникомъ. Чтеніе продолжалось около двухъ часовъ и окончилось въ три часа по полудни. Къ пяти часамъ всѣ присутствовавшіе при открытии памятника и приглашенные гости отправились въ домъ Дворянскаго Собранія, гдѣ дворяне давали обѣдъ. Предъ окончаніемъ его, Исправлявшимъ должность губернскаго предводителя А. Л. Киндяковымъ былъ провозглашенъ тостъ за здравіе Государя Императора, къ которому г. академикъ М. П. Погодинъ присоединилъ слѣдующія слова: „Этотъ тостъ, Мм. Гг. произносится „по всей Россіи; но здѣсь, въ Симбирскѣ, въ эту минуту, онъ „имѣть особенное значеніе. Съ благоговѣніемъ мы должны вспомнить, что Императоръ Николай, первый засвидѣтельствовалъ благодарность Отечества Карамзину, и сказалъ ему, что исторія его до стойна русскаго народа, что Императоръ Николай утѣшилъ „его въ послѣднія минуты его жизни, успокоилъ касательно судьбы „его семейства, принялъ благосклонно всеподданнѣйшее представление Симбирскаго Дворянства о сооруженіи ему Памятника, и „Самъ въ томъ участвовалъ. Да здравствуетъ Августѣйший Покровитель Просвѣщенія и Благотворитель фамиліи Карамзинъ!.. Ура!” Второй тостъ провозгласилъ Андрей Николаевичъ Карамзинъ.

„Мм. Гг. Ежели каждому Русскому останется памятнымъ торжество, соединяющее насъ, то какими словами мнѣ, сыну Карамзина выразить все, чѣмъ исполнена душа моа?... Гений и талантъ

(*) См. Похвальное слово М. П. Погодина, напечатанное послѣ сей записки.

„не наследственны, но наследственно съ малолѣтства питаемое чувство любви къ родинѣ, пламенное, святое,—преданность Престолу и Государю! Мое русское сердце трепещетъ радостью, видя, какъ „милое Отечество цѣнить великие труды, понесенные безсмертными покойникомъ въ пользу русского дѣла и русского слова. Какъ „сынъ его, исполненный благодарности, съ умиленіемъ и восторгомъ „возношу заздравный кубокъ въ честь первыхъ виновниковъ торжества, въ честь благороднаго, просвѣщенаго Симбирскаго Дворянства!.... ура!“

„Съ какимъ чувствомъ, съ какимъ жаромъ, говорить г. академикъ, произнесъ онъ эти слова! Изъ сердца излились они и тотчасъ отозвались во всѣхъ сердцахъ.“

„Милое отчество“ такъ никто не скажеть нынѣ, но въ устахъ Карамзина, который какъ будто въ наследство получилъ это слово, любимое его отцемъ въ своей молодости, оно было „такъ мило, такъ трогательно“....

Потомъ обратились къ Преосвященному Феодотію, съ бокалами и пожелали ему здравія, на что Преосвященный отвѣчалъ слѣдующимъ благодарственнымъ тостомъ:

„Для меня очень пріятенъ этотъ знакъ вашего доброжелательства. Вмѣстѣ съ другими доказательствами, кои я имѣю, онъ служить мнѣ и удостовѣреніемъ въ благочестивомъ расположениіи жителей Симбирской губерніи, за которое я вамъ и благодарствую.“

За тѣмъ слѣдовалъ тостъ за здоровье начальника губерніи Н. М. Булдакова, озабочившагося о церемоніалѣ открытия памятника и сообщеніи ему надлежащей торжественности. Послѣ того возглашено было многолѣтіе семейству Н. М. Карамзина, а Д. П. Озыбишинъ предложилъ тостъ такимъ образомъ: „за здоровье М. П. Погодина, при первой вѣсти объ открытии въ Симбирскѣ памятника незавѣнному Исторіографу, поспѣшившаго въ Симбирскъ, воздать ему на мѣстѣ должную похвалу своимъ привѣтствіемъ и украсившаго теплымъ словомъ своимъ наше семейное и народное торжество. Ура!“

На это привѣтствіе М. П. Погодинъ отвѣчалъ.

„Повторяю вамъ, Милостивые Государи, глубочайшую мою благодарность. Если я исполнилъ сколько нибудь ваше ожиданіе, если я изобразилъ хотя слabo величость заслугъ Карамзина,—я почитаю себя счастливымъ. Да процвѣтаетъ Симбирскъ, да являются отсюда безпрерывно, къ славѣ отечества, преемники Карамзинъ, Дмитріевыхъ, Тургеневыхъ, Языковыхъ . . . Ура!“

Далѣе слѣдовали тосты за Гг. Предводителемъ и учредителемъ празднества. Въ заключеніе М. П. Погодинъ сказалъ:

Милостивые Государи.

„Позвольте предложить вамъ тостъ, въ которомъ заключаются „всѣ предыдущіе: за здравіе и благоенствіе Россіи! Да процвѣтеть она долго, долго,—выражусь словами Карамзина,—если на землѣ нѣтъ ничего бессмертнаго, кромѣ души человѣческой!“

Такъ отпраздновали Симбирскіе дворяне открытие памятника, совершившееся съ соизволенія Императора Николая 1-го, одному изъ знаменитыхъ своихъ уроженцевъ, котораго бессмертнымъ заслугамъ, живущимъ въ его твореніяхъ, глубоко сочувствуетъ Симбирскъ со всю Россіею. Ему воздаютъ хвалу всѣ Русскіе какъ гражданину, явившему себя въ наукѣ, словѣ и жизни однимъ изъ достойнѣйшихъ сыновъ Отечества. Онъ стоялъ какъ просвѣщенный подданный предъ однимъ изъ величайшихъ Монарховъ для Россіи и для всей Европы, Александромъ 1-мъ, читая ему отрывки изъ своей Исторіи, и удостоился отъ Него услышать знаменательныя слова, повторенные въ Высочайшемъ реескрипѣ Императоромъ Николаемъ 1-мъ: „Русскій народъ достоинъ знать свою Исторію. Исторія, вами написанная, достойна Русскаго народа.“ Карамзинъ, какъ правдивый и преданный своему Государю Русскій, чрезъ Великую Княгиню Екатерину Павловну, представилъ Императору Александру „Записку о древней и новой Россіи, сдѣлавшуюся известной съ 1836 г. и вскорѣ другую „Записку о Польшѣ,“ въ которыхъ является вѣрооподаннымъ и усерднѣйшимъ патріотомъ.

За десять лѣтъ до смерти, Карамзинъ окончилъ и издалъ свой трудъ. Первые восемь томовъ его Исторіи вышли въ Январѣ 1818 года. 3,000 экземпляровъ разошлись въ одинъ мѣсяцъ, а къ концу Февраля было раскуплено все изданіе; за второе книгопродавцы предлагали Карамзину 50 т. ассигнац. Въ продолженіи послѣднихъ пяти лѣтъ Карамзинъ написалъ и издалъ три слѣдующія тома: девятый, десятый и одиннадцатый, двѣнадцатый же, неоконченный имъ, былъ изданъ послѣ его смерти другомъ его Графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ Блудовымъ.

Постоянныя занятія разстроили здоровье Карамзина, а полученнное известіе о кончинѣ Александра I поразило его. Онъ думалъ поправить свое здоровье путешествіемъ въ Италию. Отъ Императора Николая Павловича онъ получилъ на путешествіе, какъ мы выше сказали, 50 т. руб. съ повелѣніемъ снарядить для него фрегатъ.

Сильнейший ударъ нанесло ему извѣстіе о смерти Императрицы Елизаветы Алексѣевны, низведшій его въ гробъ. Предъ смертю 13 Мая 1826 года онъ получилъ слѣдующій Высочайшій рескриптъ: „Николай Михайлович! Разстроенное здоровье ваше при- „нуждаетъ васъ покинуть на время Отечество и искать благопріят- „нѣйшаго для васъ климата. Почитаю за удовольствіе объяснить „вамъ мое искреннее желаніе, чтобы вы скоро къ намъ возврати- „лись съ обновленными силами и могли снова дѣйствовать для „пользы и чести отечества, какъ дѣйствовали до нынѣ. Въ то же „время, и за покойнаго Государя, знавшаго на опытѣ вашу благо- „родную безкорыстную къ нему привязанность, и за себя самого, „и за Россію, изъявляю вамъ признательность, которую вы заслу- „живаете и своею жизнью, какъ гражданинъ, и своими трудами, „какъ писатель. Императоръ Александръ сказалъ вамъ: „Русскій „народъ достоинъ знать свою исторію. Исторія вами написанная, „достойна русскаго народа. Исполняю то, что желалъ, чего не у- „спѣлъ исполнить братъ мой.

„Въ приложенной бумагѣ найдете вы изъявленіе воли моей, ко- „торая, будучи съ моей стороны одною только справедливостію, есть „для меня и священное завѣщаніе Императора Александра. Желаю, „чтобы путешествіе было вамъ полезно, и чтобы оно возвратило „вамъ силы, для довершенія главнаго дѣла вашей жизни.

„Пребываю вамъ всегда благосклонный
НИКОЛАЙ.“

Растроганный Карамзинъ выразилъ глубокую признательность свою Императору въ слѣдующихъ словахъ:

„Всемилостивѣйшій Государь! Рескриптъ, коимъ Вы меня осчастли- „вили третьяго дня, написанный столь прекрасно, съ такимъ „благоводеніемъ, воспоминаніе въ немъ о незабвенномъ Александрѣ, „хвала смиренному исторіографу сверхъ его достоинства, омочали „слезами блѣдное мое лицо. Прочитавъ указъ къ министру финан- „совъ, я не вѣрилъ своимъ глазамъ: благодѣяніе чрезмѣрно; ни- „когда скромныя мои желанія такъ далеко не простирались. Изу- „мленіе скоро обратилось однакожъ въ умиленіе живѣйшей благодар- „ности: если самъ уже не буду пользоваться плодами такой цар- „ской, безпримѣрной у насъ щедрости, то закрою глаза спокойно; „судьба моего семейства рѣшена наисчастливѣйшимъ образомъ. Дай „Богъ, чтобы фамилія Карамзинъ, осыпанная милостями двухъ „Монарховъ, заслужила имя вѣрной и ревностной къ Царскому Дому. „О! какъ желаю выздоровѣть, чтобы скорѣе возвратиться въ Пе-

„тербургъ и посвятить послѣдніе дни мои Вамъ, безцѣнныи Го-
сударь, и любезному отечеству. Вчера не могъ я писать: и нынѣ
„голова моя слаба. Видомъ, говорять, я поправляюсь, но слабость
„не выпускаетъ меня изъ полулюдей. Заключу тѣмъ: милости, бла-
„годѣянія ваши ко мнѣ такъ чрезвычайны, что я и здоровый не
„умѣль бы выразить вполнѣ моей признательности.“

20 Мая Карамзинъ говорилъ еще о будущемъ, о выздоровлениіи,
о довершенніи великаго труда; но вскорѣ впалъ въ совершенное
безпамятство и разслабленіе и тихо скончался 22 Мая 1826 года,
на рукахъ родныхъ и друзей въ Таврическомъ дворцѣ.

Тѣло Карамзина похоронено въ Александровской лаврѣ, гдѣ
покоится и прахъ Ломоносова.

По повелѣнію Государя Николая I-го русскій народъ, какъ мы
выше сказали, отозвался усердными жертвами на призывъ Сим-
бирскаго общества къ подпискѣ для торжественнаго сооруженія па-
мятника славному уроженцу, на его родинѣ, а симбирское дворян-
ство, желая передать соуроженцамъ отъ себя имя Н. М. Кара-
зина, какъ безсмертнаго дѣятеля на поприщѣ русскаго слова и
отечественной исторіи, учредило въ Симбирскѣ, собственными по-
жертвованіями, въ 1848 году, скромный памятникъ—Библіотеку
для безвозмезднаго пользованія симбирскимъ жителямъ, которую на-
звали, съ Высочайшаго соизволенія, Карамзинскою. Историческое
описаніе ея будетъ помѣщено ниже, отъ начала ея существованія
до настоящаго времени, со всѣми совершилсями въ ней перемѣнами.

Примѣчаніе. За истребленіемъ во время пожара въ Симбир-
скѣ 19 Августа 1864 года всѣхъ документовъ, относящихся къ
открытию памятника Карамзину, мы заимствовали главныя свѣдѣ-
нія объ этомъ событии изъ письма академика М. П. Погодина
къ покойному М. А. Дмитріеву, писанаго имъ изъ Симбирска
въ Москву послѣ торжественнаго открытія монумента въ Симбирскѣ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ
ЖЕЛАМОЕ СЛОВО
КАРАМЗИНУ,

ПРИ ОТКРЫТИИ ЕМУ ПАМЯТНИКА,

въ Симбирске, Августа 23, 1845 года,

ВЪ СОБРАНИИ СИМБИРСКАГО ДВОРЯНСТВА,

Академикомъ М. Погодинымъ.

Вызванный Вами, Милостивые Государи, принесть должную
дань хвалы трудамъ и заслугамъ знаменитаго согражданина Ва-
шего, Исторіографа Российской Имперіи, Николая Михайловича
Карамзина, при открытии ему памятника, первымъ долгомъ почи-
таю засвидѣтельствовать Вамъ глубочайшую мою благодарность за
предоставленіе мнѣ высокой чести быть Вашимъ органомъ въ этотъ
торжественный для всего отечества день.

Счастливымиъ себя почту, если успѣю сколько нибудь оправдать
Вашу столь лестную для меня довѣренность, исполнить хоть отча-
сти долгъ, лежащій уже давно на всѣхъ служителяхъ Русскаго
слова, и представить въ ясномъ по возможности свѣтѣ предъ
взорами соотечественниковъ высокое значеніе тѣхъ мирныхъ подви-
говъ, за которые нынѣ скромный писатель удостоивается высо-
чайшей гражданской почести.

Отечество не видало Карамзина на полѣ брани, исторгающаго вѣнокъ побѣды изъ рукъ непріятеля; имя его не читалось въ заглавіи трактатовъ, принесшихъ въ даръ Государству новые области; ему не принадлежитъ никакихъ уставовъ, коими назначается образъ дѣйствія для цѣлыхъ поколѣній; онъ не возбуждалъ и не укрощалъ народныхъ движеній на площади; его рѣчей не слыхать было въ собраніяхъ Царской Думы; казна Государственная не получила отъ него никакихъ приращеній; онъ не произносилъ приговоровъ о жизни, смерти и благосостояніи гражданъ; онъ не служилъ...

Сорокъ лѣтъ провелъ онъ тихо, съ первомъ въ руки, за письменнымъ столомъ, въ четырехъ стѣнахъ тѣсной комнаты, среди книгъ, рукописей и ветхихъ хартій древности, вдали отъ людей, вдали отъ поприща дѣйствій, между типографіей и книжной лавкой...

Что же онъ сдѣлалъ такое? Почему воздвигается ему памятникъ? Какія права имѣеть онъ на эту награду? За что долженъ кланяться ему народъ?...

Да,—Карамзинъ не рѣшалъ судьбы сраженій, но рѣшилъ мудренныя задачи нашего Государственного бытія, кои важнѣе всѣхъ возможныхъ побѣдъ въ мірѣ.

Да,—Карамзинъ не распространялъ предѣловъ Имперіи, но распространилъ предѣлы Русскаго языка, въ коемъ хранятся опоры могущества, самыя твердыя, залоги славы, самой блестательной.

Онъ не открывалъ новыхъ источниковъ доходовъ, но открылъ новые источники наслажденій въ сердцѣ, чистыхъ, прекрасныхъ, человѣческихъ, которыхъ нельзя замѣнить, нельзя купить никакими сокровищами древняго и новаго свѣта.

Онъ не сочинялъ законовъ, но внушалъ къ нимъ уваженіе, и училъ жить такъ, чтобы никакихъ законовъ людямъ не было нужно.

Онъ... но я удержусь исчислять впередъ его дѣйствій и скажу только, что десять разъ линіи границъ политическихъ скруглятся или выпрямятся; сто побѣдъ одержится новыхъ и тысяча прежнихъ обветшаютъ и предастся забвению; многія иные племена и народы войдутъ въ емкій составъ Русскаго Царства; самые законы измѣнятся въ своемъ духѣ, вмѣстѣ съ характеромъ подчиненныхъ имъ народовъ, но живыя сѣмена добра, любви и науки, разсыпанныя щедрой рукою даровитаго писателя, по всему неизмѣримому пространству Россіи, отъ западныхъ предѣловъ Польши до Сѣверной Америки, и отъ полярныхъ сѣнговъ Финляндіи до вы-

сотъ Ноева Араката, эти съмена будуть безпрерывно рости, будутъ безпрерывно цвѣсти, и приносить сторицею благіе плоды, кои въ свою очередь сдѣлаются съменами, не переставая питать тысячи и тысячи людей благородною пищею. Много переворотовъ, бурныхъ или мирныхъ, какъ то угодно Богу, испытаетъ нашъ народный бытъ, но потоки сладкой рѣчи, изъ златыхъ усть изліявшіеся, будуть течь безостановочно чрезъ всѣ періоды и эпохи, всегда утоляя жажду, всегда освѣжая животворной влагой усталыхъ дѣлателей, каково бы ни было у нихъ различіе въ образѣ мыслей, взглядахъ и цѣляхъ. Творенія ума переживутъ побѣды, завоеванія, революціи, кодексы, хартіи, доставляя одинакія наслажденія людамъ всѣхъ званій, возрастовъ, состояній и маѣній, равно любезныя и дорогія, во дворцѣ и хижинѣ, вельможѣ и отшельнику, юношѣ и старцу, дѣвѣ и матери семейства, безусловнымъ вѣрноподданнымъ вѣковъ прежнихъ и свободнымъ мыслителямъ новаго времени.

Честь вѣку, который начинаетъ различать существенное отъ проходящаго, отдавать должное достоинствамъ, хоть еще и по смерти, цѣнить вѣраѣ дѣянія по мѣрѣ ихъ пользы для истиннаго человѣческаго счастія, который послѣ минутныхъ побѣдителей, часовныхъ завоевателей и ежедневныхъ законодателей, воздвигаетъ великолѣпные монументы настоящимъ благодѣтелямъ человѣчества, труженикамъ мысли и слова, этимъ нищимъ геніямъ, этимъ прозрѣвшимъ недавно еще обитателямъ чердаковъ и подваловъ, Гуттѣнбергу и Шиллеру, Франкліну и Гёте, Моцарту и Руссо. Честь вѣку, который вслѣдъ за Цицерономъ въ послѣдніе годы республики Римской, по покореніи всего извѣстнаго міра, восклицаетъ торжественно: „*cedant arma togae!*“

Честь вѣку и слава Государству, въ коемъ, при настоящемъ случаѣ, всѣ сословія приняли съ одинакимъ жаромъ благой вызовъ, раздавшійся первоначально на родинѣ великаго гражданина; слава Государству, въ коемъ самодержавный Государь и крѣпостной крестьянинъ съ одинаковой любовью принесли усердные дары въ вѣковое свидѣтельство ихъ общей признательности.

А этотъ новый образъ мыслей, этотъ новый взглядъ на вещи, незнакомый нашимъ отцамъ, (скажу при всемъ почтеніи къ ихъ памяти), — ему положилъ основаніе также Карамзинъ, возвысившій сантъ писателя своими трудами, успѣхами, отношеніями, своею жизнью, смертью, памятью, славою!

Но я отступаю отъ правилъ своего искусства, Милостивые Го-

судари! Мнѣ хочется вдругъ передать Вамъ свои чувствованія: слова вырываются у меня, вопреки сдѣланному предназначенню. Судите сами: — могу ли я въ такомъ состояніи соображаться съ условными требованиями школы?

Вы ожидаете отъ меня панигирика? Нѣть, Милостивые Государи, я вижу теперь, что я не въ силахъ исполнить свое обѣщаніе. Осмѣливаюсь сказать еще болѣе: Карамзину не нужно никакого панигирика. Простое, вѣрное изображеніе его дѣйствій въ различныхъ сферахъ есть самое лучшее ему похвальное слово. Зачѣмъ прибѣгать къ пособію Риторики, съ ея общими мѣстами, преувеличеніями и украшеніями, если истины слишкомъ много, если правда можетъ даже показаться лестью. Позвольте мнѣ лучше пройти передъ Вами исторически, по порядку времени, изъ года въ годъ, все поприще дѣятельности Карамзина, представить въ совокупности всѣ труды его и ихъ благодѣтельныя слѣдствія, напомнить Вамъ о Вашихъ собственныхъ чувствахъ, привести на память собственное Ваше воспитаніе, умственное и нравственное, жизнь Вашего сердца, Вашей души; и я увѣренъ, что ни для Васъ, ни для кого изъ нашихъ соотечественниковъ, послѣ этого воспоминанія не нужно будетъ болѣе никакого разсужденія, никакого объясненія, никакого Похвального Слова.

~~~~~

Заслуги Карамзина относятся къ Языку, Словесности и Исторіи.

Въ какомъ состояніи находился Русскій языкъ до Карамзина? Русскій языкъ испыталъ въ царствованіе Императора Петра такую же революцію, какъ и прочія части Государственной машины: оковы Церковно-Славянскаго языка были свержены; введено въ употребленіе нарѣчіе собственное, разговорное; принято, вмѣстѣ съ вещами и понятиями, множество словъ иностраннныхъ, Латинскихъ, Голландскихъ, Нѣмецкихъ и Французскихъ; эти три разнородные элемента: церковный, разговорный и иностранный, вступили между собою какъ бы въ борьбу, и произвели въ языкѣ совершенный хаосъ. Послушаемъ лучшаго грамотѣя этого времени, Министра Шафирова, въ его сочиненіи о войнѣ Карла XII:

„Всѣ письма большая часть на нѣмецкомъ языке штилизованы, „и потому на иные языки въ Европѣ употребляемые, нарочно для „внущенія всѣмъ перевожены, и дивulgованы, дабы тѣмъ Его Цар- ское Величество, яко начинателя противъ Короны Шведскія войны

„предъ всѣмъ честнымъ совѣтомъ, въ тотъ концептъ, или мнѣніе „привѣстъ,” (1) и проч.

Кто бы могъ повѣрить, что изъ этихъ нестройныхъ, дикихъ со-четаній, могла когда либо произойти настоящая наша славянская рѣча!

Переворотъ Петровъ былъ однакожъ необходимъ и спасителенъ тѣмъ, что открылъ собственному языку свободное поприще для развитія. А зду, какъ оно ни было велико, могло помочь времія,—и таланты, въ которыхъ, на потребу, Россія никогда не имѣла недостатка.

Тамъ, на берегу Бѣлаго мора, въ странѣ снѣговъ и мятежей, въ бѣдной рыбачьей хижинѣ, близъ Холмогоръ, начинаетъ учиться грамотѣ взрослый крестьянинъ, (2) на котораго Русскій Богомъ возложено было преобразовать наше слово,—и чрезъ пятнадцать лѣтъ послѣ кончины Петра вотъ какіе гармоническіе звуки извлечены Ломоносовымъ изъ Петрова смѣщенія языковъ:

„Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
„Ведеть на верхъ горы высокой,
„Гдѣ вѣтъ въ лѣсахъ шумѣть забыть,
„Въ долинѣ тишина глубокой“ (3).

Въ прозаической рѣчи Ломоносова отзывалось однакожъ гораздо болѣе чуждаго элемента: воспитанный на церковныхъ кни-гахъ, плѣненный красотами Славянскаго языка, въ изумлениіи предъ знаменитыми памятниками древности, онъ подчинился невольно ихъ могущественному дѣйствію, и представилъ въ образецъ рѣчу слиш-комъ искусственную. Прочтемъ его вступленіе къ Похвальному Слову Елисавѣтѣ:

„Если бы въ сей пресвѣтлый праздникъ, слушатели! въ кото-
„рый подъ благословленію державой Всемилостивѣйшія Государыни
„нашаѧ покоящіеся многочисленные народы торжествуютъ и весе-
„лятся о преславномъ Ея на Всероссійскій Престолъ восшествії,
„возможно было намъ радостю восхищеніемъ вознестись до
„высоты толикой, въ которой и проч.“

Потребно было новое усиліе, чтобы освободиться наконецъ и отъ

(1) Дедикація, или и проч. с. 38.

(2) Ломоносовъ родился 1711 года. При Петре I ему было уже 14 лѣтъ.

(3) Первая строфа изъ первой оды Ломоносова 1739 г. См. во всѣхъ из-даніяхъ его сочиненій.

классического владения, но преемники Ломоносова, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, увлеченные его привѣромъ, силою и славою, подражали только его круглымъ періодамъ, и не осмѣливались выступать изъ его заповѣдного круга. Всякій чувствовалъ, что въ этой текучей, плавной, благозвучной рѣчи, есть что-то мертвеннное, что отъ нея пашеть какимъ-то холодомъ, что въ ней слышится что-то чуждое, лишнее, и чего-то не достаетъ; но чего именно — не постигалъ никто. Это было тайной генія!...

И вотъ 1766 года, Декабря 1-го, Симбирской губерніи, Симбирского уѣзда, въ селѣ Богородицкомъ, родился Караманъ, — черезъ годъ послѣ кончины Ломоносова, (⁽⁴⁾) какъ бы предназначенный тѣмъ же Русскимъ Богомъ продолжать Ломоносовское дѣланіе.

Семнадцати лѣтъ, окончивъ слегка ученіе, вдохновленный своимъ геніемъ, убѣжденный другомъ, котораго судьба послала ему при первомъ вступлении въ свѣтъ, (⁽⁵⁾) онъ началъ писать, — и вотъ рѣчіе изъ первого его перевода:

„Потеряніе нѣкоторыхъ изъ васъ своихъ отцевъ, коихъ память должна пребыть незабвѣна въ вашихъ сердцахъ, сдѣлало, что вы, вмѣсто, чтобы ходили повѣсѧ голову“....(⁽⁶⁾)

Не слышители вы здѣсь, Ми. Гг., какихъ нибудь новыхъ звуковъ, которые заставляютъ васъ представлять будущаго преобразователя?

Нѣтъ, это птенецъ, едва еще оперенный, едва начинаящій двигаться слабыми крыльями.

Послѣднемъ за нимъ въ его первыхъ опытахъ. Это вѣдь моменты въ Исторіи Русскаго языка, это вѣдь моменты въ Исторіи Россіи. Прочтемъ отрывокъ изъ Аркадскаго памятника, переведенаго имъ на 20-мъ году въ Дѣтскомъ чтеніи:

„Я люблю утро: когда вдругъ всѣ поля, покрытыя мракомъ, въ чистѣйшемъ свѣтѣ представляются глазамъ нашимъ, когда дремавшая природа пробудится и снова придѣтъ въ движение, и все, на что ни взглянешь, оживѣтъ и возрадуется“....(⁽⁷⁾)

Здѣсь слышится что-то новое, пріятное; сердце чувствуетъ близкую перемѣну.

Да! Орель расправляетъ крылья, онъ ужъ хочетъ летѣть, и мы не поспѣмъ за его быстрыми успѣхами: вотъ какое описание Рейн-

(⁴) Ломоносовъ скончался 1765 года.

(⁵) Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ.

(⁶) Деревянная игра, идиллия Геснера, пер. съ Нѣм. 1782 г. Петербургъ.

(⁷) Дѣтское чтеніе, въ части 18.

скаго водопада прислалъ чрезъ два года Карамзинъ изъ Швейцаріи:

„Представьте себѣ большую рѣку, которая, преодолѣвая въ течение свое мѣсть всѣ препоны, полагаемыя ей огромными камнями, мчится съ ужасною яростю, и наконецъ, достигнувъ до высочайшей гранитной преграды, и не находя себѣ пути подъ сею твердою стѣною, съ неописаннымъ шумомъ и ревомъ свергается внизъ, и въ паденіи своемъ превращается въ бѣлую кипящу пѣну....“⁽⁸⁾

Припомните отрывокъ, вышеприведенный изъ Ломоносова, и сравните его съ описаніемъ Карамзина — какое различіе! Мертвое ожидалось, холодное согрѣлось, чужое отсѣчено, недостающее найдено, искусственность замѣнилась природой.

Кто же показалъ неученому молодому человѣку этотъ новый путь? Какъ могъ онъ вдругъ постигнуть тайну, укрывавшуюся столько времени? Гдѣ нашелъ онъ образецъ этому неслыханному складу?

Гдѣ? Въ своемъ слухѣ, въ своемъ сердцѣ, въ своей душѣ. Онъ самъ, можетъ быть, не зналъ сначала, что пишетъ иначе, и что идетъ по другому пути; онъ не видаль, куда придется, и приведеть нась съ собою, послушный единственно своему внутреннему голосу, увлекавшему его въ неизвѣстную даль!

Успокоившись, разсмотримъ, въ чемъ состояло, собственно, преобразованіе Карамзина.

Русскій умъ любить ясность; у него не достанетъ терпѣнія съ Нѣмцемъ дожидаться смысла до конца рѣчи, съ разу онъ хочетъ понять, въ чемъ дѣло, и ему тотчасъ послѣ имени нуженъ глаголь. Карамзинъ и подальше ему глаголь, слѣдуя вообще въ порядке словъ за естественнымъ развитиемъ мыслей. Что можетъ быть легче этого? Такъ всѣ загадки представляются легкими, когда отгаданы; но отгадываютъ ихъ только Ломоносовы и Карамзины.

Возвратясь изъ путешествія, Карамзинъ посвятилъ себѣ совершенно Словесности; впродолженіи пятнадцати лѣтъ онъ трудился неутомимо, писалъ, вырабатывалъ свой языкъ болѣе и болѣе, — и передалъ его наконецъ соотечественникамъ, которые до сихъ поръ имъ пишутъ.

Передать свой языкъ на многія лѣта народу.... и какому на-

(8) См. Письма Русского Путешественника, въ полномъ собраніи Сочиненій Карамзина, ч. IV.

роду?... Милостивые Государи! Вы согласитесь, что мудрено пріобрѣсть честь блистательнѣе, оказать услугу важнѣе этой?

Но она тѣмъ не ограничивалась: Карамзинъ занимался языкомъ не отвлеченно, не въ особливыхъ рѣченіяхъ, не безъ связи съ содержаніемъ. Языкъ не былъ для него единственою цѣллю, а только средствомъ для сообщенія его мыслей.

Воздѣльвая языкъ, онъ творилъ, обогащалъ Словесность, и вмѣстѣ дѣйствовалъ на образованіе народа, на распространеніе проповѣщенія, заключая союзъ Словесности съ жизнью, прежде почти неизвѣстный.

До Карамзина предметы Словесности заимствовались по большей части изъ какого-то міра идеального, въ которомъ читатель принималъ условное участіе, какъ будто во снѣ, переселяясь туда на время чтенія, и возвращаясь немедленно къ действительной жизни съ одними бесплодными воспоминаніями о разныхъ несбыточныхъ происшествіяхъ, искусственныхъ положеніяхъ и преувеличенніяхъ чувствованіяхъ, кои приложить было не-куда.

Первыми дѣломъ молодаго писателя было изданіе журнала.

Карамзинъ окунулъ проницательнымъ взоромъ состояніе современного общества, увидѣлъ тотчасъ, на какой степени оно стояло; рѣшилъ, — что ему на первый случай было необходимо, въ какомъ видѣ это нужное представить ему должно, и составилъ себѣ планъ.

Повѣсти, стихотворенія, извѣстія о зрелищахъ, русскихъ и иностранныхъ, съ замѣчаніями объ игрѣ актеровъ, разборы занимательныхъ книгъ, письма Русскаго Путешественника, — вотъ въ чёмъ состояло содержаніе *Московскаго Журнала*. Ни малѣйшаго педантизма и учености, ни одной статьи сухой и тяжлой, языкъ общевразумительный и слогъ обработанный, тонкій вкусы, соблюденіе всѣхъ приличій, — однимъ словомъ, это было легкое и приятное чтеніе, умное и нескучное, какого никогда на Русскомъ, языкѣ еще не бывало.

Важнѣйшею частью, лучшимъ украшеніемъ *Московскаго Журнала* были *Письма Русскаго Путешественника*, коими Карамзинъ положилъ основаніе своей славѣ. Русскому обществу открылся какъ будто новый міръ. Европейскія Государства были посѣщаемы и прежде, но только лицами высшаго сословія, которыхъ не умѣли передать своихъ ощущеній соотечественникамъ, или лучше не имѣли ихъ сами, довольствуясь сообщеніемъ другъ другу водевильныхъ куплетовъ и новомодныхъ покроевъ, и большая часть Россіи оставалась въ невѣдѣніи, что есть и дѣлается за грани-

ницею. Карамзинъ первый описалъ живыми красками Германію, Швейцарію, Францію, Англію, состояніе земли, образованность жителей, успѣхи наукъ и искусствъ, изобразилъ великихъ писателей, имъ посвѣщенныхъ, заставилъ полюбить ихъ, познакомилъ съ ихъ сочиненіями, возбудилъ вниманіе къ главнымъ вопросамъ, занимавшимъ тогда первые умы.

Присоедините къ этому пламенную любовь къ человѣчеству, твердое убѣжденіе въ его совершенствованіи, благоговѣніе передъ просвѣщеніемъ и его достойными жрецами, сочувствіе ко всему возвышенному и прекрасному, простое младенческое сердце, слышное на всякой страницѣ; — и наконецъ, для разнообразія, живописныя картины природы, множество любопытныхъ анекдотовъ, неожиданныхъ встрѣчъ, занимательныхъ разговоровъ, все это рассказано увлекательнымъ слогомъ со слѣдами горячихъ впечатлѣній,— и вы поймете успѣхъ Карамзина въ Русской публикѣ 90-хъ годовъ.

Только политики не касался онъ, потому-ли, что не чувствовать еще расположения къ ея бурнымъ вопросамъ, или потому, что опасался тогда произвестъ какоенибудь непрѣятное впечатлѣніе о себѣ въ Правительствѣ.

Однимъ изъ полезныхъ плодовъ этого сочиненія было возбужденіе любви къ иностраннымъ литературамъ въ молодомъ поколѣніи,— въ томъ поколѣніи, которое вскорѣ дало отечеству: Жуковскаго, Тургеневыхъ, Кайсаровыхъ, Блудова, Дашкова, Батюшкова.

Вмѣстѣ съ письмами Карамзинъ выдавалъ въ Московскомъ Журналѣ свои повѣсти, изъ коихъ первое вмѣсто, и по времени сочиненія, и по блестящему успѣху, принадлежитъ *Бѣдной Лизѣ*. Сцену выбрано любимое гулянье Московскихъ жителей—окрестности Симонова монастыря; дѣйствующими лицами были выведены живые люди, вмѣсто прежнихъ Миленовъ и Замиръ, обитавшихъ въ неизвѣстныхъ пространствахъ; все это было очень ново и разительно. Простосердечіе, невинность и несчастная судьба доброї дѣвушки изображены живо, а чувствительность была модною болѣзникою вѣка: полились слезы,— и тысячи любопытныхъ ходили иѣздили искать слѣдовъ Лизиныхъ. Нѣсколько поколѣній считало своею обязанностію посмотреть на заходящее солнце съ высотъ Симонова Монастыря, подумать о Карамзинѣ, и вздохнуть о небывалой Лизѣ.

Пусть въ этой повѣsti, равно какъ и въ слѣдующихъ, не было строгой истины, какъ ее понимаютъ нынѣ, но ея отсут-

ствія не замѣчали въ сочиненіяхъ этого рода лѣтъ пятьдесятъ еще послѣ, не только у настѣ, но и во всей Европѣ.

За бѣдою Лизою слѣдовала *Наталья Боярская дочь* съ воспоминаніями о старинномъ боярствѣ и дѣдовскихъ обычаяхъ, съ національными выраженіями и разными увлекательными подробностями.

Слава Карамзина распространялась день ото дня. Лучшая часть публики бросилась безъ памяти къ молодому писателю. Дамы, не бравшія Русскихъ книгъ въ руки, начали находить удовольствие въ чтенії. Дѣвицы и юноши не помнили себя отъ восторга. Всѣ повторяли выраженія, выученные наизусть изъ Московскаго Журнала. Первые писатели вызвались помочь ему своими трудами, и самъ Державинъ, тогда на верху своей славы, воскликнулъ:

„Пой Карамзинъ! — И въ прозѣ

„Гласть слышень соловьянъ.“

Московскій Журналъ издавалъ Карамзинъ два года: 91-й и 92-й. Публика пожелала видѣть всѣ его статьи въ особой книгѣ, которая и вышла подъ заглавiemъ: *Мои бездѣлки*, напечатанная вскорѣ вторымъ изданіемъ.

Въ 93 и 94 годахъ Карамзинъ вмѣсто журнала, безпокоившаго его срочною работою, издавалъ Литературный сборникъ *Аглаю*, коего вышло двѣ книги, составленныя почти сполна изъ его сочиненій. Здѣсь между прочимъ явились въ первый разъ: *Островъ Борнгольмъ* и *Илья Муромецъ*.

Первая повѣсть, облеченнная тайною, оставила по себѣ глубокое впечатлѣніе, и въ продолженіи пятидесяти можетъ быть лѣтъ ни одинъ изъ нашихъ путешественниковъ не проѣзжалъ мимо этого пустыннаго острова, безъ какого-то унылаго безотчетнаго чувства, напѣвалъ про себя любезную пѣсню:

„О Борнгольмъ, милый Борнгольмъ!“

Илья Муромецъ поразилъ и удивилъ необыкновеннымъ своимъ размѣромъ, послѣ однообразныхъ ямбовъ, господствовавшихъ въ нашемъ стихосложеніи. Этотъ изящный языкъ, какъ жемчугъ наизнанный, производилъ совершенное очарованіе въ читателяхъ: молодые люди, незнакомые еще тогда съ тонкостями Нѣмецкой философіи, восхищались Ильей Муромцемъ, и заманчивое „продолженіе впередь, “ подписанное подъ сказкою, долго возбуждало любопытство нашего доброго стараго времени.

Но не однѣми забавами воображенія увлекался Карамзинъ: вопросы важнѣйшіе тѣснились въ груди его, — и онъ спѣшилъ подѣлиться съ публикою плодами своего размышенія. Въ Аглаѣ

помѣстіль онъ разсужденіе о своемъ времени, въ формѣ писемъ Филалета и Мелодора, два отрывка о наукахъ и авторствѣ, и обширную картину древней жизни.

Всѣ эти сочиненія писалъ онъ для общества, не для ученыхъ, не для философовъ, и до сихъ поръ надо удивляться тому искусству, съ какимъ онъ умѣлъ становиться на одну точку съ своими читателями, выбирать стороны предмета, кои особенно были для нихъ понятны и разительны, научать, безъ малѣйшаго притязанія на званіе наставника, являясь вездѣ только любезнымъ собесѣдникомъ, возбуждать живое участіе къ своимъ мыслямъ; — и легкія простыя статьи его приносили пользы гораздо болѣе многохъ глубоко-мысленныхъ диссертаций.

Переписка *Филалета и Мелодора* имѣла особую цѣль: Карамзинъ, преданный оть души просвѣщенію, хотѣлъ разсѣять тѣнь подозрѣнія, положенную на философію ужасами Французской революціи, которая возбуждала опасеніе даже и въ кроткой Екатеринѣ. Онъ боялся, чтобы какія нибудь строгія мѣры не заглушили первыхъ ростковъ, возникавшихъ на Русской почвѣ, не помѣшили новымъ цвѣтамъ, коихъ онъ желалъ и ожидалъ для славы отечества. Нельзя было найти посредника искуснѣе: онъ представилъ различіе между благо-и злоупотребленіемъ, и защитилъ правое дѣло наукъ, коихъ значенію и отношенію къ жизни посвящена имъ была и другая статья, съ тѣмъ же горячимъ чувствомъ написанная. (9) Мечтанія о счастіи человѣчества, вслѣдствіе просвѣщенія, изображены здѣсь увлекательно, и никому нельзя читать ея, не питая сердечной любви къ сочинителю.

Въ отрывкѣ: *Что нужно автору?* Карамзинъ ясно описалъ намъ, чѣмъ надѣлилъ его Богъ для произведенія тѣхъ благодѣтельныхъ впечатлѣній, кои отъ всякой статьи его получали въ такомъ обиліи его соотечественники.

„Читай исторію несчастій рода человѣческаго, говоритъ онъ, и если сердце твое не обольется кровью, оставь перо, — или оно изобразить намъ хладную мрачность души твоей.

Но если всему горестному, всему угнетенному, всему слезящему, открыть путь въ чувствительную грудь твою; если душа твоя можетъ возвыситься до страсти къ добру, можетъ питать въ себѣ святое, никакими сферами не ограниченное, желаніе всеобщаго блага; тогда смѣло призываи богинь Парнасскихъ — онъ пройдуть

(9) Нѣчто о наукахъ, искусствахъ и просвѣщеніи.

мимо великолѣпныхъ чертоговъ и посѣтить твою смиренную хижину,—ты не будешьъ бесполезнымъ писателемъ,—и никто изъ добрыхъ не взглянетъ сухими глазами на твою могилу.“

Афинская жизнь, которая начинается: „Греки! Греки! кто въасъ не любить?“ уносила подъ благословенное небо Аттики, гдѣ переходя отъ наслажденія къ наслажденію, люди жили въ объятіяхъ природы, наукъ и искусствъ.

Любовь къ чтенію распространялась болѣе и болѣе, и Карамзинъ въ этомъ отношеніи сдѣлался преемникомъ незавѣнного Новикова.

Онъ пользовался этимъ счастливымъ расположениемъ и поддерживалъ безпрестанно вниманіе публики, питалъ ея любопытство и не давалъ остывать пробужденному чувству. Кромѣ новыхъ изданій прежнихъ сочиненій, кои слѣдовали одно за другимъ безпрестанно, онъ началъ съ 1796 года издавать стихотворные Альманахи, *Аониды*, при дѣятельной помощи Державина и Дмитрева, который въ одно время съ нимъ производилъ одинакую почти перемѣну въ области Русской поэзіи; и своими сказками, пѣснями, элегіями, баснями, приводилъ ее къ той простотѣ и естественности, кои были главною заслugoю Карамзина.

Въ царствованіе Императора Павла.... Карамзинъ занимался только переводами невинныхъ *повѣстей*: *Мартонтеля*, *Жан-лисъ*, и разныхъ другихъ писателей, и издалъ ихъ тогда же, вмѣстѣ съ *Пантепономъ Иностранный Словесности*, составленнымъ изъ сочиненій образцовыхъ писателей, древнихъ и новыхъ.

Между тѣмъ онъ мужалъ, созрѣвалъ, размышлялъ, занимаясь по всѣмъ вѣроятностямъ, чтенiemъ историческихъ сочиненій, къ коимъ получилъ особенную склонность, и лишь только вступилъ на престоль Императоръ Александръ, какъ и возвратился Карамзинъ къ публичной дѣятельности съ новыми силами, съ новымъ усердиемъ къ пользѣ общѣй.

Первымъ его трудомъ было Историческое Похвальное слово Екатеринѣ, гдѣ прославляя Императрицу, онъ имѣлъ намѣреніе преподать наставленіе юному вѣнценосцу, озаренному такими свѣтлыми надеждами, при своемъ вступлении на престолъ; съ этою цѣллю онъ старался въ своемъ сочиненіи выставить преимущественно тѣ добродѣтели, коими цари снискиваютъ себѣ—не лесть при жизни,—но благодарную любовь за гробомъ: милосердіе, кротость, благотворительность. Съ этою цѣллю онъ старался доказать, что твер-

дѣйшее основаніе престоловъ заключается въ преданности, любви, признательности подвластныхъ имъ народовъ. (10)

Съ какимъ наслажденiemъ Карамзинъ заключаетъ выписки свои изъ Наказа Императрицы Екатерины слѣдующими ея словами: „Самодержавство разрушается, когда Государи думаютъ, что имъ „надобно изъявлять власть свою не слѣдованиемъ порядку вещей, „а перемѣною онаго, и когда они собственныя мечты уважаютъ „болѣе законовъ. (11) (510—511). Самое вышнее искусство Монарха состоять въ томъ, чтобы знать, въ какихъ случаяхъ „должно ему употребить власть свою: ибо благополучіе самодержавія есть отчасти кроткое и снисходительное правленіе. Надобно, „чтобы Государь только ободрялъ и чтобы одни законы угрожали „(513—515). Не счастливо то государство, въ которомъ никто „не дерзаетъ представить своего опасенія въ разсужденіи будущаго, не дерзаетъ свободно объявить своего маѣнія (517). Все „сіе не можетъ понравиться ласкаителямъ, которые безпрестанно „твѣрдятъ земныхъ Владыкъ, что народы для нихъ существуютъ. Но мы думаемъ, и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что „мы живемъ для нашего народа....

Заключая эту выписку изъ Наказа Императрицы Екатерины, Карамзинъ восклицаетъ (12) „Сограждане! сердце мое трепещетъ отъ „восторга! Ваше конечно тоже чувствуетъ!... Удивленіе и благо- „дарность производятъ его; я лобызаю Державную руку, которая, „подъ Божественнымъ вдохновеніемъ души, начертала сіи священ- „ныя строки. Какой Монархъ на тронѣ дерзнулъ,—такъ дерзнулъ „объявить своему народу, что слава и власть Вѣнценосца долж- „ны быть подчинены благу народному; что не подданные суще- „ствуютъ для Монарховъ, но Монархи для подданныхъ? Мы удивля- „емся Философу, который проповѣдуетъ Царямъ ихъ должности „но можно ли сравнять его смѣлость съ великодушіемъ Екатери- „ны, которая, утверждая престоль на благодарности подданныхъ „торжественно признаетъ себя обязанною заслуживать власть свою?“

Съ какимъ восторгомъ Карамзинъ говорить о дѣйствіяхъ Екатерины на пользу просвѣщенія!

„Народныя школы могутъ и должны быть полезнѣе всѣхъ „Академій въ мірѣ, дѣйствуя на первые элементы націи; и сми-

(10) Соч. Карамзина, изд. 4. томъ VIII. с. 55.

(11) Указаніе отдѣленій Наказа означено по первому изданію Слова. Москва. 1802. Томъ VIII, с. 92.

(12) С. 94. Въ Собраниі сочиненій томъ VIII с. 56.

„рений народный учитель, который дѣтамъ бѣдности и трудо-
 „любія изъясняетъ буквы, ариѳметическія числа, и разсказываетъ
 „въ простыхъ словахъ любопытные случаи Исторіи, или разверты-
 „ва моральный Катихизисъ, доказываетъ, сколь нужно и выгодно
 „человѣку быть добрымъ,—въ глазахъ Философа почтенъ не менѣе
 „Метафизика, котораго глубокомысліе и тонкоуміе самымъ учен-
 „нымъ едва вразумительно, или мудраго Натуралиста, Физіолога,
 „Астронома, занимающихъ своею науковою только нѣкоторую часть
 „людей.—Если въ городахъ, въ семь новомъ твореніи Екатерины,
 „еще не представлялось глазамъ ни палать огромныхъ, ни хра-
 „мовъ великолѣпныхъ: то, въ замѣну сихъ иногда обманчивыхъ
 „свидѣтельствъ народнаго богатства, взоръ патріота читалъ на
 „смиренныхъ домикахъ любезную надпись: *Народное Училище*,
 „и сердце его радовалось. Кто благоговѣлъ предъ Монархіею,
 „среди ея пышной столицы и блестящихъ монументовъ славнаго
 „царствованія, тотъ любилъ и восхвалъ просвѣтительницу оте-
 „чества, видя и слыша въ стѣнахъ мирной хижинки, юнаго уче-
 „ника градской школы, окруженаго внимашимъ ему семействомъ,
 „и съ благородною гордостю толкующаго своимъ родителямъ нѣ-
 „которыя простыя, но любопытныя истины, свѣданныя имъ въ тотъ
 день отъ своего учителя.*“

Сколько назидательныхъ уроковъ заключается въ его словахъ о цензурѣ,** „необходимой въ гражданскихъ обществахъ: ибо разумъ можетъ уклоняться отъ истины, подобно какъ сердце отъ добра-
 „дѣтели, и неограниченная свобода писать столь же безразсудна,
 „какъ неограниченная свобода дѣйствовать; но какъ мудрый за-
 „конодатель, избѣгая самой тѣни произвольного тиранства, за-
 „прещаетъ только явное зло, и многія сердечныя слабости пере-
 „дастъ единому наказанію общаго суда или ииѣнія: такъ Монар-
 „хия запрещенію цензуры подвергла только явный развратъ въ
 „важнѣйшихъ для гражданскаго благоденствія предметахъ, оста-
 „вляя здравому разуму гражданъ отличать истины отъ заблужде-
 „нія, т. е. Она сдѣлала ее не только благоразумною, но и сни-
 „сходительною; и сюю довѣрѣнностію къ общему суду пріобрѣла
 „новое право на благоларность народную.“

Слово раздѣлено на три части: о побѣдахъ, законахъ и учре-
 жденіяхъ. Знатоки права удивляются, какъ могъ Карамзинъ
 такъ ясно понять и представить въ такомъ краткомъ объемѣ

* Томъ VIII, с. 92.

** Томъ VIII, с. 99.

сущность многочисленныхъ гражданскихъ постановлений, дарованныхъ Императрицею Екатерину. Нѣкоторыя тѣни въ ея царствованіи ораторъ имѣлъ полное право прейти молчаниемъ, предста-вляя ихъ Исторіи.

Съ 1802 года Карамзинъ началъ издавать другой журналъ, *Вѣстникъ Европы*, вслѣдствіе такого убѣжденія: * „Въ Россіи „Литература можетъ быть еще полезнѣе, нежели въ другихъ земляхъ; чувство въ насъ новѣе и свѣжѣе, изящнѣе тѣмъ сильнѣе „дѣйствуетъ на сердце, и тѣмъ болѣе плодовъ приносить. Сколь „благородно, сколь утѣшительно содѣйствовать нравственному об-разованію такого великаго и сильнаго народа, какъ Россійскій; „развивать идеи, указывать новыя красоты въ жизни, питать душу „моральными удовольствіями и сливать ее въ сладкихъ чувствахъ, „со благомъ другихъ людей.““

Чтобы судить, до какой степени распространилась охота къ чтенію въ Россіи, и какъ много надежды полагала публика на любимаго своего писателя, довольно сказать, что, вмѣсто 300 подписчиковъ Московскаго журнала, на *Вѣстникъ Европы*, явилось, говорить, уже двѣ тысячи. Для Московскаго журнала Карамзинъ работалъ все самъ, а въ *Вѣстникъ Европы* нашлись уже сотрудники, воспитанные по его сочиненіямъ, имъ приготовленные, начученные его языку и слогу. Московскій журналъ передать было некому, а *Вѣстникъ Европы* имѣлъ преемниковъ, между которыми вскорѣ явился Жуковскій.

Вѣстникъ Европы Карамзина, какъ былъ, такъ и остался на-всегда образцовымъ Русскимъ журналомъ, съ которымъ не сравнялся послѣ ни одинъ, хотя вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, кои сдѣлались мудренѣе, сложнѣе, — новыхъ требованій, которыхъ предъ-дѣлять можно, а исполнить нельзя. — Онъ прочитывался съ жад-ностію, отъ первой страницы до послѣдней, удовлетворяя вполнѣ своихъ читателей, вѣль ихъ далѣе, обогащая познаніями, возбуждалъ охоту приобрѣтать новые, имѣть свое собственное мнѣніе, и выражалъ это ясно и твердо. Въ немъ недоставало критики, которая дѣлается камнемъ преткновенія для новыхъ журналовъ; но въ такой юной Словесности, какова тогда была Русская, не было и особенной въ ней нужды.

Съ первыхъ книжекъ *Вѣстника Европы* явно стало, что из-датель возмужалъ, созрѣлъ, что кругъ его зреяня распространился,

* *Вѣстникъ Европы*, с. 1802. Январь; с. 6.

Изъ працнаго позвестователя онъ дѣлается опытнѣмъ руководителемъ, что онъ размышлялъ о всѣхъ важнѣйшихъ предметахъ состоянія общественнаго, имѣть о нихъ собственныя мысли, и хочетъ предложить на всеобщее разсужденіе, однимъ словомъ, что онъ имѣть цѣли высшія.

Дѣйствительно, разомотрите отглавленіе Вѣстника Европы, и вы найдете тамъ всѣ наши основныя задачи, начиная съ крестьянской.

Онъ видѣлъ . . . . . положеніе крестьянъ, ... но съ другой стороны помнилъ дѣйствія безсмыслицей и необразованной свободы, и сказалъ въ *Письма сельскаго жителя*.* „Время подвигаетъ впередъ разумъ народовъ, но тихо и медленно: бѣда законодателю облетать его! Мудрый идетъ шагъ за шагомъ и смотритъ вокругъ себя.—Богъ видитъ: люблю ли человѣчество и народъ Русскій; имѣю ли предразсудки, обожаю ли гнусный идолъ корысти,—но для истиннаго благополучія земледѣльцевъ нашихъ, желаю единственно того, чтобы они имѣли добрыхъ господъ и средства просвѣщенія, которое одно, одно сдѣлаетъ все хорошее возможнымъ.“

Карамзинъ видѣлъ испытаніе нашего высшаго сословія, преданаго съ юныхъ лѣтъ иностранныкамъ другаго языка, другой вѣры, другаго образа мыслей, и представилъ въ статьѣ „*Моя исповѣдь*“** “неизбѣжнія его слѣдствія” . . . . .

„Я родился сыномъ богатаго, знатнаго господина,“ говорить онъ отъ лица своего героя, ** „и выросъ малуномъ! дѣлалъ вскія проказы и не былъ сбѣченъ! выучился по французски и не знать народнаго языка своего! игралъ десяти лѣтъ на театрѣ, и въ пятнадцать лѣтъ не имѣть идеи о должностяхъ человѣка и гражданина!“

„Нѣкоторыя люди смотрѣть на меня съ презрѣніемъ, и говорить, что я остыдилъ родъ свой; что знатная фамилія есть обязанность быть полезнымъ человѣкомъ въ государствѣ и добродѣтельнымъ гражданиномъ въ отечествѣ. Но повѣрю ли я имъ, вида съ другой стороны, какъ многіе изъ нашихъ любезныхъ соотечественниковъ стараются подражать мнѣ; живутъ безъ цѣли,

* Томъ VIII, с. 246.

** Томъ VIII, с. 172—187.

„женятся безъ любви, разводятся для забавы, и разоряются для „ужиновъ!“

Карамзинъ видѣлъ гибельныя слѣдствія отъ нашего неуваженія къ самимъ себѣ, презрѣнія собственныхъ достоинствъ, отъ недовѣрчивости . . . . . къ Русскому дарованію, которая останавливаетъ народное развитіе, убиваетъ способности, не допускаетъ ни до какихъ успѣховъ, и приводя доказательства противнаго изъ Истории, сказаль въ своей статьѣ „*O любви къ отечеству и народной гордости:*“

„Я не смѣю думать, чтобы у насъ въ Россіи было не много „патріотовъ; но мнѣ кажется, что мы излишне смиренны въ мысляхъ о народномъ своемъ достоинствѣ, а смиреніе въ политикѣ „вредно. Кто самого себя не уважаетъ, того, безъ сомнѣнія, и „другіе уважать не будутъ. Не говорю, чтобы любовь къ отечеству долженствовала ослѣплять насъ и увѣрять, что мы вѣхъ „и во всемъ лучше; но Русскій долженъ, по крайней мѣрѣ, знать „цѣну свою. Согласимся, что некоторые народы вообще наше про- „свѣщеніе: ибо обстоятельства были для нихъ счастливѣ; но „почувствуемъ же и всѣ благодѣянія судьбы въ разсужденіи на- „рода Россійскаго, станемъ смѣло на ряду съ другими, скажемъ „ясно имъ свое, и повторимъ его съ благородною гордостью.“

Онъ видѣлъ, что служба, бывши прежде необходимостю государственною, дѣлалась послѣ поимѣху въ исполненіи прочихъ обязанностей, и даже въ успѣхахъ просвѣщенія, и объяснилъ это въ статьѣ: „*Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ.*“**

Онъ видѣлъ . . . . . употребленіе языка Французскаго въ обществѣ, коимъ показывается неуваженіе къ самимъ себѣ, къ своему достоинству, къ своему народу, къ своей исторіи, и вооружался противъ него при всякомъ случаѣ, гдѣ заходила о томъ рѣчь.

Даже противъ моды онъ почелъ обязанностю, какъ журналистъ, выразить свои мысли.***

Главною же мыслию, которую Карамзинъ носилъ всегда у своего сердца, которую лелеялъ съ нѣжной заботою во все продолженіе своей жизни, и старался выразить во всякой статьѣ своей, начиная отъ первыхъ до послѣдней, которая сроднилась съ его душою, и составила часть его самаго, точно какъ теперь соста-

* Томъ VIII, с. 116.

** Томъ VIII, с. 194.

*** Въ статьѣ о легкой одеждѣ красавицъ XIX столѣтія, томъ VII.

влять часть его имени, неразрывно съ нимъ соединенная,— главною его мыслию была мысль о просвѣщении, о просвѣщении общемъ для всего народа, а не для одного какого либо сословія. Вотъ какъ объясняетъ онъ въ Вѣстнике Европы *о новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи*:*

„24 Января державная рука Александра подписала бессмертный указъ о заведеніи новыхъ училищъ и распространеніи наукъ въ Россіи. Сей счастливый Императоръ—ибо дѣлать добро миліонамъ есть главное на землѣ блаженство—торжественно имѣетъ народное просвѣщеніе важную частю государственной системы, любезною сердцу его.... Разноможая Университеты и Гимназии, говорить еще: *да будетъ святъ и въ хижинахъ!*... „Александръ, щылая святою ревностю ко счастію вѣрѣнныхъ ему миллионовъ, избираетъ вѣрѣйшее, *единственное* средство для совершенного успѣха въ своихъ великодушныхъ намѣреніяхъ. Онъ желаетъ просвѣтить Россію, чтобы они могли пользоваться честолюбивыми его уставами, безъ всякихъ злоупотребленій и въ полнотѣ ихъ спасительного дѣйствія.“

Заключу выписки изъ этой прекрасной статьи слѣдующими драгоценными словами:

„Русскіе патріоты, увѣжденные очевидною истинною, что человѣкъ, и въ хижинѣ, и за плугомъ, можетъ не обманывать видомъ своимъ, а быть въ самомъ дѣлѣ человѣкомъ, вѣрили тогда, что отечество наше имѣть право ожидать еще новыхъ, великихъ благодѣйствій отъ трона, въ разсужденіи государственного просвѣщенія; они желали ихъ,—и добродѣтельный Александръ, слѣдя влечению прекрасной души своей, исполнилъ ихъ желаніе.... Предупредимъ гласъ потомства, судъ Историка и Европы, скажемъ, что сей Уставъ народнаго просвѣщенія есть *сильнѣйшее* доказательство небесной благости Монарха, который во всѣхъ своихъ подданныхъ желаетъ найти признателныхъ, во всѣхъ равно любить, и во всѣхъ считаетъ людьми.“**

Однимъ словомъ не осталось ни одного современнаго вопроса, или лучше, ни одного современнаго явленія, котораго бы онъ не обратилъ въ вопросъ и не предалъ на разсужденіе, вмѣстѣ съ собственнымъ своимъ инѣнемъ.

* Томъ VIII. с. 221.

** Томъ VIII, с. 221, 225. Слова, напечатанныя курсивомъ, отмѣчены такъ у автора.

Смотри также статьи: *о вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей, и о публичномъ преподаваніи наукъ въ Московскомъ Университетѣ.*

Что касается до своего жёнія, онъ излагалъ, какое хотѣть, и цензуры какъ будто не существовало для него; онъ часто говорилъ: цензура столь же мало мѣшаетъ умному писателю, какъ риѳма хорошему стихотворцу. Примѣръ поучительный для проемниковъ, но многие ли могутъ имъ пользоваться!

Разсуждениі Карамзина не касались еще глубинъ предметовъ, что было бы излишне и безвременно, ибо прежде надлежало разсмотрѣть ихъ поверхность, въ ся явленіяхъ, чтобы послѣ дойти до внутренности; надо было утолять голодъ настоящаго дня; а не заботиться о пресыщении завтрашняго. Карамзинъ зналъ, что всекому вопросу есть свой чередъ и свое время.

Мечтія его, совѣты, носили на себѣ печать умѣренности, сми-
схожденія, человѣколюбія. Имѣя отъ природы кроткое сердце, ко-
торому противна была всякая, даже времененная, несправедливость,
всѣкое насилие, всякая крутая мѣра, онъ желалъ улучшений есте-
ственныхъ, постепенныхъ, мирныхъ, проис текающихъ отъ взаимно-
го согласія, отъ лучшаго направленія; онъ не хотѣлъ нарушать
ничего спокойствія, не оскорблять ничьего самолюбія, не возбуж-
дать ничьей непріязни, не приносить въ жертву никакихъ правъ.

таковъ бытъ его характеръ, такъ настроенъ бытъ его умъ, такъ расположены были его чувства, и никто не имѣть права осудить писателя за его слишкомъ добре и чувствительное сердце.

Изъ произведеній изящной словесности Каравацій написалъ для Вѣстника Европы двѣ повѣсти: „Рыцарь нашего времени“ и „Мареу Посадницу:“ первая привѣтствуетъ тѣмъ, что въ ней сохранилъ онъ многія черты изъ своей юности въ обществѣ Симбирскихъ дворянъ, которое содѣствовало столько его первоначальному развитію, и обогатило его своенародными впечатлѣніями, давшими въ свое время множество прекрасныхъ плодовъ. Замѣтимъ еще, что эта повѣсть, по своему предмету, составляетъ, можетъ быть, переходъ въ повѣстямъ нашего времени, отъ коихъ не требуется уже изящной природы.

* Такъ начинается эта повѣсть.

Вместо повѣстей, Карамзинъ представилъ въ Вѣстникѣ Европы очень много статей изъ отечественной Исторіи, плоды его по-стѣдніхъ занятій: „*О Русской старинѣ*,“ — прекрасное извлеченіе изъ древнихъ иностраныхъ путешественниковъ; „*О Московскомъ мятежѣ въ царствованіи Алексія Михайловича*,“ — живая картина замѣчательнаго происшествія; „*О предметахъ изъ Русской Исторіи для художества*,“ и наконецъ: „*Историческія замѣчанія на пути къ Троице*,“ — самый счастливый изъ его опытовъ въ этомъ родѣ. Дорога Троицкая, столько знакомая всякому Русскому, оживилась воспоминаніями, описанная красорѣчиемъ первомъ Карамзина. Царь Алексій Михайловичъ съ своею Царицею и Царевнами, съ своими Боярами, Окольничими, предсталъ нашему воображенію, — но первымъ героемъ этой статьи былъ Великий Годуновъ; которому Карамзинъ, первый, хотя не надолго, сказалъ доброе слово и пріобрѣлъ многихъ почитателей. Тѣ искры, кои, по словамъ его, зараниваютъ истину, * долго мелькали въ глазахъ не одного любознательнаго юноши, и кому не хотѣлось отыскать ихъ въ пепльѣ?

Одною изъ главныхъ особенностей Вѣстника Европы были *Статьи политические*, ** о которыхъ у насъ, впрочемъ, говорено было мало. Карамзинъ разсуждалъ о всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ своего времени, представляя свои мнѣнія о дѣйствіяхъ генерала Бонапарта и мѣрахъ Питта и Фокса, предугадывалъ многоя явленія, хвалилъ и порицалъ решения кабинетовъ, съознаніемъ своего достоинства, съ благородствомъ и независимостью; съ почтеніемъ къ высокимъ дѣяніямъ, имѣя всегда въ виду немаловажнѣя какія либо выгоды, меркантильныя или мануфактурныя, а истинное благо народовъ, высшую цѣль человѣчества. Многіе писатели, незнающіе Россіи, говорять въ Европейскихъ журналахъ, что Русскіе не созрѣли для употребленія разныхъ плодовъ цивилизациі. Ихъ можно указать на статьи Карамзина, писанныя слишкомъ за 40 лѣтъ до нашего времени. . . . . статьи, комъ можно было читать въ любомъ Парламентѣ,—въ доказательство, что Русскіе имѣютъ полное право жить своимъ умомъ, и судить о другихъ, такъ какъ другіе объ нихъ судятъ.

Вотъ краткое обозрѣніе дѣйствій Карамзина въ продолженіи первыхъ 15 лѣтъ: онъ очистилъ Русскій языкъ, освободилъ его изъ-подъ классическаго вліянія, указалъ ему настояще теченіе,

** Томъ IX, с. 55—83.

обработалъ слогъ, обогатилъ Словесность, представилъ сочиненія во всѣхъ родахъ: письма, повѣсти, разсужденія, похвальные слова, разговоры; возбудилъ участіе къ сочиненіямъ знаменитыхъ писателей, познакомилъ съ иностранными литературами, перевелъ множество образцовыхъ произведеній со всѣхъ новыхъ языковъ, привелъ въ движение Словесность, распространилъ охоту къ чтенію; умѣль возбудить любовь къ занятіямъ, коснулся до всѣхъ современныхъ вопросовъ, училъ разсуждать политически, началь возбудить участіе къ Русской старинѣ, и познакомилъ съ древними иностранными путешественниками.

Сколько трудовъ, сколько заслугъ, которыхъ достаточно было бы, чтобы прославить нѣсколько писателей изъ всю ихъ жизни, а для Карамзина это были только первоначальные опыты, это были только приготовительные занятія,—почти проба пера.

Онъ не доволенъ былъ тѣми трудами, кои могъ, лишь задумать, оканчивать; его влекло въ темную даль; его мучила тоска по неизвѣстномъ; ему хотѣлось такого дѣла, которому бы невидать было конца, на которое недоставало его извѣстныхъ силъ; онъ желалъ искать новыхъ способностей въ своей душѣ,—и, закрывъ глаза, онъ ринулся стремительно въ бездну Русской Исторіи....

Я говорю такъ безъ преувеличенія,—всякій, имѣющій понятіе объ историческомъ дѣлѣ, согласится со мною, что это есть настоящее выраженіе для его предпріятія.

Въ какомъ состояніи находилась наша Исторія?

Библіотеки не имѣли каталоговъ; источниковъ никто не собиралъ, не указывалъ, не приводилъ въ порядокъ; Лѣтописи не были изслѣдованы, объяснены, даже изданы ученымъ образомъ; грамоты лежали, разсыпанныя по монастырямъ и архивамъ; хронографовъ никто не зналъ; ни одна часть Исторіи не была обработана—ни Исторія церкви, ни Исторія права, ни Исторія словесности, торговли, обычаевъ; для древней Географіи не было сдѣлано ни какихъ приготовленій; Хронологія перепутана; Генеалогіей не занимались; Нумизматическихъ собраній не существовало; Археологіи не было въ поминѣ; ни одинъ городъ, ни одно княжество, не имѣли порядочной Исторіи; сношенія съ сосѣдними государствами поконились въ статейныхъ спискахъ; иностранные лѣтописи, кроме Греческихъ, не принимались въ соображеніе; древніе Европейскіе путешественники въ Россіи, едва были извѣстны по слуху; съ сочиненіями иностранныхъ ученыхъ, въ которыхъ

разъяни разсуждениа о древней Россіи, ни кто не справлялся; ни одного вопроса изъ тысяч не решено окончательно, ни одного противорѣчія не соглашено.

Что же было сдѣлано?

Издано нѣсколько лѣтописей, коими нельзя было пользоваться по отсутствію всякой отчетливости.

Написало нѣсколько Исторій, удовлетворявшихъ потребностию своего времени; но онъ не помогали, а увеличивали работу, приводя ученаго въ сомнѣніе своими прибавленіями, и заставляя отыскивать ихъ источники.

Объяснило нѣсколько древнихъ памятниковъ, но безъ необходимыхъ строгихъ доказательствъ.

Положено прочное основаніе разрѣшенію одного вопроса—о происхожденіи Руси,—и Шлецеръ только что указалъ, какъ надо приниматься за лѣтописи, напечатавъ первую часть своихъ толкованій на Нестора.

Вѣть въ какомъ положеніи находились до Карамзина приготовительные труды для Русской Исторіи. Прибавьте наконецъ, что самъ онъ не имѣлъ классического образованія, не зналъ древнихъ языковъ, и не занимался никогда исторической критикой.

Еслибъ Карамзинъ въ 1803 году сказалъ знаменитому Шлецеру, что онъ намѣренъ писать Русскую Исторію, съ какимъ недоводаніемъ великій критикъ прерваль бы его смиренное объявление, и изрекъ ему судъ! Съ какой извѣтливой улыбкою изъявилъ бы онъ послѣ предъ своей братіей состраданіе о Русскомъ нѣжествѣ! И всѣ ученые, пожавъ плечами, воскликнули бы: «Нимъ въ одинъ голосъ, что предпріятіе дерзко, безразсудно, невозможно, и доказываетъ только совершенное отсутствие въ Русскихъ писателяхъ понятій о требованіяхъ современной науки, недовѣрность ихъ къ ученымъ трудамъ. Какъ не согласиться съ такими справедливыми отзывами? Карамзину надо бы было запереть все библиотеки, и.... и мы не имѣли бы Исторіи государства Российскаго, вслѣдствіе самыхъ основательныхъ причинъ и самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ!»

Правда—намѣреніе писать Русскую Исторію въ 1803 году было дерзко и ни съ чѣмъ не сообразно, неисполнимо, уснѣхъ точно казался не вѣроятнымъ,—но развѣ вѣроятнѣе былъ успехъ Суворову, когда онъ понесся на Измаильскія стѣны, или пошелъ братъ Прагу? Развѣ Петру, послѣ Нарвскаго пораженія, вѣроятнѣе была Полтавская побѣда?...

Это духъ всей Русской Исторіи, это духъ всей Русской жизни; это духъ не Карамзина, не Ломоносова, не Петра, не Суворова; — это духъ Русского человѣка, тотъ самыи духъ, предъ которыми поникаются Альпийскія горы, заравниваются Кавказскія пропасти, котораго ничто не устрашаетъ, которому ни гдѣ не бываетъ пре-понъ, тотъ духъ, который мы учимъ, получение и больно все-го не доучимъ, всѣми силами погасить старающія въ Латинскихъ формахъ и Нѣмецкихъ формулахъ, и который однакожъ все еще живъ, потому что живущъ, а Богъ милостивъ.

Карамзинъ отнесся не къ Шлецеру а къ Муравьеву. Муравьевъ; Михаилъ Никитичъ, (благословимъ здѣсь его имя: ибо онъ вмѣстѣ съ Дмитріевымъ, другимъ согражданомъ вѣшивъ *амплъ счастіе* содѣйствовать Карамзину при началѣ его трудовъ), — оказалъ два слова Императору Александру, — и Карамзинъ, боецъ всѣхъ справокъ и разсужденій, облечень въ званіе Исторіографа, получилъ открытый листъ во всѣ книгохранилища, — и чрезъ 12 лѣтъ воздвигся великолѣпный памятникъ языка и Исторіи, которому самъ Шлецеръ долженъ бы былъ, еслибы дожилъ, почитительно поклониться, — и дароже намѣреніе оправдалось блестящимъ успѣхомъ!

Карамзинъ разумѣется не знать сначала самъ всѣхъ трудностей своего предприятия; вѣроючи онъ хотѣть только написать замѣтальную книгу для чтенія, разсказать пріятно всѣ происшествія въ жизни Русскаго народа, возродить участіе публики въ Олегамъ, Владимірамъ, Ioannамъ, какое онъ возбудилъ къ небывалымъ героямъ своихъ поэтическихъ и привлечь вниманіе къ отечественной Исторіи, какое привлекъ ко многимъ важнымъ, нравственнымъ и политическимъ предметамъ.

Какъ бы то ни было, онъ оставилъ свѣтъ, отказался отъ общества, и заключился въ уединеніе; первые три года, ио свидѣтельству его знакомыхъ, онъ былъ погруженъ въ свой предметъ, до таїхъ степеней, что не могъ ни о чёмъ говорить, и сдѣлался несноснѣмъ даже для друзей. Чѣмъ болѣе онъ занимался, тѣмъ яснѣе разумѣется видѣть ужасное свое положеніе: затрудненіемъ рѣтѣчались на каждомъ шагу, препятствія, о коихъ не поймали за ранѣе, останавливали его безпрестанно; тѣнь Шлецера, какъ страшное привидѣніе, грозила ему, кажется изъ всякой стро-ки. Нѣсколько разъ перемѣнилъ онъ свое намѣреніе, сокращалъ и распространялъ планъ; задавалъ себѣ новыя задачи, жегъ и переписывалъ не однажды первые томы. Часто онъ долженъ быть

приходить въ отчаяніе, но эта непреклонная воли, это зернистое терпѣніе, рѣшилось поставить на своеиъ, который въ извѣстное время явился у Русскаго, впрочемъ беззечнаго обыкновенія чоловѣка, побуждали его идти далѣе; никакія преграды его не оставляли; затрудненія увеличивали только его силу: этотъ внутренний светъ, полученный имъ отъ Бога, освѣщалъ предъ нимъ всякую тьму, въ которую онъ попадалъ на пути своего; онъ очищавался тѣтчасъ во всякомъ лабиринтѣ, и находилъ путеводную нить, охранявшую его отъ всякихъ заблужденій. Бодро шелъ онъ впередъ, распутывая и разсыпая узлы. Что другой узнавалъ двадцати-четири опыта, при способахъ безконечной начитанности, съ советами цѣлыхъ факультетовъ, въ ученой атмосфѣрѣ, то Карамзинъ схватывалъ на лету, усматривалъ съ разу, счастливо угадывалъ. Между тѣмъ онъ безпрестанно учился, взоръ его становилъ яснѣе, кругъ зренія расширялся, и наконецъ онъ избралъ въ письмѣ своеиъ къ Муравьеву, что уже не боится феруды Шлецеровой.

Въ такихъ тяжелыхъ трудахъ провелъ Карамзинъ двѣнадцать лѣтъ, и въ 1815 году, Декабря 8, представилъ всесиѣ томы своей Исторіи Императору Александру, и потому всому Русскому народу.* Государь принялъ ее съ благоволеніемъ, посыпалъ на нее чистатать безъ цензуры, и даровалъ Автору разныя гражданскія награды; Публика, ожидавшая съ нетерпѣніемъ Исторію, расхватала въ дѣвъ недѣли изданіе, и дѣйствіе было неописанное.

Тридцать лѣтъ стоять предъ мами эта Египетская пирамида, Петолинскій трудъ Карамзина, и мы до сихъ поръ не собрались съ силами разобрать, оцѣнить его по достоинству: разительное доказательство его превосходства!

Не мѣсто здѣсь разсматривать въ подробности великое произведеніе,—я постараюсь указать лишь главныя черты, предоставленные прошее другому времени.

Всякое историческое произведеніе, само по себѣ, можетъ быть рассматриваемо съ трехъ сторонъ: 1-е критики, 2-е искусствъ, 3-е науки.

Критика изслѣдуетъ, очищаетъ, приготавливаетъ материалы.

* Томы 9 10 и 11, Карамзинъ издалъ виродолженія слѣдующихъ десяти лѣтъ, а 12 напечатанъ уже послѣ его кончины.

Искусство воспроизводить события, и представлять ихъ воображенію, какъ бы они теперь происходили.

Наука проникаетъ въ ихъ внутреннюю связь и открываетъ ихъ законы, или божественные идеи.

Это три раздѣльные сферы, очень обширныя, требующія, каждая для себя, особливыхъ талантовъ—творческаго, умозрительнаго и критического: одно дѣло—приготовить краски, другое писать картину, иное показать на ней законы изящнаго. Всѣ три дѣла ишашутъ въ иѣкоторомъ смыслѣ одно другому: искусство требуетъ живости; критикѣ необходимо терпѣніе и вниманіе; условия науки — глубокомысліе и проницательность. Творческий полетъ художника останавливается копотливою работою критика, а философу опасно увлекаться воображеніемъ.

Карамзинъ принужденъ быть по необходимости принять на себя все три обязанности, и мы должны показать его заслуги съ этихъ трехъ сторонъ.

Въ приготовленіи материаловъ Карамзину предложали труды, какъ мы видѣли, безчисленные.

Онъ разсмотрѣлъ и изслѣдовалъ всѣ извѣстные до него исторические источники, и множество новыхъ, имъ самимъ открытыхъ; ни одного списка лѣтописи не осталось не прочтеннаго, не пересмотрѣннаго, и на всѣхъ сияютъ слѣды его руки. Этого мало, онъ перечель столь же добросовѣтно историковъ, которые прежде его пользовались ими, и показалъ, гдѣ и какъ они уклонились, часто даже—по чѣму. Вообразите же себѣ это множество списковъ лѣтописей, это множество грамотъ и различныхъ сказаний, это множество изслѣдований и иностранныхъ свидѣтельствъ, кои должно было обдумать и иметь въ виду! Взглѣдите на примѣчанія къ каждому тому. Сколько труда, на притѣрь, должно было употребить, чтобы согласить всѣ противорѣчущія показанія древнихъ и мнѣнія новыхъ, и написать первую главу Исторіи, самую неблагодарную: о народахъ издревле въ Россіи обитавшихъ. А такихъ главъ сколько въ каждомъ томѣ! Отсюду извлекаю Карамзинъ сущность и употребляю въ дѣло, указывая при всякомъ положеніи на то свидѣтельство, которое служило ему основаніемъ, приводя важнѣйшія мѣста изъ древнихъ источниковъ, такъ что, еслибы мы имѣли несчастіе потерять ихъ всѣ,—наука могла бы еще идти далѣе и совершенствоваться изъ одного его сочиненія.

Въ его примѣчаніяхъ заключается почти другая Исторія, столь же драгоценная, изъ подлинныхъ словъ составленная!

Обратимся къ самымъ событиямъ—какое разнообразіе! Государственные, военные, законодательные, ученые! Сколько вопросовъ во всѣхъ сихъ областяхъ, вопросовъ важныхъ, требующихъ долговременного изученія, тщательного вниманія. Обо всѣхъ представилъ Карамзинъ свое мнѣніе, часто вѣрное, всегда замѣчательное, плодъ яснаго ума и прилежнаго размышенія, мнѣніе, которое непремѣнно долженъ имѣть въ виду всякой будущій изслѣдователь, хотяъ онъ посвятилъ много лѣтъ на изученіе того предмета, о коемъ Карамзину случилось разсуждать только мимоходомъ. Юристы, филологи, богословы, всѣ должны начинать съ него, ссылаясь на него! Всѣ получаютъ отъ него пособіе, и никто не покажетъ большаго недоразумѣнія. Карамзинъ останется навсегда съ своимъ мнѣніемъ и указаніемъ.

Еще болѣе,—Карамзинъ, о всѣхъ будущихъ мысляхъ въ наукѣ, имѣль какъ будто предчувствіе, и выражался почти всегда такъ, что онъ не показутся опроверженіемъ, а только дополненіемъ и объясненіемъ, развитіемъ его положеній. Какъ часто случается съ изслѣдователемъ обрадоваться своему открытию и придать ему великую важность, а это открытие находится у Карамзина спрятанное въ углу какого нибудь примѣчанія! Мнѣніе о древности Славянъ въ Европѣ принадлежитъ новѣйшей критикѣ, но перечтите, что говорить о нихъ Карамзинъ, и вы увидите, что начиная ихъ Исторію съ 6 вѣка, вслѣдъ за прочими изслѣдователями, онъ былъ увѣренъ въ Европейскомъ ихъ пребываніи гораздо прежде: онъ все предчувствовалъ, все указалъ, обо всемъ догадывался!

Сколько хронологическихъ разнорѣчий по лѣтописямъ, своимъ и иностраннымъ, онъ долженъ быть согласить и объяснить!

Всѣ дѣйствовавшія лица онъ зналъ, кажется, лично, и имѣль предъ глазами жизнь ихъ со всѣми случаями; удѣльныхъ Князей, на примѣръ, которыхъ было по множеству въ одно время, и которые ежегодно почти мѣнили свои города и дрались между собою, а дружились, измѣнили другъ другу еще чаще, Карамзинъ распредѣлилъ каждого въ свое мѣсто, въ свое время, въ свои отношения, и въ двадцать пять лѣтъ не нашлось никакихъ важныхъ противорѣчій въ тысячахъ показаний этого рода. Приведу примѣръ: два удѣльныхъ Князя въ periodъ междуусобныхъ войнъ, смѣшиваются по нѣкоторымъ спискамъ: дѣйствія одного, впрочемъ мелкия и маловажныя, приписываются иногда другому, и упій,

имелъший изслѣдователъ,* началь нужнымъ написать обѣ никъ цѣлую большую диссертацию, чтобы отдать каждому свое по принадлежности, а Карамзинъ увидѣлъ и сказалъ, что эти Князья по харатеру спискамъ различаются ясно.

Двея ученыхъ спорили цѣлый годъ въ журналахъ о банимъ строеніи,— Карамзинъ рѣшилъ ихъ споръ одною строкою въ приложении**.

Люди, не знакомые съ критическимъ дѣломъ, не могутъ понять, не могутъ оцѣнить такихъ замѣчаній, по видимому ничтожныхъ, но спросите знатоковъ: чего стоять часто одна строка, одно слово, одинъ знакъ препинанія, при изслѣдованіи древняго свидѣтельства, и они объяснятъ вамъ, что значать подобныя решенія.

Дѣятельный ученый *** принялъ на себя обязанность составить Указателя къ сочиненію Карамзина, который и занялъ два большихъ тома, чутъ ли не съ полумиллиономъ предметовъ. Всѣ занимавшіеся Исторію поклонились благодѣтельной книгѣ, а эта книга была только оглавленіемъ, исчисленіемъ предметовъ, изслѣдованныхъ, описанныхъ Карамзинымъ, въ ихъ послѣдовательности и связи.

Вотъ сколько труда совершилъ онъ! Скажу рѣшительно: обыкновеннымъ человѣкомъ разсудкомъ нельзѧ понять, какъ могъ Карамзинъ въ двѣнадцать лѣтъ сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ, отложительно приготовленія матеріаловъ для Исторіи,— когда же онъ писалъ?

Мы переходимъ къ разсмотрѣнію Исторіи Карамзина со стороны искусства.

Истинно, разматривая многочисленные, утомительные, тягостные, часто даже мучительные труды Карамзина, въ области критики, не понимаешь, какъ послѣ нихъ оставалось еще время *писать* Исторію, и невольно приходить мысль, что она изливалась сама собою изъ глубинъ его души и сердца, естественнымъ съдѣствиемъ его чтенія и размышлѣнія, какъ будто кристаллизовалась, не стоя ему ни малѣйшаго труда.

Великолѣпнѣйший литературный памятникъ, какой существовалъ

* Лербергъ въ разсужденіи Владіміръ Мстиславичъ и Владіміръ Андреевичъ.

** Каченовскій и анонимъ (кажется Мартосъ) въ Вѣстнике Европы 1812 года.

*** П. М. Строевъ.

где либо, произошло самъ собою! Восемь томовъ Исторіи, изъ коихъ каждый, или даже десятая доля каждого доставила бы честь на славу всякому писателю, представляется намъ только окончаніемъ его работаго времени, отдохновеніемъ послѣ трудовъ! Не чудо ли это? И потому не знаешь, чему болѣе удивляться въ Исторіи Карамзина: его труду или его дарованію.

Весь языкъ со всѣми своими словарями, весь занасъ будущихъ словарей, разсыпанный въ памятникахъ, находился въ его распоряженіи, и послушны слова и обороты, на повелительный зовъ его, стекались изъ лѣтоисей, грамотъ, прологовъ, мицей, житій, сказацій; и словоуплялись въ какую то волшебную гармонію, которой можно наслаждаться, даже независимо отъ ея содержанія.

Послушайте вступленіе въ Исторію Иоанна III:

„Отсель Исторія наша иріемлетъ достоинство истинно государственное, описывая уже не безысмленная драки княжескія, но дѣянія царства, приобрѣтающаго независимость и величие. Разновлачестіе изчезаетъ съ нашимъ подданствомъ; образуется держава сильная, какъ бы новая для Европы и Азіи, которая, видя онную свою удивленіемъ, предлагаютъ ей знаменитое мѣсто въ ихъ системѣ политической. Уже союзы и войны наши имѣютъ важную силу! каждое особенное предпріятіе есть слѣдствіе главной мысли, устремленной ко благу отечества: Народъ еще коснѣть въ невѣжествѣ, въ грубости; но правительство уже действуетъ по законамъ ума просвѣщенаго. Устроются лучшія воинства, призываются Искусства, нужнѣйшія для успѣховъ ратныхъ и гражданскихъ; Посольства велиокняжескія стрѣнѣть ко всѣмъ дверямъ знаменитымъ; Посольства иноземныя одно за другимъ являются въ нашей столицѣ. Императоръ, Папа, Европа, Республики, Цари Азиатскіе, привѣтствуютъ Монарха Россійскаго, славного побѣдителя и завоеваніями отъ предѣловъ Литвы и Новагорода до Сибири. Изыхающая Греція отказываетъ намъ остатки своего древнаго величія: Италия даетъ первые плоды рождающихся въ ней художествъ. Москва украшается великоколѣбными зданіями. Земля открываетъ свои недра, и мы собственными руками извлекаемъ изъ оныхъ металлы драгоценные. Вотъ содержаніе блестящей Исторіи Иоанна III, который имѣлъ рѣдкое счастіе властствовать 43 года; и былъ достоинъ онаго, властуя для величія и славы Россіи...“

Неужели это не музыка? Какая стройность, полнота, благозвучіе, величіе! Этого языка ни кто не превзойдетъ, ни кто съ нимъ

не сравняется, никто его не достигнетъ! Только одинъ разъ, только въ одиѣхъ устахъ могъ онъ такъ произвестися, и повториться такое явленіе не можетъ, какъ не можетъ повториться храмъ Св. Петра, Рафаэлова Мадонна, Моцартова Симфонія. Въ Исторіи Государства Россійскаго Карамзинъ поставилъ языку свои Геркулесовские столпы, которыхъ прейти не возможно. Мы будемъ имѣть много геніальныхъ произведеній, потому что наука, искусство, жизнь, языкъ, безконечны; но уже въ другомъ родѣ, другаго ладу, другаго сочиненія.

Впрочемъ языкъ, какими бъ не отличался совершенствами, есть только выраженіе, орудіе искусства. Карамзинъ *представилъ* многія *событія* такъ, что они именно воспроизводятся въ нашемъ воображеніи; изобразилъ многія *лица* такъ, что онъ живутъ предъ нами, если иногда не своею собственnoю, то по крайней мѣрѣ тою жизнью, которую сообщилъ имъ художникъ въ разныя минуты ихъ дѣятельности. Прочитавъ, на примѣръ, внимательно 6-й томъ, вы видите предъ собою величественную фигуру Иоанна III, вы слышите его тяжелые шаги, вы встрѣчаетесь съ его суровыми взглядами, отъ которыхъ женщины падали въ обморокъ, вы уклоняетесь отъ его повелительного движения:— это торжество искусства.

А счастливый и злосчастный Борисъ, потомокъ Татарскаго Мурзы Чета, между родовыми Князьями, среди колѣнопреклоненій и заговоровъ, съ его изобрѣтательностью, осторожностью, инительностью, поражаемый непреклонною судьбою, ударъ за ударомъ, не смотря на всѣ благія предположенія и разумныя мѣры! А легко-вѣрный Самозванецъ, умный, веселый, живой, пирующій на канунѣ гибели, пляшущій по краю пропасти, между Нѣцами и Поляками, подъ зоркими взглядами угрюмыхъ Россіянъ, которые, кланяясь, выбираютъ на тыльѣ его мѣсто, где нанести ударъ смертоноснѣй? Всѣ эти лица изображены такъ вѣрно, такъ близко къ природѣ, какъ только можетъ искусство.

Точно тоже должно сказать о многихъ происшествіяхъ— мы присутствуемъ съ Карамзінимъ на Флорентійскомъ соборѣ, и слышимъ строгую рѣчь Марка Ефесскаго, который лучше хотеть подвергнуться игу Турковъ, нежели отступить на шагъ отъ восточнаго православія. Трепетъ объемлетъ ваше сердце, когда вы видите предъ своими глазами висѣлицы, возвѣгнутыя на Московской площади, и смотрите украдкою на Грознаго Иоанна, прѣхваталиаго въ тоинѣ Опричниковъ судить и казнить своихъ вѣрныхъ подданныхъ. Или, перенесясь въ Успенскій соборъ, внемлете тор-

жественному слову Св. Филиппа, угрожающего злобному Царю гнѣвомъ небеснымъ за его беззаконное правленіе.

Повѣствованія Карамзина часто сами собою возвышаются до поэзіи; грудь вздыхается, дышешь тяжелѣе, читая описание ночного нападенія Татаръ на Ермака.... „пробужденій звуками мечей „и стонами издыхающихъ, Ермакъ воспрянулъ, увидѣлъ гибель, „махомъ сасли еще отразилъ убийцъ, кинулся въ бурный, глубокій Иртышъ, и не доплылъ до своихъ лодокъ, утонулъ, отягченный желѣзной бронею, данною ему Ioannomъ... Конецъ горькій для завоевателя: ибо, лишаясь жизни, онъ могъ думать, что „лишается и славы!.... Нѣть! волны Иртыша не поглотили ея: Россия, Исторія и Церковь гласятъ Ермаку вѣчную память!“

А избраніе на престолъ Бориса Годунова, когда весь народъ Московскій, подъ предводительствомъ Владимиrской и Казанской Божіей Матери, подъ хоругвями отечества, съ Патріархомъ и всѣмъ освященнымъ соборомъ, идутъ въ Дѣвичій монастырь умолять знаменитаго правителя возсѣсть на престолъ Мономаховъ? А осада Троицкаго монастыря?—какія величественные картины!

Читая отношенія Россіи въ Ордѣ, Литвѣ, Крыму, Польшѣ, Швеціи, предвидишь, какъ онѣ неминуемо поклонятся двуглавому орулю. Точно также чувствуешь, какъ всѣ древніе удѣлы—и Тверь, и Рязань, и Новгородъ, и Смоленскъ, тянутъ къ Москвѣ, которой судьба назначила быть верховной главою Россіи.

Чѣмъ далѣе шелъ Карамзинъ, чѣмъ болѣе писалъ, тѣмъ болѣе талантъ его усиливался, даръ слова увеличивался; и только въ первыхъ томахъ, пока онъ не освободился отъ той теоріи, въ коей былъ воспитанъ, встрѣчаются изображенія невѣрныхъ, возвышенныхъ вопреки истинѣ, хотя и тамъ сердце отдыхаетъ на привлекательныхъ образахъ Мономаха, Василька, Мстиславовъ, Данила.

Говоря объ искусствѣ, нельзя пропустить удивительную стройность этого огромнаго зданія. Сколько умѣнья требовалось для того, чтобы связать множество разнородныхъ предметовъ, разсѣянныхъ на такомъ ужасномъ пространствѣ, представить въ одной картинѣ и государство, и церковь, и право, и торговлю, и политику. Какъ удобно ставить Карамзинъ всякой предметъ на свое място! Какъ легко, не чувствуя никакихъ неудобствъ, никакаго стыдненія, переходить вы съ нимъ изъ Киева въ Новгородъ, изъ Новагорода въ Литву, изъ Литвы въ Крымъ, изъ Крыма въ Орду! Какъ ясно видите вы, что происходит въ одно время на Сѣверѣ и Югѣ, Востокѣ и Западѣ.

Припомнимъ, что со стороны искусства, равно какъ и науки, теперь господствуютъ совершенно другія требования, а Карамзинъ писалъ для своихъ читателей, не для нашихъ. Ни Ливій, ни Тацитъ, не угодить нашимъ современникамъ: припомнимъ, что Карамзинъ считалъ еще нужнымъ опровергать Мабли, о которомъ теперь мы упоминать стыдимся; въ его время, сорокъ лѣтъ назадъ, также была странна природа и простота, какъ нынѣ искусственность и щегольство. Мы не любимъ наряжаться, (можетъ быть и потому что не во что) а тогда писателямъ нельзя было явиться въ публикѣ безъ украшений.

Разсматривая Исторію Карамзина со стороны Науки, мы должны прежде всего замѣтить, что онъ не успѣлъ кончить своего исполинскаго труда, не успѣлъ замкнуть своего высокаго свода, не успѣлъ произнести своего завѣтнаго слова.

За нѣсколько мѣсяцевъ до кончины онъ писалъ къ И. И. Дмитріеву: „списываю вторую главу Шуйскаго: еще главы три „съ обозрѣніемъ до нашего времени, и поклонъ всему миру, не холодный, съ движеніемъ руки на встрѣчу потомству, ласковому или „спѣшивому, какъ ему угодно. Призываюсь, желаю довершить съ „нѣкоторою полнотою духа, живостію сердца и воображенія. „Близко, близко, но еще можно не доплыть до берега. Жаль, „если захлебнусь съ первомъ въ рукѣ, до пункта, или перо выпадаетъ изъ руки отъ какого нибудь удара. Но да будетъ воля „Божія.“ Такъ и случилось. Карамзинъ послѣ упомянутой главы написалъ еще двѣ, изобразилъ ужасное состояніе Россіи во время междуцарствія, показалъ издали прекрасную зарю освобожденія отъ враговъ, но здѣсь, сраженный болѣзнью, остановился; на роковомъ выраженіи *Орпішевъ не сдавался* перо выпало изъ рукъ великаго писателя, и Русская Исторія осиротѣла.

Всего болѣе должно сожалѣть о томъ, что Карамзинъ не написалъ предположеннаго имъ обозрѣнія, гдѣ въ краткихъ, но ясныхъ, по особенному свойству его ума, чертахъ, мы увидѣли-бы его понятіе о Русской Исторіи, прошедшій, настоящей и будущей, его мнѣніе о судьбѣ и назначеніи Россіи, его завѣщаніе наукѣ. Вотъ гдѣ должно было представиться органическое развитіе Исторіи, вотъ гдѣ должна была выразиться система! Потеря эта вознаграждается отчасти его Запискою о древней и новой Россіи,

о которой мы будемъ говорить въ особомъ отдѣлениіи, но эту записку писалъ онъ еще очень рано, занимаясь не болѣе семи лѣтъ Русской Исторіей. Послѣ нея онъ трудился еще пятнадцать лѣтъ, пережилъ нашествіе 1812 года, служаще величимъ комментаріемъ на разныя наши задачи, сблизился съ Императоромъ Александромъ . . . . испыталъ, передумалъ многое, и достигъ того возраста, что люди по преимуществу называютъ мудрымъ. Какое сокровище ума, опыта, любви къ отечеству, мы потеряли въ этомъ завѣщаніи Историка!

Карамзинъ имѣлъ, правда, друзей, коимъ сообщалъ мысли о разныхъ предметахъ, политическихъ и человѣческихъ, но писатель выражаетъ свое мнѣніе, даже понимаетъ самъ себя вполнѣ, только тогда, какъ пишетъ.

Повѣствую Карамзинъ, не думалъ ни объ какой системѣ; онъ полагалъ, кажется, что система должна исходить естественно изъ повѣствованія, онъ хотѣлъ только истины, которая сама собою уже будетъ учить,—а всякое преднамѣренное направленіе Исторіи вредить ей. Онъ довольствовался видимою связью происшествій, какъ онъ одно за другимъ слѣдовали, и эта связь, эта рѣка Русской Исторіи, представлена имъ отчетливо, вразумительно. Всѣ события, имѣвшія вліяніе на судьбу государства, указаны, оцѣнены болѣе или менѣе, и наука, если не вполнѣ удовлетворяется его Исторіей въ настоящемъ видѣ, то по крайней мѣрѣ имѣть въ ней всѣ данные, на коихъ должна основываться система, и обладаетъ многими замѣчаніями, кои должны войти въ составъ системы.

Въ твореніи Карамзина сохраняется богатый запасъ свѣдѣній всѣхъ родовъ о Русской Исторіи, и Карамзинъ сдѣлалъ ее извѣстіе не только—„для многихъ, даже и для строгихъ судей своихъ,” какъ съ смиренiemъ надѣялся, но и для всѣхъ вообще „соотечественниковъ.” Русскіе узнали, и, смѣло сказать можно, полюбили болѣе отечество, чѣмъ прежде, ибо то можемъ мы только любить, что знаемъ, и чѣмъ болѣе что знаемъ, тѣмъ болѣе любимъ; полюбили тѣмъ болѣе, что Карамзинъ передавалъ свое знаніе съ сердечнымъ участіемъ, какъ самъ прекрасно выразился въ предисловіи: „чувство—мы, наше, оживляетъ повѣствованіе,—и какъ грубое пристрастіе, слѣдствіе ума слабаго, ил души слабой, несносно въ историкѣ, такъ любовь къ отечеству даетъ его кисти жаръ, силу, прелестъ. Гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и души.“

Что сказать о нравственномъ вліяніи Исторіи Карамзина на

*

его читателей? Согласимся съ новыми учеными, что всякая наука, какъ истина, должна быть сама себѣ цѣлью, но прибавимъ, что истиной наукою не можетъ не достигаться } нравственная цѣль, иначе она была бъ не достойна своего имени, заключала бъ ложь. Какъ возвышаетъ Карамзинъ человѣческое достоинство! Какъ пишетъ всѣ благородныя чувства! Что сказать объ его глубокомъ уваженіи Русскаго народа! Съ какою силою гремить онъ противъ вѣнчанаго порока, и съ какимъ жаромъ прославлять добродѣтель, ловить всякуя черту ея въ людяхъ!

Вотъ краткое обозрѣніе Исторіи Карамзина и ея достоинствъ, ея значенія, и благодѣтельныхъ слѣдствій, кои продолжаются нынѣ и долго продолжаться будуть. . .

Мы должны теперь прославить Карамзина за его дѣйствія собственно гражданскія.

Не давно (въ 1836 г.) сдѣлалась известною *Записка о древней и новой Россіи*, представленная имъ Императору Александру, и вскорѣ другая записка о Польши. Это были драгоценныя открытия: безъ нихъ мы не имѣли бы полнаго понятія о Карамзинѣ. Онъ присоединили блистательную страницу къ его біографіи и къ біографіи Самого Императора Александра.

Первая записка подана была Государю чрезъ Великую Княгиню Екатерину Павловну въ 1811 году, во время, для насъ страшное, когда Наполеонъ стоялъ на верху своего могущества и грозилъ Россіи порабощеніемъ, а внутри скоплялся духъ неудовольствія вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ.

Съ чувствами вѣриоподданническаго благоговѣнія къ Государю, Карамзинъ, послѣ прекраснаго обозрѣнія Древней Исторіи, начинаетъ политическое разсужденіе съ царствованія Императора Петра I-го, (составляющаго ключъ и замокъ къ настоящему и будущему положенію Россіи), гдѣ и является глубокомысленнымъ Политикомъ.

Представивъ въ общей картинѣ великіе подвиги Петровы, онъ съ удивительною проницательностью разбираеть вредныя по послѣдствіямъ его дѣянія, коими, по его мнѣнію, должно почесть слѣдующія:

“Страсть къ новымъ для насъ обычаямъ, преступившая въ „немъ границы благоразумія: Петръ не хотѣлъ вникнуть въ

„истину“, говоритъ онъ, „что духъ народный составляетъ нравственное могущество государствъ, которое подобно физическому, нужно для ихъ твердости. . . . Государь Россіи унижалъ Россіянъ въ собственномъ ихъ сердцѣ. Презрѣніе къ самому себѣ располагаетъ ли человѣка и гражданина къ великимъ дѣламъ? . . Предписывать уставы обычаямъ есть насилие беззаконное и для Монарха Самодержавнаго. . . Честю и достоинство Россіянъ сдѣлалось подражаніе.“

Второе вредное дѣйствіе Петрово состояло въ отдѣленіи высшаго сословія отъ низшихъ одеждою и наружностію: „Русскіе землемѣльцы, мѣщане, купцы увидѣли Нѣмцевъ въ Русскихъ дворянахъ, ко вреду братскаго народнаго единодушія государственныхъ состояній. . .“

Третie—ослабленіе связей родственныхъ, пріобрѣтеніе добродѣтелей человѣческихъ на счетъ гражданскихъ: „Имя Русскаго, спрашивается онъ, имѣеть ли для насть ту силу неисповѣдимую, какую оно имѣло прежде?“

Наконецъ блестящею ошибкою Петра Карамзинъ называетъ основаніе столицы въ Петербургѣ.

Не считаю нужнымъ распространяться о томъ, какой судъ произнесъ неумытный Историкъ царствованія—Екатерины I-й съ Меньшиковымъ, Петра II съ Долгорукими, Анны съ Бирономъ, Елизаветы. . Петра III-го. . .

Разсужденіе о Екатеринѣ II онъ начинаетъ такъ:

„Главное дѣло сей незабвенной Монархии состоять въ томъ, что ею смягчилось самодержавіе, не утративъ своей силы. . . Что она возвысила правственную цѣну человѣка въ своей державѣ. . .“

Наконецъ приступаетъ Карамзинъ, предъ лицемъ Императора Александра, къ изображенію его собственныхъ дѣйствій.—Эпиграфъ, имъ избранный изъ псалма: „Нѣсть листи въ языцѣ моемъ,“ исполняется во всей силѣ. Трепеща за отечество, онъ яркими, страшными красками изображаетъ состояніе Россіи, и разбираетъ всѣ мѣры правительства относительно вѣнчаной политики, законодательства, устройства, финансовъ, осуждаетъ расположеніе къ преобразованіямъ, говоритъ объ искусствѣ избирать людей и обходиться съ ними, объ общественныхъ наградахъ и наказаніяхъ. . .

Не мое дѣло разбирать здѣсь, въ какой степени справедливы его замѣчанія и дѣйствительны мѣры; не въ вѣрности мыслей и

не въ дѣйствительности мѣръ заключается главное достоинство Карамзина въ эту великую минуту его жизни, а въ гражданскомъ мужествѣ произнести, безъ всякаго лицепріятія, мнѣніе, которое онъ по долгу совѣсти и присяги считалъ справедливымъ и полезнымъ, какія бы отъ того ни произошли для него слѣдствія. Замѣтимъ, (что очень важно), Карамзинъ былъ тогда еще только литераторомъ, не представляль еще своей Исторіи, не находился еще на верху своей славы, не пріобрѣталъ общенародной и Европейской извѣстности, имѣлъ необходимую нужду въ добромъ мнѣніи и благоволеніи Государя, даже для изданія своего бессмертнаго труда. Это были критическія минуты въ его жизни,— и онъ не убоялся сказать прямо все, что чувствовалъ.

Записку свою онъ заключилъ слѣдующими прекрасными словами:

„Любя отечество, любя Монарха, я говориль искренно. Возврашаюсь къ безмолвію вѣрноподданнаго,— съ сердцемъ чистымъ, „моля Всевышняго: да блюдетъ Царя и Царство Русское!”

Во второй запискѣ о Польшѣ, Карамзинъ съ жаромъ старался защищать историческія права Россіи на тѣ области, кои до сихъ поръ несвѣдущіе или даже злонамѣренныe люди въ Европѣ называютъ Польскими, хотя они заселены Русскими племенами, говорять Русскимъ языкомъ, исповѣдуютъ Русскую вѣру.

Въ этихъ двухъ запискахъ, безъ коихъ мы не знали бы еще всей высокой души Карамзина, заключается и отвѣтъ на ту извѣстную эпиграмму, которую другой великий человѣкъ Русскій, тогда еще неопытный и легкомысленный юноша, произнесъ на Исторію Государства Россійскаго, и которую считаю своимъ долгомъ теперь отстранить.

Нѣтъ, Карамзинъ не льстилъ самодержавію; но изучивъ Русскую Исторію болѣе всѣхъ, зная ее лучше всѣхъ, посвятивъ ей тридцать лѣтъ своей жизни, онъ одобрялъ самодержавіе по внутреннему своему убѣжденію, считая это правленіе спасительнымъ для пользы и славы отечества.

Говорить это предъ лицемъ поколѣнія, воспитанного въ другихъ началахъ, говорить въ ущербъ своей славѣ, противъ общаго мнѣнія всей Европы, принять Историку на себя подозрѣніе въ недобросовѣстности,— о, для этого Карамзинъ имѣлъ нужду, можетъ быть, еще болѣе въ томъ гражданскомъ мужествѣ, которое внушило ему правдивыя рѣчи Государямъ. Льстить или потворствовать толпѣ гораздо легче и выгоднѣе.

„Не знаю,” говоритъ онъ въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ

„дойдутъ ли люди до истинной гражданской свободы, но знаю,
„что путь далекій и дорога весьма не гладкая.“

. . . . .

Русская исторія представляетъ всегда Россію однимъ семействомъ, въ которомъ Государь отецъ, а подданные дѣти. Отецъ сохраняетъ надъ дѣтьми полную власть, представляя имъ полную свободу. Между отцемъ и дѣтьми не можетъ быть недовѣрчивости, измѣны; судьба, счастіе и спокойствіе ихъ — общія. Это обо всемъ государствѣ, но и въ частяхъ его примѣчается отраженіе того же закона: военоначальникъ долженъ быть отцемъ своихъ воиновъ, помѣщичъ отцемъ крестьянъ, и даже служители въ домѣ всякаго хозяина называются на древнемъ выразительномъ языке нашемъ домочадцами. Пока этотъ союзъ святъ и нерушимъ, до тѣхъ поръ спокойствіе и счастіе, — лишь только, гдѣ-бы-то ни-было, онъ начинаетъ колебаться, какъ и беспорядокъ, замѣшательство, тревога. Вотъ тайна Русской Исторіи, тайна, которой не можетъ постигнуть ни одинъ западный мудрецъ.

Считаю нужнымъ сказать это, для объясненія мыслей Карамзина, который заслужилъ ими благоволеніе двухъ Государей, къ славѣ ихъ троихъ: Императоръ Александръ называлъ его своимъ искреннимъ; Императоръ Николай написалъ въ незабвенномъ своемъ рескриптѣ: „и за покойнаго Государя, и за себя самого, и за Россію, изъявляю Вамъ признательность, которую Вы заслуживаете и свою жизнью, какъ гражданинъ, и своими трудами, какъ писатель.“

Карамзинъ говорилъ и думалъ такъ двадцать пять лѣтъ назадъ, а время живеть нынѣ скорѣе прежняго, если можно такъ выражиться: всякой вѣкъ имѣть свой взглядъ на вещи и свои требования. Но едва ли слова Карамзина утратили для насъ много своего значенія!

~~~~~

Намъ остается говорить о Карамзинѣ, какъ о человѣкѣ.

Всѣ свои труды, какъ ни были они велики, всѣ свои заслуги, какъ онѣ ни были важны, всю свою славу, какъ ни была она бли-

стательна, Карамзинъ ставилъ ни во что, предъ достоинствомъ собственно человѣческимъ. Самое высокое, самое чистое понятіе объ жизни выразилъ онъ въ слѣдующемъ письмѣ къ Тургеневу: „Жить есть не „писать. Исторію, не писать трагедіи и комедіи, а какъ можно „лучше мыслить, чувствовать и дѣйствовать, любить добро, воз- „вышаться душою къ его источнику; все другое есть шелуха, не „исключая и моихъ осмы или девяти томовъ!“

Можетъ ли быть что нибудь выше, низодательнѣе, умилительнѣе этихъ словъ въ устахъ такого знаменитаго и заслуженнаго человѣка, какъ Карамзинъ, на верху почестей и славы. Золотыми буквами должны онѣ быть написаны, не только въ кабинетѣ ученаго, но даже и всякаго дѣйствующаго на какомъ бы то ни было поприщѣ, человѣка,— да читая ихъ, смиряемся.

Думая съ такою скромностю о великомъ трудѣ, которому посвятилъ онъ свою жизнь, который завѣщаю потомкамъ въ драгоценное наслѣдство, котораго достоинства я старался представить вамъ теперь вкратцѣ, Карамзинъ однакожъ любилъ его сердечно, что выразилъ очень трогательно въ письмѣ къ Дмитріеву: „Работа сдѣлалась для меня опять сладка: знаешь-ли, что я со слезами чувствую признательность къ небу за свое историческое дѣло! знаю, что, и какъ пишу, въ своемъ тихомъ восторгѣ не думаю ни о современникахъ, ни о потомствѣ: я независимъ и наслаждаюсь своимъ трудомъ, любовью къ отечеству и человѣчеству. Пусть никто не будетъ читать моей Исторіи: она есть, и довольно для меня. За неимѣніемъ читателей, могу читать себѣ, и разсуждать, гдѣ и что хорошо. Минѣ остается просить Бога единственно о здоровье милыхъ и насущномъ хлѣбѣ, до тѣхъ поръ,

*Какъ лебедь на водахъ Меандра,
Проплюз, умолкнетъ навсегда.*“

Скромность и смиреніе въ послѣдніе годы его жизни достигли высочайшей степени. Вотъ что писалъ онъ въ 1819 году при извѣстіи о разныхъ на него доносахъ:

„Будучи и моложе я не хотѣлъ сражаться съ нашими литературными забѣлками. Пусть они единоборствуютъ.... вступаются будто бы за Иоанна Грознаго. И тутъ ничего не предпринимаю: есть Богъ и Царь! Если моя такъ называемая слава мыльный пузырь, то Богъ съ нею. Желаю не сердиться, и кажется едвали сержусь.“

Въ другомъ мѣстѣ онъ отвѣчалъ И. И. Дмитріеву.

„А ты любезнѣйший, все еще думаешь, что мнѣ надобно отвѣ-

„чать на критики. Нѣть, я лѣнивъ, хочу доживать вѣкъ въ мири. Умью быть благодарнымъ, умью не сердиться и за брань. Не мое дѣло доказывать, что я, какъ Папа, безгрѣшенъ. Все это дрянь и пустота. Такъ мнѣ часто кажется; желаю, чтобы и всегда казалось.“

Вотъ еще замѣчательныя слова, кои могутъ занять мѣсто въ нравственной Психологии, показывая новую черту въ движеніяхъ сердечныхъ, которая не была замѣчена или выражена ни кѣмъ изъ нравоучителей.

„Я лѣнивъ, гордъ смиреніемъ и смиренъ гордостію. Сущность во мнѣ есть къ сожалѣнію; но я искренно презираю ее въ себѣ и еще болѣе, нежели въ другихъ; слѣдовательно она по крайней мѣрѣ не сведетъ меня съ ума!“

Послѣ скромности скажемъ объ его умѣренности: „Правило жить, день за день есть верхъ мудрости, до котораго желаю достигнуть. Я очень, очень счастливъ, когда умомъ и сердцемъ найду въ даль, когда жена, дѣти и друзья здоровы; и пять блюдъ на столѣ готовы. Взглянуть въ умную книгу, подумать, иногда поговорить не глупо: вотъ роскошь! къ ней можно прибавить и работу, безъ всякаго отношенія къ самолюбію. А на томъ свѣтѣ то ли будетъ? Вотъ рецептъ, который пишу для себя ежедневно, но который не всегда вылечиваетъ меня отъ меланхолическихъ припадковъ.“

Спокойствие и преданность въ волю Провидѣнія водворялись въ его душу со всяkimъ днемъ болѣе и болѣе. Привожу еще нѣкоторыя мѣста изъ его писемъ:

„Лучшій мой день, который провожу дома, и лучшій часъ, когда всю душою предаюсь въ волю Провидѣнія. Что бы чувствовать всю сладость жизни, надоно любить и смерть, какъ сладкое успокоеніе въ объятіяхъ отца! Въ мои веселые и свѣтлые часы я всегда бываю ласковъ къ мысли о смерти, мало заботясь о безсмертии авторскомъ, хотя и посвятилъ здѣсь способности ума авторству.“

Одна только мысль объ отечествѣ его занимала, и никогда не покидала. Вотъ что писалъ онъ къ Тургеневу въ 1825 году: „Для насы Русскихъ одна Россія самобытна, одна Россія истинно существуетъ: все иное есть только отношеніе къ ней, мечта, привидѣніе. Мыслить, мечтать, можемъ въ Германіи, Франціи, Италии, а дѣло дѣлать единственно въ Россіи, или нѣть гражданина, нѣть человѣка....“

Въ послѣднемъ письмѣ къ Дмитріеву онъ изъявилъ желаніе „да будетъ славенъ Николай между вѣнценосцами-благотворителями Россіи.“

Предложу наконецъ, не опасаясь утомить ваше внимание отрывокъ изъ письма Карамзина къ одному знаменитому его другу, графу Кашиодистрия, переведеннаго Жуковскимъ, и написаннаго за полгода до кончины, гдѣ видна душа его въполномъ свѣтѣ.

Въ послѣднемъ письмѣ къ Дмитреву, за мѣсяцъ до кончины Карамзинъ пишетъ: „Говорятъ мнѣ, и самъ чувствую, что хорошо, что бѣ было мнѣ удалиться отсюда лѣтомъ, даже необходимо для совершенного выздоровленія, но куда и какъ? наши способы! мой характеръ! Александра нѣть! Всѣ мои отношенія перемѣнились.* „Но остался Богъ тотъ же и моя вѣра къ нему та же. Если на- „добно мнѣ зачахнуть въ здѣснхъ болотахъ, то смиряюсь въ „духѣ и не ропщу. Не могу говорить съ живостю, задыхаюсь.

(*) Караванъ не долго оставался въ этой неизвѣстности. Царствующій нынѣ Государь Императоръ, немедленно по вступлениі на престолъ, успокоилъ Царски знаменитаго труженика, относительно судьбы его семейства.

„Брожу по комнатѣ, читаю много, имѣю часто сладкія минуты въ „душѣ: въ ней бываетъ какая то тишина неизъяснимая и несказанныхъ приятная.“

Эта земная тишина, Милостивые Государи, была уже предвѣстницею другой тишины, которая вѣрно ожидала его въ небѣ. Онь скончался вскорѣ, 1825 года, Маѣ 22 дня. Предлагаю описание кончины Карамзина словами его воспитанника Жуковскаго:

„Съ глубокимъ благоговѣніемъ видѣлъ я умирающаго Карамзина, и никогда это видѣніе не изгладится изъ души моей. При мысли о кончинѣ такого человѣка, о переходѣ такой души въ тотъ міръ, гдѣ у отца *обителей много*, все наши понятія о жизни, смерти и бессмертіи преображаются для насъ во что-то свѣтло-очевидное. Кто зналъ внутреннюю жизнь Карамзина, кто зналъ, какъ всегда онъ былъ непороченъ въ своихъ побужденіяхъ; какъ въ немъ все живыя, независимы отъ воли движенія сердца, были по какому то естественному средству согласны съ правилами строгаго разума, какъ твердый его разумъ всегда смягченъ былъ нѣжайшимъ чувствомъ, какой онъ былъ (при всей высокой своей мудрости) простосердечный младенецъ, и какъ верховная мысль о Богѣ всѣмъ владычествовала въ его жизни, управляя желаніями и дѣйствіями, озаряя труды его генія, проникая житейскія его радости и печали, и соединяя все его бытіе въ одну гармонію, которая только съ послѣднимъ вздохомъ его умолкла для земли, дабы на вѣки продолжаться въ мірѣ иномъ, словомъ, кто имѣлъ счастіе проникнуть въ тайну души Карамзина, для того эрѣлище смерти его было освященіемъ всеего, что есть прекраснаго и высокаго въ жизни и подтвержденіемъ всего, что Вѣра обѣщаетъ намъ за гробомъ. На камнѣ, покрывающемъ остатки Карамзина, вырѣзаны слова Спасителя: *Блажени чисты сердцемъ, яко тии Бога узрятъ.*“

Я вижу слезы на глазахъ вашихъ, Милостивые Государи! Что я могу прибавить къ этому краснорѣчивому волненію сердцеъ вашихъ. . . . Лучше умолкнуть. . . Прерываю мое слово. Карамзинъ принадлежитъ всей Россіи, но вамъ, Милостивые Государи, принадлежитъ онъ преимущественно. Здѣсь онъ родился; здѣсь получилъ начальное воспитаніе, и обогатился впечатлѣніями дѣтства и юношества, столь важніи въ жизни человѣческой; между вами нашелъ онъ себѣ первого друга и совѣтника въ литератур-

* Иванъ Ивановичъ Дмитриевъ.

ныхъ занятіяхъ; между вами нашелъ онъ себѣ первого путеводителя, который ввѣль его въ Московское ученое общество и даль направлениѣ его дальнѣйшимъ образованію и ученію, * вы наконецъ предупредили своихъ соотечественниковъ въ благомъ намѣреніи воздвигнуть общественный памятникъ знаменитому гражданину, и приняли самое дѣятельное участіе въ его исполненіи,— на васъ разумѣется должно было подѣйствовать самое простое воспоминаніе о жизни и трудахъ Карамзина. Но я увѣренъ, что и всякой изъ нашихъ соотечественниковъ, въ которомъ бьется Русское сердце, которому мило Русское слово, которому дорога Русская слава, кто любить свою святую Русь, кто преданъ просвѣщенію, воспоминая благодѣянія Карамзина, всегда произнесеть ему внутренно свое русское сердечное спасибо, которое лучше, выше, сильнѣе, дороже, не только моего скучного Слова, но и всѣхъ витѣственныхъ Панегириковъ Греціи и Рима,— искренняя, свободная дань хвалы, чести, признательности и любви.

Пусть памятникъ, теперь ему соизволеніемъ Императора Николая, здѣсь поставленный, одушевляетъ вашихъ дѣтей и всѣ слѣдующія поколѣнія въ благородномъ стремленіи къ высокой цѣли Карамзина! Пусть духъ его носится всегда въ Россіи! Пусть онъ останется навсегда идеаломъ Русского писателя, Русского гражданина, Русского человѣка,— по крайней мѣрѣ долго, долго, заключу это же выраженіемъ, если на землѣ нѣть ничего безсмертнаго, кроме души человѣческой.

(*) Иванъ Петровичъ Тургеневъ.

III.

ІСТОРІЯ КАРАМЗИНСКОЇ ОБЩЕСТВЕННОЇ БІБЛІОТЕКИ

ВЪ Г. СИМБІРСКЪ.

I) ОТЪ 1830 ДО 1846 ГОДА.

Въ 1830 г. Вельможа, прославившійся своею правдою, любовью къ общественному благу, ревностю къ распространению всѣхъ полезныхъ свѣдѣній, Президентъ Императорскаго вольного экономического общества, Графъ Н. С. Мордвиновъ въ отношеніи своемъ къ министру внутреннихъ дѣлъ графу Закревскому, изложивъ пользу, какую могутъ принести народному просвѣщенію публичныя бібліотеки, ходатайствовалъ у Графа Закревскаго объ изысканіи средствъ къ учрежденію таковыхъ бібліотекъ по городамъ Россіи. (¹).

Мысль Графа Мордвинова обратила на себя должное вниманіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ Закревскаго, который тогда же цир-

(¹) Вотъ собственные слова Мордвинова: „Народному просвѣщенію, а вмѣстѣ съ симъ народной землемѣрческой промышленности, усовершенію общежительности и взаимнаго народного богатства весьма много можетъ содѣйствовать доставленіе полезныхъ свѣдѣній чрезъ заведеніе публичныхъ бібліотекъ объ успѣахъ въ наукахъ, искусствахъ и изобрѣтеніяхъ разнаго рода; кроме чтенія выходящихъ на Россійскомъ языке книгъ учрежденіе подобныхъ бібліотекъ вовредить духъ общительности, откроетъ большой сбытъ для хорошихъ сочиненій по части наукъ и промышленности и будетъ не только энокой народныхъ улучшений во всѣхъ родахъ, но и памятникъ счастливаго и благодѣтельного царствованія ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Всемилостивѣшаго Государа нашего.“ Циркуляръ М. В. Д. къ Начальнику Симбирской губерніи отъ 5 июля 1830 г. № 777.

кулярно⁽²⁾ предписалъ Начальникамъ губерній, чтобы они, обще съ Губернскими Предводителями Дворянства, Директорами Гимназій и другихъ учебныхъ заведеній, любителями полезныхъ знаній изъ дворянъ и купечества, опредѣлили: 1) приличное зданіе для помѣщенія въ городахъ публичныхъ библіотекъ, 2) порядокъ пользованія оними, 3) избраніе попечителей и библіотекарей.

Въ слѣдствіе этого предписанія Симбирскій Гражданскій Губернаторъ А. Жмакинъ въ 1831 г.⁽³⁾ просилъ Симбирского Губернского Предводителя Дворянства Кн. М. П. Баратаева доставить ему соображенія о томъ, „какія средства находиль бы онъ съ своей стороны возможными къ учрежденію библіотеки въ г. Симбирску и нѣть ли въ домѣ, дворянству принадлежащемъ, свободной комнаты, въ которой можно было бы помѣстить съ удобностію эту библіотеку?“

По отношенію сему Князь Баратаевъ не замедлилъ представить слѣдующія свои соображенія: ⁽⁴⁾ 1) помѣщеніе для библіотеки можно отдать въ домѣ Дворянского Собрания; 2) деньги, потребныя на первоначальное обзаведеніе оной, заимствовать изъ суммы дворянской или пансіонной, съ возврашеніемъ изъ будущаго капитала библіотеки; 3) капиталъ библіотеки образовать чрезъ пожертвованія благотворительныхъ особы и чрезъ ежегодный взносъ за право пользованія библіотекой и проч. Соображенія Князя Баратаева послужили въ послѣдствіи главной основой для существующаго нынѣ устава Карамзинской библіоеки.

Но скорая на все полезное готовность Губернского Предводителя Дворянства, извѣстнаго своими учеными трудами и любовью къ просвѣщенію, Князя Баратаева, осталась на этотъ разъ безъ всяаго вниманія и послѣдствія.

Само Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, принимая въ уваженіе занятія Начальниковъ губерній какъ по принятію иѣръ противъ появившейся тогда въ нѣдрахъ Государства эпидемической болѣзни — холеры, такъ и по предмету разныхъ не терпѣвшихъ отлагательства распоряженій по случаю возгорѣвшейся тогда же войны съ Польскими мятежниками, пріостановилось дѣломъ о заведеніи публичныхъ библіотекъ.

Съ прекращеніемъ этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ кан-

⁽²⁾ 5 Іюля 1830 г.

⁽³⁾ Отвѣтъ. 6 мая 1831 г. № 2558.

⁽⁴⁾ Отвѣтъ. Кн. Баратаева отъ 27 Мая 1831 г. № 170.

целярія министерства внутреннихъ дѣлъ, сноша приступившаго къ исполненію мысли Г. Мордвинова, въ 1832 и 1833 годахъ (5) требовала отъ Начальника Симбирской губерніи донесеній о распоряженіяхъ по сему предмету, но это двукратное требование по неизвѣстнымъ обстоятельствамъ осталось также безъ послѣдствій.

Въ 1834 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы „губернскія публичныя библіотеки для чтенія состояли впередъ подъ наблюденіемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія,“ въ слѣдствіе чего и все обѣ онъхъ дѣлопроизводство передано было въ сіе министерство. Министръ Народнаго Просвѣщенія графъ Уваровъ ежегодно (6) требовалъ отъ начальника Симбирской губерніи должностныхъ свѣдѣній о ходѣ образованія въ г. Симбирскѣ публичной библіотеки и только въ 1838 году состоявшій въ должности Симбирскаго гражданскаго губернатора Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Комаровъ доносилъ (7) Министру, что „предшественники его сносились съ губернскими предводителями дворянства о средствахъ къ открытію публичной библіотеки въ Симбирскѣ, но переписка, по разнымъ обстоятельствамъ, не оказала успѣха, а потому дѣло откладывалось то до выборовъ, то до другихъ какихъ либо случаевъ“ и что „онъ съ своей стороны находитъ возможнымъ на первый разъ помѣстить библіотеку въ казенномъ губернаторскомъ домѣ, въ комнатахъ, гдѣ губернскій музеумъ“. Для устройства шкафовъ, и на выписку книгъ полагалъ открыть подписку и испрашивалъ на это разрѣшенія.

Разрѣшеніе Министра Народнаго Просвѣщенія тотчасъ же послѣдовало (8) и Симбирскій губернаторъ г. Хомутовъ, сообщивъ (9) губернскому предводителю дворянства Г. В. Бестужеву о своихъ предположеніяхъ касательно помѣщенія библіотеки и подписки на устройство оной просилъ его „предложить на предстоявшихъ дворянскихъ выборахъ Гг. дворянамъ, не разсудить ли кто изъ нихъ сдѣлать пожертвованій ежегоднаго и единовременнаго для учрежденія въ Симбирскѣ губернской библіотеки денежными суммами или книгами“.

(5) Отношеніе канцеляріи М. В. Д. къ Начальнику Симбирской губерніи отъ 14 апреля 1832 г. № 166 и отъ 25 мая 1833 г. № 1109.

(6) Отнош. Министра Народнаго Просвѣщенія къ Начальнику Симбирской губерніи отъ 21 июля 1834 г. № 7078, отъ 6 июля 1835 г. № 7487 и отъ 10 ноября 1837 г. № 13,046.

(7) Отъ 15 января № 26.

(8) Отъ 27 января 1838 г. № 1069.

(9) 18 февраля 1838 г. № 1531.

23 февраля 1838 года въ общемъ собраниі Гг. губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства, прибывшихъ къ дворянскимъ выборамъ на 19-е трехлѣтіе, выслушано было предложеніе губернскаго предводителя, заключавшее въ себѣ весь вышеизложеній ходъ дѣла объ учрежденіи въ г. Симбирскѣ публичной библіотеки, и постановлено: „Такъ какъ открытие губернской библіотеки можетъ распространить свѣдѣнія какъ въ наукахъ и искусствахъ, такъ и въ кругу земледѣльческой, мануфактурной и торговой промышленности и предоставить каждому изъ соотчичай нашихъ легкія средства къ чтенію и обогащенію себя всѣми полезными свѣдѣніями и открытиями; то благородное дворянство Симбирской губерніи, по возможности желая споспѣшствовать благоустройствомъ предположеніямъ правительства, положило: въ нынѣшнемъ же собраніи открыть подпиську на добровольная пожертвованія въ учрежденію въ губернскомъ городѣ библіотеки, поручивъ кому либо изъ дворянъ, присутствующихъ въ собраніи, предложить ону каждому дворянину лично и принявъ на сей предметъ сдѣланныя приношенія, представить подписку вмѣстѣ съ собранными деньгами г. Губернскому предводителю дворянства для препровожденія оныхъ къ г. Начальному губерніи, при чемъ дворянство изъявило желаніе просить дозволенія о помѣщеніи оной библіотеки въ домѣ дворянского собранія, вновь предполагаемомъ къ построенію, до выстройки же онаго въ старомъ дворянскаго депутатскаго собранія домѣ“.⁽¹⁰⁾.

Согласно сему постановленію дворянства, правившій должность губернскаго предводителя А. Н. Аниенковъ отъ 13-го марта 1838 г. просилъ уѣздныхъ предводителей: Симбирскаго, Сенгилеевскаго, Ставропольскаго, Самарскаго, Сызранскаго, Карагунскаго, Алатырскаго, Ардатовскаго, Курмышскаго и Буйинскаго пригласить Гг. дворянъ изъ уѣздовъ „къ подпиську на пожертвованія единовременно или ежегодно денежными суммами или книгами для учрежденія губернской библіотеки и таковую подпиську доставить ему губернскому

(10) Положеніе сіе подписали: Губернскій Предводитель Г. Бестужевъ, уѣздные: Симбирскій А. Аниенковъ Ставропольскій, К. Луцкій. Самарскій Алашеевъ, Сызранскій Бычковъ, Карагунскій Бекетовъ, Ардатовскій Чирковъ, Курмышскій Пазухинъ. Алатырскій уѣздный судья Поповъ, Буйинскій Депутат Есиповъ, Ставропольскій Советникъ Князь М. Баратасевъ, Артиллеріи Маюровъ Левъ Киндяковъ, Штабсъ-Ротмистръ В. Араповъ, Полковникъ П. Карповъ, Титулярный Советникъ В. Звѣревъ, Коллежскій Регистраторъ Григорьевъ, Маюровъ Матюнинъ, флота Лейтенантъ Сущовъ, Коллежскій Ассессоръ Татариновъ, Штабсъ Капитанъ Соковинъ, 10-го класса Дворниковъ.

предводителю вмѣстѣ съ пожертвованными деньгами или книгами".

Приглашеніе было сдѣлано, но на этотъ разъ оно не имѣло большаго успѣха: изъ всѣхъ дворянъ Симбирской губерніи, которымъ были предложены подписки (а предложены были онъ всѣмъ и ходили по губерніи болѣе двухъ лѣтъ, какъ видно изъ донесеній уѣздныхъ предводителей дворянства къ губернскому), сдѣлали пожертвованіе четыре особы; имена ихъ приводимъ здѣсь съ должнымъ уваженіемъ: 1, Полковникъ Сабанинъ ас. 10 р. 2, гвардія Поручикъ Бестужевъ ас. 50 р. 3, Штабсъ Капитанъ Ребровскій ас. 25 р. 4, Подпоручикъ Гафидовъ ас. 10 р.; прочія лица росписались только въ слышаніи приглашенія на подпиську.

Чѣмъ объяснить такое равнодушіе къ дѣлу, которое незадолго передъ симъ всѣмъ дворянствомъ было признано за великое общеполезное дѣло? По всейѣѣности не скумѣли, какъ слѣдовало, предложить подпиську. По крайней мѣрѣ судя по общему и живому сочувствію, которое явилось послѣ, къ учрежденію Симбирской публичной библіотеки, не имѣмъ права думать, чтобы настоящее равнодушіе къ тому же самому дѣлу могло положить пятно на Симбирское дворянство.

Это неутѣшительное явленіе какъ бы отняло всякую охоту къ дѣлу, и долго, до 1846 года, мы не видимъ никакого движенія ему, такъ что періодъ времени отъ 1838 до 1846 г., составляеть въ исторіи библіотеки пробѣль ни чѣмъ почти не обозначенный. Только въ 1840 г., состоявшій въ должностіи Симбирского гражданскаго губернатора, А. П. Гевличъ, на запросъ департамента министерства народнаго просвѣщенія,¹¹⁾ о томъ, какія приняты мѣры къ учрежденію въ Симбирскѣ публичной библіотеки, доносилъ,¹²⁾ что Симбирская губернская публичная библіотека помѣщается въ комнатахъ казеннаго губернаторскаго дома, не смотря на то, что при помѣщеніи другихъ присутственныхъ мѣстъ терпитъ стѣсненіе. Въ томъ же году мы находимъ библіотеку Симбирскую въ комнатахъ присутствія строительной комиссіи.

Между тѣмъ съ 1830 года шла переписка съ учеными мужами и обществами о пожертвованіи для Симбирской губернской библіотеки книгъ и журналовъ, и мало по малу собиралось для библіотеки богатство произведеній ума человѣческаго. Министръ внутреннихъ дѣлъ и Императорское вольное экономическое общество

(11) Отъ 9 октября 1840 г. № 40, 478.

(12) 26 октября 1840 г. № 724.

ство¹⁸⁾ Министръ финансовъ, ¹⁴⁾ Императорское московское общество сельского хозяйства, ⁽¹⁵⁾ извѣстные литераторы: Щегловъ и Половой, ⁽¹⁶⁾ Погодинъ и Гречъ ⁽¹⁷⁾ изъявили готовность доставлять бездѣнежно въ Симбирскую публичную библіотеку (какъ и во всѣ) журналы и книги, ими издаваемые. У благородныхъ тружениковъ науки что сказано, то и сдѣлано: въ томъ же 1830 году мы находимъ высланными для Симбирской библіотеки 62 №№ Коммерческой Газеты, ⁽¹⁸⁾ шесть книжекъ горнаго журнала ⁽¹⁹⁾, семь №№ журнала мануфактуръ и торговли ⁽²⁰⁾, отъ департамента народнаго просвѣщенія 23 названія разныхъ сочиненій въ нѣсколькихъ томахъ ⁽²¹⁾; 42 №№—съ 1831 г. по 1838 г. земледѣльческаго журнала ⁽²²⁾.

Завѣданіе этимъ маленькимъ ученымъ капиталомъ библіотеки сначала было возложено на чиновника особыхъ порученій Хмѣльницкаго, а въ 1840 г., по случаю помѣщенія библіотеки въ комнатахъ присутствія строительной комиссіи, передано члену строительной комиссіи по хозяйственной части коллежскому ассессору Льзову. Пожертвованный капиталъ на поддержаніе Симбирской библіотеки 24 р. 28^{4/7} к. сер. (85 р. асс.) прежде упомянутыми лицами Начальникомъ губерніи сданъ въ 1841 г., въ Симбирскій приказъ общественнаго призрѣнія для приращенія процентами, мѣсто для денежнаго капитала отведено было самое спокойное и безопасное, но за то ученый капиталъ библіотеки, при почущей ея жизни, при переходѣ изъ однихъ рукъ въ другія, крѣпко пострадалъ: изъ собранныхъ съ 1830 по 1844 годъ книгъ и журналовъ большая часть была утрачена.

2) Отъ 1846—1848 г.

Въ февралѣ 1846 г. губернскій предводитель дворянства М. М. Наумовъ доносилъ ⁽²³⁾ г.-министру народнаго просвѣщенія, что

⁽¹⁸⁾ Отнош. М. В. Д. къ Начальнiku Симбирской Губерніи отъ 5 іюля 1830 г. № 777.

⁽¹⁴⁾ Отъ 25 іюля 1830 г. № 984.

⁽¹⁵⁾ Отъ 28 августа 1830 г. № 1072.

⁽¹⁶⁾ Отъ 25 іюля 1830 г. № 984.

⁽¹⁷⁾ Отъ 28 августа 1830 г. № 1072.

⁽¹⁸⁾ Отнош. Деп. Вн. Торговли отъ 26 іюня 1830 г. № 15,920.

⁽¹⁹⁾ Отппш. учен. комит. по горн. и сол. части отъ 31 іюля 1830 г. № 259.

⁽²⁰⁾ Отнош. Депар. Мануф. отъ 31 августа 1830 г. № 2070.

⁽²¹⁾ Отнош. Депар. Парод. Просвѣщенія отъ 7 іюля 1848 г. № 7715, отъ 1 сентября 1838 г. № 9,702 и отъ 2 іюня 1838 г. № 987.

⁽²²⁾ Отнош. Московск. общества сельского хозяйства отъ 16 нояб. 1838 г. № 1983.

⁽²³⁾ Отнош. г. Наумова отъ 23 февраля 1846 г. № 21.

согласно постановлению Симбирского дворянства 23 февраля 1838 г. помѣщеніе для Симбирской публичной библиотеки приготовлено во вновь отстроенномъ домѣ дворянскаго собранія и представилъ свое предположеніе учредить библиотеку на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ:

1.) По общему желанію дворянъ Симбирской губерніи назвать библиотеку *Карамзинскою* въ честь знаменитаго уроженца Симбирской губерніи, Н. М. Карамзина, имѣвшаго огромное влияніе на распространеніе просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ.

2.) Деньги, потребныя на устройство и поддержаніе библиотеки собрать подписанію, или инымъ способомъ, по усмотрѣнію дворянства; составить ону изъ книгъ, преимущественно до Россіи касающихся и изъ древнихъ рукописей.

3.) Управлениѳ библиотекой ввѣрить комитету изъ 12 членовъ.

4.) Открыть библиотеку для всѣхъ классовъ безъ платы за пользованіе книгами оной и проч.

Къ сemu г. Наумовъ присовокупилъ, что „онъ употребить всѣ зависящія отъ него средства, совершиТЬ это важное дѣло сколько возможно послѣшнѣе, что на предстоящихъ выборахъ въ 1847 году онъ предложитъ дворянству обеспечить существованіе этого общественнаго заведенія отчислениемъ изъ имѣющихъ суммъ или составленіемъ вновь особенного капитала, или постепенными взносами денегъ, будучи твердо увѣренъ, что здѣшнее дворянство, извѣстное уже Правительству многими пожертвованіями на пользу общую, и въ настоящемъ случаѣ завершиТЬ начатое имъ дѣло для большаго распространенія просвѣщенія въ нашей губерніи.

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ того же года Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ учрежденіе публичной библиотеки въ г. Симбирскѣ на вышеозначеныхъ основаніяхъ и, выразивъ Предводителю Дворянства свою признательность за дѣятельное участіе въ столь полезномъ предпріятіи, пренпроводилъ для руководства общія правила для учрежденія губернскихъ библиотекъ, съ тѣмъ, чтобы сообразно съ ними и примѣнительно къ мѣстнымъ обстоятельствамъ составлены были правила для Симбирской библиотеки.

Отъ 16 Октября 1846 г. (№ 9397) Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія увѣдомилъ Губернскаго Предводителя Дворянства что „по положенію Комитета Гг. Министровъ 24 Сентября ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ изъявилъ: созволеніе на наименование учре-

(²⁴) Отнош. М. Н. П. отъ 13 іюня № 543 и отъ 5 іюля № 5947.

жденной въ Симбирскѣ губернской публичной библиотеки, согласно желанію тамошняго дворянства, *Карамзинскою*; и въ слѣдъ за симъ⁽²⁵⁾ возвратилъ утвержденный имъ уставъ для Карамзинской библиотеки, въ составленіи котораго участвовали М. М. Наумовъ, Симбирскій губернаторъ Булдаковъ и дворянинъ Богдановъ.

Достойная нашего просвѣщенія вѣка и составляющія честь и славу Симбирскаго дворянства основанія этого устава состоять въ томъ, что по этому уставу всѣ вообще сословія г. Симбирска получаютъ право пользоваться библиотекой безъ всякой платы.

Вотъ содержаніе его въ томъ видѣ, въ какомъ утвержденъ онъ Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія.

§ 1. Въ городѣ Симбирскѣ учреждается, на счетъ пожертвованій отъ дворянства и прочихъ сословій, Общественная Библиотека для чтенія, подъ названіемъ Карамзинской; пожертвованія могутъ состоять изъ денегъ, рукописей и предметовъ, этому заведенію необходимыхъ. Она украсится бюстомъ знаменитаго писателя Н. М. Карамзина.

§ 2. Цѣль сей Библиотеки состоить въ томъ, чтобы: 1) сохранить рукописи и документы, разсѣянные по здѣшней губерніи и постепенно истребляющіеся отъ времени и небреженія тѣхъ, кому они принадлежать, или достаются. При надлежащемъ устройствѣ сего отдѣленія, могутъ войти въ оное и рукописи, въ разныхъ архивахъ присутственныхъ мѣстъ остающіеся безъ пользы и вниманія, если начальствомъ оныхъ угодно будетъ изъявить на это свое согласіе; и 2) чтобы доставить всѣмъ жителямъ города полезное чтеніе и способы къ образованію.

§ 3. Въ составъ 2-го отдѣленія Библиотеки будуть входить книги на Русскомъ, Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ, относящіяся особенно къ познанію нашего государства во всѣхъ отношеніяхъ, то есть: къ его вѣроисповѣданію, исторіи, географіи, статистикѣ, этнографіи, сельскому хозяйству, политической экономіи, законовѣданію и словесности, ограничивая послѣднюю сочиненіями дѣльными. Такового же содержанія должны быть и periodическихъ изданія, въ сю Библиотеку допускаемы.

(25) Отъ 6 февраля 1847 г. № 1211.

§ 4. Библіотека помѣщается въ особыхъ, назначенныхъ для нея дворянствомъ, комнатахъ, во вновь выстроенномъ домѣ Симбирскаго благороднаго дворянства.

§ 5. Главное завѣдываніе Библіотекою принадлежитъ Начальнику губерніи обще съ губернскимъ предводителемъ дворянства.

§ 6. Ближайшее же управлениe библіотекою производится комитетомъ изъ 12-ти дѣйствительныхъ членовъ, которые приглашаются начальникомъ губерніи и губернскимъ предводителемъ дворянства изъ лицъ, принимающихъ участіе въ этомъ общественномъ дѣлѣ. Они составляютъ управлениe и поочередное дежурство въ библіотекѣ, въ дни для чтенія назначенные.

§ 7. Комитетъ завѣдываетъ всѣми вообще дѣлами, до устройства и управления библіотекою касающимися, для чего имѣть постоянныя засѣданія въ библіотекѣ 1-го числа каждого мѣсяца; засѣданіямъ этимъ составляются протоколы, которые подписываются всѣми наличными членами. Въ засѣданіяхъ этихъ решаются всѣ дѣла, до библіотеки касающіяся, повѣряются суммы, опредѣляется, какія книги должны быть приобрѣтаемы или принимаемы отъ жертвующихъ и составляется вѣдомость или отчетъ о состояніи библіотеки, для представления, не позже 15 февраля каждого года, Министру Народнаго Просвѣщенія, чрезъ Начальника губерніи. Каждые полгода комитетъ общимъ присутствіемъ ревизуетъ казначея и библіотекаря, для чего къ этому времени всѣ книги должны состоять на лицо.

§ 8. Комитету предоставляется право приглашать въ почетные члены библіотеки другихъ почетныхъ особъ губерніи, преимущественно извѣстныхъ любовью къ наукамъ и словесности, или занимающихъ начальственныя мѣста по ученымъ частямъ.

§ 9. Предсѣдатель комитета избирается членами, изъ среды ихъ, на одинъ годъ и утверждается начальникомъ губерніи.

§ 10. Предсѣдатель комитета ведеть всю переписку по дѣламъ библіотеки и исполняетъ всѣ постановленія комитета. Такимъ образомъ ему принадлежать всѣ сношенія съ книгопродавцами, из-

дателями и журналистами. Ему непосредственно подчинены казначей, библиотекарь, письмоводитель и отъ него зависитъ вся хозяйственная часть библиотеки.

§ 11. Предсѣдатель избавляется отъ обязанности дежурить въ библиотекѣ, но имѣть постоянный надзоръ за дѣлами библиотеки.

§ 12. Должность библиотекаря принимаетъ на себя или одинъ изъ дѣйствительныхъ членовъ, или посторонняя особа по желанію, съ согласія комитета и утвержденія начальника Губерніи. Для храненія рукописей, если возможно, предположено имѣть особаго знающаго библиотекара.

§ 13. Къ обязанностямъ библиотекаря относится веденіе журнала поступающихъ книгъ, внесеніе оныхъ въ главный и назначенный для ежедневнаго употребленія при чтеніи каталогъ, полученіе книгъ съ почты и отъ пожертвователей, отдача оныхъ въ переплеть, системетическая разстановка книгъ по шкафамъ, выдача книгъ читателямъ и приемъ оныхъ обратно и исполненіе всего порядка при этомъ соблюдаемаго на основаніи 23 и 24 ст. сего Устава.

§ 14. Ему же принадлежитъ смотрѣніе за порядкомъ и чистотою въ библиотекѣ.

§ 15. Должность казначея библиотеки принадлежитъ одному изъ дѣйствительныхъ членовъ, по избранію Комитета и съ утвержденія начальника губерніи.

§ 16. Главная обязанность казначея — веденіе приходорасходной книги, отпускъ и высылка денегъ по назначеніямъ комитета, приемъ жертвуемыхъ денегъ, составленіе ежемѣсячныхъ денежныхъ отчетовъ и годового отчета.

§ 17. При библиотекѣ долженъ состоять письмоводитель, которому можетъ быть положено особое жалованье.

§ 18. Письмоводитель завѣдываетъ всею письменною частію подъ вѣдѣніемъ предсѣдателя комитета и библиотекаря.

Примѣчаніе. Необходимый въ этомъ заведеніи сторожъ будеть отѣляемъ изъ числа сторожей, при дворянскомъ домѣ состоящихъ.

§ 19. Въ день учрежденія библиотеки должно быть публичное собраніе особъ, къ оной относящихся, и прочихъ любителей про-

свѣщенія всѣхъ званій, для празднованія оной, выслушанія отчесловъ, предположеній комитета и избранія предсѣдателя и прочихъ должностныхъ лицъ.

§ 20. Библіотека открывается для желающихъ оною пользоваться 4 дня въ недѣлю: въ понедѣльникъ, вторникъ, четвергъ и пятницу, отъ 9 до 2-хъ и отъ 4-хъ до 6-ти часовъ. Въ это время въ оной должны находиться дежурный дѣйствительный членъ библіотекарь и письмоводитель.

§ 21. Пользоваться библіотекою дозволяется безъ всякой платы или приходя въ оную читать книги, или получая ихъ для прощенія на дому.

§ 22. Входъ въ библіотеку, въ назначенные часы, дозволяется всякому безъ затрудненія и предварительной выдачи билетовъ, исключая лицъ въ неприличномъ видѣ и одѣяніи.

§ 23. Пришедшій читать въ библіотеку избираеть по каталогу желаемое имъ сочиненіе, получаетъ оное отъ библіотекаря, если оное свободно; библіотекарь означаетъ въ особой книгѣ мѣсяцъ и число полученія, или выдаетъ другую книгу по выбору читателя, когда первая уже другому лицу выдана.

По прошествіи опредѣленныхъ часовъ на чтеніе, читатели сдаютъ книги библіотекарю, который ставить ихъ въ шкафъ, для читаемыхъ книгъ назначенный, оставляя въ книгѣ закладку съ означеніемъ, кто оную читаетъ. Если же книга прочтена, то оная ставится на свое мѣсто.

Принимая книги, Библіотекарь осматриваетъ, нѣть ли въ оныхъ поврежденій и, буде таковыя окажутся, то читатель обязанъ представить деньги за цѣлый экземпляръ, по оцѣнкѣ въ каталогѣ, а до тѣхъ поръ лишается права пользоваться библіотекою. Испорченный экземпляръ отдается испортившему оный читателю, а на полученные деньги выписывается новый. Книга, взятая для чтенія какимъ либо лицомъ, не пришедшімъ два дня сряду въ библіотеку, отдается другимъ лицамъ по востребованію.

§ 24. Книги для прочтенія на дому выдаются только людямъ, извѣстнымъ правленію библіотеки, съ разрешенія дежурного члена и съ оставленіемъ залога по каталогной цѣнѣ книги, не болѣе одного сочиненія въ разъ. По возвращеніи книги Библіотекарь осматриваетъ и въ случаѣ утраты или порчи залогъ сей поступаетъ въ уплату за книгу; экземпляръ отдается читателю, а книга выписывается новая; книги, выдаваемыя на дому, по истеченіи

недѣли, должны быть возвращены въ библіотеку, и однажды не исполнившій этого, лишается права получать книги на дому.

§ 25. Всѣ подобные случаи о порчѣ книгъ читающими записываются въ особую книгу, доводятся до свѣдѣнія Комитета, который оные разсматриваетъ и дѣлаетъ по онымъ свои постановленія.

§ 26. Каталогъ Библіотеки долженъ быть двухъ родовъ, первый систематической, главный каталогъ рукописей и книгъ и второй каталогъ книгъ для чтенія назначенныхъ и ежедневно употребляемый. Въ томъ и другомъ должна быть опѣнка книгъ, въ которую входятъ плата за переплетъ и пересылку.

§ 27. Рукописи для чтенія даются только въ самой библіотекѣ и съ разрѣшеніемъ Комитета, ибо утрата оныхъ ни чѣмъ не можетъ быть вознаграждаема.

§ 28. Книги и рукописи пріобрѣтаются или пожертвованіями или покупкою, по назначенію комитета. Сверхъ того должно быть изготовлено особое помѣщеніе для сочиненій Гг. владѣльцевъ и уроженцевъ Симбирской губерніи, которые будутъ приглашены къ пожертвованію своихъ твореній.

На основаніи сего устава Губернскимъ Предводителемъ Дворянства и Г. Начальникомъ губерніи приглашены въ члены Комитета библіотеки и приняли это званіе съ слѣдующимъ взносомъ:

Аксаковъ Г. С. 10 р., Анненковъ А. Н. 100 р., Аржевитиновъ И. С. 25 р., Ермоловъ А. И. 30 р., Кротковъ С. И. 25 р., Лазаревъ А. Д. 15 р., Мещериновъ П. П. 15 р., Сабанинъ Н. А. 10 р., Татариновъ А. Н. 15 р., Хованскій Кн. Ю. С. 50 р., Языковъ А. М. 100 р., Языковъ П. М. 100 р.

20-го Апрѣля 1847 г. было первое собраніе членовъ Комитета, которые на основаніи § 9-го устава Карамзинской библіотеки избрали изъ среды себя Предсѣдателемъ Комитета Гиттенъ Фервалтера П. М. Языкова, а на дворянскихъ выборахъ 17-го мая послѣдовала подпись дворянъ Симбирской губерніи на пожертвованіе въ пользу библіотеки; эта подпись дала ежегодного взноса 928 р. 42 к. сѣр. и единовременнаго 209 р. 42 к.

Списокъ дворянъ подписавшихся 17 мая 1847 г.

а) На ежегодный взносъ для поддержанія Карамзинской библіотеки:

Аксаковъ Г. С. 10 р., Анненковъ А. Н. 100 р., Аржевитиновъ И. С. 25 р., Астраханцевъ А. А. 5 р., Ахматовъ Н. П. 5 р., Бабкинъ А. В. 25 р., Бестужевъ А. В. 5 р., Бе-

стужевъ П. А. 25 р., Булдакова А. И. 5 р., Бѣляковъ А. П. 5 р., Волконскій Кн. А. Д. 10 р., Головинскій А. Е. 3 р., (*) Долгоруковъ К. А. А. 50 р., Ермоловъ А. И. 30 р., Ермолова А. П. 4 р., Ермоловъ Ф. И. 25 р., Кашировъ В. Н. 30 р., Киндяковъ А. Л. 10 р., Кротковъ С. И. 25 р., Лазаревъ А. Д. 15 р., Маркьяновичъ П. И. 5 р., Мачеваріановъ П. М. 20 р., Мещериновъ Д. А. 5 р., Мещериновъ П. И. 15 р., Москвитиновъ Ф. Ф. 5 р., Наумовъ М. М. 30 р., Наумовъ П. А. 10 р., Нечаевъ И. И. 30 р., Пановъ В. А. 10 р., Сабанинъ Н. А. 10 р., (*) Татариновъ А. Н. 15 р., Татариновъ К. Н. 20 р., Толстой Г. М. 25 р., Топорнинъ Н. Ф. 25 р., (*) Тургеневъ Л. Б. 20 р., Урусовъ Кн. Н. Д. 1 р. 42^{6/7} к., Хованская Кн. Е. П. 5 р., Хованскій Кн. Ю. С. 50 р., Юрловъ П. И. 10 р., Языковъ А. М. 100 р., (*) Языковъ П. М. 100 р., Яровой А. П. 5 р., Итого 928 р. 42 к.

б) На единовременный:

Аксаковъ Н. Т. 25 р., Бекетовъ А. И. 3 р., Бестужевъ А. В. 10 р., Бестужевъ П. Б. 5 р., Бобоѣдовъ В. В. 5 р., Бычковъ А. Л. 1 р., Волковъ С. В. 1 р., Головинскій А. Е. 2 р., Григоровъ С. И. 10 р., Девльть-Кильдѣевъ Кн. А. И. 4 р., Дубровинъ И. И. 3 р., Жилинъ А. С. 10 р., Карповъ Н. А. 10 р., Карповъ П. А. 5 р., Кирѣевъ М. Н. 5 р., Кудрявцевъ Д. А. 3 р., Лазаревичъ И. Ф. 5 р., Лазаревъ И. Д. 5 р., Леонтьевъ Н. А. 1 р. 42^{6/7} к., Луцкій К. Д. 3 р., Мельгуновъ И. В. 3 р., Метальниковъ М. А. 5 р., Мотовиловъ И. Е. 3 р., Мякишевъ О. А. 1 р., Назарьевъ Н. И. 5 р., Никифоровъ В. Н. 2 р., Оболенскій Кн. Н. А. 5 р., Пазухинъ А. С. 10 р., Пазухинъ Д. С. 5 р., Пазухинъ П. С. 25 р., Путиловъ А. А. 5 р., Путиловъ Д. А. 5 р., Соковнинъ Н. П. 5 р., Тимашевъ В. К. 3 р., Фатьяновъ А. В. 3 р., Хординъ Н. Н. 3 р., Итого 209 р. 42 к.

Избраніе П. М. Языкова Предсѣдацелемъ Комитета библіотеки было въ высшей степени удачное; если когда, то особенно теперь для первоначального устройства библіотеки и для заведенія порядка нуженъ былъ человѣкъ и энергичный и просвѣщенный, каковымъ и былъ Г. Языковъ, отличаясь особенною ревностью къ просвѣщенію и имѣя по своему образованію большія связи со многими учеными мужами и въ частности съ учеными лицами-уроженцами Симбирской губерніи, П. М. Языковъ принялъ за свое дѣло съ особенною любовию и энергией. 1-го Декабря 1847 года, въ день рожденія Николая Михайло-

* Означаетъ лицъ, продолжающихъ до сейъ свое пожертвованіе.

вича Карамзина предположено было (26) открыть библиотеку и для этого въ короткое время нужно было: 1) отдать помещение для библиотеки въ новоустроенномъ домѣ Дворянского Собрания; 2) приготовить шкафы, мебель, бюсты Н. М. Карамзина и Н. М. Языкова и все прочее, необходимое для публичной библиотеки; 3) отнести къ дворянамъ Симбирской губерніи, къ разнымъ ученымъ лицамъ и обществамъ съ просьбою о содѣйствіи съ ихъ стороны къ умноженію средствъ библиотеки и т. п., 4, благодарить гг. жертвователей и отдельными къ каждому изъ нихъ письмами и чрезъ отпечатаніе ихъ пожертвованій въ Московскихъ вѣдомостяхъ. Какъ велика была въ это время переписка Предсѣдателя Комитета съ разными лицами и по разнымъ предметамъ, можно судить потому, что въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ: августа, сентября, октября и ноября 1847 г. однихъ исходящихъ бумагъ было до 400 №№, писанныхъ его собственnoю рукой (27); въ тоже время надлежало разбирать жертвованныя разными лицами книги, заносить оныя въ хронологической каталогъ и приводить въ систему для фундаментального каталога и для размѣщенія по шкафамъ; правда, во второмъ собраніи комитета 1-го Іюля выбранъ былъ библиотекарь и вмѣстѣ письмоводитель Г. Садовниковъ съ жалованьемъ по 150 рублей въ годъ, которое послѣ, по журналу Комитета 1-го Февраля 1848 г., увеличена до 200 руб., но Г. Языковъ по своему характеру любилъ самъ все дѣлать и за всѣмъ непосредственно наблюдать; особенно же занимала и беспокоила Предсѣдателя денежная недоимка на нѣкоторыхъ лицахъ, которыхъ подписались на опредѣленный денежный взносъ для учрежденія библиотеки и не спѣшили вносомъ подписанной суммы, а между тѣмъ денежный капиталъ составлялъ вполнѣ потребность при устроеніи библиотеки. По этому обстоятельству Г. Языковъ долженъ былъ сноситься съ Начальникомъ губерніи, какъ главнымъ по уставу попечителемъ библиотеки, съ Губернскимъ и Уѣздными Предводителями Дворянства и съ самими гг. подписчиками. Обстоятельство это, въ высшей степени не

(26) Во второмъ собраніи Комитета 1 іюня 1847 г. члены Комитета Карамзинской библиотеки единогласно изъявили желаніе имѣть вмѣстѣ съ бюстомъ Карамзина и бюстъ Н. М. Языкова, какъ главного жертвователя и, можно сказать, основателя библиотеки.

(27) Напр. съ 3 мая до 3 ноября 1847 г. г. Языковъ неоднократно долженъ быть просить губернского предводителя о назначеніи въ библиотеку сторожа, который по уставу долженъ быть отъ дворянства, просить его же Предводителя, Губернатора, Губ. Архитектора заставить неисправного столяра подрядчика исправить шкафы согласно контракту. Эта переписка, состоявшая изъ 74 №№ бумагъ входящихъ и исходящихъ, касалась даже иногда личностей.

утѣшительное, естественно должно было раздражать энергического дѣятеля и связывать ему руки.

По причинѣ столь разнообразныхъ немалотрудныхъ занятій Предсѣдателя Комитета и по причинѣ такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ предположеніе открытие библіотеки въ 1-й день Декабря 1847 г. не состоялось; но за то, благодаря усиленной дѣятельности того же Предсѣдателя относительно приглашенія разныхъ ученыхъ лицъ и обществъ къ содѣйствію учрежденія Карамзинской библіотеки, къ 1-му Декабря 1847 г. собралось для нея книгъ болѣе 4000 томовъ въ 2000 названій по разнымъ отраслямъ наукъ и на разныхъ языкахъ. Это книжное богатство составилось:

1., Изъ всей библіотеки покойнаго Н. М. Языкова, пожертвованной, по желанію его, братьями его П. М. и А. М. Языковыми, состоящей изъ 2325 томовъ.

2., Изъ всей библіотеки Петра Никифоровича Ивашева (546 т.) пожертвованной его дочерьми Е. П. Языковой, Кн. Е. П. Хованской, М. П. Дроздовской и А. П. Ермоловой.

3., Изъ литературныхъ произведеній уроженцевъ и владѣльцевъ Симбирской губерніи; по приглашенію Предсѣдателя Комитета пожертвовали въ Карамзинскую библіотеку: Е. А. Карамзина 22 тома сочиненій ея супруга Н. М. Карамзина, М. А. Дмитріевъ, сочиненія дяди своего И. И. Дмитріева, вмѣстѣ съ собственными произведеніями, Кн. М. П. Баратаевъ, И. Н. Скобелевъ, Н. В. Сушкинъ, Д. В. Давыдовъ, Д. А. Валуевъ, С. Т. и К. С. Аксаковы, В. А. Пановъ, Ю. Ф. Самаринъ, А. В. Бестужевъ, И. А. Гончаровъ, Кн. М. А. Оболенскій,

4., Изъ пожертвованныхъ Е. П. Языковой 372 томовъ.

5., Санктпетербургскимъ вольнымъ экономическимъ обществомъ 161 томъ.

6., Симбирскимъ Губернскимъ Предводителемъ Дворянства Н. Т. Аксаковымъ 125 томовъ.

7., Академикомъ М. П. Погодинымъ, 92 тома.

8., Московскимъ обществомъ исторіи и древностей россійскихъ 49 томовъ.

9., А. М. Языковымъ 49 томовъ.

10., Ив. С. Кротковымъ 36 томовъ.

11., Археологической Комиссіей 22 тома.

12., Комиссіею печатанія государственныхъ грамотъ и дого-
воровъ 18 томовъ.

13., Императорскимъ Московскимъ обществомъ сельского хозяйства 14 томовъ.

14., Изъ пожертвованій менѣе значительныхъ отъ разныхъ литераторовъ и любителей просвѣщенія.

Къ этому былъ присоединенъ небольшой остатокъ газетъ и журналовъ, поступившихъ въ прежнюю Симбирскую губернскую библиотеку съ 1830 г. При этомъ нельзя не упомянуть о слѣдующемъ довольно курьезномъ обстоятельствѣ: при помѣщеніи прежней губернской библиотеки въ Строительной Комиссіи смотрѣніе надъ библиотекой поручено было, какъ сказано выше, Члену Комиссіи Г. Львову; при передачѣ книгъ Львовыи Г. Языкову оказалась недостача книгъ противу описи; это доведено было до свѣдѣнія Начальника губерніи и въ отношеніи сего послѣдняго, послѣдовавшемъ въ Комитетъ библиотеки, Г. Львовъ оправдывается тѣмъ, будто „бывшій гражданскій Губернаторъ Гевличъ приказалъ нѣкоторыя книги за ветхостю уничтожить,“ между тѣмъ какъ библиотека никогда не была открыта и слѣдовательно книги не могли приходить въ ветхость; а что книги, не оказавшіяся на лицо, приняты были Львовыи, то доказывается его роспиской въ полученіи ихъ, какъ видно изъ документовъ, переданныхъ имъ въ Комитетъ. Таково было вниманіе къ сбереженію богатства, добываемаго вѣковыми трудами мыслящаго ума!!

Но выше всѣхъ этихъ пожертвованій, поступившихъ въ составъ Карамзинской библиотеки, это монаршее благоволеніе къ онай. По ходатайству Симбирского губернатора Н. М. Булдакова и по всеподданнѣйшему докладу Статьи-Секретаря Графа Блудова блаженной памяти Государь Николай Павловичъ всемилостивѣше повелѣть соизволилъ „отпустить бездѣжно въ Карамзинскую общественную библиотеку всѣ книги юридического содержанія, изданныя II-мъ отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, 1, полное собраніе законовъ Россійской Имперіи, 2, общій сводъ оныхъ (изд. 1842 г.). 3, Сводъ военныхъ постановлений, 4, мѣстная узаконенія Остзейскихъ губерній и 5, уложение о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, а равно и впредь доставлять въ оную библиотеку тѣ книги законовъ, которыя выйдутъ въ послѣдствіи.“ Это монаршее благоволеніе значительно пополнило юридическій отдѣлъ Карамзинской библиотеки и доставило всѣмъ сословіямъ г. Симбирска возможность изученія отечественныхъ законовъ, которое одно можетъ развить знаніе правъ и обязанностей, столь важное въ государственномъ благоустройствѣ.

Всѣ книги, поступивши въ Карамзинскую библіотеку Г. Языковъ внесъ въ систематический каталогъ по извѣстной системѣ Ампера.

Къ марта мѣсяцу 1848 г. все было готово къ открытию Карамзинской библіотеки: отведенное для нея помѣщеніе въ нижнемъ этажѣ ново-отстроенного дома Дворянскаго Собрания состояло изъ двухъ, довольно помѣстительныхъ, залъ; въ большей изъ этихъ залъ размѣщены согласно положенію Комитета (⁽²⁸⁾), книги на Русскомъ языке въ двухъ-ярусныхъ со стеклами шкафахъ по обѣ стороны залы; въ другой меныше залѣ книги на иностраннѣхъ языкахъ; въ первой залѣ отдѣлено одно помѣщеніе для произведеній уроженцевъ Симбирской губерніи; обѣ залы снабжены необходимой мебелью; первая зала украшена бюстами Н. М. Карамзина и И. И. Дмитрева, пожертвованными племянникомъ послѣдняго М. А. Дмитріевымъ.

Таковъ былъ ходъ учрежденія Карамзинской библіотеки отъ 20 Апрѣля 1847 г. до 18 Апрѣля 1848 г., когда послѣдовало открытие библіотеки; на учрежденіе библіотеки поступило въ этотъ периодъ времени денежныхъ пожертвованій 916 р. 39 к., употреблено изъ сей суммы въ расходъ 570 р. 16 к., за тѣмъ въ 18 Апрѣля осталось суммы 379 руб. 13 коп. (⁽²⁹⁾)

3) Съ 18 Апрѣля 1848 г. до 19 Августа 1864 г.

19-го Марта 1848 г. члены комитета подъ предсѣдательствомъ П. М. Языкова въ общемъ собраніи между прочимъ положили: открытие Карамзинской библіотеки должно состоять: 1., въ приличномъ этому случаю молебствіи, 2., въ публичномъ засѣданіи комитета, въ которомъ прочесть обозрѣніе устройства и настоящаго состоянія библіотеки, 3., въ угощеніи Гг. посѣтителей, при чемъ должны быть предложены обычные тосты, 4., такъ какъ незначительность суммы библіотечной не позволяетъ употребить ее на угощеніе посѣтителей, то открыть особенную подписку между Гг. членами комитета библіотеки, 5., о назначеніи времени открытия библіотеки просить г. Начальника губерніи.

Въ назначенный г. Начальникомъ губерніи Булдаковымъ день

(28) 1 іюня 1847 г.

(29) О всѣхъ пожертвованіяхъ, поступившихъ въ Карамзинскую библіотеку, какъ деньгами такъ и книгами было въ свое время опубликовано въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1847 г. № 73. 1848 №№ 8, 43 и др.

18 Апрѣля 1848 г., въ воскресенье, послѣдовало открытие Карамзинской библіотеки. Въ документахъ находимъ слѣдующее описание этого открытия, отпечатанное въ московскихъ вѣдомостяхъ: 1848 года 18-го апрѣля происходило въ г. Симбирскѣ „открытие Карамзинской общественной библіотеки, торжество, „столь же достопамятное въ исторіи города, какъ и день от- „крытия памятника Россійскому Исторіографу Н. М. Карамзину. „Оно положило начало постоянному чтенію для всѣхъ сословій го- „рода, въ коихъ пробуждена любознательность, которая хотя и су- „ществуетъ какъ элементъ въ духѣ каждого народа, но требуетъ, „для проявленія своего особенныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, „средствъ и пособій. Эти средства и пособія предложило всѣмъ „сословіямъ города открытие Карамзинской общественной библіотеки „и совершенно безвозмездно. Черта достойная нашего вѣка!"

„Великолѣпная зала дворянскаго собранія избрана была для это- „го торжества, полнаго благодѣтельныхъ предзнаменованій и на- „деждъ! въ часъ по полудни прибыли г. Предсѣдатель и члены „Комитета, завѣдывающаго дѣлами библіотеки, приглашенные посѣ- „тители изъ разныхъ сословій города, г. Губернскій Предводитель „дворянства, г. Начальникъ губерніи и преосвященный Феодотій. „Тогда началось молебствіе съ водоосвященіемъ, по совершениіи ко- „тораго архиепаstryр сошелъ въ залы библіотеки, окропилъ ихъ „святою водою, и возвратившись въ залу собранія, произнесъ крат- „кое слово, исполненное назидательныхъ христіанскихъ истинъ. „Когда преосвященнѣйший кончилъ свое слово, открыто было пуб- „личное засѣданіе Комитета, завѣдывающаго дѣлами библіотеки; по „прочтеніи г. Предсѣдателемъ историческаго обозрѣнія учрежденія „Карамзинской общественной библіотеки, избраны были въ почетные „члены по предложенію г. Начальника губерніи: г. Министръ Внут- „реннихъ Дѣлъ Л. А. Перовскій, г. Министръ Народнаго Просвѣ- „щенія С. С. Уваровъ; по предложенію г. губернскаго предводи- „теля симбирскаго дворянства его преосвященство Феодотій, епископъ „симбирскій и сызранскій и по предложенію г. Предсѣдателя Коми- „тета его сілѣтельство князь М. П. Баратаемъ, чѣмъ и кончилось „засѣданіе комитета. Тогда всѣ посѣтители приглашены были въ „смежную залу въ подготовленному угощенію. Оно сопровождалось „многими тостами. Первый провозглашенъ былъ за здравіе Госу- „даря Императора. Послѣдній за благоденствіе Россіи!"

„Вслѣдъ за этимъ описаніемъ находимъ слѣдующую статистику „о числѣ читателей: „по журналу чтенія, заведенному въ библіо-

„текъ, съ ея открытия по 1 Іюня получали книги для прочтения „на домъ 13 лицъ. Въ залахъ библиотеки было 388 посѣщений, про- „чено, исключая газетъ и журналовъ, 62 сочиненія въ 148 то- „махъ преимущественно по богословію, исторіи и словесности. Ус- „пѣхъ неожиданный, доказывающій, что любознательность пробужде- „на уже и проявляется какъ потребность всѣхъ городскихъ сосло- „вій. Будемъ же поддерживать и удовлетворять это благодѣтельное „стремленіе народного духа. Тогда высшая благодать освѣнить воз- „никающее заведеніе на просвѣщеніе нашего края!...“

При открытии библиотеки предложена была подписка, которая доставила 251 рубль.

Такъ наконецъ осуществилась въ г. Симбирскѣ давно высказанная Правительствомъ высокая мысль объ открытии публичныхъ библиотекъ; Симбирское дворянство, которое всегда отличалось своимъ усердіемъ въ общественныхъ дѣлахъ, которое учредило общественную больницу, пожертвовало домъ для Губернской Гимназіи, устроило домъ трудолюбія (Елизаветинское училище) и домъ прогимназіи, соорудило Каѳедральный Соборъ, открыло при Гимназіи дворянскій пансионъ, дало первую мысль и первое участвовало въ сооруженіи памятника знаменитому бытописателю Русскому, нынѣ тоже Симбирское Дворянство выполнило высокую мысль Правительства объ учрежденіи Публичныхъ библиотекъ. Юное Симбирское учрежденіе быстро пошло впередъ; количество книгъ умножалось, число читателей возрастало постоянно въ теченіе первыхъ годовъ. По отчету за 1851 годъ значится количество книгъ въ 5038 т., число читателей 380, изъ нихъ духов. 27, дворянъ 35, чиновниковъ 50, преподавателей гимназіи, семинаріи и училищъ 15, студентовъ университета 4, воспитанниковъ гимназіи 59, семинаріи 53, купцовъ и мѣщанъ 46, разночинцевъ 90. Главный дѣятель, душа новаго учрежденія, былъ все тотъ же Предсѣдатель П. М. Языковъ; но къ сожалѣнію 17 іюня 1851 года смерть похитила этого воспитателя юнаго Симбирского учрежденія и дѣла его пришли въ замѣшательство и застой, и быстро развернувшійся цвѣтокъ едва не завялъ окончательно. До 18 декабря 1851 года библиотека находилась безъ Предсѣдателя и только сего числа выбранъ былъ изъ среды членовъ исправляющимъ должность Предсѣдателя А. Н. Анненковъ, состоявшій въ семъ званіи до 14 февраля 1853 года, когда Предсѣдателемъ избранъ былъ членъ Комитета А. Н. Татариновъ, который въ 1854 году такъ заключаетъ свое

предсѣдательство: „вполнѣ убѣдившись, что Карамзинская об-щественная библіотека, въ настоящемъ ея положеніи, не можетъ приносить никакой существенной пользы, я полагаю, что всего лучше было бы передать её въ непосредственное распоряженіе Министерства народнаго просвѣщенія⁽³⁰⁾. „Что г. Татариновъ вы-сказалъ такъ откровенно свою мысль, этому нечего удивляться; дѣйствительно не видно, въ какой степени была полезна Карам-зинская библіотека хоть, напримѣръ, въ теченіи 1853 и 1854 годовъ; за эти два года мы не находимъ даже обыкновенныхъ го-довыхъ отчетовъ о состояніи Карамзинской библіотеки, которые, по уставу библіотеки, должны быть представляемы по прошествіи го-да къ Министру Народнаго Просвѣщенія. Не находимъ отчетовъ о Карамзинской библіотекѣ за эти два года и для Симбирскаго Статистическаго Комитета. Есть при дѣлахъ отношенія по сему дѣлу канцелярии г. Начальника губерніи, но эти отношенія приложены къ бумагамъ подъ рубрикой: „къ свѣдѣнію и руко-водству,“ и должны исполненій по этимъ отношеніямъ не на-ходимъ. Большое зло происходило отъ неаккуратности и даже не-брежности бывшихъ въ то время библіотекарей. Г. Садовниковъ человѣкъ ученый, оказался неблагонадежнымъ и уволенъ отъ дол-жности библіотекаря еще 19-го Декабря 1849 г. Выбранный на мѣсто Садовникова учитель симбирскаго уѣзднаго училища Петру Мори-лову, неизвѣстно, въ какомъ состояніи принялъ библіотеку отъ Садовникова, при жизни П. М. Языкова представилъ въ 1850 г. два своихъ проекта относительно улучшенія въ порядкѣ пользо-ванія библіотекой и въ канцелярскомъ дѣлопроизводствѣ, но смерть П. М. Языкова дала г. Морилову возможность оставить свои проекти безъ исполненія, а отказавшись отъ должности библіоте-каря 16-го Марта 1853 г. онъ, подъ предлогомъ болѣзни, въ теченіе 2½ лѣтъ не позаботился сдать надлежащимъ образомъ библіотеку своему преемнику, дѣйствительному студенту московскаго университета Раксимовичу; это, безъ сомнѣнія, весьма много препят-ствовало правильному порядку въ пользованіи библіотекой; какая была истинная причина, почему г. Мориловъ избѣгалъ сдачи библіотеки, откроется изъ послѣдующаго. Частію, можетъ быть, по этому обстоятельству, частію по небрежности нового библіоте-каря Раксимовича, библіотека, какъ видно изъ документовъ, рѣдко была открываема для читающей публики въ теченіе времени

⁽³⁰⁾ Письмо отъ 20 ноября 1854 г. къ избранному на мѣсто его въ званіе Предсѣдателя 28 апрѣля 1854 г. Н. А. Сабанину.

отъ 16 марта 1853 до 3-го декабря 1855 года, до избранія на мѣсто Раксимовича на должность библиотекаря учителя Симбирской Семинаріи И. И. Благодарова. Такъ, напримѣръ, Предсѣдатель комитета А. Н. Татариновъ долженъ былъ въ 1853 г. напоминать библиотекарю Раксимовичу чаще открывать библиотеку, чтобы тѣмъ отстранить нареканія публики. Какъ бы то ни было, только къ 1856 году Карамзинская библиотека является въ незавидномъ состояніи и Предсѣдатель комитета библиотеки Н. А. Сабанинъ, равно и библиотекарь И. И. Благодаровъ, вступили въ отправленіе своихъ обязанностей при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Библиотекарь Благодаровъ долженъ былъ принимать библиотеку отъ троихъ своихъ предмѣстниковъ: отъ Раксимовича, Морилова и также Садовникова, которымъ, какъ выше сказано, не была официально сдана библиотека преемнику его Морилову и котораго съ 1852 года не было уже въ Симбирскѣ. При всемъ томъ скоро мы видимъ рапортъ библиотекаря Благодарова отъ 27 декабря 1855 г. о принятіи библиотеки отъ Морилова и Раксимовича и при этомъ рапортѣ опись книгъ, неоказавшихся на лицо. Число таковыхъ книгъ доходитъ до 150 названій. Въ февралѣ 1856 г. видимъ уже составленный библиотекаремъ систематический каталогъ книгамъ на Русскомъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, котораго доселѣ не было. По этому каталогу значится книгъ въ библиотекѣ 6373 тома; отпечатать этотъ каталогъ тогда не было возможности, потому что средства библиотеки до того сократились, что въ 1856—1859 г. сумма библиотечная исходила едва не до 0. (⁽³¹⁾) Безъ денежныхъ средствъ поднять библиотеку въ скоромъ времени было не возможно, не смотря на всѣ старанія объ этомъ со стороны Предсѣдателя и библиотекаря, отъ того 1856 и 1857 г. остались столь же безцвѣтными, какъ и предыдущіе имъ. Въ этотъ безцвѣтный періодъ жизни Карамзинской библиотеки, кромѣ Предсѣдателя и библиотекаря, видно только одно еще лицо, которое къ сердцу принимало такое безотрадное положеніе библиотеки, и заботилось доставлять въ библиотеку что нибудь новое изъ журналовъ и сочиненій. Это лицо членъ комитета, нынѣ почетный, А. М. Языковъ; онъ каждогодно, сверхъ подписной платы по званію члена, доставлялъ въ библиотеку книгъ на сумму отъ 100 до 200 р. Особенно принялъ

(³¹) Оставался только одинъ билетъ Симбирского Приказа Общественного Правления въ 24 р. 28^{4/7} к.

онъ за дѣло поддержанія Карамзинской библіотеки, когда встрѣтилъ самое живое сочувствіе къ этому дѣлу въ Предсѣдатель и библіотекарь. Лицамъ, близкимъ къ Карамзинской библіотекѣ, нельзя было не сочувствовать поддержанію оной; потому что нельзя было не видѣть той важной пользы, какую она, существуя на самыхъ возвышенныхъ и благородѣйшихъ началахъ, могла доставлять симбирской публикѣ, особенно людямъ не богатаго состоянія, и именно въ нашемъ Симбирскѣ, гдѣ до сего времени нѣтъ ни лавокъ, ни магазиновъ книжныхъ, какъ въ другихъ городахъ; были библіотеки при благородномъ собраніи, при собраніи Симбирского соединенного общества, но они были доступны немногимъ; была незначительная библіотека для чтенія г. Юргенса, но не всякий въ состояніи былъ взносить каждомѣсячно отъ 50 к. до 1-го р. за право чтенія. Карамзинская же библіотека всякому даромъ предлагала свои сокровища; существуя около 10 лѣтъ, она несмотря на малоизвѣстную жизнь свою, заключала въ себѣ болѣе 6,000 томовъ, и всякий могъ найти въ ней весьма многое; беллетристъ встрѣчалъ въ ней что нибудь новое, по своему желанію; а серьезный читатель находилъ въ ней чрезвычайно много полезнаго для себя; для историка и юриста Карамзинская библіотека могла быть драгоценнымъ справочнымъ мѣстомъ; въ ней было все лучшее по этимъ частямъ; а между тѣмъ отъ крайняго недостатка денежныхъ средствъ это благодѣтельное заведеніе подвергалось опасности быть закрытымъ по недостатку средствъ; видѣвшій и чувствовавшій все это близкій къ Карамзинской библіотекѣ трюмвирать, Предсѣдатель комитета Н. А. Сабанинъ, членъ комитета А. М. Языковъ и библіотекарь И. И. Благодаровъ, съ любовью и съ самой живой энергией принялъ за изъ исканіе новыхъ средствъ къ поддержанію библіотеки, украшенной именемъ мужа-дворянина Симбирского.

Такъ какъ Карамзинская библіотека есть заведеніе чисто благотворительное, то въ силу этого въ 1858 г. разосланъ былъ отъ имени комитета циркуляръ ко многимъ редакторамъ и издателямъ журналовъ; этимъ циркуляромъ, отпечатаннымъ въ 80 № Московскихъ вѣдомостей 1858 г., съ объясненіемъ начальъ, па которыхъ существуетъ Карамзинская библіотека, просили Гг. редакторовъ о пожертвованіи въ Карамзинскую библіотету издаваемыхъ ими журналовъ; въ то же время въ 24 № Московскихъ вѣдомостей 1859 г., отпечатанъ былъ краткій историческій очеркъ Карамзинской библіотеки, гдѣ высказана была высокая цѣль учрежденія и глав-

ныя условія существованія библіотеки и недостаточность средствъ къ поддержанію оной; эта попытка имѣла самыя благоприятныя послѣдствія; нашлись истинно-благородныя особы и общества, которыя, отозвались полною готовностію споспѣшствовать высокому и полезному дѣлу. Въ слѣдствіе сего, въ 1859 г. высыпались въ Карамзинскую библіотеку 21 название журналовъ и газетъ безденежно, и 2-за половинную цѣну⁽³²⁾ Говоря о пожертвованіяхъ въ Карамзинскую библіотеку ученыхъ лицъ и обществъ, которыя ничѣмъ не обязали себя къ этому, отадимъ имъ дань уваженія и признательности. Пріятно остановиться на извѣщеніяхъ нѣкоторыхъ Гг. редакторовъ, чтобы видѣть ихъ полное сочувствіе къ добруму дѣлу. Такъ напримѣръ редакція Духовной Бесѣды на просьбу комитета Карамзинской библіотеки отвѣчаетъ: „Вполнѣ понимая важность содѣйствія народному просвѣщенію, Редакція Духовной Бесѣды принимаетъ предложеніе Карамзинской библіотеки и изъявляетъ свою готовность въ теченіи всего 1859 г. безмездно доставлять въ ону библіотеку экземпляръ своего журнала.“ Не дышеть ли это чисто христіанскимъ братолюбіемъ и заботою о духовной пользѣ меньшихъ братій нашихъ? Въ такомъ же духѣ были отвѣты и другихъ редакцій. А вотъ какъ думаетъ и поступаетъ г. Новоселовъ „Сочувствуя вполнѣ общественному направленію Симбирской библіотеки и глубоко чтя незабвенную память Исторіографа, имя которого она достойна носить, считаю долгомъ, по мѣрѣ силъ, способствовать процвѣтанію прекраснаго учрежденія; поэтому имѣя честь препроводить при семъ въ даръ библіотеки: 1, „описаніе Петропавловскаго Собора“ и 2, „Кавказцы“ за первые два года, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, прошу принять увѣреніе, что поставлю себѣ въ непремѣнную обязанность доставлять въ нее и слѣдующіе вы-

(32) 1, Христіанское чтеніе, 2, Духовная Бесѣда, 3, Русская Бесѣда, 4, Русский Вѣстникъ, 5, Русское Слово, 6, Современникъ, 7, Библіотека для чтенія, 8, Вѣстникъ естественныхъ наукъ, 9, Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго общества, 10, Русская Газета, 11, Архивъ истор. и юридич. свѣдѣй о Россіи, 12, Моск. Медицин. Газета, 13, Журналъ для акціонеровъ, 14, Указатель политico-экономический, 15, Искра, 16, Собесѣдникъ, 17, Дѣтский журналъ, 18, Шехеразада; высыпались также безденежно: 19, Парусъ, 20, Атеней, 21, Русскій Дневникъ. Кроме сего за половинную цѣну высыпались: 22, Иллюстрація, и 23, Гигія. Такимъ образомъ Карамзинская библіотека имѣла въ семъ году 21 название журналовъ и газетъ, даромъ высланныхъ, и два журнала за половинную цѣну.

Сверхъ исчисленныхъ журналовъ въ томъ же году высыпались жертвуемые съ самаго начала библіотеки: 1, Журналъ Сельскаго Хозяйства; 2, Журналъ Министерства Народного Просвѣщенія, 3, Чтенія Общества Исторіи и древностей Россійскихъ при Москов. Университетѣ, 4, Журналъ Мануфактуръ и торговли.

*

пуски моего изданія, по мѣрѣ ихъ выхода. Надобно сказать при этомъ, что комитетъ библіотеки не обращался съ своимъ просительнымъ циркуляромъ къ г. Новоселову и онъ поступилъ такъ неподражаемо благородно потому только, какъ можно думать, что въ 24 № московскихъ вѣдомостей 1859 года прочелъ объ основныхъ началахъ и цѣли существованія Карамзинской библіотеки. Пріятно видѣть и то, какъ священна память знаменитаго Исторіографа Россійскаго Н. М. Карамзина; ученые лица не только считаютъ за честь посвящать имени его свои полезныя сочиненія, но и все, носящее его имя, стараются поддержать иувѣковѣчить. Примѣромъ можетъ служить г. Лешковъ. Присылая свое сочиненіе, онъ добавляетъ: посвященное имени незабвеннаго Исторіографа мое сочиненіе „Русскій народъ и государство“ должно находиться въ библіотекѣ, украшенной именемъ Карамзина; г. Ярославцевъ, взявъ сюжетъ для написанной имъ трагедіи „Владиміръ Андреевичъ князь Старицкій“ изъ исторіи Н. М. Карамзина, почель долгомъ прислать свое произведеніе въ даръ библіотеки, носящей имя Карамзина.

Благоговѣя къ памяти Карамзина и любя все, напоминающее о немъ, знаменитый труженикъ по разборкѣ патріаршой библіотеки К. И. Невоструевъ, бывшій профессоръ Симбирской а нынѣ Московской семинаріи, пожертвовалъ въ Карамзинскую библіотеку явившіеся въ печати драгоцѣнныя плоды его трудовъ и незабываетъ обогащать Карамзинскую библіотеку всрѣчающимися у него библіографическими рѣдкостями (Христіанство въ Японіи).

Кромѣ увеличенія книжнаго богатства въ 1859 г. увеличился въ Карамзинской библіотекѣ и денежный капиталъ; А. М. Языковъ доставилъ ей 400 р., переданные ему г. Свербеевымъ; Д. Н. Шиповъ пожертвовалъ по просьбѣ комитета 150 р. Но гораздо привѣтливѣе въ этомъ отношеніи встрѣтилъ Карамзинскую библіотеку 1861 г. Нельзя было не порадоваться тому благородному сочувствію, которое высказано къ этому столь благодѣтельному учрежденію лицами высшаго симбирскаго круга: давно замышляемый благородный спектакль въ пользу Карамзинской библіотеки наконецъ состоялся и данъ былъ 15 и 17 Февраля извѣстными по своимъ артистическимъ талантамъ лицами изъ дворянства. Этотъ спектакль доставилъ библіотекѣ, 1000 руб. сер. Комитетъ библіотеки, проникнутый чувствомъ полной признательности къ главнымъ виновницамъ этого спектакля П. И. и А. И. Языковымъ, М. И. Бѣляковой, равно къ примѣрному усердію

Предсѣдателя Н. А. Сабанина и члена комитета А. М. Языкова въ поддержаніи Карамзинской библіотеки, къ дѣятельному и исправному исполненію библіотекаремъ И. И. Благодаровыи лежащихъ на немъ обязанностей, Г-жамъ Языковымъ и Бѣляковой, Сабанину и Языкову предложилъ званіе почетныхъ членовъ комитета, библіотекарю Благодарову выдать денежную награду и атtestать во свидѣтельство его усердія и исправности. (33) Кромѣ сего въ 1861 и 1862 годахъ стараніями Предсѣдателя Н. А. Сабанина и преемника его В. П. Языкова собрано 1200 р. съ тѣхъ лицъ, которые подписались на ежегодные взносы въ пользу библіотеки; укомплектованъ комитетъ библіотеки съ правильнымъ ежегоднымъ взносомъ отъ членовъ комитета 255 р. (34) изъ денежнѣхъ сборовъ 2000 р. отдѣлены въ запасный капиталъ и обращены на 5%о билеты. Сочувствіе къ Карамзинской библіотекѣ, такъ живо высказавшееся съ 1859 г. не оставило ону до рокового 19 Августа 1864 г.; Комитетъ библіотеки ревностно старался поддержать это сочувствіе, ежегодно выражая и чрезъ отдельныя письма и чрезъ публикацію въ вѣдомостяхъ свою приватность соревнователямъ просвѣщенія, принимавшимъ участіе въ поддержаніи библіотеки; а правильные ежегодные взносы отъ членовъ комитета библіотеки и проценты съ капитала дали комитету возможность пополнить пробѣлы въ библіотекѣ выпиской отдѣльныхъ лучшихъ сочиненій преимущественно по части исторіи естествовѣдѣнія и изящныхъ произведеній словесности. (35)

Въ 1862 году братья Языковы Василій и Александръ Петровичи пожертвовали въ библіотеку болѣе 2000 томовъ лучшихъ и рѣдкихъ произведеній по части естествовѣдѣнія, составлявшихъ библіотеку покойного отца ихъ П. М. Языкова. Этотъ новый книжный капиталъ въ соединеніи съ прежнимъ, въ теченіи 16 лѣтъ собиравшимъ Карамзинской библіотеки обра-

(33) Журналъ Комитета 23 Декаб. 1861 г. и 7 апрѣля 1863 г.

(34) Имена членовъ: Почетные: П. И. Языкова, А. И. Языкова, М. И. Бѣлякова А. М. Языковъ, 30 р., Н. А. Сабанинъ, 10 р., Дѣйствительные: В. П. Языковъ 50 р., А. П. Языковъ 50 р., Кн. Н. С. Вяземскій 25 р., П. Н. Охотинъ 10 р., И. В. Вишневскій 10 р., Н. А. Гончаровъ 10 р., П. А. Ермоловъ 10 р., Н. А. Языковъ 10 р., А. П. Кирпичниковъ 10 р., И. И. Сусоколовъ 15 р., В. С. Левашевъ 10 р., К. Я. Жарковъ 5 р. Итого 255 руб.

(35) Назовемъ авторовъ замѣчательнѣыхъ сочиненій: Археисконы: Макарій, Фліаретъ, Инохъ Парфеній, Тенгіборскій, Ранке, Мілюковъ, Курціусъ, Гизо, Тьерри, Соловьевъ, Модестовъ, Таніть, Шлоссеръ, Забліцкъ, Боткінъ, Костомаровъ, Желѣзновъ. Маколей, Муравьевъ, Гарнѣ Шаже, Гервинусъ, Веберъ, Лакіеръ, Гоголь, Майковъ, Островскій, Фетъ, Соллогубъ, Буслаевъ, Туръ, Сенковскій, Даля, Шерръ, Шмідтъ, Розенгеймъ, Некрасовъ, Фольгеръ, Гюйтъ, Мендендорфъ, Павловскій, Вержболовичъ, Митчелъ, Гартвигъ, Араго и проч.

зоваль въ оной богатство въ 10,953 тома на сумму по крайней мѣрѣ въ 50,000 руб.

Возрастаніе денежныхъ средствъ и книжнаго богатства библіотеки, равно правильный порядокъ, заведенный библіотекаремъ, въ пользованіи книгами, отпечатаніе каталога въ 1862 году имѣли рѣшительное вліяніе на возрастаніе числа читателей. Вотъ даныя для сего; послѣ 1855 г. въ теченіе котораго библіотека почти не открывалась, въ 1856 году постоянныхъ читателей было 72 человѣка, въ 1857 г. 115, въ 1858 г. 147, въ 1859 г. 170, въ 1860 г. 270, въ 1861 г. 317, въ 1862 г. 350, въ 1863 г. 372 постоянныхъ и 793 временныхъ. Библіотека была открыта для посѣтителей три раза въ недѣлю по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ: а съ 3-го октября 1862 г. согласно журнальному постановленію комитета, открыта была на цѣлый день и по вторникамъ, четвергамъ и воскресеньямъ для чтенія въ самой библіотекѣ текущихъ журналовъ и газетъ.

Въ отчетѣ за 1861 годъ о состояніи Карамзинской библіотеки находимъ еще слѣдующія интересныя даныя. Въ теченіи 1861 г. читатели сдѣлали требованій 15,271 томовъ; именно: на 315 содержанія богословскаго, 83 философскаго, 185 по политикѣ и юриспруденції, 4,215 историческаго содержанія, 113 географическаго, 2,118 по словесности и 8,242 на журналы и газеты. Библіотеку посѣщали лица всѣхъ вообще сословій.

Эти даныя съ одной стороны говорять о развившейся въ симбирской публикѣ потребности къ чтенію, съ другой о богатствѣ средствъ къ удовлетворенію этой потребности; но среди такого утѣшительнаго положенія дѣль все богатство Карамзинской библіотеки сдѣжалось жертвою пламени, испепелившаго Симбирскъ 19 Августа 1864 г. вмѣстѣ съ библіотекой погибли украшавшіе залу оной бюсты Н. М. Карамзина И. И. Дмитриева, Н. М. Языкова, и портреты Н. М. Карамзина, М. А. и О. М. Дмитріевыхъ, Н. М. и П. М. Языковыхъ, П. А. Екина, Н. И. и А. И. Тургеневыхъ, В. Н. Соллогуба, И. А. Гончарова, В. Н. Анненковой, Д. В. Давыдова, Д. П. Ознобишина, (36)

4) Отъ 10 Сентября 1864 до 1867 года.

Когда нѣсколько ослабъ паническій страхъ, паведенный страшныхъ бѣдствіемъ, постигшимъ г. Симбирскъ, Комитетъ Карамзин-

(36) Письменные документы о Карамзинской библіотекѣ, изъ которыхъ выбрана предлагаемая исторія оной, сохранились на дому библіотекаря И. И. Благодарова,

ской библиотеки по мысли предсѣдателя В. П. Языкова журнальнымъ постановленіемъ 8-го Сентября 1864 года положилъ: „въстановить библиотеку на прежнихъ основаніяхъ и въ случаѣ успѣха освятить это возстановленіе 1-го Декабря 1865 года въ день столѣтнаго юбилея рожденія Н. М. Карамзина.“ Согласно сому постановленію Предсѣдатель В. П. Языковъ, донося (³⁷) Министру Народнаго Просвѣщенія А. В. Головину объ истреблениіи Карамзинской библиотеки пожаромъ, просилъ его представить о семъ несчастіи милостивѣшему вниманію Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича; затѣмъ вошелъ въ обширную переписку съ учеными лицами и обществами, съ редакторами журналовъ, съ книгопродавцами, съ городскими головами болѣе богатыхъ городовъ, прося о содѣйствіи къ возстановленію библиотеки; въ тоже время чрезъ газеты (³⁸) сдѣлано возваніе ко всей Россіи о таковомъ же содѣйствіи.

Въ слѣдствіе этаго воззванія Монаршія щедроты и благотворительныя пожертвованія, вызванныя отовсюду ужаснымъ бѣдствіемъ Симбирска, удѣлены были и на Карамзинскую библиотеку: ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ для пополненія Симбирской губернскай библиотеки, подвѣгшейся истребленію во время бывшаго въ Симбирскѣ пожара Высочайше повелѣть соизволилъ выслать въ означенную библиотеку по одному экземпляру всѣхъ изданыхъ II Отдѣленіемъ Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА канцеляріи историческихъ материаловъ (³⁹). Его Императорское Высочество покойный Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ, сочувствуя полезной цѣли возобновленія въ возможной скорости сгорѣвшей въ Симбирскѣ Карамзинской библиотеки, соизволилъ по-жаловать на этотъ предметъ изъ собственныхъ своихъ суммъ тысячу рублей (⁴⁰). Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ изъ дублетовъ, оказавшихся при соединеніи библиотеки Его Высочества съ библиотекой покойнаго Наслѣдника, пожертвовалъ 520 томовъ, въ томъ числѣ 120 томовъ элзевировъ, составляющихъ самую дорогую рѣдкость. За Высочайшей милостію явились многочисленныя пожертвово-

который, намѣреваясь въ наступившее въ 1864 году каникулярное время составить исторію библиотеки, собралъ всѣ эти документы и взялъ къ себѣ на домъ.

(³⁷) Отъ 23 сентября за № 142.

(³⁸) № 220 Москов. Вѣдомостей 1864 г.

(³⁹) Отнош. Симбирского Губернатора къ Предсѣдателю Комитета отъ 23 января 1865 г. за № 544.

(⁴⁰) Отнош. Министра Народнаго Просвѣщенія къ Предсѣдателю Комитета отъ 12 декабря 1864 г. за № 10,632.

ванія деньгами и книгами, непрекращающіяся и доселъ. Въ пе-
ріодъ времени отъ 10 Сентября, 1864 г. до времени юбилея Н.
М. Карамзина поступили слѣдующія пожертвованія деньгами: отъ
гражданъ г. Саратова 307 р. 45 к., отъ А. и Ф. Ушаковыхъ 74
р. 26 к., чиновниковъ Дерптскаго Университета 36 р. 63 $\frac{1}{4}$ к.
землевладѣльца г. Петровска Саратовской губерніи Топачева 25
р., Д. Н. Шидловскаго 25 р., отъ Одесской Городской распо-
рядительной Думы 13 р., отъ Вятской Городской Думы 6 р.
43 к., чиновниковъ строительнаго Санктпетербургскаго училища
4 р. 71 к., отъ Н. З р. Книжныя пожертвованія болѣе важныя
поступили отъ преосвященнѣйшихъ: Московскаго митрополита Филаре-
та, архіепископовъ: Харьковскаго Макарія, Могилевскаго Евсея,
отъ книжныхъ магазиновъ Сенковскаго и К°. Серно-Соловьевича,
Ушаковыхъ, Глазунова, Овсянникова, отъ департамента Министерства
Народнаго Просвѣщенія, Московскаго общества сельскаго хозяйства,
общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, Им-
ператорскаго археологическаго общества, Воронежской публичной
библиотеки, библиотеки Николаевской академіи, Главнаго Управле-
нія Генеральнаго Штаба, Санктпетербургскаго университета, Казан-
скаго университета, морскаго ученаго комитета, Московскаго об-
щества исторіи и древностей Россійскихъ, Московскаго общества лю-
бителей Россійской словесности, Императорской академіи наукъ, отъ
Редакцій журналовъ: Православнаго Обозрѣнія, Христіанскаго Чте-
нія, Воскреснаго чтенія и трудовъ Киевской духовной академіи,
твореній Св. Отцовъ въ русскомъ переводѣ, Душеполезнаго Чтенія,
Духа Христіанина, военнаго сборника, отъ отдѣльныхъ лицъ: М.
П. Погодина, М. А. Дмитріева, С. М. Соловьева, И. С. Акс-
акова, Н. П. Полозова, Д. О. Шеппинга, П. Д. Бѣляева, П.
И. Бартенева, И. В. Сушкива, Д. П. Ознобишина, Д. М. Сон-
цева, Я. К. Грота, А. М. Языкова, барона М. А. Корфа, А.
П. Языкова директора училища правовѣдѣнія, И. Е. Забѣлина,
В. Н. Лешкова, П. Г. Кичеева, А. П. Кушелева, М. Ф. Ро-
стовской А. Н. Бахметевой, Г. В. Груздева, Ковалевскаго, Ба-
бкина, Ламанскаго, Замятнина, Симакова, Клеванова, Лентовска-
го, Попова, Вознесенскаго, Гундобина, Гербеля, Ниротморцева и друг.

Изъ этихъ пожертвованій самыя дорогія и по количеству и по
качеству книгъ—пожертвованія общества для пособія нуждающим-
ся литераторамъ и ученымъ, общества исторіи и древностей
Россійскихъ, общества любителей русской словесности, Главнаго
управлінія генеральнаго штаба, библиотеки Николаевской акаде-

мі, Воронежской библіотеки, М. О. Ростовской, издательницы семейныхъ вечеровъ и Императорской академіи наукъ. Въ послѣднее время Его Сіятельство Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія Графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой увѣдомилъ Предсѣдателя Комитета, что Императорская Публичная библіотека выразила готовность уступить Карамзинской библіотекѣ дублеты, которые окажутся для здѣшняго книгохранилища излишними (⁽⁴¹⁾), а Предсѣдатель комитета А. П. Языковъ жертвуетъ всю свою библіотеку и уже передалъ до 200 томовъ лучшихъ сочиненій русскихъ авторовъ.

Лишь только стали поступать пожертвованія и формировалася Карамзинская библіотека, Комитетъ озабочился наймомъ квартиры для помѣщенія библіотеки и открытиемъ оной для публики; Симбирское дворянство съ полною готовностію отдѣлило изъ своихъ суммъ 293 р. 10 к., въ уплату за годовую квартиру, а потомъ, едва только возобновлена была одна половина дома дворянского собранія, отдѣлило для Карамзинской библіотеки удобное помѣщеніе въ семъ домѣ.

Изъ документовъ видимъ, что библіотека была уже открыта съ 1-го декабря 1864 года. Съ этого времени до 1-го июля 1865 г. выдано было книгъ для чтенія на дому 123 читателями 2,144 тома, цифра на первый разъ довольно значительна, судя потому, что библіотека въ короткое время не могла быть приведена въ надлежащій и вполнѣ удовлетворительный порядокъ; нужно было вновь обзаводиться всѣми необходимыми принадлежностями-каѳъ то шкафами, мебелью и т. п. и притомъ въ такое время, когда каждый спѣшилъ устроить себѣ необходимый пріютъ, когда материалы и руки мастеровыхъ были необыкновенно дороги; было въ собственномъ смыслѣ время страдное. Съ января мѣсяца 1865 г. библіотека находилась уже въ отдѣленномъ для нея помѣщеніи въ домѣ дворянского собранія и начался правильный порядокъ въ пользованіи оной; въ Іюнь и Іюль мѣсяцы 1866 г. по случаю окончательной отдѣлки въ домѣ дворянского собранія она по необходимости была закрыта, но въ Августѣ мѣсяца окончательно приведена въ порядокъ и въ этомъ видѣ удостоилась ее 2-го Сентября своимъ посвѣщеніемъ Его Сіятельство Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія Графъ Д. А. Толстой и выражаетъ свое удовольствіе и признательность предсѣдателю Комитета А. П. Языкову и его предмѣстнику В. П. Языкову.

(41) Отпопеніе Г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 14-го Генваря 1867 № 268.

Обзаведеніе и устройство библіотеки произведено подъ не посредственнымъ распоряженіемъ и наблюденіемъ Предсѣдателя Комитета В. П. Языкова очень экономически, такъ что за всѣми расходами на этотъ предметъ изъ денежныхъ пожертвованій, поступившихъ въ библіотеку послѣ пожара, уэкономлено 1000 р., которые причислены къ прежнему запасному капиталу библіотеки. За эту услугу Г. Предсѣдателя Комитета В. П. Языкова, за дѣятельное распоряженіе его по дѣлу возстановленія Карамзинской библіотеки, и за важныя пожертвованія въ пользу библіотеки до истребленія оной пожаромъ Комитетъ пригласилъ Г. Языкова принять званіе почетнаго члена, не освобождая его отъ взноса подписной платы.

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1866 года Карамзинская библіотека имѣла у себя болѣе 7000 томовъ, составившихся изъ однихъ пожертвованій; но въ этомъ богатствѣ такъ скоро накошившемся, есть, безъ сомнѣнія, значительные пробѣлы, которые необходимо пополнить, чтобы дать библіотекѣ удовлетворительный составъ; расходы на этотъ предметъ и на другія потребности публичной библіотеки не могли быть покрыты процентами съ запаснаго капитала и ежегодными взносами членовъ Комитета (⁴²) Кромѣ того нужно было озаботиться тѣмъ, чтобы дать всегдашнее и прочное существованіе Карамзинской библіотекѣ, дабы она на будущее время не подверглась тѣмъ же катастрофамъ, какія испытала въ періодъ времени отъ 1852 до 1859 г. Въ слѣдствіе сего Комитетъ библіотеки, по мысли Предсѣдателя А. П. Языкова, пришелъ къ убѣждѣнію, что необходимо образовать запасный неприкосновенный капиталъ, процентами съ коего вмѣстѣ съ ежегодными взносами членовъ Комитета покрывалось бы все содержаніе библіотеки, и согласно журнальному постановленію 16 Июля 1866 г. испросилъ чрезъ Господина Министра Народнаго Просвѣщенія Высочайшее разрѣшеніе послучаю приближающагося столѣтнаго юбилея Н. М. Карамзина открыть по Имперіи подписку на составленіе запаснаго неприкосновеннаго капитала Карамзинской библіотеки (⁴³).

(⁴²) Въ настоящее время Комитетъ составляетъ слѣдующія лица: Предсѣдатель А. П. Языковъ 50 р., Почетные члены: П. И. Языкова, А. И. Языкова, М. И. Бѣлякова А. М. Языковъ со взнос. 30 р., Н. А. Сабалинъ 10 р., В. П. Языковъ 10 р., Дѣйствительные: П. А. Ермоловъ 15 р., И. В. Вишневскій 10 р., онъ же и казначей, Н. А. Гончаровъ 10 р., Н. А. Языковъ 10 р., И. И. Су соколовъ, 15 р., А. П. Кирпичниковъ, 10 р., М. П. Бестужевъ, 15 р., Н. П. Машкинъ 15 р., П. В. Каракинъ 15 р., В. П. Родионовъ 15 р., Д. А. Бестужевъ 15 р., Кн. М. М. Баратасевъ 15 р., итого 260 руб.

(⁴³) Высочайшее разрѣшеніе опубликовано въ офиц. прибавленіи къ сѣверной почтѣ 28 августа 1866 г. № 23.

Въ количествѣ 5000 экземпляровъ разосланъ бытъ по всѣмъ правительственнымъ и начальственнымъ мѣстамъ Российской Имперіи пригласительный циркуляръ слѣдующаго содержанія:

„1-го декабря сего 1866 года исполнится сто лѣтъ, какъ родился отечественный нашъ Исторіографъ Николай Михайлович Карамзинъ. Счастливый жрежій быть родиной этого великаго человѣка выпалъ на долю Симбирской губерніи; здѣсь и въ самомъ Симбирскѣ взлѣяно его дѣтство; здѣсь протекло его отрочество, здѣсь онъ началъ и окончилъ свое первоначальное воспитаніе; здѣсь было его первое знакомство съ людьми, со свѣтомъ. Симбирскъ принялъ Карамзина какъ своего роднаго сына; Симбирскъ записалъ его какъ своего дворянина и помѣщика, въ свои дворянскія лѣтописи. Такимъ образомъ съ рожденiemъ Карамзина, съ его дѣтствомъ и отрочествомъ, съ его первоначальнымъ воспитаніемъ и дворянствомъ не раздѣльно соединено имя Симбирска.

Общественная дѣятельность Карамзина была виѣ его родины и сосредоточивалась на всемъ Русскомъ государствѣ; на этомъ по-приїѣ Карамзинъ явилъ себѣ современникамъ и потомству первымъ отечественнымъ Исторіографомъ—критикомъ, великимъ патріотомъ и первымъ отличнымъ прозаикомъ, и своими заслугами отечеству обезсмертилъ свое имя, такъ что при одномъ имени Карамзина невольно пробуждается въ сердцѣ каждого Русскаго глубокое уваженіе къ его отечественнымъ заслугамъ и великимъ талантамъ, живущимъ въ его безсмертныхъ произведеніяхъ. Но и среди государственныхъ трудовъ Н. М. Карамзинъ въ минуты досуга любилъ отдыхать мыслями на родныхъ прибрежьяхъ Волги и этимъ самимъ какъ бы завѣщалъ своему потомству съ именемъ Карамзина соединять и незабыватъ его любимой родины.“

„Признательное потомство Карамзина, желаяувѣковѣчить его заслуги и какъ бы внявъ его завѣщенію, по волѣ безпристрастнаго цѣнителя высокихъ заслугъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Николая I-го, воздвигло Карамзину на его родинѣ памятникъ: 23 августа 1845 года при многочисленномъ собраніи народа, въ присутствіи сыновей Карамзина Андрея и Александра Николаевичей, глубокаго почитателя Карамзина академика М. П. Погодина открыть этотъ памятникъ съ приличною сему случаю церемоніей (какъ опубликовано въ № 34 Симбир. губерн. вѣдомостей за 1845 г.).“

„Симбирское же дворянство, коему принадлежитъ и первая мысль и первая жертва на сооруженіе сего памятника, желая еще болѣе

почтить Карамзина, какъ своего славнаго соуроженца и Симбирскаго дворянина и имя Карамзина слить съ народнымъ образованіемъ его родины, учредило въ Симбирскѣ публичную библіотеку, назвавъ ее, съ Высочайшаго соизволенія, Карамзинской, и постановило непремѣннымъ правиломъ, чтобы чтеніе въ оной было безвозмездное. Въ теченіи 16-ти лѣтъ Карамзинская библіотека существовала единственно пожертвованіями Симбирскаго дворянства и къ 1864 году богатство ея возрасло до 10753 тома; число пользовавшихся этимъ богатствомъ доходило въ послѣднее время до 600 такихъ лицъ, которые получали книги для чтенія на дому, а всѣхъ посѣщеній библіотеки было болѣе 3,000. 19 августа 1864 года все богатство Карамзинской библіотеки, столько лѣтъ собираемое, въ общій пожарѣ г. Симбирска сдѣжалось жертвою пламени."

„Комитетъ библіотеки не желая, чтобы этотъ памятникъ Н. М. Карамзину погибъ навсегда, съ другой стороны удовлетворяя развившейся въ Симбирской публикѣ потребности и любви къ чтенію, положилъ восстановить Карамзинскую библіотеку на прежнихъ основаніяхъ и сдѣлалъ воззваніе къ любителямъ просвѣщенія о содѣйствіи сему славному дѣлу. Воззваніе Котитата встрѣтило въ любителяхъ просвѣщенія и почитателяхъ памяти Карамзина самое живое сочувствіе къ восстановленію этого памятника; отовсюду явились пожертвованія, продолжающіяся и доселъ. Начало восстановленія погибшаго памятника Карамзину положено: Карамзинская библіотека имѣть въ настоящее время уже болѣе 7000 томовъ; остается этотъ памятникъ довершить и навсегда упрочить его существованіе. Для достижения этой цѣли Комитетъ пришелъ къ мысли, что необходимо образовать неприкосновенный запасный капиталъ, процентами съ коего, вмѣстѣ съ ежегодными взносами членовъ Комитета, покрывалось бы все содержаніе библіотеки и чрезъ Господина Министра Народнаго просвѣщенія испросилъ Высочайшее разрѣшеніе по случаю приближающагося столѣтняго юбилея рождения Н. М. Карамзина открыть по Имперіи подписку на составленіе запаснаго не прикосновеннаго капитала Карамзинской библіотеки.

„Въ № 258 Москов. вѣд. за 1864 г. Л. К. сказалъ: „скоро будетъ сто лѣтъ, какъ родился Николай Михайловичъ Карамзинъ. Неужели въ то время, какъ Германія и Англія, а съ ними и вся Европа, праздновали юбилеи Шиллера и Шекспира, мы, Русскіе непочтимъ памяти нашего знаменитаго Гражданина и

Исторіографа достойнымъ его и Россіи образомъ.“ Послѣ того, какъ вся Россія въ прошедшемъ году отпраздновала достойнымъ образомъ юбилей Отцу Русской Словесности, Ломоносову, нельзя сомнѣваться, чтобы она отказалася въ подобной же чести первому отечественному Исторіографу, и послѣ того, какъ она съ чувствомъ благоговѣйного уваженія къ Карамзину воздвигла ему памятникъ, нельзя сомнѣваться, что бы она, готовая праздновать стольный юбилей ему, отказалася въ своемъ живомъ участіи въ составленіи капитала, потребнаго на довершеніе и упроченіе существованія другаго памятника ея славному соотечественнику,— на довершеніе и упроченіе существованія Карамзинской библіотеки. Начало этому капиталу также положено: покойный, блаженный памяти, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ пожертвовалъ изъ своихъ собственныхъ суммъ 1000 рублей на возстановленіе сгорѣвшей Карамзинской библіотеки.“

„Комитетъ библіотеки надѣется, что на Высочайшее соизволеніе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА откликнется вся Россія, всегда и свято исполняюща волю своего МОНАРХА, и примѣръ покойнаго Государя Наслѣдника Цесаревича не будетъ имѣть недостатка въ достойныхъ подражателяхъ и въ этой надеждѣ честь имѣть покорнѣйше просить Вашъ, Милостивый Государь, пригласить подвѣдомственные Вамъ мѣста и лица къ участію въ составленіи капитала Карамзинской библіотеки и собранныя пожертвованія адресовать или на имя Гг. Губернаторовъ, или на имя Предсѣдателя комитета Карамзинской библіотеки Александра Петровича Языкова.“

„Имена Гг. жертвователей будуть прочтены на Симбирскомъ юбилеѣ Карамзину и отпечатаны въ губернскихъ и столичныхъ вѣдомостяхъ.“

„Предсѣдатель Комитета Карамзинской библіотеки *Александръ Языковъ.*“

Воззваніе Комитета произвело рѣдкое явленіе, которое свидѣтельствуетъ съ одной стороны глубокое уваженіе къ памяти славнаго отечественнаго исторіографа Н. М. Карамзина, вѣчно живущаго въ сердцахъ признательныхъ его соотечественниковъ, съ другой живое сочувствіе общеполезному учрежденію увѣковѣчивающему дорогую память о Карамзинѣ.

Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія и вѣрно-подданнической преданности передаемъ современникамъ и потомству о новой Монаршей милости, двукратно уже оказанной Карамзинской библіотекѣ. ИХЪ ИМПЕРАТОРСКАЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЬ

ИМПЕРАТОРЪ И ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА, желая въ день совершившагося столѣтія со дня рожденія Карамзина почтить память знаменитаго нашего исторіографа на благое дѣло просвѣщенія изволили пожаловать изъ своего кабинета 3,000 р. въ пользу Симбирской Карамзинской библіотеки, истребленной во время бывшаго въ Симбирскѣ пожара (⁴⁴). Эта Высочайшая милость ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, объявленная комитету чрезъ Министра Двора ЕГО ИМЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Графа Адлерберга и Министра Народнаго Просвѣщенія Графа Д. А. Толстаго телеграммами отъ 30 ноября 1866 года, полученными 2 декабря во время празднованія Симбирскимъ обществомъ столѣтняго юбилея Н. М. Карамзина, невыразимо восхитила комитетъ и все Симбирское общество, и еще болѣе возвысила радость, которая наполняла сердца Симбирянъ, приносившихъ дань признательности своему славному соуроженнцу. Комитетъ, исполненный чувства глубочайшей признательности и вѣрноподданнической преданности телеграммой отъ 3 декабря просилъ Графа Адлерберга повергнуть эти чувства предъ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИМИ ВЕЛИЧЕСТВАМИ и путемъ газетной гласности довѣль до всенародного свѣдѣнія о Высочайшей милости Августѣйшихъ покровителей Карамзинской библіотеки. Приходимъ здѣсь подлинникомъ эти незабвенные для Карамзинской библіотеки телеграммы.

1.) Отъ 30 ноября,, Симбирскъ. Директору Комитета по управлению Карамзинской библіотеки Языкову. ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА, въ память покойнаго Исторіографа Карамзина празднуемой завтрашняго числа столѣтней годовщины отъ его рожденія изволили пожаловать въ пользу имени его библіотеки: ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ 2000 руб., и ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА 1000 рублей. Деньги препровождаются къ г. Министру Народнаго Просвѣщенія для доставленія къ Вамъ. Графъ В. Адлербергъ,. 2.) Отъ 30 Ноября,, Сибирскъ. Попечителю Карамзинской библіотеки Языкову. ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА по случаю юбилея Карамзина изволила пожаловать Карамзинской библіотекѣ 1000 р. Министръ Графъ Толстой.“

Комитетъ библіотеки выразилъ свою вѣрноподданническую и живѣйшую благодарность ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВАМЪ слѣдующими телеграммами отъ 3-го Декабря (⁴⁵), „Санктпетер-

(⁴⁴) Отнош. Министра Народнаго просвѣщенія къ Предсѣдателю Комитета отъ 3 декабря 1866 г. за № 9542.

(⁴⁵) Телеграммы отъ Гр. Адлерберга и Гр. Толстаго по случаю временнаго повреж-

бургъ. Министру Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА. Комитетъ Карамзинской библиотеки, съ благоговѣніемъ приимая Августѣйшую ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ милость къ Карамзинской библиотекѣ покорнѣйше просить Ваше Сиятельство повернуть къ стопамъ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ чувства глубочайшей признательности и вѣрноподданнической преданности. Предсѣдатель Комитета Языковъ."

Вмѣстѣ съ симъ Комитетъ особы телеграммой просилъ Господина Министра Двора ходатайствовать предъ Ихъ Императорскими Высочествами Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и супругой Его Государыней Цесаревной Маріей Феодоровной о всемилостивѣйшемъ принятіи Карамзинской библиотеки подъ Ихъ Высокое покровительство. Телеграммой отъ 4-го Декабря Господинъ Министръ увѣдомилъ предсѣдателя Комитета А. П. Языкова, что, „ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА благосклонно приняли изъявленіе благодарности Комитета, а Государь Цесаревичъ и Государыня Цесаревна съ удовольствіемъ соглашаются быть покровителями Карамзинской библиотеки.“

Вскорѣ Его Императорское Высочество Великій Князь Владимиръ Александровичъ, испросивъ соизволеніе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, пожертвовалъ единовременно на Карамзинскую библиотеку 500 рублей. Таковое Августѣйшее вниманіе и Высочайшая милость къ Карамзинской библиотекѣ нашли весьма многихъ подражателей, которые съ готовностю отозвались на призывъ Комитета о пожертвованіяхъ для составленія запаснаго неприкосновенного капитала Карамзинской библиотеки и со всѣхъ даже самыхъ отдаленныхъ концовъ Россіи поступили на сей предметъ многочисленныя, хотя и не такъ значительныя пожертвованія. По 15-ѣ Апрѣля сего 1867 года капиталъ библиотеки, вмѣстѣ съ Монаршими пожертвованіями, составляетъ 6494 рубля 10 $\frac{1}{2}$ к. (⁴⁶)

денія телеграфовъ получены были 2-го Декабря и прочтены на литературномъ вечерѣ того дня, бывшемъ по случаю празднованія въ Симбирскѣ юбилея Карамзина; поэтому Комитетъ и могъ отвѣтить только 3-го Декабря.

(46) Списокъ жертвователей приложенъ въ концѣ сего сборника.

ОТЧЕТЬ

О СОСТОЯНИИ КАРАМЗИНСКОЙ БИБЛИОТЕКИ, ЧИТАННЫЙ НА СИМБИРСКОМЪ КАРАМЗИНСКОМЪ ЮБИЛЕѢ 1-ГО ДЕКАБРЯ 1866 ГОДА.

Милостивые Государи!

Наступилъ тотъ великийъ день, 1-е Декабря, который 100 лѣтъ тому назадъ далъ Россіи знаменитаго историка Николая Михайловича Карамзина. Хотя и существуютъ разнорѣчія о годѣ его рожденія, но всѣ данные, имѣющіяся въ рукахъ нашихъ, свидѣтельствуютъ, что 1766 годъ есть настоящій годъ его рожденія и всѣ учёные общества, всѣ города Россіи: Петербургъ, Москва, Казань, Кіевъ, Харьковъ, Одесса, Дерптъ празднуютъ его вмѣстѣ съ нами.—Къ намъ прибылъ на торжество Александръ Николаевичъ Карамзинъ, сынъ покойнаго историографа, и торжество наше принимаетъ отъ того характеръ семейный, соотвѣтственный родинѣ его, и этимъ юбилей г. Симбирска становится на первое мѣсто. Настоящее торжество имѣеть для насъ еще особый характеръ: вмѣстѣ съ празднованіемъ столѣтия юбилея Н. М. Карамзину комитетъ празднууетъ возстановленіе Карамзинской библіотеки, этого лучшаго памятника, воздвигнутаго Симбирскимъ дворянствомъ Н. М. Карамзину, какъ своему соуроженцу. По этому предложу Вашему вниманію, Милостивые Государи, краткій историческій очеркъ этой библіотеки.

Симбирская публичная библіотека, названная, съ Высочайшаго соизволенія, Карамзинской, неоднократно удостоенная Монаршаго вниманія, и для всѣхъ открытая безвозмездно, существуетъ съ 18 Апрѣля 1848 года.

Таковъ былъ ходъ ея учрежденія.

Русскій вельможа, прославившійся ревностію объ общественномъ

бдагъ и распространеніи всѣхъ полезныхъ свѣдѣній, президентъ Императорскаго Вольнаго Экономического Общества, графъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ, „въ видахъ распространенія народнаго просвѣщенія и возрастанія народнаго богатства,“ подалъ въ 1830 году мысль о заведеніи по губернскимъ городамъ Россіи публичныхъ библиотекъ; и въ томъ же году г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, графъ Закревскій, циркулярно предписалъ начальникамъ губерній, въ томъ числѣ и Симбирской, чтобы они, общѣ съ губернскими предводителями дворянства, директорами гимназій и другихъ учебныхъ заведеній, любителями полезныхъ знаній изъ дворянъ и купечества, опредѣлили: 1) приличное зданіе для помѣщенія въ губернскихъ городахъ публичныхъ библиотекъ, 2) порядокъ пользованія оными, 3) избрали попечителей и библиотекарей.“⁽¹⁾

Въ Симбирскѣ не замедлили приступить къ исполненію министерскаго распоряженія, и тогдашній Симбирскій губернскій предводитель дворянства, князь М. П. Баратаевъ, 27 мая 1831 года представилъ по этому дѣлу г. начальнику губерніи свои соображенія, которыя послѣ положены были въ основаніе устава Карамзинской библиотеки.

Междудѣмъ Министерство Народнаго Просвѣщенія, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и Министерство Финансовъ, Императорское вольное экономическое общество сельского хозяйства, Литераторы: Щегловъ, Полевой, Погодинъ, Гречъ изъявили свою готовность доставлять безденежно въ Симбирскую губернскую библиотеку журналы и книги, ими издаваемые, и къ 1831 году выслано уже было нѣсколько № Коммерческой газеты, Горнаго журнала, журнала мануфактуръ и торговли, Землемѣрческаго журнала, нѣсколько сочиненій отъ Департамента Народнаго Просвѣщенія, сочиненій Полеваго, Погодина, Греча и друг.

О дальнѣйшемъ ходѣ учрежденія Симбирской публичной библиотеки изъ письменныхъ обѣ пней документовъ до 1848 года известно, что 1) само Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, „принимая въ уваженіе занятія гг. начальниковъ губерній какъ по принятію мѣръ противъ появившейся въ нѣдрахъ Государства эпидемической болѣзни-холеры, такъ и по предмету разныхъ нетерпѣвшихъ отлагательства распоряженій по случаю возгорѣвшейся тогда войны съ польскими мятежниками, пристановило требованіемъ исполн-

(1) Отношеніе Министра внутреннихъ дѣлъ къ начальнику Симбирской губерніи, отъ 5 июля 1830 г. за № 777.

неній по циркулярному предписанію начальникамъ губерній отъ 5 іюля 1830 года и возобновило свои требованія уже въ 1833 году; 2) въ 1834 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы „губернскія публичныя библіотеки состояли впредь подъ наблюденіемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія,“ и г. Министръ Народнаго Просвѣщенія неоднократно требовалъ отъ начальника Симбирской губерніи свѣдѣній о ходѣ образованія публичной библіотеки въ г. Симбирскѣ; 3) состоявшій въ должности Симбирскаго гражданскаго губернатора въ 1838 году доносилъ г. Министру Народнаго Просвѣщенія, что „предшественники его сносились съ губернскими предводителями дворянства о средствахъ къ открытію Публичной библіотеки въ г. Симбирскѣ, но переписка эта, по разнымъ обстоятельствамъ, не оказала успѣха; дѣло откладывалось отъ времени до времени, то до дворянскихъ выборовъ, то до другихъ какихъ либо благопріятныхъ случаевъ; (2) 4) книги, какія были пожертвованы въ Симбирскую публичную библіотеку, хранились сначала до 1840 года въ губернаторскомъ домѣ, а потомъ въ комнатахъ присутствія строительной комиссіи; завѣдываніе ими сначала возложено было на чиновника особыхъ порученій Хмельницкаго, а съ 1840 года передано члену строительной комиссіи по хозяйственной части Льзову; 5) съ 1838 года г. Министръ Народнаго Просвѣщенія неоднократно повторялъ вышеупомянутое требование; не смотря на это, дѣло дальнѣйшаго устройства Симбирской Публичной библіотеки, по разнымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, не приводилось къ окончанію; уже въ Февралѣ 1846 года Г. Симбирскій Предводитель дворянства М. М. Наумовъ доносилъ г. Министру Народнаго Просвѣщенія, что „помѣщеніе для Симбирской губернской библіотеки, по общему соглашенію дворянъ, приготовлено во вновь отстроенному домѣ Дворянскаго Собрания, и представилъ свое предположеніе учредить библіотеку на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ; 1) „По общему желанію Дворянъ Симбирской губерніи назвать библіотеку Карамзинскою въ честь знаменитаго уроженца Симбирской губерніи Н. М. Карамзина, имѣвшаго огромное влияніе на распространеніе просвѣщенія въ наше отечество; 2) деньги, потребныя на устройство и поддержаніе библіотеки, собрать подписанію, или инымъ способомъ, по усмотрѣнію дворянства; составить ону изъ книгъ, преимущественно до Россіи касающихся и изъ древнихъ рукописей; 3) управление

(2) Донесеніе начальника Симбирской губерніи отъ 15 января 1838 года № 26, Министру Народнаго Просвѣщенія.

бібліотекой ввѣрить комитету изъ 12 членовъ; 4) открывать Библиотеку для всѣхъ классовъ безъ платы за пользованіе книгами оной" и проч. и 14 августа препроводилъ на усмотрѣніе и утвержденіе г. Министра Народнаго Просвѣщенія проектъ Устава Симбирской Публичной библіотеки; отъ 16 Октября того же года (№ 9,397) Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія Ширинскій-Шихматовъ увѣдомилъ Губернскаго Предводителя Дворянства, что, по положенію комитета Министровъ ^{27 сентября} ~~10 октября~~ „Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на наименованіе учреждаемой въ Симбирскѣ губернской публичной библіотеки, согласно желанію тамошнаго Дворянства, Карамзинскою," а Министръ Народнаго Просвѣщенія, графъ Уваровъ, при отношеніи отъ 6 февраля 1847 года (№ 1211), возвратилъ утвержденный имъ уставъ для Карамзинской библіотеки.

Согласно съ уставомъ 20 Апрѣля того же года выбраны изъ Дворянъ 12 членовъ для управлениія библіотекой и изъ среды членовъ избранъ былъ Предсѣдатель, извѣстный своего ученостю и любовию къ просвѣщенію П. М. Языковъ, а на дворянскихъ выборахъ, бывшихъ въ томъ же году, предложена подписька на пожертвованія деньгами и книгами для образованія библіотеки и для составленія капитала на поддержаніе оной; по этой подпискѣ денежныхъ взносовъ отъ членовъ Комитета и отъ другихъ дворянъ составилось 928 р. и книгами болѣе 4,000 томовъ въ 2000 наименій; это количество книгъ составило: 1) изъ библіотеки похороннаго Н. М. Языкова (2325 т.), пожертвованной, согласно волѣ покойнаго, братьями его П. М. и А. М. Языковыми 2) изъ книгъ, оставшихся послѣ Н. М. Карамзина и переданныхъ родственниками его въ Карамзинскую библіотеку 3) изъ пожертвованій отъ другихъ дворянъ Симбирской губерніи и ученыхъ лицъ и обществъ.

18 Апрѣля 1848 года послѣдовало торжественное открытие Карамзинской библіотеки и освященіе оной молебствіемъ съ водосвященіемъ, которое совершилъ похоронный Высокопреосвященный Іоаннотій, Епископъ Симбирскій.

Съ того времени Карамзинская библіотека, удовлетворяя разнообразнымъ требованіямъ читателей, постоянно пополнялась лучшими сочиненіями и periodическими изданіями и къ 1864 году имѣла у себя до 10,000 томовъ; читателей, бравшихъ изъ библіотеки книги на дому, въ послѣднее время доходило до 350 человѣкъ.

*

Къ крайнему прискорбю и Комитета, завѣдывающаго управлениемъ библіотеки и Симбирской читающей публики, Карамзинская библіотека въ пожаръ, 19 Августа 1864 года, сгорѣла безъ остатка.

По миновании паническаго страха, наведеннаго этими ужасными несчастіемъ, постигшимъ г. Симбирскъ, Комитетъ Карамзинской библіотеки пришелъ къ мысли о возобновленіи оной, и за недостаткомъ собственныхъ средствъ обратился къ разнымъ ученымъ лицамъ, ученымъ обществамъ и книгопродавцамъ съ прошльбой о содѣйствіи Комитету въ дѣлѣ возстановленія Карамзинской библіотеки; попытка, какъ нельзя больше, была удачна: по ходатайству Министра Народнаго Просвѣщенія г. Головнина, покойный Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ пожертвовалъ изъ собственныхъ суммъ 1000 рублей на возстановленіе Карамзинской библіотеки, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ изволилъ повелѣть выслать въ Карамзинскую библіотеку болѣе 500 томовъ дублетовъ, оказавшихся при соединеніи его библіотеки съ библіотекой покойнаго Государя Наслѣдника; Саратовское городское общество выслало на тогъ же предметъ 300 рублей; Комитетъ общества для вспоможенія неимущимъ ученымъ и литераторамъ, Воронежская Публичная библіотека, Николаевская Академія, Главное Управление Генерального Штаба, Московское общество любителей Россійской Словесности и многія другія общества и лица сдѣлали пожертвованія книгами. Лишь только на дняхъ получено извѣстіе отъ Императорской Академіи Наукъ о томъ, что по опредѣленію конференціи Академіи отъ 6 Ноября 1864 года сдѣлано распоряженіе объ отпускѣ въ Карамзинскую библіотеку тѣхъ изъ изданныхъ Академіею сочиненій, которыхъ имѣются въ запасѣ; почетный членъ Комитета Карамзинской библіотеки А. М. Языковъ пожертвовалъ также въ недавнее время до 200 томовъ разнаго рода сочиненій очень удачного выбора.

Такимъ образомъ Карамзинская библіотека имѣеть въ настоящее время цифру книгъ и періодическихъ изданій, доходящую до 8,000 томовъ на языкахъ русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ, греческомъ, англійскомъ, италіанскомъ, еврейскомъ, арабскомъ и санскритскомъ.

Симбирское Дворянство, по прежнему, отдалило во вновь отдѣленномъ послѣ пожара домѣ Дворянскаго Собрания приличное поѣдненіе для библіотеки, положило отъ себя отопленіе и прислугу;

библиотека, по прежнему, открыта для всѣх любителей просвѣщенія безвозмездно; въ настоящее время посѣтителей, берущихъ книги на домъ 198 человѣкъ изъ всѣхъ сословій общества, преимущественно изъ воспитанниковъ Гимназіи и Семинаріи; книги для чтенія требуются преимущественно по отдѣламъ исторіи, словесности, естествовѣдія и изъ periodическихъ изданій.

Для получения книгъ на домъ, библиотека открыта по вторникамъ, средамъ и Субботамъ съ 3-хъ часовъ по полудни; по прочимъ днямъ можно читать въ самой библиотекѣ текущіе журналы и газеты. Въ настоящемъ году библиотека получаетъ за половину цѣны Русскій Вѣстникъ, Отечественный Записки, Московская Вѣдомость, получала также Русское Слово и Современникъ; бездешево: Вѣстникъ Европы, Православное Обозрѣніе, Христіанско-Чтение, Душеполезное Чтеніе, Воскресное Чтеніе, Семейные Вечера, Журналъ Министерства Народного Просвѣщенія, Чтенія Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и древностей Россіи, Записки Императорской Академіи Наукъ, Извѣстія Географическаго Общества, Санктпетербургскія Вѣдомости, Сѣверную Почту, Сибирскія Губернскія Вѣдомости, Искру и Развлеченіе.

Для поддержанія Карамзинской библиотеки Комитетъ имѣть теперь въ своемъ вѣдѣніи и распоряженіи капиталъ 3000 рублей; но для упроченія существованія библиотеки Комитетъ желалъ бы довести капиталъ этотъ до такой цифры, которая бы давала возможность покрывать расходы по библиотекѣ процентами съ капитала. Для сей цѣли Комитетъ испросилъ Высочайшее разрѣшеніе открыть, по случаю столѣтняго юбилея Карамзину, подписку по всей Имперіи для составленія запаснаго неприкосновеннаго капитала, и на сей предметъ поступили по частемъ число слѣдующія пожертвованія: отъ мѣрника Удѣльнаго Вѣдомства Яковлена 2 руб., отъ общества Г. Подольска 50 коп., отъ Пензенской Казенной Палаты 6 руб., отъ Рязанской Казенной Палаты 8 руб., отъ Нижегородскаго Благороднаго Института 12 руб. 28 коп., отъ Оренбургскаго Епископа Верлаама 15 руб., отъ Шенкурскаго училища 2 руб., отъ Архангельскаго Полиціймейстера 3 руб., отъ 1-й и 5-й Московскіхъ гимназій 12 руб.; отъ Харьковскаго Университета 24 руб. 75 коп., отъ неизвѣстнаго 10 руб., отъ Спасской Земской Управы Рязанской губерніи 5 руб., отъ Владимирской Гимназіи 9 руб., отъ Егорьевскаго Исправника 1 руб. 50 коп., отъ 6-й С.-Петербургской Гимназіи 11 руб. 10 коп., отъ С.-Петербургской Губернскай Земской Управы

50 руб., отъ С.-Петербургской 7-й Гимназіи **6 руб.**, отъ жителей города Мосальска **3 руб. 88 коп.**, отъ Орловского училища **5 руб.**, отъ Валдайского училища **1 руб.**, отъ Симбирской уѣздной Земской управы **50 руб.**, отъ Епископа Рижского **10 руб.**, отъ Симбирского дворянина С. Н. Лоцатина **5 руб.**, отъ Управляющаго Симбирской Удѣльной Конторы А. Ф. Бѣлокрысенко **10 руб.**, отъ племянника Н. М. Карамзина г. Ниротиорцева **5 руб.**, отъ штаба 23 пѣхотной дивизии **10 руб. 89 коп.**, отъ Витебского училища **4 руб. 20 коп.**, отъ штаба 3-й пѣхотной дивизии **5 руб.**, отъ курмышского врача Войничъ **3 руб.**, отъ курмышского уѣздного исправника **6 руб.**, отъ С.-Петербургской Введенской прогимназіи **5 руб.**, отъ Московского жителя Г. Н. **1 руб.**, отъ царскосельского уѣздного училища **10 руб. 5 коп.**, отъ Суражского уѣздного училища **1 руб.**, отъ общества г. Курмыша **8 руб., 59 коп.**, отъ Духовенства г. Симбирска **14 руб.**, отъ начальствующихъ и преподавателей Симбирской Семинаріи **16 руб.**, отъ воспитанниковъ **6 руб.**, отъ Симбирского училища **3 руб.**, отъ Пресвященнѣйшаго Евгения, Епископа Симбирского **25 руб.**, отъ сына Н. М. Карамзина, Владимира Николаевича, **300 руб.**.

Желая удовлетворить часто заявляемый отъ Симбирской публики требованіемъ продажныхъ книгъ, комитетъ предполагаетъ завести при Карамзинской библіотекѣ коммисіонерство продажи книгъ и подписки на газеты, если только денежныя средства библіотеки позволять имѣть для сего особаго Библіотекаря, который бы былъ и помощникомъ главному Библіотекарю.

Завѣдывая Карамзинской библіотекой, какъ лучшимъ памятникомъ славнаго нашего юбиляра, Комитетъ давно уже готовился къ настоящему торжеству и приглашалъ на оно Вл. и Ал. Николаевичей, дѣтей Н. М. Карамзина, Николая Феодоровича, племянника его, Академика М. П. Погодина, г. Попечителя Казанского учебнаго округа П. Д. Щестакова и проректора Казанскаго Университета Н. Н. Булича; изъ сихъ лицъ Алекс. Н. Карамзинъ и Н. Н. Буличъ удостоили Симбирское юбилейное торжество своимъ личнымъ присутствиемъ, послѣдній на нынѣшнемъ вечернемъ собраніи доставилъ публикѣ удовольствіе слышать изъ устъ его торжественную рѣчь о виновникеъ настоящаго торжества; Вл. Н. Карамзинъ сверхъ 300 руб. прислалъ для Карамзинской библіотеки портретъ своего родителя, тотъ самый, который Вы, М. М. гг., видите предъ собой; М. П. Погодинъ отказался быть на

нашемъ юбилеѣ, потому что онъ занятъ печатаніемъ подробной біографіи о Карамзинѣ; П. Д. Шестаковъ, по случаю празднованія 1-го Декабря Казанскимъ университетомъ, также отказался быть лично и прислалъ письмо, которое, по важности его содержанія, будетъ прочитано предъ публикою завтра на вечернемъ собраниі.

Таковъ, Мм. Гг., былъ ходъ образованія Карамзинской Бібліотеки, такова ея судьба и таковы распоряженія и предположенія Комитета, завѣдывающаго управлениемъ оной. Комитетъ съ своей стороны дѣлаетъ все, что можетъ содѣйствовать процвѣтанию Карамзинской бібліотеки, но какими плодами увѣнчается труды его, это зависитъ отъ воли Божіей.

It is often the case that one can get a good idea of the nature of a function by looking at its graph. In this section we will study some properties of graphs of functions that will help us to analyze them more easily.

Suppose that f is a function defined on an interval I . If x_1 and x_2 are two points in I , then the difference $f(x_2) - f(x_1)$ is called the *difference in function values* between x_1 and x_2 . The ratio $\frac{f(x_2) - f(x_1)}{x_2 - x_1}$ is called the *slope of the secant line* between x_1 and x_2 .

As x_2 approaches x_1 from the right, the slope of the secant line between x_1 and x_2 approaches a limit, which is called the *slope of the tangent line* at x_1 .

For example, if $f(x) = x^2$, then the slope of the secant line between x_1 and x_2 is given by

$$\frac{f(x_2) - f(x_1)}{x_2 - x_1} = \frac{x_2^2 - x_1^2}{x_2 - x_1} = x_1 + x_2.$$

As x_2 approaches x_1 from the right, the slope of the secant line approaches the value $2x_1$, which is the slope of the tangent line at x_1 .

Similarly, if $f(x) = x^3$, then the slope of the secant line between x_1 and x_2 is given by

$$\frac{f(x_2) - f(x_1)}{x_2 - x_1} = \frac{x_2^3 - x_1^3}{x_2 - x_1} = x_1^2 + x_1 x_2 + x_2^2.$$

As x_2 approaches x_1 from the right, the slope of the secant line approaches the value $3x_1^2$, which is the slope of the tangent line at x_1 .

In general, if f is a differentiable function, then the slope of the tangent line at x_1 is given by

$$\lim_{x_2 \rightarrow x_1} \frac{f(x_2) - f(x_1)}{x_2 - x_1} = f'(x_1).$$

СПИСОКЪ

ЛИЦЪ, СДѢЛАВШИХЪ ДЕНЕЖНЫЯ ПОЖЕРТВОВАНІЯ

1) НА ПОДДЕРЖАНІЕ КАРАМЗИНСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ БІБЛІОТЕКИ СЪ 1847 Г.

А) СИМЬЯНЕ.

Аксаковъ Г. С.	20 р.	Григоровъ С. И.	10 р.
Аксаковъ Н. Т.	25 р.	Галановъ А. П.	15 р.
Андреевъ В. С.	5 р.	Гагаринъ Кн.	5 р.
Анненковъ А. Н.	380 р.	Глазовъ А. И.	5 р.
Аржевитиновъ И. С.	25 р.	Глинка С. П.	5 р.
Арнольдовъ Ф. В.	5 р.	Головинскій А. Е.	36 р.
Астраханцевъ А. А.	50 р.	Гончаровъ Н. А.	40 р.
Ахматовъ Н. П.	75 р.	Гурьевъ М. А.	2 р.
Бабкинъ А. В.	50 р.	Давыдовъ А. Д.	5 р.
Балакиревъ А. М.	16 р.	Дворниковъ В. В.	3 р.
Барыкинъ Кс. С.	2 р.	Девлетъ-Кильдѣевъ Кн.	
Бекетовъ А. И.	13 р.	А. И. -	4 р.
Бестужевъ А. В.	70 р.	Долгорукій Кн. А. А.	50 р.
Бестужевъ Д. А.	15 р.	Дроздовскій Л. В.	5 р.
Бестужевъ М. П.	15 р.	Дроздовы И. и Е.	2 р.
Бестужевъ П. А.	350 р.	Дубровинъ И. И.	3 р.
Бестужевъ П. Б.	5 р.	Егоровъ А. Д. -	2 р.
Бобоѣдова -	1 р.	Ермолова А. П. -	3 р.
Бобоѣдовъ В. В.	5 р.	Ермоловъ А. И.	90 р.
Бычковъ, Бестужевъ		Ермоловъ П. А.	50 р.
и Мякишевъ -	6 р. 28 ¹ / ₂ к.	Ермоловъ Ф. И.	25 р.
Буддакова А. И.	5 р.	Жарковъ К. Я.	10 р.
Бѣляковъ А. П.	5 р.	Жилинъ А. С. -	10 р.
Бѣляковъ Ф. А.	5 р.	Жиркевичъ А. Е.	15 р. 5 к.
Винтеръ В. И.	5 р.	Ивановъ -	5 р.
Вишневскій И. В.	40 р.	Ивановъ -	" 50 к.
Волконскій Кн. А. Д.	10 р.	Карповъ Н. А. -	10 р.
Врачинскій В. В.	5 р.	Карповъ П. А. -	5 р.
Вяземскій Кн. Н. С.	100 р.	Карякинъ П. В.	15 р.
		Кашировъ В. Н.	80 р.

Киндяковъ А. Л.	10 р.	Охотинъ П. Н.	30 р.
Киндяковъ Л. В.	5 р.	Пазухинъ А. С.	5 р.
Кирпичниковъ А. П.	50 р.	Пазухинъ Д. С.	10 р.
Конуринъ П. Е.	30 р.	Пазухинъ П. С.	25 р.
Корнеевъ Г. И.	3 р.	Шановъ В. А.	10 р.
Корольковъ А. В.	3 р.	Пиценковъ А. Н.	10 р.
Корфъ баронъ Ф. Н.	10 р.	Плотниковъ Н. Л.	3 р.
Кохановъ Ш. А.	25 р.	Поповъ	5 р.
Кудрявцевъ Д. А.	3 р.	Шутиловъ А. А.	5 р.
Кротковъ С. И.	25 р.	Шутиловъ Д. А.	5 р.
Лазаревъ А. Д.	45 р.	Ражевъ А. М.	2 р.
Лазаревъ И. Д.	5 р.	Родюновъ В. П.	15 р.
Лазаревичъ И. Ф.	5 р.	Рютчъ И. Е.	3 р.
Левашевъ В. С.	40 р.	Сабанинъ Н. А.	180 р.
Леонтьевъ Н. А.	1 р. 42 ^{6/7}	Сальковъ К. Н.	3 р.
Малахинский Н. Д.	2 р.	Сапожниковъ И. Ф.	5 р.
Марковскій	1 р.	Соковнинъ Н. И.	5 р.
Макаровъ И. О.	3 р.	Струнниковъ	25 р.
Маркьяновичъ П. И.	75 р.	Сусоколовъ И. И.	75 р.
Мачеваріановъ П. М.	40 р.	Татариновъ А. Н.	75 р.
Машкинъ Н. П.	15 р.	Татариновъ К. Н.	40 р.
Мельгуновъ И. В.	3 р.	Татариновъ П. Н.	70 р.
Металниковъ М. А.	5 р.	Тимашевъ В. К.	3 р.
Мещериновъ Д. А.	5 р.	Толстой Г. М.	75 р.
Мещериновъ П. П.	45 р.	Топорникъ Н. Ф.	185 р. 30 к.
Москвитиновъ Ф. Ф.	10 р.	Топорникъ Ф. И.	25 р.
Мякишевъ О. А.	1 р.	Тургеневъ Л. Б.	20 р.
Набоковъ Д. Н.	3 р.	Ушаковъ Н. М.	3 р.
Назарьевъ В. Н.	3 р.	Ушаковъ купецъ	1 р.
Наумовъ М. М.	30 р.	Умовъ А. П.	5 р.
Наумовъ П. А.	25 р.	Унтербергеръ Ф. С.	
Наумовъ П. С.	10 р.	Ветеринарный врачъ	5 р.
Невоструевъ К. И.	3 р.	Урусовъ кн. П. Д.	4 р. 27 ^{6/7}
Нестеровъ К. А.	2 р.	Ухтомскій Кн. Н. Н.	5 р.
Нечаевъ Н. Н.	90 р.	Фоминъ В. А.	2 р.
Неизвѣстный	1 р. 53 к.	Хованскій Кн. Ю. С.	и Хован-
Неизвѣстный	19 р. 69 к.	ская Кн. Е. П.	725 р.
Никифоровъ В. Н.	2 р.	Хованскій Кн. С. С.	10 р.
Оболенскій кн. Н. А.	5 р.	Хардинъ Н. Н.	3 р.
Озюбашинъ Д. П.	20 р.	Чаплинъ А. М.	5 р.

Шауманъ	25 к.	Дроздовъ В.	1 р.
Шилкинъ П. Е.	2 р.	Зерновъ	50 к.
Языковъ А. М.	800 р.	Кипарисовъ А.	50 к.
Языковъ А. П.	150 р.	Люстрицкій	50 к.
Языковъ В. П.	469 р. 22 к.	Никитинскій	50 к.
Языковъ Н. А.	40 р.	Никольскій	50 к.
Языковъ П. М.	300 р.	Руссовъ	50 к.
Якобсонъ О. Я.	5 р.	Соколовскій	50 к.
Яровой А. П.	11 р.	Соловьевъ В.	50 к.
Юрловъ П. И.	140 р.	Сунгуроффъ П.	50 к.
Феодотій Архієпископъ Сим-		Сунгуроффъ Т.	50 к.
бирскій	25 р.	Тихомировъ	50 к.
Воспитанники Семинарій:		Феликсовъ	50 к.
Дивногорскій	50 к.		

Дворяне Сенгилеевского уѣзда 16 р. 75 к., оставшихся отъ собранныхъ на открытие библиотеки 18 апрѣля 1848 г. 9 р. 17 к.

Отъ спектакля любителей, даннаго въ пользу библиотеки представительницами любителей спектакля П. и А. И. Языковыми и М. И. Бѣляковой 1000 р.

итого 7171 р. 69½.

б) и н о г о р о д н ы е :

Быковъ (изъ Пензы) 15 р., Крыжина 32 р., Свербеевъ 400 р., Шишовъ Д. П. 150 р.

Итого	-	597 р.
всего	-	7768 р. 69½ к.

2) НА ВОЗСТАНОВЛЕНИЕ КАРАМЗИНСКОЙ БИБЛИОТЕКИ ПОСЛѢ ИСТРЕБЛЕНИЯ ОНОЙ ПОЖАРОМЪ 19 АВГУСТА 1864 ГОДА.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО блаженной памяти покойный Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ (1000 р.) 997 р.

а) СИМБИРЯНЕ:

Шидловскій Д. Н. 25 р., изъ дворянскихъ суммъ на памъ

квартиры на 1865 годъ 293 р. 10 к., отъ литературнаго вечера, даннаго въ пользу Карамзинской библіотеки 53 р. 75 к., итого 371 р. 85 к.

б) иногородные:

Граждане г. Саратова 307 р. 45 к., Ушаковъ А. Ф. (книжный магазинъ) отъ литературнаго вечера, даннаго ими въ пользу Карамзинской библіотеки 74 р. 26 к., чиновники Дерптскаго университета 36 р. 63 $\frac{1}{4}$ к., землевладѣльцы г. Петровска Саратовской губерніи Топачевъ 25 р., Одесская городская распорядительная дума 13 р., Вятская городская дума 6 р. 43 к., чиновники С.-Петербургскаго строительнаго училища 4 р. 71 к., Н. изъ Москвы 3 р.

итого	470 р. 48 $\frac{1}{4}$ к.
всего	1839 р. 33 $\frac{1}{4}$ к.

3) НА СОСТАВЛЕНИЕ ЗАПЛАСНАГО НЕПРИКОСНОВЕННагО КАПИТАЛА КАРАМЗИНСКОЙ БИБЛІОТЕКИ ПО СЛУЧАЮ СТОЛЪТНЯГО ЮБИЛЕЯ Н. М. КАРАМЗИНА:

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ И ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА (3000 р.)
2992 р. 50 к.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО Великий Князь Владимиръ Александровичъ (500 р.) 497 р.

Карамзинъ Вл. Н. сынъ Н. М. Карамзина 300 р., разныя лица и общества по губерніямъ 2438 р. 49 $\frac{1}{4}$ к., воинскіе чины 266 р. 11 $\frac{1}{4}$ к.,

итого 6494 р. 10 $\frac{1}{2}$ к.

А всего съ 1847 года сдѣлано пожертвованій
16102 р. 13 $\frac{1}{4}$ к.

Въ томъ числѣ отъ монаршихъ щедротъ	4486 р. 50 к.,
Отъ Симбирянъ	7895 р. 89 к.
Отъ иrogородныхъ	3719 р. 74 $\frac{1}{4}$ к.
	16102 р. 13 $\frac{1}{4}$ к. (*)

~~~~~

Общій и поиманный списокъ пожертвованіемъ на составленіе запаснаго неприкосновеннаго капитала Карамзинской библіотеки.

1) По губерніямъ: а) общій.

Архангельской	65 р. 43 $\frac{1}{2}$ к.	Костромской	12 р. 46 к.
Астраханской	41 р. 63 $\frac{1}{4}$ к.	Курляндской	10 р.
Бессарабской об.	121 р. 76 к.	Курской	76 р. 56 к.
Варшавской	17 р.	Лифляндской	59 р. 60 к.
Виленской	4 р.	Московской	327 р. 96 $\frac{3}{4}$ к.
Витебской	18 р. 77 $\frac{3}{4}$ к.	Нижегородской	49 р. 23 к.
Владимирской	100 р.	Новгородской	20 р. 4 $\frac{1}{2}$ к.
Волынской	47 р.	Олонецкой	3 р. 36 $\frac{3}{4}$ к.
Воронежской	28 р. 49 $\frac{1}{2}$ к.	Оренбургской	20 р. 40 $\frac{3}{4}$ к.
Вятской	35 р. 41 к.	Орловской	82 р. 37 $\frac{1}{4}$ к.
Гродненской	90 р.	Пензенской	17 р. 56 $\frac{1}{2}$ к.
Екатеринослав.	68 р. 47 к.	Пермской	31 р. 18 к.
Енисейской	10 р.	Полтавской	5 р. 50 к.
Земли войска дон- скаго	6 р.	Псковской	13 р. 86 к.
Казанской	81 р. 20 к.	Рязанской	14 р. 50 к.
Калужской	13 р. 88 к.	Самарской	4 р. 20 к.
Каменецъ-подоль- ской	25 р.	С.-Петербург.	262 р. 2 к.
Кievской	42 р. 9 к.	Саратовской	2 р. 72 к.
		Симбирской	352 р. 34 $\frac{1}{2}$ к.
		Ставропольской	52 р. 49 к.

(*) Изъ сей суммы употреблено на содержаніе библіотеки съ 1847 года по 15-е Апрѣля 1867 года 7808 р. 2 $\frac{3}{4}$ к.; остальные 8794 р. 10 $\frac{1}{2}$ к. составляютъ наличный капиталъ библіотеки, въ томъ числѣ 6494 р. 10 $\frac{1}{2}$ к. запаснаго неприкосновеннаго капитала, какъ показано на стр. 255

Тамбовской	6 р. 34 ³ / ₄	в.	Харьковской	44 р. 4	в.
Тверской	25 р.		Херсонской	32 р. 22	к.
Тифлисской	8 р. 24	к.	Черниговской	12 р. 50	к.
Тобольской	28 р. 66 ¹ / ₄	в.	Ярославской	25 р. 49 ¹ / ₄	в.
Уфимской	21 р. 45	к.	Итого	2438 р. 49 ¹ / ₄	к.

Б) поимянный.

1., Архангельской: преподаватели Гимназии 5 р. и Соломбальского приходского училища 2 р. 60 к. итого 7 р. 60 к. преподаватели Пинежского уездного училища 1 р. Шенкурского мужского и женского училищъ: законоучитель свящ. А. Заостровскій 50 к. законоучитель свящ. А. Серповъ 25 к. учителя: I-го класса Д. Морзахановъ 25 к. II-го класса В. Котельниковъ 50 к. учит-ца Д. Ленкевичъ 50 к. итого 2 р. члены педагогического совѣта Мезенского приходского училища 1 р. 50к. служаще Арх. казеннай палаты: управляющій Ф. Эндиміоновъ 10 р. чиновники казеннай палаты и губерн. казначейства 5 р. 30 к., и. д. надзирателя Самбергъ 1 р. чиновники Шенкурского казначейства 4 р. итого (20 р. 30 к. *) 19 р. 65¹/₂ к. чиновники акцизного управлениія и уездныхъ казначействъ: по акцизному управлению: А. Сафоновъ 3 р. В. Тимофеевъ 2 р. Н. Городецкій 1 р. 50 к. П. Поповъ 3 р. А. Курсинъ 1 р. В. Закусовъ 1 р. И. Косаревъ 3 р. А. Моисеевъ 25 к. П. Милюковъ 15 к. П. Кокшаровъ 10 к. по уѣзднымъ казначействамъ П. Дьячковъ 1 р. 50 к. В. Триденцовъ 1 р. Н. Шустовъ 1 р. А. Колчинъ 1 р. П. Митрофановъ 50 к. А. Поповъ 5 р. итого (25 р. *) 24 р. 75 к. чиновники полицейского управлениі: полиціймейстеръ Штутцеръ 1 р. помощникъ его Башмаковъ 50 к. приставы: 1-й части Дмитріевъ 50 к. 2-й части Рожицкій 75 к. секретарь Яковенко 25 к. итого 3 р. жители г. Шенкурска: И. Лагуновъ 1 р. О. Пластининъ 30 к. А. Едемскій 20 к. Кармаловъ 5 к. неизвѣстный 5 к. губерн. секр. Крыковъ 5 к. писецъ общественного упр. Пышкинъ 5 к. Н. Сеткевичъ 1 р. А. Владиміровъ 50 к. П. Горбатовъ 20 к. П. Распутинъ 10 к. Пономаревъ 20 к. Г. Волынскій 10 к. А. Аммосовъ 10 к. старшина С. Стрѣлковъ 10 к. В. Марыхановъ

(*) Означаетъ цифру, собранную на мѣстѣ, а цифра, курсивомъ отпечатанная означаетъ сумму, полученную въ Комитетѣ Карамзинской библиотеки.

10 к. неизвестный 10 к. В. Рунигъ 55 к. Ф. Тусканова 1 р. А. Шабринъ 20 к. итого (5 р. 95 к. *) 5 р. 93 к. всего 65 р. 43½ к.

2., Астраханской: Духовенство благочинія свящ. Крастелевскаго Красноярскаго уѣзда 4 р. чиновники Астр. гимназіи (9 р.) 8 р. 91 к. чиновники управліенія государствен. имущество: управляющій полковникъ Костенковъ 5 р. помощникъ его стат. сов. Миловъ 1 р. попечители улусовъ: Малодербетевскаго Ф. Н. Либаонскій 4 р. Яндыковскаго Никифоровъ 1 р. письмоводитель Малодербетевскаго улуса Евстратовъ 2 р. писецъ того же улуса Инковскій 1 р. вдова бывшаго владѣльца Малодербетевскаго улуса Бальджира Тундутова 5 р. членъ епарцкаго общества Феликсъ Конрадъ 1 р. Бодокчеи улусовъ Эрнетеневскаго Іолдыръ Джамбасъ 4 р. Яндыко-Икизохуровскаго Чонгонъ Шалбуровъ 1 р. его сыновья: Сангаджи и Бадена 20 к. Харахусо-Эрдекіевскаго Манджи Горошевъ 1 р. калмыки разныхъ улусовъ 2 р. 81 к. итого (29 р. 1 к. *) 28 р. 72¼ к. всего 41 р. 63¼ к.

3., Бессарабской области: инспекторъ, преподаватели и ученики кишиневскихъ педагогическихъ курсовъ 8 р. начальствующіе и преподаватели Бѣльческаго уѣзд. училища (6 р. 32 к. *) 6 р. 1 к. служащіе и ученики кишиневской гимназіи 55 р. служащіе при Орѣховскомъ уѣзд. училищѣ: почетный смотритель А. Дукантовъ, штат. смотритель И. Сербъ, почет. блюститель Н. Фокшанянъ, законоучитель Н. Карайманъ, учителя: В. Ноуръ, П. Кожухаревъ, 18 р. ученики кишиневской гимназіи 5 р. 40 к. чиновники Кишиневскаго казенного еврейского училища 2-го разряда смотрит. Трясцовскій 1 р. врачъ и преподаватель Л. Левентовъ 1 р. учитель еврейскаго закона Муттершальхъ 1 р. учит. еврейскаго языка Хувинъ 50 к. преподаватель Фридманъ 1 р. смотритель 1-го казенного евр. училища Лагизаки 1 р. учитель 1-го училища Мохрикъ 1 р. содержатель частнаго дѣвич. училища Я. Шейнфельдъ 1 р. итого (7 р. 50 к. *) 7 р. чиновники Бессарабскаго коммерческаго суда: предсѣдатель надв. сов. И. В. Кристи 15 р. члены отъ купечества кишиневскіе купцы: И. И. Боковъ 2 р. М. Н. Лангади 1 р. И. П. Синадино 1 р. секретарь кол. асс. О. С. Еватковскій 1 р. присяжн. приставъ кол. асс. Л. И. Коломайцевъ 1 р. чиновники канцеляріи коммерческаго суда 1 р. 80 к. итого (22 р. 80 к.) 22 р. 35 к. всего 121 р. 76 к.

4., Варшавской: чины учредительного комитета въ царствъ польскомъ **17 р.** всего **17 р.**

5., Виленской: чиновники вилен. уголовнаго суда **3 р.** стат. совѣтникъ Мухинъ **1 р.** всего **4 р.**

6., Витебской: преподаватели: *Городокскаго* уѣзд. училища: штатный смотритель Еліашевичъ **1 р.** законоучитель свящ. М. Чарной **50 к.** учителя: Блюдохъ **50 к.** Н. Фадѣевъ **50 к.** итого **2 р. 50 к.** *Суражскаго* уѣзд. училища: законоучитель свящ. Ф. Пигулевскій **30 к.** учителя: Д. Квятковскій **42 в.** Обуховъ **30 к.** итого (1 р. 2 к.) **1 р.** учителя и ученики *Себежскихъ* уѣзд. училищъ: законоучитель свящ. Силашевичъ **15 к.** законоучитель римско-католическій Кропинъ **1 р.** учителя: Кудравцевъ **72 к.** А. Свидерскій **72 к.** ученики **1 р. 41 к.** штат. смотритель Мальчевскій **1 р.** итого **5 р.** чиновники и преподаватели *Витебскихъ* училищъ: штат. смотритель Небогинъ **1 р.** учитель Сахаровъ **50 к.** смотритель 1-го Витебск. еврейск. училища Латышевскій, преподаватели: Абрамовичъ, Вульфсонъ **1 р.** смотр. 2-го еврейскаго училища Лешко **1 р.** учитель Субботникъ **50 к.**, учитель 1-го Витебск. училища Ризо **50 к.** итого (4 р. 50 к.) **4 р. 20 к.** дворяне *Рижскаго* уѣзда **2 р. 7³/₄ к.** врачи г. Витебска **4 р.** всего **18 р. 77³/₄ к.**

7., Владимирской: чиновники и преподаватели *Владимир.* гимназіи: **9 р.** чиновники, учителя и ученики училищъ: Александровскаго **5 р.** *Владимирского* **5 р.** *Муромскаго* **11 р. 7³/₄ к.** *Юрьевскаго* **10 р.** *Переславскаго* **6 р. 64¹/₂ к.** *Сузdalскаго* **2 р. 57 к.** ученики *Владимирской гимназии* **35 р. 67 к.** итого (75 р. 96¹/₄ к.) **75 р.** акцизные чиновники: 2-го округа **10 р.** 3-го округа **5 р.** жители Шуйскаго уѣзда **1 р.** всего **100 р.**

8., Волынской: чиновники и преподаватели *Житомирской гимназии*, директоръ И. Ростовцовъ **2 р.** инспекторъ П. Барщевскій **1 р.** законоучитель протоіерей Арсеній Овсянкінъ **1 р.** учителя: Е. Коссовичъ **1 р.** М. Барскій **1 р.** М. Прохницкій **1 р.** М. Мартыновскій **1 р.** Н. Прелинъ **1 р.** Е. Добрашевъ **1 р.** Н. Зражевскій **1. р.** К. Комаръ **1 р.** Сербиновъ **1 р.** А. Шавровъ **1 р.** А. Бѣлопоповъ **1 р.** Б. Зифферманъ **1 р.** Г. Кульманъ **1 р.** В. Гюгненъ **1 р.** законоучитель *Житомирской женской гимназии* свящ. Павелъ Гурновскій **1 р.** инспекторъ землемѣр-таксаторскихъ классовъ при *Житомир.* гимназіи губер. землемѣръ

А. Никольский 1 р. итого 20 р. чиновники *Теофильпольского* уезд. дворянского училища: штат. смотритель Страшкевичъ 1 р. врачъ И. Фонь-Гартманъ 1 р. учителя: Новицкій 1 р.. П. Конокотинъ 50 к. исправляющіе должн. учителя. Андріевскій 1 р. А. Заваличъ 50 к., К. Ферстеръ 50 к. Г. Янишевскій 50 к. итого 6 р. жители г. Житомира: кол. секр. И. Косацкій 1 р. титулярный сов. Гофажба 1 р. кол. рег. А. Косацкій 1 р. помѣщикъ Салисъ 1 р. купеч. сынъ Ш. Гамерманъ 2 р. вуницы: Г. Тартаковскій 1 р. Б. Топоровскій 2 р. Зайнулль 1 р. Голямскій 1 р. Ляшковъ 1 р. Шадовъ 1 р. Ферстеръ 1 р. Гамерманъ 1 р. Ленцкій 1 р. Будкевичъ 1 р. Гольдманъ 1 р. полиціймайстеръ Базилевичъ 1 р. итого 21 р. всего 47 р.

9., *Воронежской*: акцизные чиновники 4-го округа 5 р. 5-го округа 2 р. 50 к. чин-ки Землянского уѣздного суда (4 р. 95 к.) 4 р 60 к. жители г. Богучаръ и Богучарскаго уѣзда (9 р. 80 к.) 9 р. 45 $\frac{1}{2}$ к. жители г. Валуекъ и Валуйскаго уѣзда: слободы Никитовки А. Дехтеревъ 10 к. И. Дмитревъ 10 к. Г. Лыхебобенковъ 15 к. С. Дехтеревъ 15 к. слободы Николаевки: Ш. Мисаковъ 20 к. В. Мисаковъ 15 к. Я. Борсенко 20 к. неизвѣстные 1 р. 19 к. итого (2 р. 24 к.) 2 р 21 к. жители г. Задонска (1 р. 75 к.) 1 р. 73 к. общество г. Землянска 2 р. отъ задонскаго уѣзд. исправника 1 р. всего 28 р. 49 $\frac{1}{2}$ к.

10., *Вятской*: преподаватели и препод-цы котельническихъ училищъ 5 р. *Орловскихъ* училищъ: штат. смотритель Давгинъ 1 р. 20 к. законоучитель свящ. Котлецовъ 1 р. учителя: Н. Масленниковъ 50 к. Москвитиновъ 50 к. Куртаковъ 50 к. П. Пушанъ 50 к. и. д. учителя П. Микулинъ 50 к. и. д. настав-цы Л. Хохлова 50 к. итого (5 р. 20 к.) 5 р. члены совѣта *Нолинскаго* уѣзд. училища 7 р. благочинный уржумскаго уѣзда А. Рязанцевъ 3 р. граждане г. *Нолинска*: В. Вальшевъ 25 к. Е. Виланихинъ 10 к. Н. Грязевъ 25 к. Е. Е. Грязевъ 10 к. Т. Екимовъ 25 к. П. Злобинъ 25 к. А. Калининъ 25 к. Н. Копровъ 50 к. купецъ Миландинъ 10 к. Небогатинъ 25 к. Незлобинъ 50 к. мѣщанинъ И. А. Половниковъ 2 к. И. Подовниковъ 25 к. И. Покребышевъ 50 к. Н. Поярковъ 50 к. П. Симоновъ 50 к. А. Татариновъ 20 к. Т. Танашеевъ 25 к. Трегубовъ 25 к. Р. Шельменцовъ 10 к. Ф. Шумящеевъ 25 к. итого (5 р. 62 к.) 5 р. 56 к. служащіе при Царевосанчурскомъ почт-вомъ вѣдомствѣ: П. Андреевъ 20 к. Е. Добрынинъ 15 к. М.

Климоновъ 65 к. М. Назаровъ 50 к. П. Назаровъ 50 к. итого 2 р. жители Яранскаго уѣзда 7 р. 85 к. всего 35 р. 41 к.

11., Гродненской: акцизные чины 1-го округа 20 р. 3-го округа 10 р. служащіе въ Гродненскомъ губернскомъ акцизномъ управлѣніи: управляющій Баронъ Фитингофъ-Шель 25 р. ревизоры: Фонъ-Зигель 10 р. Микулич Радецкій 10 р. секретарь Харламповичъ 10 р. бухгалтеръ Маштофтъ 3 р. помощникъ его Китновскій 2 р. итого 60 р. всего 90 р.

12., Екатеринославской: чиновники Таганрогской гимназіи 68 р. 47 к. всего 68 р. 47 к.

13., Енисейской: акцизные чины 2-го округа восточной сибири 8 р. лица Минусинскаго округа Шушепинской волости: Ойскаго участка старшина Макаровъ 1 р. А. Рязанцевъ 10 к. Субботинскій старшина 25 к., Лугавскій старшина 30 к., Среднешушепинскій старшина 25 к., неизвѣстный 10 к., итого 2 р. всего 10 р.

14., Земли войска Донскаго: акцизные чины 2-го округа 2 р. 4-го округа: окружн. надзиратель кол. асс. Малевскій-Малевичъ 1 р. помощ. его подпоручикъ Вл. Вс. Писаревъ 1 р. помощникъ надзирателя студентъ М. М. Шеведи 1 р. бухгалтеръ и письмоводитель войсковой старшина И. П. Голубовъ 1 р. итого 4 р. всего 6 р.

15., Казанской: профессоры и чиновники Императ. Казан. университета: А. П. Владимірскій 1 р. Н. А. Мишковичъ 1 р. П. И. Котельниковъ 1 р. А. М. Бутлеровъ 2 р. А. Ф. Сумковскій 1 р. Н. А. Виноградовъ 2 р. А. Я. Данилевскій 2 р. А. В. Соколовъ 3 р. Н. О. Ковалевскій 2 р. Н. И. Ильминскій 1 р. С. М. Шпилевскій 2 р. А. У. Фрезе 1 р. П. И. Сапожниковъ 1 р. В. Л. Кононовъ 1 р. А. И. Теселкинъ 50 к. (21 р. 50 к.) 21 р. 20 к. чиновники акцизного вѣдомства 60 р. всего 81 р. 20 к.

16., Калужской: Калужскій Епископъ Григорій 10 р. жители г. Мосальска чрезъ уѣзд. исправника Лисевича 3 р. 88 к. всего 13 р. 88 к.

17., Каменецъ-Подольской: Епископъ Подольскій Леонтий 10 р. начальствующіе и служащіе Подольской семинарии 15 р. всего 25 р.

18., Киевской: служащіе въ университѣтѣ св. Владимира (40 р. 50 к.) 40 р. 9 к. жители 2-го стана Сквирскаго уѣзда 2 р. всего 42 р. 9 к.

19., Костромской: Галичского Паисіева монастыря: настоятель архим. Митрофанъ 60 к. и. д. казначея іеромон. Порфирій 35 к. іеромон. Евлампій 20 к. іеромонахи: Антоній 10 к. Мельхиседекъ 5 к. іеродіаконъ Анастасій 5 к. діаконъ Парфеній Троїцкій 2 к. монахъ Макарій 2 к. послушники: Євгеній Елизаровъ 2 к. В. Дружинінъ 2 к. В. Ласточкинъ 3 к. итого **1 р. 46 к.** неизвѣстные жители г. Солигалича **1 р.** купцы г. Кинешми: А. Коноваловъ 1 р. К. Коноваловъ 1 р. М. Кормилицынъ 25 к. Г. Разореновъ 1 р. А. Миндовъ 50 к. Н....1 р. Θ.... 1 р. Г. Миндовъ 1 р. Д. Миндовскій 50 к. Мироновъ 25 к. А. Мировскій 25 к. Мясниковъ 15 в. Разареновъ 50 к. Слѣпцовъ 1 р. М. Сумочкинъ 25 к. Чєремисинъ 15 к. неизвѣстный 20 к. итого (10 р.) **9 р. 55 к.** жители Нерехтскаго уѣзда **45 к.** всего **12 р. 46 к.**

20., Курляндской: чин-ки губерн. акцизного управлениія **10 р.** всего **10 р.**

21., Курской: служаще при Курской Гимназіи: Директоръ Жаворонковъ 10 р., Инспекторъ Бѣлозоровъ 3 р., Законоучитель Танковъ 3 р., Преподаватели: Белэнъ де Баллю 2 р. Вѣржинскій 2 р., Гадзяцкій 1 р., Ганнеманъ 3 р., Мизгеръ 3 р., Острожскій 2 р., Сергѣевъ 1 р., Сибилевъ 3 р., Сольскій 3 р. Удовиченко 3 р., Шмидтъ 1 р., итого 40 р. Чиновники и Ученики Тымскаго училища: Штат. Смотритель Д. Зехинъ 3 р., Законоучитель Свящ. Праведниковъ 1 р., учители: Воробьевъ 1 р., Скурадинъ 2 р., ученики: 1-го класса 63 к., 2-го класса 12 к., 3-го класса 48 к. итого (8 р. 23 к.) **8 р.** Чиновники Бѣлгородскаго уѣзднаго училища 4 р., Акцизные чиновники 2-го округа: Окружный надзиратель Христіани 3 р. помощникъ Костицъ 1 р., младшіе помощники: Саввинъ 1 р., Джонсъ 1 р., Юдинъ 1 р., Постоеевъ 1 р. итого **8 р.** жители г. Путівля (5 р. 11 к.) **5 р. 5 к.** жители уѣздовъ: Обоянскаго, Рыльскаго и Новооскольскаго **11 р. 51 к.** всего **76 р. 56 к.**

22., Либлляндской: Наставники Д. Семинарии (4 р.) **3 р. 96 к.** служаще при Дерптскомъ Университетѣ **9 р.** чиновники Рижской Городской Реальнай Гимназии **6 р.**, Рижскій Архіепископъ Платонъ **10 р.** Духовенство Рижскаго благочинія (1 р. 85 к.) **1 р. 83 к.** жители Риги: М. Ahholing 50 к., А. П. Алашеевъ 1 р., Е. В. Богдановъ 50 к., Е. Θ. Бычковъ 3 р., П. Васильевъ 50 к., Э. Виноградовъ 1 р., Worstemann 50 к., Л. Ф. Гамоскинъ 1 р., В. Н. 1 р., J.

Hanschkinewyz 50 к., С. Heideman 25 к., В. Давыдовъ 50 к., M. Eussler 25 к., I. E. Kasekowsky 25 к., Н. И. Карнеченковъ 25 к., Е. В. Kirstein 1 р., А. Ф. Колобовъ 1 р., Е. Константиновъ 50 к., И. И. Кочергинъ 1 р. 12 к., Н. Крупениковъ 1 р., О. П. Ксюнинъ 50 к., И. П. Кузнецовъ 30 к., К. Г. Лалтевъ 20 к., Н. Д. Логиновъ 25 к. П. А. Макаровъ 1 р., Д. Н. Мамоновъ 50 к., М. А. Меркульевъ 1 р., Л. М. Мещаниновъ 1 р. Н. Микулинъ 1 р., Н. К. 10 к., Ветмес 50 к., Seidler 50 к., Г. К. Сенень 1 р.. S. B. P. Schilling 5 р., Stoock 50 к., П. Фуниковъ 25 к. итого 28 р. 81 к., всего 59 р. 60 к.

23., Московской: Профессоры Московского Университета 78 р. 21^{3/4} к. служащие въ 1-й и 5-й Моск. Гимназияхъ 12 р. при 2-й Моск. военной Гимназии: Директоръ Генералъ Маю́ръ Мезенцовъ 1 р., Воспитатель Штабъ Капитанъ Смирновъ 1 р., Прендаватели Кол. Асс. Баженовъ 1 р., кандидатъ Университета Васильковскій 1 р., итого 4 р., чины московского Город. Полицейского Управления, *Городской части*: частн. прист. Подполковникъ Пяткинъ 3 р., квартальные надзиратели: Маю́ръ Медведевъ 2 р. Тит. Советн. Поляковъ 2 р., Тит. Советн. Ларионовъ 2 р., Тит. Советн. Тимофеевъ 2 р. Помощ. кварт. надзир. Прапор. Даниловъ 50 к., Колл. Асс. Ситкинъ 50 к., Кор. Ширинкинъ 2 р. Шт. Кап. Огаревъ 1 р., Подпор. Шабалинъ 50 к., *Иверской части*: Част. Прист. Подпол. Дзюбенко-Казировскій 3 р. Квартальные надзиратели: Тит. Сов. Бабкинъ 2 р., Маю́ръ Гольмъ 2 р., Шт. Ротмист. Хамицкій 2 р., Кап. Тимирязевъ 2 р. Маю́ръ Степановъ 2 р., Помощ. кварт. надзирателя: подпор. Катарскій 50 к., Подпор. Федоровъ 50 к., колл. секр. Полянскій 50 к., Колл. Регистр. Андреевъ 50 к., *Мясницкой части*: Частн. Прист. Надв. Сов. Нееловъ 3 р., Кварт. Надзиратели: Тит. Сов. Кривцовъ 2 р., Подп. Генцъ 2 р., Тит. Сов. Чистовскій 2 р., Пор. Леркамъ 2 р. Помощ. кварт. надзирателя: Пор. Ляшковскій 2 р., Пор. Рудановскій 1 р., Пор. Бебиховъ 50 к., *Пятницкой части*: Част. Прист. Ман-Кубаровскій 3 р., Кварт. надзиратели: Капит. Шульцъ 2 р., Тит. сов. Полетаевъ 2 р., Тит. Сов. Поповъ 2 р., Штаб. Кап. Николаевъ 2 р. Шт. Кап. Гамбергъ 2 р., помош. кварт. надзир.: Кол. Секр. Доропиничъ 50 к., Кол. Секр. Циплингъ 50 к., Колл. Регистр. Брокгаузъ 50 к., Поруч. Домбровскій 50 к., Штаб. Кап. Ивановъ 50 к., *Якимовской части*: част. прист. надв. сов Ильинскій 3 р: кварт.

надзиратели: тит. сов. Воскресенский 2 р. тит. сов. Ниентинъ 2 р. штабс. кап. Штишевский 2 р. кол. сек. Турчаниновъ 2 р. тит. сов. Николинъ 2 р. тит. сов. Васильевъ 2 р. помощ. квад. надзир. поруч. Григорьевъ 50 к. кол. секр. Соколовъ 50 к. кол. сек. Розновъ 50 к. тит. сов. Дуровъ 50 к. подпор. Глинка 50 к. поруч. Лупандинъ 50 к. кол. регистр. Барнашвейлевъ 50 к. *Серпуховской части*: част. прист. кол. асс. Потаповъ 3 р. квад. надзир. тит. сов. Поляковъ 2 р. маюоръ Малышевъ 2 р. тит. сов. Совѣтовъ 3 р. тит. сов. Воронцовъ 2 р. подпоруч. Давыдовъ 1 р. помощ. квад. надзир. кол. сек. Живописцевъ 2 р. подпоруч. Струковъ 1 р. кол. регистр. Богдановъ 1 р. поруч. Жульенъ 1 р. кол. регистр. Уклонскій 1 р. *Арбатской части*: полк. Дурново 3 р. част. прист. Ребровъ 1 р. надзиратели: Ларіоновъ 1 р. Бѣлявцевъ 1 р. Акимовъ 1 р. Славышенскій 1 р. *Пресненской части*: част. прист. Фишеръ 2 р. надзиратели: Дядьковъ 1 р. Депалович 1 р. Соболевъ 1 р. Швинъ 1 р. Полидоровъ 1 р. Загончковскій 1 р. помощ. надзирателей: Зыковъ 50 к. Апушкинъ 50 к. Дитмаръ 1 р. Березинъ 50 к. *Пречистенской части*: част. прист. Гольмъ 2 р. надзиратели Ивановъ 50 к. Байковъ 1 р. Михайльченко 1 р. Кожинъ 1 р. Вейзбахъ 2 р. *Хамовнической части*: част. прист. Екатовщикъ 5 р. надзиратели; Мараки 2 р. Швантъ 2 р. Мартенсъ 2 р. Кривакинъ 2 р. Свидерскій 1 р. Преображенскій 1 р. *Сущевской части*: част. прист. Казаковичъ 2 р. надзиратели: Аeonасьевъ 1 р. Кузьминъ 1 р. Федоровъ 1 р. Протопоповъ 1 р. Кожинъ 1 р. помощ. надзират. Протопоповъ 50 к. Розановъ 50 к. Лебедевъ 50 к. Смирновъ 50 к. Офицеры частей 3-го отдѣленія: полицеемейстеръ полковникъ Ловейко 3 р. *Стрѣтенской*: частный приставъ подполк. Дренякинъ 2 р. надзиратели: штабсъ капитанъ Годзяцкій 1 р. титулярный совѣтникъ Соколовъ 1 р. Крушинскій 1 р. капитанъ Жариновъ 1 р. капитанъ Майеръ 1 р. помощники, корнетъ Шраубе 50 к. штабсъ капитанъ Муравьевъ 50 к. коллѣжскій регистраторъ Майеръ 50 к. капитанъ Ѳедотовъ 50 к. коллѣжскій секретарь Шацкій 50 к. *Мытцанской* частный приставъ кол. совѣт. Калининъ 2 р. надзиратели: штабсъ-капитанъ Глазуновъ 25 к. подпоручикъ Вороновъ 1 р. титулярный совѣтникъ Павловъ 1 р. штабсъ ротмистръ Верниковскій 1 р. помощники подпоручикъ Горбуновъ 50 к. подпоручикъ Замойскій 50 к. *Лузской*: частный приставъ подполковн. Врубель 2 р. надзиратели капитанъ Тихоросъ 1 р. поручикъ Гульковскій 1 р.

коллежский ассесоръ Болотовъ 1 р. коллежский ассесоръ Лазовскій 1 р. корнетъ Безобразовъ 1 р. *Басмановой*: частный приставъ над. совѣтникъ Арембергъ 2 р. надзиратели: поручикъ Кузминъ 1 р. коллежский секретарь Сербиналь 1 р. поручикъ Генцъ 2-й 1 р. титулярный совѣтникъ Эймке 1 р. *Лефортовской*: частный приставъ маоръ Шишковскій 2 р. надзиратели: титулярный совѣтникъ Миловидовъ 1 р. штабсъ капитанъ Панинъ 1 р. поручикъ Ивановъ 1 р. титулярный совѣтникъ Шрейдеръ 1 р. помощники, штабсъ-ротмистръ Курошъ 50 к. штабсъ капитанъ Добровъ 50 к. прапорщикъ Анфиногеновъ 50 к. подпоручикъ Битнеръ 50 к. поручикъ Макеевъ 1 р. надзиратель поручикъ Свистуновъ 1 р. *Рогожской*: надзиратели: титулярный совѣтникъ Михайловъ 1 р. надворный совѣтникъ Манцуровъ 1 р. титулярный совѣтникъ Прокофьевъ 1 р. поручикъ Севенардъ 1 р. поручикъ Ждановъ 1 р. прапорщикъ Васильевъ 1 р. прапорщикъ Логиновскій 1 р. итого 198 р. 25 к. Лица *Клинского уезда* 3 р. жители: г. *Подольска* 50 к. житель г. *Москвы* Н. Бажановъ 1 р. служащіе въ Александровскомъ военному училищѣ 31 р. всего 327 р. 96^{3/4} к.

24., *Нижегородской*: чинов-ки и преподаватели Нижегородского Александровскаго дворянскаго института 12 р. 23 к. служащіе въ *Ардатовской* уѣзд. земской управѣ 5 р, жители *Васильскаго* уѣзда *Прудницинской* волости старшина И. Лысовъ и волостной писарь Н. Щеголовъ 2 р. *Высоко-осельской* волости: старшина Безродновъ 50 к. волост. писарь И. Соколовъ 50 к. староста села Сущева П. Самойловъ 10 к. крестьянинъ В. Андреевъ 10 к. староста села Высокаго Оселка Я. Дауновъ 20 к. староста села Латышихи П. Яинъ 10 к. крестьянинъ О. Миронинъ 10 к. староста О. Брашановъ 10 к. староста А. Гладышевъ 10 к. староста села Долгаго Поля Мысинъ 6 к. крестьянинъ П. Заудочновъ 5 к. *Ешенигашской* волости волостной старшина Вапуринъ 50 к. писарь Волковъ 50 к. помощникъ волостного старшины Кадыковъ 25 к. помощ. писаря Александровъ 25 к. *Низовской* волости: волост. старшина Сияевъ 25 к. писарь Ерофеевъ 20 к. сельск. старосты: Бистинъ 10 к. Корниловъ 10 к. Еремѣевъ 10 к. Бѣтингъ 10 к. Рязановъ 10 к. Сухановъ 10 к. крестьяне: В. Голявинъ 10 к. Г. Буслаевъ 10 к. Общество *Сосновской* волости: 1 р. *Никольской* волости: волост. старшина И. Ямщиковъ 10 к. писарь В. Епифановъ 5 к. крестьяне: села Толбы И. Завозинъ 2 к. села Никольскаго П. Бѣлыдагинъ

2 к. с. Роговъ 1 к. *Егорьевской волости*: волостной старшина Воробьевъ 50 к. писарь Яшновъ 50 к. волост. сходъ *Егорьевской волости*: 2 р. сельскій староста села Ананьевки Г. Семеновъ 10 к. сельск. староста В. Фроловъ 10 к. крестьяне: Д. Осипинъ 10 к. Н. Харитоновъ 5 к. Г. Козминъ 10 к. С. Сергеевъ 5 к. В. Лѣсовъ 10 к. М. Александровъ 10 к. В. Никифоровъ 5 к. В. Матвеевъ 10 к. В. Антоновъ 10 к. А. Петровъ 15 волост. старшина писарь кандидатъ старшины помощн. писаря и 20 человѣкъ крестьянъ *Андреевской волости*: 10 р. волост. старшина и писаря *Троицкой волости*: 25 к. волост. писарь *Быковской волости*: Еотовъ 1 р. *Алисановской волости*: волост. старшина Корлюговъ 50 к. крестьянинъ А. Федоровъ 5 к. волост. писарь Волковъ 15 к. *Мязгинской волости*: волостной старшина Малыгинъ 1 р. 50 к. засѣдатель В. Тельновъ 40 к. крестьянинъ П. Обидинъ 10 к. купецъ А. Чистовъ 2 р. *Воротынской волости*: старшина Кисельниковъ 15 к., писарь той же волости Григорьевъ 15 к. неизвѣстные 30 к. *Бронско-Батомскій волости*: старшина Бабаевъ 10 к. писарь Русановъ 10 к. *Спасскій волости*: писарь П. Поляковъ 1 р. его помощники Г. Золотницкій 10 к. И. Золотницкій 20 к. *Спасскій волости*: старшина Сухановъ 45 к. засѣдатель Ноздринъ 25 к. сельск. староста И. Зайцевъ 20 к. крестьяне: Гусевъ 50 к. Подлесовъ 10 к. Шулинъ 20 к. *Кенинскій волости*: старшина Мартыновъ 20 к. писарь Полумордвиновъ 10 к. неизвѣстный 21 к. итого (32 р. 32 к.) 32 р. всего 49 р. 33 к.

25., *Новгородской: Валдайское уѣзд.* училище 1 р. чиновники *Бѣлоозерскихъ* училищъ: попечительница женскаго училища 2 р. штат. смотр. Э. Тимофеевъ 1 р. законоучитель свящ. Барсовъ 50 учителя: свящ. М. Бѣляевъ 20 к. К. Зотовъ 1 р. Линденвальдъ 20 к. С. Синовъ 1 р. М. Хибаковъ 20 к. Яшманъ 20 к. итого (6 р. 30 к.) 6 р. чиновники и учителя *Новгородской гимназии* 12 р. 50 к. жители Крестецкаго уѣзда (55 к.) 54½ к. всего 20 р. 4½ к.

26., *Олонецкой:* чрезъ начальника Олонецкой губерніи 1 р. 33½ к. отъ благочинного г. Лодейнаго поля свящ. П. Старцева 63¼ к. общество того же города 1 р. 40 к. всего 3 р. 36¾ к.

27., *Оренбургской:* Епископъ Оренбургскій и Уральскій Варлаамъ 15 р. духовенство благочин. г. Белебея свящ. Сперанска-го причтъ градо-Белебейской церкви 33 к. отъ церкви села *

Курытмаса 5 к. причтъ сель: Елизаветина 7 к. Покровскаго 10 к. Чегадаева 10 к. Шарана 10 к. Знаменскаго 10 к. Ильинскаго 5 к. Писарева 15 к. Дашева 15 к. Каменки 10 к. Воздвиженскаго 10 к. итого 1 р. 40 к. благочинный г. Мензелинска протоіерей *Петровъ* 4 р. $\frac{3}{4}$ к: всего 20 р. $40\frac{3}{4}$ к. 28., *Орловской*: чины орловской *Бахтина военной гимназии* 80 р. 74 к. лица г. Ельца потом. почет. гражданинъ А. Вакулинъ 1 р. купецъ М. Дьяконовъ 50 к. крестьянинъ Г. Богданова Е. Лосевъ 15 к. итого (1 р. 65 к.) 1 р. $63\frac{1}{4}$ к. всего 82 р. $37\frac{1}{4}$ к.

29., *Пензенской*: Епископъ Пензенскій и Саранскій Антоній 5 р. преподаватели *Мокшанскихъ* училищъ: штат. смотр. Ковалевъ 1 р. учителя: А. Лопатневъ 25 к. М. Кугушевъ 27 к. П. Магницкій 50 к. итого 2 р. чины *казенной палаты*: управляющій Фонъ-Биттеръ 2 р. и. д. губ. лѣсничаго Горскій 1 р. прочие чиновники 3 р. итого 6 р. черезъ начальника Пензенской губерніи $39\frac{1}{2}$ к. и 74 к. жители *Керенскаго* уѣзда 3 р 43 к. всего 17 р. $56\frac{1}{2}$ к.

30., *Пермской*: чиновники и преподаватели Пермской дирекціи 20 р. 33 к. чиновники: Кушвинскаго расходнаго отдѣленія 1 р. 98 к. казенной палаты 6 р. лица г. Верхотурья 2 р. 87 к. всего 31 р. 18 к.

31., *Полтавской*: чиновники Петровской Полтавской военной гимназии и ветеринарный лекарь 3-го уланскаго Смоленскаго полка кол. асс. Васильевъ 4 р. нѣкоторыя лица *Лохвицкаго* уѣзда 1 р. 50 к. всего 5 р. 50 к.

32., *Псковской*: духовенство благочинія свящ. Рудакова Велико-Луцкаго уѣзда священно-церковно-служители погостовъ: Бѣлогова 20 к. Горокъ 25 к. Назовичъ 25 к. Овсіщъ 25 к. Плай 25 к. Чернаго 25 к. .... 20 к. села Спасскаго 20 к. итого (1 р. 85 к.) 1 р. 83 к. акцизные чиновники 2-го округа 2 р. чины Псковскаго губерн. акцизн. управлениія 9 р. жители г. Печеръ (1 р. 5 к.) 1 р. 3 к. всего 13 р. 86 к.

33., *Рязанской*: чиновники *Казенной* Палаты: управляющій кол. сов. А. Е. Коллеръ 5 р. тит. сов. Лихачевъ 2 р. кол. секр. Вл. В. Смирцовъ 1 р. итого 8 р. *Спасской земской управы* 5 р. черезъ Егорьевскаго уѣзднаго исправника Арбузова: судебный слѣдователь 1-го участка Каменевъ Любавскій 1 р. тит. сов. М. Борисовъ 50 к. итого 1 р. 50 к. всего 14 р. 50 к.

34., *Самарской*: духовенство Ставропольскаго уѣзда благо-

чимія свящ.. Старой Майны Г. Сироткина: священно-церковно-служители сель: Старой Майны 1 р. Красной рѣки 20 к. Большой Кандалы 30 к. Средней Майны 15 к. Верхней Майны 25 к. Малой Кандалы 15к. Новиковки 10 к. Петровского 20 к. Дмитриевского 25 к. Чердакловъ 25 к. Тургенева 25 к. Кайбель 5 к. Крестовыхъ Городищъ 15 к. Краснаго Яра 5 к. Сосновки 10 к. Архангельского 50 к. Головкина 10 к. Кременокъ 15 к. итого 4 р. 20 к. всего 4 р. 20 к.

35., Санктпетербургской: Преподаватели Введенской Прогимназии чрезъ Директора Мѣдникова 5 р. 1-й Санктпет. военной Гимназии: Тихомировъ 3 р., Острогорскій 1 р., итого (4 р.) 3 р. 96 к., служаще и учащіеся Царско-сельскаго уѣзднаго училища 10 р. 5 к., служаще при Нарвскомъ Археологическомъ обществѣ: Рословъ 1 р. Hunnius 1 р. К..... F. G. Tannenberg 1 р. A. Schening 1 р. C. Орловъ 3 р. Schutze 1 р. J. F. Bauer 1 р. A. Hopes 1 р. Adolph Hahn 1 р., Iohannes 25 к. A. Lownezo 1 р. J. v. d. Bellen 50 к. Handl 1 р. отставный унтеръ офицеръ Адамъ Бараповскій 30 к., П. Маленкоффъ 1 р. Михайловъ 50 к., К. Крупенкинъ 1 р. G. I. Walcken 1 р., Rödden 50 к., Jebauer 1 р. H. L. Thiele 50 к., H. Латрикъ 20 к., Kreuzer 50 к., Статский Совѣтн. А. Фрейгангъ 1 р., Кручинина 20 к., П. Васильевъ 25 к., неизвѣстные 22 р. 30 к., итого (46 р.) 40 р., служаще при 6-й Спб. Гимназии 11 р. 10 к. при 7-й Спб. Гимназии 6 р., при Спб. Губерн. Земской Управѣ 50 р., чины военно-медицинскаго Департамента (14 р.) 13 р. 81 к., Михайловскаго Артиллерійскаго училища 18 р., Члены и служаще Спб. Коммерческаго суда 86 р. 13 к.. лица г. Кронштадта (18 р. 15 к.) 17 р. 97 к., всего 262 р. 2 к.

36., Саратовской: жители Камышинскаго уѣзда И. Храмцовъ 1 р., Н. Николаевъ 50 к. Писарь Лапуховской волости А. Бѣликовъ 1 р., волостной старшина Т. Тимофеевъ 50 к., итого (3 р.) 2 р. 72 к. всего 2 р. 72 к.

37., Симбирской: Симб. Епископъ Евгений 25 р. Симбирское Городское Духовенство: Священно-церковно-служители: Вознесенскаго собора 2 р., Церкви: Александровской 1 р. Богоявленской 1 р., Владимирской 1 р., Воскресенской 1 р., Дѣвичьяго Монастыря 2 р., Николаевской 1 р., Смоленской 50 к., Священники: Всѣхъ-Святской Церкви 1 р., Смоленской 50 к. Тихвинской 1 р., Троицкой—М. Троицкій 1 р., Разумовскій 1 р.,

итого **14 р.** Духовенство Сенгилеевского уезда: г. Сенгилея Покровского собора: Протоиерей К. С. Базилевский и свящ. В. Г. Зиминский съ причтомъ 3 р., Николаевской церкви А. П. Херувимовъ съ причтомъ 1 р. 50 к., села Кріупъ священики Р. П. Подгорский и Ф. Н. Смирновъ съ причтомъ 2 р., села Кременокъ свящ. А. П. Вознесенский съ причтомъ 1 р. 50 к., села Ортошкина свящ. Н. С. Травинъ съ причтомъ 50 к., села Панской слободы свящ. Ф. Д. Боголюбовъ съ причтомъ 50 к., села Тушины священники И. П. Троицкий и И. А. Остроумовъ съ причтомъ 2 р., села Шиловки свящ. В. А. Григорьевъ съ причтомъ 1 р. 50 к., итого (12 р. 50 к.) **12 р. 15 к.**, служащіе: въ Симб. губерн. Земской Управѣ: Предсѣдатель А. П. Языковъ 10 р., члены: В. С. Андреевъ 10 р. В. А. Егоровъ 10 р. И. П. Маркъяновичъ 10 р. В. А. Бестужевъ 6 р. итого **46 р.** при Симбирской уездной земской управѣ **50 р.** при Буинской уездной земской управѣ: Головинский 5 р. Н. Теренинъ 5 р. итого **10 р.** при Курмышской уездной земской управѣ: Н. Назаровъ 1 р. Моисеевъ 1 р. Шипиловъ 10 р. И. Аристовъ 5 р. Пантусовъ 10 р. итого **27 р.** при Симб. дух. семинаріи чрезъ ректора Аѳанасія **16 р.** воспитанники семинаріи **6 р.** при Симб. дух. училищѣ **3 р.** при Алатырскомъ дух. училищѣ **3 р.** чиновники Алатырского акцизного управления **8 р.** отъ Буинскаго уѣзда: предводителя дворянства Теренина **15 р.** Симб. дворянинъ Лопатинъ **5 р.** Е. Ниротморцевъ **5 р.** дворяне Курмышскаго уѣзда: поручикъ Н. Дыховъ **1 р.** кн. В. А. Волконский **5 р.** жители г. Симбирска **18 р. 20 к.** жители г. Сызрана **8 р. 50 к.** жители г. Курмыши: Н. С. 1 р. кол. секр. Аристовъ **50 к.** губерн. секр. Богоявленский **25 к.** кол. асс. Василисовъ **50 к.** губ. секр. Василисовъ **25 к.** писецъ 1-го разряда С. Василисовъ **10 к.** Ефимъ Герасимовъ **20 к.** губр. сек. Григорьевъ **10 к.** тит. сов. Ивановъ **1 р. мѣш.** П. Кудрявцевъ **10 к.** кол. секр. Мальевъ **15 к. мѣш.** М. Ан. Малюгинъ **13 к.** кол. регист. Масловъ **20 к.** кол. регист. Масловъ **10 к.** Мордвиновъ **75 к.** Н. М. Помовский **50 к.** кол. регистр. Рождественский **50 к.** тит. сов. Рудневъ **1 р.** купецъ Е. Смирновъ **25 к.** тит. сов. Созоновъ **30 к.** купецъ В. Степановъ **20 к.** губ. секр. Тепловъ **30 к.** губер. секр. Щегловъ **30 к.** итого (8 р. 68 к.) **8 р. 59 к.** жители г. Буинска и Буинскаго уѣзда: Бѣлорусовъ **10 к.** А. Елуферьевъ **25 к.** П. Лебедевъ **15 к.** деревни Новыхъ Убей Я. Андреевъ **5 к.** В. Захаровъ **5 к.** В. Леонтьевъ **25 к.** Ф.

Филиповъ 25 к. Яковлевъ 3 к. по 2-му стану: собственникъ Грѣшиakovъ 1 к. А. И. Ирѣнева 10 к. Буйинскій мѣрщикъ Петровъ 5 к. неизвѣстный 10 к. *Шигалинскай волости*: волот. старшина К. Ивановъ 25 к. помощ. его И. Аѳанасьевъ 10 в. волост. казначей Леонтьевъ 15 к. писарь Умевъ 25 к. помощ. его Ивановъ 10 к. писецъ В. Голяковъ 10 к. медицин. фельдшеръ В. Марковъ 25 к. крестьянка М. Васильева 5 к. *Безднинской волости*: старшина Велитъ-Билбировъ 10 к. *Паркинскай волости*: старшина Николаевъ 15 к. помощ. его В. Петровъ 10 к. писарь Скоровъ 20 к. писецъ И. Ивановъ 10 к. итого (3 р. 29 к.) 3 р. 25 $\frac{1}{2}$ к. жители Карсунскаго уѣзда: старшина *Сурской волости* 25 к. старшина *Сосновской волости* И. Красниковъ 10 к. учитель Аргашскаго волостнаго училища Я. Цвѣтницкій 20 к. крест. дер. Красноковки 10 к. крест. Троицкой волос. села Китовки А. Н. Лотковъ 10 к. . . . . 1 р. . . . . 1 р. итого (2 р 75 к.) 2 р. 15 к. Дворяне: Кукалевскій 3 р. Жиркевичъ 3 р. Курмышскій уѣзд. врачъ Войничъ 3 р. Преподаватель татарскихъ классовъ при Симб. гимназии Н. И. Сегедій 5 р. управляющій Симбирскою удѣльною конторою А. Ф. Бѣлокрысенко 10 р., воспитанникъ гимназіи В. Егоровъ 1 р. Кабалинскій 1 р., воспитанникъ семинаріи Егоровъ 50 к., домашний учитель Преображенскій 3 р. чиновники: Симбир. палаты уголовнаго суда С. Ивановъ 1 р. Лебедевъ 1 р. Брюхановъ 50 к. Власовъ 1 р. Поляковъ 50 к. акцизный чиновникъ Михайлевъ 5 р. купецъ Заграцкій 3 р. мѣрщикъ удѣльного вѣдомства И. Яковлевъ 2 р. мѣщанинъ Салминъ 3 р. неизвѣстный чрезъ Алатырскаго штатнаго протоіерея А. Никольскаго 3 р. неизвѣстные 1 р. и 10 р. всего 352 р. 34 $\frac{1}{2}$ к.

38., *Ставропольской: духовенство* благочинія свящ. С. Микелядзе Кавказской Епархіи Ставропольскаго уѣзда: благочинный С. Микелядзе 1 р. причты сель: Воронцовскаго 1 р. Кракова 1 р. Красной поляны 10 Крученаго 10 к. Мдищева 1 р. Николаевки 10 к. Новогорѣчскаго 30 к. отселка Барашибово 10 к. Поливаннаго 8 к. Развильнаго 5 к. Сандаты 15 к. Церквей Богословской 7 к. Казанской 20 к. итого 4 р. 25 к. благочинія свящ. В. Романовскаго *Пятигорскаго уѣзда* 1 р. 75 к. 4-го *Пятигорскаго* благочинія причты иектиторы сель: Александри 1 р. 50 к. Благодарнаго 1 р. 50 к. Высоцкаго 25 к. Елисаветинскаго 75 к. Журовки 80 к. Кимпева 75 к. Медвѣдева 1 р. Новомитрофановскаго 50 к. Новосильскаго 1 р.

Сотникова 1 р. Сухой Буйволы 25 к. Шилкина 25 к. священникъ Б. Бѣлоградскій 1 р. діаконъ с. Поповъ 1 р. итого (11 р. 55 к.) 11 р. чиновники Ставр. почтоваго вѣдомства: неизвѣстный 2 р. помощ. майнотскаго почтмейстера Проконецъ 1 р. млад. помощ. экспедитора И. Квятковскій 49 к. Е. Федоровъ 20 к. П. Вѣтохинъ 30 к: И. Покладовъ 10 к. кол. асс. Лука Мартыненко 2 р. помощникъ У. Приходько 20 к. сортировщикъ М. Христофоровъ 20 к. смотрители: П. Ассѣевъ 30 к. Вѣтохинъ 20 к. Радинъ 20 к. сортировщикъ Статыченко 20 к. почталюны Катаржевъ 10 к. Жолковскій 20 к. Минучишъ 20 к. Климовъ 20 к. почтмейстеръ А. Юрцевичъ 1 р. помощ. П. Сербиновъ 50 к. старшіе сортировщики: Е. Храпачъ 25 к. А. Малышевъ 25 к. млад. сортировщикъ Никитинъ 50 к. почталюны: Игнатовичъ 15 к. Калинченко 20 к. Бабковъ 1 р. Раевскій 10 к. Вертугровъ 19 к. неизвѣстный 50 к. С. Паристый 2 40 к. А. Блажіевскій 20 к. М. Фроловъ 5 р. М. Салдатенковъ 10 к. А. Успенскій 10 к. Т. Михайловъ 10 к. Т. Орѣховскій 10 к. пріемщикъ А. Соколовъ 1 р. И. Дудинъ 30 А. Стациенко 30 к. Г. Дмитріевъ 1 р. А. Никифоровъ 50 к. Л. Коробчинскій 50 к. П. Кащенко 1 р. И. Дехтяренко 1 р. А. Сухачевъ 50 к. Н. Филевъ 50 к. почтмейстеръ И. Никольскій 1 р: помощникъ О. Шилловскій 40 к. сортировщикъ А. Лайндрау 10 к. П. Цымбаловъ 25 к. Н. Алексѣевъ 15 к. Д. Емельяновъ 10 к. П. Хализовъ 10 к. С. Крагановъ 1 р. А. Асанасьевъ 15 к. В. А. Цирульниковъ 1 р. итого 31 р. 49 к. акцизные чиновники 1-го округа: надзиратель Кудринскій 1 р. Васильевъ 25 к. Мадатовъ 1 р. Сатановскій 25 к. Парамоновъ 25 к. Щербаковъ 25 к. Эрастовъ 1 р- итого 4 р. всего 52 р. 49 к.

39., Тамбовской: Борисоглѣбскій уѣзд. судья Н. Г. Анучинъ 1 р. жители: 1-й части г. Тамбова: А. Плетневъ 3 к. писарь Д. Разказовъ 3 к. неизвѣстные 8 к. итого (14 к.) 13 $\frac{1}{4}$ к. 1-го стана Моршанскаго уѣзда 71 $\frac{1}{4}$ к. 1-го стана Темниковскаго уѣзда 10 к. г. Темникова 1 р. 31 $\frac{1}{2}$ к. г. Моршанска: почет. гражд. М. . . . 1 р. П. Соковъ 10 к. итого (1 р. 10 к.) 1 р. 8 $\frac{3}{4}$ к. общество г. Темникова 2 р. всего 6 р 34 $\frac{3}{4}$ к.

40., Тверской: дворянство Кашинскаго уѣзда 10 р. священники г. Кашина 2 р. граждане г. Бѣжецка: городской голова Н. Сергѣевъ 5 р. купецкіе братья А. . . . . 50 к. И. Неворотинъ 2 р. купецкій сынъ А. Савлинъ 20 к. купцы В. . . . 50 к.

И. . . . . 20 к. И. Фуфлыгинъ 20 к. В. Вудиловъ 50 к. Н. Винокуровъ 20 к. М. Винокуровъ 50 к. Н. Даиловъ 25 к. Коровкинъ 50 к. Ст. Крюковъ 50 к. М. Метлинъ 20 к. А. Назухинъ 50 к. И. Первухинъ 20 к. Н. Петуховъ 50 к. А. Ревягинъ 20 к. И. Рѣпинъ 20 к. О. Сергеевъ 50 к. А. Ткачининъ 50 к. итого (13 р. 85 к.) **13 р. 25 к.** всего **25 р.**

41. Тифлисской: чини Тифлисской запасной аптеки
К. . . . . 3 р. Цѣхаловскій 1 р. Папточевъ 1 р. К. . . . . 1 р.
Житновъ 1 р. писецъ М. Леонтьевъ 33 к. Варгасинъ 33 к.
Рубцовъ 25 к. Кузьминъ 33 к. итого **8 р. 24 к.** всего
8 р. 24 к.

42. Тобольской: Воспитанники Тобольской гимназии **5 р.**
служащіе въ Омскихъ уѣзд. училищахъ **3 р.** въ Верхозовскихъ
6 р. Духовенство г. Тобольска **3 р. 66 $\frac{1}{4}$ к.**, чиновники и
преподаватели Ялуторскихъ училищъ: законоучит. свящ. В.
Космаковъ 50 к., смотритель А. Аристовъ 1 р., учителя: В. Гу-
севъ 50 к., Лукьянновъ 1 р., Макаровъ 1 р., К. Стукольский 1
р., А. Харламовъ 1 р., итого **6 р.** Служащіе Тарского окружного
суда: окружн. судья Воронковъ 1 р., засѣдатели: Талаше-
вичъ 20 к., Кумиричъ 50 к., П. Серебренниковъ 10 к., Пел-
зовъ 50 к., кандидатъ засѣдателя отъ гражданъ Дудинъ 1 р.,
словесный судья Ражинъ 40 к., секретари: по уголовной части
Тимскій 25 к., по гражд. части Воронцовъ 25 к., испр. юр. д.
столоначальниковъ: Махневъ 25 к., Салевскій 10 к., иисцы: И.
Махневъ 25 к., И. Карчевскій 10 к., М. Сожинъ 10 к., итого
5 р. Всего 28 р. 66 $\frac{1}{4}$ к.

43. Уфимской: Дух-во благочиній: свящ. Гуменеваго Стер-
литамакскаго уѣзда (1 р. 59 к.) **1 р. 50 к.**, того же уѣзда
свящ. Софотерова 1 р. 2-го округа Бирскаго уѣзда **2 р.**, того-
же уѣзда 1-го округа **55. к.**, акцизные чиновники 4-го округа
надзиратель Траутфештеръ 2 р., помощ. его: Листовскій 1 р.,
Шиглевскій 1 р., Поповъ 1 р., Смирновъ 50 к., Цытовичъ 1
бухгалтеръ Лимановъ 25 к., итого (6 р. 75 к.) **6 р. 40 к.**
2-го округа кол. секр. Гопіусъ, Фоссь, губ. секр. баронъ Майдель,
Баршинъ **3 р.** Лица купеческаго сословія г. Уфы **7 р.** Всего
21 р. 45 к.

44 Харьковской: Преподаватели и чиновники Харьковскаго
Императорскаго университета: ректоръ В. Кочетовъ 10 р.,
профессоры: А. Станишевскій **2 р.** И. Бекетовъ **2 р.** Коссовичъ
1 р. Каченовскій 1 р. Питра 1-й 1 р. Зарубинъ 1 р. Ма-

словскій 1 р. Питра 2-й 1 р. Леваковскій 1 р. Бейеръ 1 р. Федоренкѣ 1 р. Чёрной 1 р. Рославскій 1 р. итого (25 р.) **24 р. 75 к.** жители заштатнаго г. Бѣлополья: судеб. слѣдов. Здоревъ 50 к. губер. секр. Копейчиковъ 30 к. купцы: Н. Балладенко 20 к. Килдей 10 к. Кандыбинъ 10 к. Ф. Р. Пивоваровъ 20 к. Пономаренко 10 к. М. Хвостовъ 20 к. И. Конопченко 20 к. Д. Т. Ляшко 20 к. государ. крест. М. Марковъ 15 к. Я. Баллеценко 10 к. И. В. Маевскій 5 к. итого 2 р. 40 к. г. Суммъ: Сумскій городской врачъ А. В. Чугуевецъ 3 р. Харитонецко 3 р. Кандратьевъ 3 р. Витть 2 р. Д. Коныловъ 1 р. всего (14 р. 40) **14 р. 25 к.** Сумскаго уѣзда: Е. Н. Голенищева-Кутузова 1 р. Тремперъ 1 р. поручикъ Кокорекинъ 1 р. И. Г. Харитоновъ 1 р. неизвѣстные 1 р. 10 к. итого (5 р. 10 к.) **5 р. 4 к.** всего **44 р. 4 к.**

45., Херсонской: служаще и учащіеся въ *Ришельевской гимназии*: Веберъ 3 р. Шрайтель 3 р. г-жа Матео 1 р. г-нь Рандель 3 р. прелать Разутовичъ 3 р. Стародубцевъ 1 р. Кнери 3 р. смотритель греческаго училища Д. Е. 3 р. ученики 12 р. итого **32 р. 22 к.** всего **32 р. 22 к.**

46., Черниговской: чиновники Черниг. гимназии: и. д. директора Кустовъ 3 р. инспекторъ Подпружниковъ 1 р. учителя: Александровъ 50 к. Бобръ 1 р. Гринфельдъ 1 р. Дороженко 1 р. Каленскій 1 р. М. Константиновичъ 1 р. Н. Константиновичъ 1 р. Хижняковъ 1 р. итого **11 р. 50 к.** дворяне Суражскаго уѣзда **1 р.** всего **12 р. 50 к.**

47., Ярославской: Мологскій городской голова **5 р. 94 к.** штатный смотритель и преподаватели училищъ: Ростовскихъ, Угличскихъ и Мологскихъ (19 р. 75 к.) **19 р. 55 $\frac{1}{4}$ к.** всего **25 р. 49 $\frac{1}{4}$ к.**

Итого по губерніямъ: 2,438 р. 49 $\frac{1}{4}$ к.

2). СПИСОКЪ ВОИНСКИМЪ ЧИНАМЪ.

ГВАРДЕЙСКИМЪ.

Хозяйственнаго комитета лейбъ-гвардіи Царско-Сельскаго стрѣлковаго баталіона **3 р.**

ГРЕНАДЕРСКИХЪ ПЪХОТНЫХЪ ДИВИЗІЙ.

2-й гренадерской дивизіи 5-го Кіевскаго, Его Веляч. Короля Нидерландскаго полка **9 р.**

3-й пъхотной дивизіи 5 р. 10-го Ново-Ингерманландскаго полка стар. лек. надв. сов. Дмитріевъ 1 р. млад. лек. кол. асс. Розановъ 1 р., итого **2 р.**

6-й пъхотной дивизіи 24-го Симб. полка подполковникъ Артемьевъ **1 р.**

9-й пъхотной дивизіи 33-го Елецкаго полка стар. лек. надв. сов. П. И. Балабановъ 1 р. млад. лек. П. М. Клобуцкій 1 р. итого **2 р.**, 35-го Брянскаго полка врачи **2 р.**, 9-го стрѣлковаго батал. стар. лек. надв. сов. Покровскій **1 р.**

13-й пъхотной дивизіи 51-го Литов. полка мл. лек. Н. М. Маліевъ **1 р.**

15-й пъхотной дивизіи 58-го Прагскаго Гр. Лідерса полка стар. лек. над. сов. С. Ангельскій **1 р.** дивизіонный докторъ кол. сов. И. Тихоновичъ **1 р.** млад. лек. кол. асс. И. Никоноровъ **2 р.** А Лавдовскій **1 р.** Н. Буршанъ **1 р.** 15-го стрѣлк. бат. стар. лек. над. сов. К. Ковалевъ **2 р.**

16-й пъхотной дивизіи 64-го Е. И. В. В. Ен. Михаила Николаевича полка **6 р. 43 $\frac{1}{2}$ к.**

18-й пъхотной дивизіи 70-го Ражскаго полка **10 р.**

23-й пъхотной дивизіи начальникъ дивизіи генераль-Лейтенантъ Ганъ 5 р., начальникъ дивизіоннаго штаба подполков. Кондзеровскій 2 р., старшіе адъютанти: капитанъ Мекъ 1 р., штабсъ-капитанъ Басовъ 1 р., дивизіон. докторъ кол. сов. Витлокъ 1 р., дивизіон. оберъ-аудиторъ надв. сов. Зайцевъ 1 р. итого (11 р.) **10 р. 89 к.** 91-го Двинскаго полка **1 р.**

24-й пъхотной дивизіи: 94-го Енисейскаго полка Командиръ полка полковникъ Даниловъ 3 р. капитанъ Горбаневъ 1 р. поручики: Миловановичъ 1 р. Сухецкій 75 к. подпоручикъ Мутовозовъ 50 к. итого (6 р. 25 к.) **5 р. 83 к.**

28-й пъхотной дивизіи: Уральскаго полка млад. лек. В. А. Предтеченскій **1 р.**

33-й пъхотной дивизіи: 129-го Бессарабскаго полка **4 р. 53 $\frac{1}{4}$ к.**

35-й пъхотной дивизии: 139-го Моршанскаго полка лек. Соколовъ **2 р.**

37-й пехотной дивизии: дивизионный: докторъ, докторъ медицины кол. сов. Богдановъ 3 р. 146-го Царицинскаго полка стар. лек. над. сов. Черепковичъ 1 р. млад. Гофманъ 1 р. итого 2 р. и. д. стар. лек. 147-го пѣх. Самар. полка Ментовъ 1 р. медики 148-го пѣх. Каспийскаго полка Н. Весельчиковъ 1 р. А. Корчагинъ 1 р. И. Тыкоцкій 1 р. итого 3 р.

38-й пехотной дивизии: Генералъ Маюры: Ф. Ф. Радецкій 3 р. В. Н. Суходольскій 2 р. полковничь Э. С. Щитовичъ 1 р. капитанъ П. А. Троицкій 1 р. стат. сов. М. Д. Алакритскій 1 р. итого 8 р.

Пехотныхъ резервныхъ батальоновъ лекаря: 13-го Каинецкаго 3 р. 17-го кол. ас. Каразинскій 1 р. 34-го кол. ас. Яковицкій 2 р. 36-го Рѣнинскаго 2 р. 41-го Орфиля 1 р. 49-го кол. ас. Зотинскій 1 р. 58-го 3 р. 62-го кол. ас. Федоровъ 2 р. 63-го 1 р. 65-го Богдановичъ 2 р. 8-го стрѣлковаго резервнаго батальона 5 р.

КАВАЛЕРИЙСКИХЪ ДИВИЗІЙ:

1-й дивизіи: 2-го Лейбъ-драгунскаго Псковскаго Ея Велич. имѣла врачи: стар. над. сов. В. Малиновскій 1 р. млад. кол. ас. А. Боровскій 1 р. ветеринарный лек. кол. ас. А. Шуцкій 1 р. итого 3 р.

2-й дивизіи: 4-го гусарскаго Мариупольскаго Его Высоч. Принца Фридриха Гессен-Кассельскаго полка стар. лек. над. сов. Коульдиковъ 1 р. млад. лек. Царенко 1 р. итого 4 р.

4-й дивизіи: 7-го уланскаго Ольвіопольскаго Ген. Адъют. Гр. Остенъ-Сакена: командиръ полк. Криппъ 5 р. поруч. Мансуровъ 1 р. маіоръ кн. Урусовъ 3 р. штабсь ротмистръ Цабульскій 1 р. маіоръ Юзевовичъ 2 р. Поповъ 2 р. корнеты: Грозевичъ 1 р. Устимовичъ 1 р. ротмистръ Говоровъ 1 р. итого 17 р.

5-й дивизіи: чины 10-го уланскаго Одесскаго Его Высоч. Герцога Нассаускаго полка 9 р. стар. лек. того же полка надв. срв. Разгудовъ 3 р. 9-го уланскаго бугскаго Е. К. В. Пр. Августа Виртембергскаго полка командиръ 1 р. поручикъ Якубовскій 1 р. итого 2 р.

7-й дивизіи: 13-го уланскаго Е. И. В. В. Ен. Михаила Николаевича полка 4 р. 15 к.

Кавказ. кавалер. дивизіи: 15-го драгунскаго Тверскаго Е. И.

В. В. Кн. Николая Николаевича старшаго полка медики: Никольский и Мирошиновъ 4 р.

3-й резер. кав. бригады 5-го гусарскаго Александрійскаго Е. И. В. Вел. Кн. Николая Николаевича старшаго полка полков. Скоруппа 2 р. маоръ баронъ Остенъ-Сакенъ 1 р. поручикъ Жулинскій 50 к. штабсъ ротмистръ Рожановскій 50 к. итого 4 р.

7-й резер. кав. бриг. резер. эскадрона 14-го гусарскаго Митавскаго Е. К. В. Пр. Пруссаго полка млад. лек. кол. ас. Заркевичъ 1 р.

Артиллериі.

Чини главнаго артиллерійскаго управлениі: ген. адъют. Баранцовъ 5 р. ген. лейт. Бижеичъ 1 р. ген. маюры: Соловцовъ 3 р. Саблинъ 1 р. статскіе сов-ки: Меньшиховъ 3 р. Невинскій 1 р. полковники: Фреде 1 р. Бѣляевъ 1 р. Петрушевскій 1 р. Саханскій 1 р. кол-кіе сов-ки: Листовничій 1 р. Шавернавскій 1 р. капит. Григоровъ 1 р. штабсъ капитанъ Гордановъ 1 р. кол. асс. Елисѣевъ 50 к. кол. регистр. Бугаевъ 50 к. итого 23 р.

2-й Гренадер. артиллерійской бригады 3 р.

6-й пушчай артиллерійской бригады 5 р.

14-й 2 р.

16-й артиллерійской бригады облегченной батареи подп. Шакаловскій 1-й 5 р.

37-й артиллер. бригады стар. лек. над. сов. Стуковскій 1 р.

26-й артиллерійской бригады батарейной батареи Командиръ Подполковниче Михайловъ 2 р. Капитаны Бодиско 1 р. Шанивскій 1 р. Штабсъ-Капитанъ Сафу-Ханъ-Бекъ 1 р. Поручикъ Жолтанскій 1 р. итого 6 р.

28-й артиллерійской бригады стар. лек. Над. Сов. Гиль 1 р. младшій Бржезицкій 1 р. и итого (2 р.) 1 р. 98 к.

30-й артиллерійской бригады стар. лек. надв. сов. Бернгардтъ 1 р. млад. кол. ас. Лобка 1 р. итого 2 р.

Инженерныя войска:

7-го Сапернаго баталіона 4 р. 25 к.

I-го Сапернаго резервн. батал. 4 р. 54 $\frac{1}{2}$ к.

Кронштадтской инженерной команды: Инжн. Полковникъ Шпигели 3 р. Инж. Поруч. Искрицкій 1 р. Инж. Штабсъ-Капитанъ Борисовъ 1 р. Инж. Капитанъ Фрейманъ 1 р. Инж. Капитанъ Фонъ-Дерингъ 1 р. Инж. Штабсъ Капитанъ Ялоновъ 1 р. Инж. Поручикъ Домуховскій 1 р. Инж. подпоруч. Дельтманъ 2 р. Инж. Штабсъ Капитанъ Линовскій 1 р. Инж. Капит. Егоровъ 1 р. Инж. Капит. Маркевичъ 1 р. итого **14 р.**

Губернскихъ баталіоновъ:

Симбирского 10 р.

Крѣпостныхъ стрѣлковыхъ Баталіоновъ: Бендерскаго полка лекарь Л. Масловскій 2 р. Динабургскаго полка стар. лек. 1 р. помощ. его Іерусалемскій 1 р. и итого 1 р.

Военныхъ госпиталей: Керчь-Энніколъскаго, глав. лекарь, И. Разумовскій 1 р. управляющій аптекой Провизоръ Акимовъ 1 р. итого 2 р. Сергиевскаго 4 р. Гродненскаго глав. лекарь медицинскіе и фармацевтическіе чиновники 4 р. Динабургскаго 3 р. 50 к.

Окружный медикъ Таманскаго военнаго округа Пятницкій **3 р.**

Итого отъ воинскихъ чиновъ 266 р. 11 $\frac{1}{4}$ к.

ВАЖНАЯ ПОГРЫПНОСТЬ.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Нужно читать.
169.	6.	Августа 28 дня.	Августа 23 дня.

